

А. А. КРЕТОВ

СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

Издательство
Воронежского государственного университета
2009

УДК 811.16'373.6(082)

ББК 81.2

К79

Р е ц е н з е н т ы:

доктор филологических наук *К. Г. Красухин*
(заведующий Сектором общей компаративистики ИЯ РАН),
доктор филологических наук *С. А. Мызников*
(заведующий Словарным отделом ИЛИ РАН)

Кретов А. А. Славянские этимологии : монография /
К79 А. А. Кретов. — Воронеж : Издательство Воронежского
государственного университета, 2009. — 364 с.
ISBN 978-5-9273-1491-1

Книга содержит осмысление методики, методологии и принципов этимологического анализа. Творческий и в силу этого полемический подход позволяет автору выдвинуть ряд нетривиальных этимологических версий русских слов разной этимологической глубины — от восточнославянской до праиндоевропейской.

Для специалистов в области славистики, аспирантов и студентов соответствующих специальностей, а также всех интересующихся происхождением русских слов.

УДК 811.16'373.6(082)

ББК 81.2

© Кретов А. А., 2009

© Оформление, оригинал-макет.

Издательство Воронежского
государственного университета, 2009

ISBN 978-5-9273-1491-1

*Моему Учителю —
Зинаиде Даниловне Поповой
с уважением, благодарностью
и любовью*

Автор

ПРЕДИСЛОВИЕ

В настоящее время значительно возрос интерес к изучению лексического состава русского языка с точки зрения его происхождения и включенности полученных в результате анализа данных (этимологических версий) в новейшую научную парадигму. Исходя из вышесказанного, работа А. А. Кретьова представляется весьма необходимым шагом в деле осмысления методики, методологии и самих принципов этимологического анализа.

Работа базируется на осознании автором крайней важности такого рода исследований, понимании, что научная этимология является национальным достоянием, что это истинное, существенное, содержательное, глубинное знание о национальном языке, сердцевина его духовности, святая святых народа. Это бесценное сокровище нации, о сохранности которого она должна заботиться, как о своем духовном здоровье, — хотя бы из чувства национального самосохранения.

Не вызывают возражений этимологические версии, предлагаемые автором, будь то балтийские и славянские разыскания или настоящее историко-этимологическое исследование финского слова *ogi* 'жеребец'.

Не вызывают возражений выводы, получаемые по ходу исследования, например такие, как подтверждение некоторых фактов, на основе новейших научных достижений в сфере морфемики, морфонологии, словообразования.

Исследование А. А. Кретьова «Славянские этимологии» представляет собой работу, выполненную на высоком научном уровне, с весьма высокой теоретической и практической значимостью. Впервые продемонстрированы возможности этимологической науки на базе комплексного анализа данных с весьма широкой сферой внимания, дающей возможность выдвижения нетривиальных версий и получения значимых результатов.

Выход в свет работы А. А. Кретьова вводит в научный оборот новые интересные этимологические версии, основанные на качественном анализе лингвистических данных.

Доктор филологических наук
С. А. Мызников

I. ПРИНЦИПЫ ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Этимологические связи как национальное достояние

Национальная самобытность — величайшая ценность нации и Человечества. Только та нация может реализовать свой потенциал и внести вклад в сокровищницу Человечества, которая осознала себя, свою самобытность и построила свою жизнь в соответствии со своей спецификой, таким образом, чтобы максимально использовать свои сильные стороны и нивелировать слабые.

Усваивается национальная самобытность подсознательно; состоит она в образе действия, способе обращения с вещами. Огромную роль в подсознательном усвоении структур обращения с вещами и понятиями играет язык. Язык хранит в свернутом виде опыт предков данного этноса, отрефлексированный и законсервированный в лингвистических структурах.

Всё новое в языке и человеческом опыте создается посредством тех интеллектуальных инструментов, которые оязыковлены, предоставлены человеку обществом, в первую очередь через язык. Всё новое творится по аналогии: так, как оно творилось прежде.

Этимология не просто исследует прошлое. Она вооружает носителя языка орудиями решения новых интеллектуальных и жизненных задач.

При этом принципиально важным оказывается различие научной и «народной» этимологии.

Научная этимология обнаруживает действительный путь мысли и ориентирует носителя языка в верном направлении. «Народная» этимология дезориентирует носителя языка, искажая и портя его интеллектуальные орудия.

Вот почему так важно осознать, что научная этимология является национальным достоянием. Это истинное, существенное, содержательное, глубинное знание о национальном языке. Это сердцевина его духовности, святая святых народа. Это бесценное сокровище нации, о сохранности которого она должна заботиться, как о своем духовном здоровье — хотя бы из чувства национального самосохранения.

Важно ли и нужно ли каждому носителю языка знать как можно больше о научной этимологии родного языка? Это всё равно что спросить: а не вредно ли человеку знать как можно больше о себе?

Принципы «познай себя», «знай свой род» так же важны для нации, как и для отдельного человека.

В массовом масштабе этимологическое знание народу несет письменность, орфография. Эту роль орфографии осознал еще М. В. Ломоносов, требовавший, чтобы написание не затемняло следов словопроизводства. Забота о максимальном соответствии орфографии этимологии слов должна стать одной из важнейших забот государства, должна быть осознана им как профилактика национального менталитета и забота о русской духовности. Этимологии должен быть предоставлен самый широкий доступ в среднюю и высшую школу, что уже имело место в эпоху национального возрождения России — с последней четверти XVIII по первую четверть XX в.

А. А. Потебня полагал, что забвение этимологических связей — благо, иначе человек перегрузил бы свой мозг. Это утверждение можно принять только в том смысле, что возможности оперативной памяти человека накладывают ограничения на язык, в том числе и на глубину этимологических связей. Но считать это благом нельзя ни в каком случае.

Здесь уместно упомянуть афоризм еще одного великого лингвиста — Л. В. Щербы, никак не виноватого в том, что усилиями эпигонов его высказывание приобрело смысл и значение, какие в него изначально не вкладывались. «Одно дело, — писал Л. В. Щерба, — как образованы слова в языке, а другое — как можно делать новые слова». Эти слова, констатировавшие наличие в русском языке двух хронологически различных подсистем словообразования (праиндоевропейской и праславянской), были истолкованы как индальген-

ция на противопоставление синхронии диахронии, на противопоставление научной этимологии (которой отведена диахрония) ненаучной «народной» псевдоэтимологии, которую принято именовать «синхронным словообразованием». По существу же своему оно должно именоваться «мотиватикой», ибо занимается не тем, как образованы слова, а тем, как можно «мотивировать» форму и значение одного слова формой и значением другого.

Превратному толкованию афоризма Л. В. Щербы следует со всей решительностью и бескомпромиссностью противопоставить другой афоризм: *«как образованы слова в языке, так можно делать и новые»*, потому что новые слова могут образовываться по тем моделям, которые уже представлены, реализованы в наличных в языке словах. Вся беда отечественного словообразования состоит в том, что синхрония и диахрония в нем понимаются не по Бодуэну (на что сетовал еще Л. В. Щерба), а по Соссюру. Не видеть принципиальной однородности синхронии и диахронии — всё равно, что не видеть связи неподвижности и движения, того, что неподвижность — тоже движение (со скоростью 0 км/ч).

Удивление вызывает тот факт, что так называемое «синхронное словообразование» столь долго существовало (и еще продолжает существовать) в науке вопреки своей очевидной — вопиющей — ненаучности. Ясно, что объяснение этому факту надо искать за пределами науки.

Подход, при котором синхрония объявлялась принципиально отличной от диахронии, оказался как нельзя более созвучным советской эпохе и советской идеологии, для которых история начиналась с 1917 г. А всё, что было до этого, — «диахрония», в которой всё не то и всё не так. Такое оболванивание народа, отсечение его от корней национальной культуры было необходимо для удержания его в идеологической и политической узде. Политический вопрос стоял во главе угла, вопрос национальных интересов был подчинен «интернациональному долгу». Если сейчас времена действительно изменились и если нам наконец-то действительно нужна «Великая Россия», то тем самым отпал последний резон держаться за «народную» этимологию (мотиватику) и отказываться от научной этимологии, которая дает объективную,

неискаженную картину национальной духовности. Более того, отношение к этой проблеме может служить лакмусовой бумажкой для различения тех, кто желает возрождения русской культуры и русского народа, и тех, кто в этом не заинтересован.

Суффиксальный стык: прошлое в настоящем

Научное изучение русской морфонологии, если отсчитывать его от работ И. А. Бодуэна де Куртенэ, продолжается уже второй век. За это время были высказаны мысли¹ и сделаны наблюдения², опираясь на которые можно предложить новое видение известных фактов, в чем, собственно, и состоит цель данной статьи.

Основные положения, принимаемые нами, таковы.

- Морфема состоит из фонем³.
- Фонемный состав морфемы не зависит от позиционных изменений⁴.
- Русская морфонология различает четыре морфонологические позиции: префиксальная (стык «приставка + приставка/корень»), суффиксальная (стык «суффикс + суффикс/корень»), флективная (стык «флексия + суффикс/корень») [Трубецкой 1987:78]. Четвертой, нестыковой морфонологической позицией является корневая (вокализм корня).

Префиксальный стык в фонетическом и морфонологическом отношении подобен стыку слов (внешнее сандхи) и в силу этого в принципе может быть исключен из ведения морфонологии, занимающейся правилами сочетаемости морфем. От-

¹ См.: [Панов 1967; Бернштейн 1962; Аванесов 1956; Трубецкой 1967; Макаев, Кубрякова 1969; Кубрякова, Панкрац 1983; Касевич 1986].

² См.: [Болла и др. 1968; Оливервиус 1970; Булыгина 1975, 1977; Ворт 1975].

³ Ср. у Н. Е. Ильиной: «Если морфы составлены фонемами, то морфемы составлены морфонемами» [Ильина 1980:62].

⁴ Ср. у С. И. Бернштейна: «...морфема 3-ей степени обладает при варьирующем составе фонем 1-ой и 2-ой степени неизменным составом фонем 3-ей степени (неизменным морфонемотическим составом)» [Бернштейн 1962:76].

личительный признак префиксального стыка — допустимость зияния: *на-учить*, *во-образить*, *по-искать* и т.д.⁵ Зияние в русских словах — сигнал границы (конца и/или начала) слов. Единственный процесс, происходивший на префиксальном стыке, это упрощение *б-в* > *б-* (*об-ворот* > *об-орот*, *об-волочка* > *об-олочка*, *об-вида* > *об-ида*, *об-вод* > *об-од*, *об-вонять* > *об-онять* и т.п.).

Флективный стык живет по законам морфологии, одним из которых является закон выравнивания основы. Характерной чертой флективного стыка является допустимость сочетаний *ге*, *ке*, *хе*, *ги*, *ки*, *хи*. Например, в слове *око* чередование *к/к'*||*ч* — вопреки фонетическим законам и позициям — использовано для маркирования форм и значений единственного (*ок_о*, *ок_а*, *ок_у*, *ок_ом*, *ок_е*) или множественного (*оч_и*, *оч_ей*, *оч_ам*, *оч_ами*, *оч_ах*) числа (флективная морфонологическая позиция). Всё, что сказано о семасиологизации и морфологизации чередований на стыке морфем, относится, в первую очередь, к флективному стыку.

Корневая морфонологическая позиция также связана с морфологией и передачей грамматических значений. Например, чередование *о||а* в *под-брос-и-ть* — *под-брас-ыва-ть* связано с грамматическим (морфологическим, аспектуальным) значением длительности и/или многократности действия, а чередование *е||о* в *везу||воз* — с маркированием грамматической оппозиции «глагол — имя».

Во многих отношениях центральной, наиболее интересной и наименее исследованной морфонологической позицией в русском слове представляется **суффиксальный стык**, поэтому рассмотрение проблем русской морфонологии мы начинаем именно с него. Главным в интерпретации суффиксального стыка представляется следующее.

1. На суффиксальном стыке фонемы перестают выполнять смысловозначительную функцию, а следовательно, функционировать как фонемы (так, чередования *к/ч*, *г/ж* не нарушают тождества морфем *рук-* и *ног-* в *рука* — *ручка*, *нога* — *ножка*).

⁵ Ср. наблюдение Н. М. Трубецкого: «Русские предлоги обладают в точности такими же фонологическими признаками, что и префиксы» [Трубецкой 1987:76].

Смыслоразличительную функцию, способную обеспечить как различение неродственных морфем, так и отождествление вариантов одной морфемы, на суффиксальном стыке выполняют фонемы 3-й степени по С. И. Бернштейну.

2. Чередования на суффиксальном стыке принадлежат системе словообразования и никак не связаны с передачей морфологических значений. Попытки лингвистов «морфологизировать» чередования на суффиксальном стыке приводят к приписыванию одному и тому же чередованию стольких разнородных значений, что — будь так в действительности — морфологическая система была бы выведена из состояния коммуникативной пригодности.

3. На суффиксальном стыке наблюдаются не результаты исторических процессов, как принято считать, а продолжается никогда не прекращавшееся в этой позиции действие фонетических процессов V—X вв. н.э. от первой палатализации до падения редуцированных. На суффиксальном стыке морфемы ведут себя так, словно падения редуцированных не произошло. (На флективном стыке продолжают существовать редуцированные фонемы, аналогичные историческим фонемам [ъ] и [ь], на поверхностном уровне проявляющие себя как беглые гласные непереднего и переднего ряда.)

4. Суффиксальный стык является своеобразным «фонетическим заповедником», в котором фонетическое время остановилось перед падением редуцированных. В других позициях фонетическое время пошло дальше, а на суффиксальном стыке оно остановилось. Суффиксальный стык в современном русском языке живет по фонетическим законам V—X вв. н.э. Всё, что произошло на суффиксальном стыке после падения редуцированных, относится уже не к морфонологии, а к фонетике (пусть даже и исторической) русского языка. Поскольку на суффиксальном стыке морфонология и фонология (фонетика) живут в разном времени, они не конфликтуют — они, как правило, просто «не подозревают» о существовании друг друга.

Морфонологические позиции автономны. В этом отношении показателен глагол *послать*: с точки зрения корневой морфонологической позиции морф *-съл-* в *по-съл(а)=ϕ=тъ_#*

содержит гласную морфемему {*ɔ*}: *посол*, тогда как с точки зрения суффиксальной морфонологической позиции морф-*-сл-* ее не содержит, что и делает возможным и обязательным смягчение *с* в *ш* в позиции перед ЛЛ: *пошлют*. Если суффиксальная позиция «замечает» падение редуцированных в корне, поскольку это событие произошло за ее пределами, то корневая позиция этого «не замечает», поскольку редуцированный находится в ее пределах.

5. На суффиксальном стыке законсервирована фонетическая система праславянского языка в том виде, какой она имела перед началом действия законов возрастающей звучности слога и слогового сингармонизма. Это касается как номенклатуры единиц, так и самих фонетических процессов, продолжающих действовать в синхронии с соблюдением относительной хронологии, которая операционально может интерпретироваться как последовательность правил трансформации фонологической транскрипции в орфографическую запись.

6. На суффиксальном стыке действуют закон возрастающей звучности в слоге (частным случаем и следствием которого является закон открытого слога) и закон слогового сингармонизма. Таким образом, все чередования на суффиксальном стыке являются фонетическими и позиционными.

7. Поскольку фонемы суффиксального стыка — это фонемы праславянского языка, существует основной вид фонемы, который определяется по сильной позиции⁶. Производные варианты фонемы закономерно выводятся из основного в соответствии с позицией.

Так, в словоформе *ходом* представлен основной вариант корневой морфемы, в словоформе *хожу* {*ход=и=о_м*} — производный: {*=и*} — суффикс 3-й степени глагольного действия (тот же, что в {*ход=и=ть_#*}), {*=о*} — вариант суффикса не прошедшего времени =*e||o* (того же, что в *читаем, читают, ходим, ходят* {*чит=аj=e_мъ*;

⁶ И. А. Бодуэн де Куртенэ указывал, что «следует всегда принимать основанием то, что менее осложнено, т.е. перешло меньше стадий изменений как комбинационных (аккомодация и аффикция), так и спонтанеических (дегенерация)». К примеру, пары *k||k'* и *k||ç* он предлагал обобщить в *k* [Бодуэн де Куртенэ 1:124].

1. Принципы этимологического исследования

$чит=аj=о_нтѣ$; $ход=и=e_мѣ$; $ход=и=о_нтѣ$ }), а $\{_m\}$ — окончание 1 л., ед. ч. Прежде всего на суффиксальном стыке устраняется зияние: $\{ход=и=о_m\} > \{ход=й=о_m\}$. $\{й\}$ влияет на предшествующий согласный так же, как j : $\{ход=й=о_m\} > \{хож=о_m\}$. По закону открытого слога $\{хож=о_m\}$ монофтонгизируется в $\{хож=а\}$. $[а]$ дает $[y]$: *хожу*. В словоформе *ходим* $\{ход=и=e_мѣ\}$ зияние устраняется слиянием гласных переднего ряда в «долгий» $[u]$: $ход=и=e_мѣ > ход=(и=и)_мѣ$. Отсутствие монофтонгизации $[им] > [e]$ подтверждает реальность фонемы $\{ɔ\}$ в конце словоформы $\{ход=и=e_мѣ\}$: благодаря ей закон открытого слога соблюдается: $\{хо-ди-мѣ\}$. От глагола *ходить* $\{ход=и=тѣ_#\}$ образован глагол *хаживать* $\{ход=и=ыва=тѣ_#\}$, в котором во избежание зияния суффикс $\{и\}$ утрачивает слоговой характер (разнорядность гласных стыка исключает их стяжение): $\{ход=и=ыва=тѣ_#\} > \{ход=й=ыва=тѣ_#\}$. $[дй]$ дает $[ж']$, $[ж'ы]$ по закону слогового сингармонизма трансформируется в $[ж'и]$: $\{хож=ива=тѣ_#\}$. Корневой $[о]$ при суффиксе со значением длительности $=ыва$ закономерно (корневая морфонологическая позиция) удлиняется в $[а]$. Отвердение $[ж'] > [ж]$ придает современный фонетический облик словоформе $[хажыват']$, в которой фон $[ж]$ является бифоном: представляет (на поверхностном уровне) фонемы $\{ɔ\}$ и $\{u\}$. (Ср. с [Бодуэн де Куртенэ 2:277].) В словоформе *хождение* $\{ход=и=en=ий_e\}$ после устранения зияния ($[и] > [й]$) преобразование $\{дй\}$ происходит не по русской, а по старославянской (южнославянской) модели: $\{дй\} > \{жд\}$.

С позиций системной лингвистики в наличии в современном русском языке живого фрагмента праславянской эпохи нет ничего удивительного, поскольку ранее в микроконтексте сложного русского слова уже был открыт другой «затерянный мир»: «микроконтекст сложного слова обеспечивает сохранение таких локальных условий в системе современного русского языка, в которых возможно использование словосочетаний, типичных для общеславянского и древнерусского языков, когда широко употребительными были формы, еще не дифференцированные деривационными аффиксами на современные именные части речи, но способные выполнять функции различных частей речи благодаря уже сложившейся технике оформления имен соответствующими словоизменительными аффиксами. <...> ... в именной системе современного русского языка существуют не только вполне определенные именные части речи, исторически восходящие к праименам и панонимам, но вместе с потомками в ней продолжают жить и «предки», причем не где-нибудь на периферии

русской лексики, а в одной из областей наиболее продуктивного современного словообразования — в системе сложных слов» [Ченнаккадан 1991:20—21].

Случаи «выпадения» из времени или «запоздания» в нем нередки не только в языке, но и в развитии природы и общества (вспомним пушкинское: «Отец её был добрый малый, В прошедшем веке запоздалый»). Достаточно указать на Галапагосские острова или Австралию с их реликтовым животным миром. В области культуры «выпадение» из времени особенно хорошо иллюстрировать историей костюма. Одежда музыкантов симфонического оркестра или мастеров верховой езды является такого рода примером. В свое время это были обычные мужские костюмы для официальных встреч или верховых прогулок. Теперь же мода во всех остальных случаях жизни изменилась, а в этих областях продолжает оставаться неизменной. То же, по сути, происходит с традиционной крестьянской одеждой, которая выступает в функции национальной одежды и носится лишь в особых (праздничных) случаях. При этом важно отметить, что происходит сужение сферы функционирования без перерыва постепенности: фраки, верховую одежду и традиционный крестьянский костюм никогда не переставали носить, но сфера функционирования этой одежды всё сужалась. И в итоге сужение сферы функционирования привело к изменению знакового характера функционирующего объекта.

Так же и с фонетическими процессами на суффиксальном шве: они, начавшись в V в. н.э., никогда не переставали функционировать. П. С. Кузнецов отмечал: «...возможны и такие фонетические законы, которые действуют на протяжении длительного времени и не подвергаются никаким изъятиям, никаким нарушениям аналогического характера. <...> Любое новое слово, попавшее в язык, подвергается соответствующим изменениям. Могли являться таким законом, действующим в сербском языке на протяжении многих веков, и соответствующие изменения согласных в сочетании с j» [Кузнецов 1954:63]. Данное наблюдение исследователя относится не только к сербскому языку, но и к русскому: «Если же взять словообразование, как именное, так и глагольное, то там чередование согласных, возникшее на основе первой палата-

лизации и сочетания согласных с *j*, в большинстве говоров держится» [Кузнецов 1954:66]. О том, что на суффиксальном стыке морфем в славянских языках действуют правила первой и второй палатализации, писал еще Бодуэн: «... в польском, как и в других славянских языках, определенные классы деноминативных глаголов еще и в настоящее время [выделено мной. — А.К.] образуются продуктивно — путем добавления суффикса *i* к первичной основе, конечный согласный которой должен иметь вид звука, исторически развившегося путем спонтанного перерождения согласного, испытавшего первую славянскую палатализацию (это касается, по крайней мере, заднеязычных *k*, *g*, *ch*)...» [Бодуэн де Куртенэ 1:301]. В то же время надо сказать, что фонетические законы в «заповеднике исторической фонетики» (на суффиксальном стыке) действуют весьма своеобразно. И время в этом заповеднике остановилось тоже весьма необычным способом: не застыло, а замкнулось, обособилось. Историки языка отмечают, что для того, чтобы могла начаться вторая палатализация, первая палатализация должна была прекратить свое действие. Таким образом, в истории языка последовательность фонетических процессов строго фиксирована и не могла наблюдаться одновременно.

Мы же говорим о сохранении на суффиксальном стыке действия фонетических процессов, протекавших на протяжении V—X вв. н.э. Как это может быть? Интересно, что на суффиксальном стыке строго сохраняется историческая последовательность фонетических процессов. Изменение по второй и третьей палатализации не может произойти раньше изменения по первой палатализации. Это явление можно показать на примере словообразовательной пары *купец* > *купеческий*. Этимологическая транскрипция этой пары такова: {*куп*=*ьк_ь* > *куп*=*ьк*=*ьск_ий*}. Если принять за хронологическую последовательность шаги словообразования, получится, будто сначала произошла третья палатализация в слове *купец*, а потом — первая палатализация в слове *купеческий*. Но в том-то и дело, что шаги деривации тут ни при чём.

Всё становится на свои места, если признать, что слова составляются из морфем, а затем морфемы претерпевают позиционные фонетические изменения в соответствии с истори-

ческой хронологией и наличием условий для тех или иных фонетических процессов.

Например, есть в основе *куп=ьк_* условия для третьей палатализации — она происходит. В комбинации же морфем *куп=ьк=ьск_* есть условия как для третьей, так и для первой палатализации. Естественно, вначале происходит первая, и условия для третьей палатализации исчезают. В отношениях же словообразовательной производности находятся основы {*куп=ьк_* > *куп=ьк=ьск_*}.

Русская словообразовательная система ведет себя так, как если бы она сразу (уже и в V в. н.э.) существовала в полном объеме (была развернута на максимальную глубину), а по ней, как по канве, вышивались узоры фонетических процессов. Только с V по X в. эти узоры вышивались по всей канве, а после X—XII вв. (после падения редуцированных) — только на суффиксальном стыке.

Поскольку фонема является языковой реальностью (другое дело, что эта реальность не лежит на поверхности) и на суффиксальном стыке историческая последовательность (относительная хронология процессов) соблюдается неукоснительно, этот факт может быть использован для уточнения наших представлений об относительной хронологии фонетических (или, как сказал бы Бодуэн, палеофонетических) процессов. Таким образом, задав исходный (исконный) вид морфемы и зная правила фонетических преобразований на суффиксальном стыке (законы исторической фонетики в их относительной хронологии), мы можем выводить современный фонетический и затем — графический облик производных слов. Тем самым в фонологии мы переходим с уровня описания и констатации на уровень объяснения и интерпретации. Мы получаем возможность искать причины отклонения реальных форм от ожидаемых, не ограничиваясь смиренной констатацией их неожиданности, необъяснимости, аномальности.

В качестве примеров можно привести мнимые чередования *т||ч* в словах *студент*, но *студенческий*, *студенчество* [Кретов 1997] (см. следующий раздел), сохранение полногласия в формах прошедшего времени у *колоть* {*кол=∅=ть*} — *колю* {*кол=ʝ∅=о_м*} — *колол* {*кол=∅=л_ь*} при утрате его в формах *тереть* {*тьр=∅=ть*} — *тру* {*тьр=∅=о_м*} — *тер* {*тьр=∅=л_ь*}.

Констатировав особый статус суффиксального стыка, мы пока что не дали ответа на вопрос, почему и для чего это произошло.

Общепринятое мнение состоит в том, что если в тюркских языках цементом, сцепляющим морфемы в слово, является вокалический сингармонизм, то в славянских языках эту функцию выполняет ударение и — отчасти — явления *ан-* и *ауслута* (Бодуэн де Куртенэ, Е. Д. Поливанов).

Это мнение должно быть дополнено учетом роли слогового сингармонизма морфемных стыков (ср. у Г. П. Мельникова [1966:278]).

Мы принимаем высказанную Е. Л. Гинзбургом в частной беседе и в очень осторожной форме мысль, что с морфонологической точки зрения русское слово начинается с корня, а приставки еще не являются морфонологически освоенными частями слова.

Рассмотрим максимальную формулу русского слова в том виде, в каком ее установила А. И. Кузнецова [1988:11].

ПЗ-П2-П1- К=C1=C2=C3=C4=C5=C6 _Ф.

Как видим, суффиксальный стык противопоставлен, с одной стороны, префиксальному как внутреннее пространство слова его внешней границе, а с другой стороны, флективно-му как сфера действия словообразования сфере действия морфологии. Таким образом, суффиксальный стык (и действующие на нем фонетические законы) является тем «цементом», который объединяет морфемы в основу, обеспечивает ее целостность и маркирует ее границы.

Так мы получаем ответ, зачем понадобилось «останавливать фонетическое время» на суффиксальном стыке. Как известно, в индоевропейском языке-основе морфемы были фонетически автономны, вели себя подобно самостоятельным словам и были фактически равны слогу. (Типологически сходную ситуацию можно наблюдать в китайском и других китайско-тибетских языках.) Впоследствии понадобилось как-то обозначить границы слова, и таким средством явился сдвиг границ слога и морфемы относительно друг друга.

На суффиксальном стыке действуют законы возрастающей звучности слога и закон слогового сингармонизма, предпола-

гающий взаимное уподобление гласных и согласных по тембру (дизности — недизности). Естественно, отвердения согласных на суффиксальном стыке с морфонологической точки зрения не произошло — так же, как и падения редуцированных — на флективном.

Если в тюркских языках фонетический определитель сингармонической серии стоит в начале слова и каждая новая морфема напоминает о нем и его характере, то в русском слове определителем является последующий элемент (гласный), а предшествующий (согласный), испытывая его влияние, предсказывает дизный или недизный характер последующего гласного.

Это свойство русского языка связано с его детерминантой в трактовке системной лингвистики [Мельников 1971; 1989] и выводится в конечном итоге из таких особенностей и потребностей русского языкового коллектива, как его однородность, многочисленность, оседлость и распространенность на обширной территории. При оседлом земледельческом образе жизни на обширной территории требуется передавать информацию, важную для всего коллектива, из уст в уста, пересказывая ее многократно. Чтобы защитить информацию от искажения (эффект «испорченного телефона»), необходимо ее многократно продублировать. «Предсказательное» устройство слогового сингармонизма, основанное на регрессивной ассимиляции (уподоблении предшествующего согласного по тембру последующему гласному), является одним из эффективных защитных механизмов такого рода. (Не исключено, что последующее устранение последствий третьей палатализации связано именно с ее прогрессивным, «непредсказательным», характером, находившимся в противоречии с детерминантой русского языка.)

Осознание принципиального отличия суффиксального стыка, маркирующего целостность основы, от флективного стыка, маркирующего ее конец, позволяет по-новому взглянуть на соотношение фонологии и морфонологии, морфологии и словообразования в современном русском языке. Осознание того, что на суффиксальном стыке мы имеем дело не с историческими, а с современными фонетическими процессами, заставляет по-новому взглянуть и на преподавание русского

языка, увидеть безусловную необходимость исторических дисциплин для понимания современного русского языка и всю условность выделения их в самостоятельные курсы. В методологическом плане предлагаемый взгляд поучителен и — хотелось бы думать — продуктивен, поскольку на конкретном языковом материале позволяет увидеть, что «прошлое не исчезает — прошлое пребывает» в настоящем. Различение фонологического и морфонологического уровней позволяет углубить наше научное зрение, увидеть скрытые за внешней пестротой строгость и стройность русского языка.

Студенческий этюд

Если спросить любого носителя русского языка, от какого слова образовано прилагательное *студенческий*, он, не задумываясь, скажет: от слова *студент*. Заглянув в «Словообразовательный словарь русского языка» А. Н. Тихонова (М.: Рус. яз., 1985. Т. 2. С. 188), он вроде бы обнаружит подтверждение своей правоты: действительно, *студент* — производящее, *студенческий* — производное. Правда, там же есть и другое прилагательное — *студентский*, о существовании которого многие не подозревают. Это открытие может удивить и заставить задуматься. Действительно, *доцент* — *доцентский*, *ассистент* — *ассистентский*, *интеллигент* — *интеллигентский*, *диссидент* — *диссидентский*, *президент* — *президентский*, *корреспондент* — *корреспондентский*, так почему бы и не *студент* — *студентский*?

В Словаре Даля находим прилагательное *студентский* и речение *Студентские записки*. «Словарь современного русского литературного языка» в 17 томах (М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. Т. 14. С. 1098) дает богатый материал по этому ныне устаревшему, а в XIX в. весьма употребительному слову: «*Теперь, как прежде своенравно, Я жизнь студентскую веду*. Языков, Н. Д. Киселеву. *В прежних студентских кружках бранились громко, спорили запальчиво*. Герцен, Былое и думы, V. Русск. тени. *Смешно было в его года надеть студентский мундир; но он не боялся насмешек*. Тург. Дворянское гнездо, 12». В ходу было и наречие *по-студентски*: «*Посылаю вам последнее*

стихотворение мое. Скажите мне ваше мнение по-гусарски или по-студентски. Давыдов, Письмо А. М. и Н. М. Языковым, 6 июня 1834. *Хозяин из любопытства сделал мне экзамен, и я прочел ему две, три пьесы, декламируя напропалую, по-студентски.* С. Аксак., Воспом. о Д. Б. Мертваго». Первая словарная фиксация слова *студентский* относится к 1802 г. (Гейм И. Новый российско-французско-немецкий словарь. Ч. III, Р—V. М., 1802) и отражает речевую практику XVIII века.

Обратившись к «Историко-этимологическому словарю современного русского языка» П. Я. Черных (М.: Рус. яз., 1993. Т. 2. С. 213), мы узнаем, что во всех славянских языках прилагательное от слова *студент* образовано с помощью суффикса *-sk(i)* (в словацком *-ovsk(i)*; ср. зафиксированное еще в 1660 г. русское прилагательное *студентовый* в сочетании *студентовых вестей* (речь идет о польских студентах). Там же употреблено и слово *студент*.

На фоне прилагательных, образованных в русском и других славянских языках от иностранных слов на *-ент*, открывается неожиданное: правильным и закономерным (с точки зрения русского и славянского словообразования) оказывается странное и непривычное для нас прилагательное *студентский*. И наоборот, столь привычное нам и «нормальное» прилагательное *студенческий* оказывается изолированным в словообразовательной системе, загадочным и необъяснимым. Эта необычность прилагательного *студенческий* не прошла мимо внимания лингвистов: В. Г. Чурганова назвала «замену t на с'» в паре *студенТ* — *студенЧеский* «необычной» (Чурганова В. Г. Очерк русской морфонологии. М.: Наука, 1973. С. 143). Иными словами, в свете известных науке фонетических и морфонологических закономерностей прилагательное *студенческий* не могло образоваться от существительного *студент*.

Перед нами странное противоречие: с одной стороны, слово *студенческий* не могло образоваться от слова *студент*, а с другой — оно-таки образовалось, и кроме как от слова *студент* ему вроде бы не от чего и образоваться. Это последнее допущение нам и следует проверить. Попробуем найти слово, от которого в словообразовательной системе могло бы образоваться слово *студент*. Для этого рассмотрим прилагательное

студенческий на фоне других слов на *-енческий* и словообразовательных цепей, ведущих к их образованию.

ЗНАЧЕНИЕ			
действие	признак	‘тот, кто ...’	‘свойственный тому, кто обозначен производящим’
<i>переродить</i>	<i>перерожден</i>	<i>перерожденец</i>	<i>перерожденческий</i>
<i>приспособить</i>	<i>приспособлен</i>	<i>приспособленец</i>	<i>приспособленческий</i>
<i>просветить</i>	<i>просвещен</i>	<i>просвещенец</i>	<i>просвещенческий</i>
<i>переселить</i>	<i>переселен</i>	<i>переселенец</i>	<i>переселенческий</i>
<i>лишить</i>	<i>лишен</i>	<i>лишенец</i>	<i>лишенческий</i>
	ст.-сл. <i>младънь</i>	<i>младенец</i>	<i>младенческий</i>

Подставив в этот ряд слово *студенческий*, получим: *студить* > *студен* > *студенец* > *студенческий*. Таким образом, с формальной точки зрения слово *студенческий* могло быть образовано только от слова *студенец*. Действительно, в Словаре Даля имеется такое слово, а в «Словаре современного русского литературного языка» в 17 томах (с. 1096) оно дано с пометами «устарелое» и «областное» в значении ‘ключ, родник’: *Нет ни рек, ни озер, ни источников, ни кладезей, ни студенцов*. Загоскин. Брынский лес, II, 4. Ясно, что от слова с таким значением при всем формальном благополучии не могло образоваться прилагательное со значением ‘свойственный студенту = студенту’. Приведенный выше ряд позволяет реконструировать омоним к слову *студенец* ‘студеный ключ’, а именно — **студенец* ‘студент’. Пропорция *младънь* : *младенец* ‘тот, кто младен’, *студен* : *студенец* позволяет восстановить другое значение слова **студенец* ‘тот, кто студен’. Это значение и является народноэтимологической внутренней формой заимствованного и потому непонятого слова *студент*, случайно оказавшегося похожим на краткое прилагательное *студен*, значение которого было вполне понятно. Непонятно было, почему признаковое слово (*студен*) употребляется в значении существительного. Это и было исправлено оформлением осно-

вы субстантивным суффиксом *-ец*. Так получился **студенец* ‘студент = тот, кто студен’. Вот от этого-то **студенца* и образовались прилагательное *студенческий* и собирательное существительное *студенчество*.

Как свидетельствует БАС-1, в XIX столетии Герценом, Боборькиным и Л. Толстым употреблялось и производное от слова *студент* — *студентство*: *Самый уродливый период немецкого студентства во сто раз лучше мещанского совершеннолетия молодежи во Франции и Англии*. Герцен, Былое и думы, I, 7. *Знакомых студентов у Пирожкова не было. Да и отстал он от студентства*. Бобор., Китай-город, V, 23. Ты имеешь цель честную — спасти ее, — ну, да. Ну, что ж тебе в средствах! Ведь это мальчишество, **студентство**. Л. Толст. Зараж. семейство II, 2 [БАС-1 14:1098].

Хотя слово **студенец* ‘студент’ и не зафиксировано в текстах, оно зафиксировано в не менее надежном и объективном источнике — в системе русского языка, из которой мы его только что и извлекли. Зафиксировано оно не только в производных *студенческий* и *студенчество*, но и в параллельном производном от него прилагательном *студенцовый* ‘ко студенту относящийся’, отмеченном в Словаре Даля. Притяжательный суффикс *-ов* с полной определенностью свидетельствует о том, что производящее *студенец* имело значение лица.

На то, что слово *студенец* имело значение ‘студент’, косвенно указывает и то, что от его омонима *студенец* в значении ‘студеный ключ, колодец, копань; посудина с холодной водою в бане’ [Даль] прилагательное образовывалось иным суффиксом — *студенеч-Н(ый)* ‘ко студенту относящийся’.

В укреплении слова *студенец* (*студенец-а*, *студенец-у*) в значении ‘студент’ могли сыграть роль и производные от слова *студент* — *студентский* и *студентство*, произносившиеся как *студенцкий*, *студенцтво* и облегчавшие тем самым отвлечение основы *студенец-*. Не удивительно, что слова *студентский* (1802 г.), *студентство* (1850-е гг.) вошли в употребление раньше, чем *студенческий* (1830-е гг.) и *студенчество* (1860—1870-е гг.), вытеснившие впоследствии своих предшественников.

Таким образом, выясняется, что у слова *студент* был народноэтимологический двойник — слово *студенец* с тем же значением. От обоих слов образовывались параллельные производные: *студентовый* и *студенцовый*, *студентский* и *студенческий*, *студентство* и *студенчество*. Примечательно, что в словоупотреблении Н. М. Языкова в 1830—1840-е гг. и И. С. Тургенева в 1850—1860-е гг. наблюдается конкуренция между двумя рядами производных, употребляется то прилагательное *студентский*, то прилагательное *студенческий*. В итоге в речевой практике закрепились непроизводное *студент* и производные от слова *студенец* — *студенческий* и *студенчество*. Вот почему опрометчиво, не задумываясь, утверждать, что прилагательное *студенческий* образовано от слова *студент*. Задумываться всё-таки надо.

Научная и народная этимология

Статья «Студенческий этюд» [Кретов 1997:108—111] о происхождении русского прилагательного *студенческий* вызвала интерес Р. Мароевича, отзывавшегося на нее двумя публикациями: «Еще раз о прилагательном *студенческий*» [Мароевич 1998:119—120] и «Словообразовательный этюд (*студенческий* — *садоводческий*, *студенческий* — *ребяческий*)» [Мароевич 1999:103—106]. Хотя на сегодня прилагательному *студенческий* посвящено уже два лингвистических «этюда», именно благодаря второму стало ясно, что точку в решении вопроса о происхождении этого слова ставить рано. Тем более что в обоих этюдах больше единодушия, чем разногласий, вопреки пафосу публикаций Р. Мароевича, способному вызвать противоположное впечатление — особенно при беглом чтении. Кроме того, попутно оказались затронуты вопросы, представляющие общелингвистический интерес.

Суть моей этимологии сводится к следующему.

1. Прилагательное *студенческий* образовано по той же словообразовательной модели, что и *перерожденческий*, *просвещенческий*, *переселенческий*, *лишенческий*, *младенческий*.

2. Данная модель предполагает образование прилагательного на *-ский* от существительного на *-ец* (*просвещенец*, *младенец*,

студенец), в свою очередь, образованного от краткого причастия (на *-ен*: *просвещён*, *студён*) или краткого прилагательного (на *-ьн*: ст.-сл. *младьнь*, *студный*).

3. Прилагательное *студенческий* образовано от основы *студенц-*, отвлеченной от слов *студентский* и *студентство* (произносившихся как *студенцкий*, *студенцтво*) и народноэтимологически осмысленной как содержащая суффикс *-ьц-*.

Охарактеризовав нашу этимологию как любопытную, Р. Мароевич высказал ряд соображений, «снижающих», по его мнению, достоверность наших построений. К ним, в частности, относится незасвидетельствованность слова **студЕнец* ‘студент’ и мотивирующего *студЕн*. Такое утверждение, видимо, предполагает, что отвлекаемые основы должны непременно употребляться в речи и лишь затем выступать в качестве производящих — в языке. Мы же исходим из того, что словообразовательная система является частью языка — чистой и гигантской потенции, никогда не реализуемой обществом полностью. Из этого следует, что единица словообразовательной системы может обладать языковым существованием, не будучи представлена в речи⁷. Представленность в речи — непременный атрибут непроеводных единиц лексико-семантической, а не словообразовательной системы. Перенесение же понятий одной системы на другую И. А. Бодуэн де Куртенэ считал научно некорректным еще в 1870-е годы. В настоящее время это элементарное требование системного анализа никем, быть может, за исключением Р. Мароевича, не оспаривается. Что же касается представленности основы *студенц-* в системе русского языка, то об этом свидетельствует следующая таблица:

<i>переродить</i>	<i>перерождён</i>	<i>перерожденец</i>	<i>перерожденческий</i>
<i>просветить</i>	<i>просвещён</i>	<i>просвещенец</i>	<i>просвещенческий</i>
<i>переселить</i>	<i>переселён</i>	<i>переселенец</i>	<i>переселенческий</i>
<i>лишить</i>	<i>лишён</i>	<i>лишенец</i>	<i>лишенческий</i>
	ст.-сл. <i>младьнь</i>	<i>младенец</i>	<i>младенческий</i>
<i>студить</i>	<i>студён</i>	<i>*студенец</i>	<i>студенческий</i>

⁷ О различии речевого и языкового существования лингвистических единиц см.: [Кретов 1994:169—180].

Утверждение о том, что существительные на *-н* не образовывали уменьшительно-ласкательных форм на *-ец*, поскольку обслуживали онимы, а также пример: *атаманец* «казак Атаманского полка» бьют мимо цели. Во-первых, *атаманец* образован не от *атаман*, а от *атаманский* (с усечением суффикса *ск-*)⁸, как это и происходит в этнонимах, топонимах и прочих «онимах». Ср. *преображенец* — «солдат или офицер Преображенского полка»; *измайловец* — «солдат или офицер Измайловского полка»; *ингерманландец* — «солдат или офицер Ингерманландского полка». Во-вторых, модель указывает как на производящее не на существительное, а на краткое причастие на *-ен-* или прилагательное на *-ьн-*, причем именно в той форме (*студён*), которая нисколько не мешает образованию производного на *-Енец*. Тем самым обесмысливается и ссылка на то, что «переход *e* в *o* происходил до заимствования русским языком существительного *студент* и образования уже в русском языке прилагательного *студенческий*». (Кстати, этот переход можно «невооруженным глазом» наблюдать в современной речевой практике, которая вопреки настойчивым рекомендациям литературной нормы превращает *аферу* в *афёру*.) В-третьих, суффикс *-ец* в словах *лишЕнец*, *младЕнец*, *студЕнец* не является уменьшительно-ласкательным.

Кроме того, на существование основы *студенц-* в значении 'студент' указывает притяжательное прилагательное *студенцовый* «ко студенту относящийся», зафиксированное в Словаре Даля. Это свидетельство Р. Мароевич оспаривает, ссылаясь на второе издание Словаря Даля, в котором слово *студенцовый* приводится в статье *студа* наряду со словами *студенечный*, *студеничный* и семантизируется как «ко студенцу (т.е. роднику, колодцу) относящийся». Но если обратиться к третьему («Бодуэновскому») изданию Словаря Даля, картина будет иной: «**студенЕ(И)чный**, ко студенцу относящийся» оставлен словарной статье [СтудЕль] 'стужа, холод', а прилагательное **студенцовый** поставлено в виде самостоятельной ста-

⁸ «Хороним дает жизнь отгопонимическому прилагательному, а оно становится словообразовательной базой для этнонима ср.: *Лаос* — *лаосский* — *лаосцы*» [Ковалев 1982:143]; «этноним формируется через ступень отхоронимического прилагательного» [Ковалев 1991:86].

тьи (вслед за статьей **Студент**) и имеет дефиницию ‘ко студенту относящийся’ [Даль IV:596]. Можно было бы предположить тут опечатку, но в списке исправлений, приложенном к последнему тому словаря, указание на такую опечатку отсутствует [Даль IV:617]. Кроме того, перенесение слова из середины статьи на заглавное место в словарной статье свидетельствует о совершенно сознательной редакторской работе. Научная добросовестность И. А. Бодуэна де Куртенэ общеизвестна и никогда никем не ставилась под сомнение. Более того, именно этим изданием как наиболее авторитетным (исправленным и дополненным) пользуются составители «Этимологического словаря славянских языков» [ЭССЯ 1:17].

Таким образом, есть основания полагать, что Бодуэн как участник речевого процесса, почти всю вторую половину XIX века врашавшийся в вузовской среде, совершенно сознательно поправил В. И. Даля. Языковое существование производящей основы *студен-* подтверждено также и ее производным *студенИк* пск. ‘збякий человек’, другое значение — ‘кто студит комнату, отворяя дверь в холодную пору’ пск. твр Опд. [ЭССЯ 1:17].

Р. Мароевич безапелляционно утверждает, что «нет других примеров народной этимологии, которые могли бы подтвердить факт восприятия заимствованных существительных на *-ент* в форме без *-т* с последующей словообразовательной адаптацией с помощью суффикса *-ец*», и в этом видит еще одну слабость нашей этимологии. В данном случае уместно указать на нетождественность «неподтвержденности факта» факту неподтверженности. В другом месте Р. Мароевич говорит уже о существительных не на *-ент*, а на *-нт* [Мароевич 1999:105]. Если продолжить эту тенденцию, то надо говорить о существительных на *-т*, что будет абсолютно верно, поскольку релевантной с точки зрения словообразования является именно финаль производящей основы.

Пример такого преобразования имеется: «...славяне стали называть западных немцев первоначально кельтским именем *Nemeti* и истолковали его как “немой — немец”» [Брим 1923, 1:10]. Эту этимологию поддерживали такие лингвисты, как П. И. Шафарик, И. Миккола, А. А. Шахматов и др. «Они возводили славянское *нѣмьць* к кельтскому названию герман-

ского племени *Nemetes*, отмеченному римскими авторами Тацитом и Цезарем» [Ковалев 1982:48].

Этимология *немец* от *немой* является народной этимологией, как это убедительно показал Г. Ф. Ковалев в своих публикациях, обобщив весь опыт этимологизирования данного слова в мировой науке [Ковалев 1977; 1982; 1991]. До сих пор сторонники «первичной немоты» германцев не ответили на вопросы, поставленные Г. Ф. Ковалевым: а) если германцев в древности называли (только славяне!) «немыми», то почему «немыми» славяне не называли вообще всех неславян, к примеру, римлян и греков, соседних тюрков, угров и балтов?; б) если «немцами («неговорящими») называли славяне вообще чужестранцев из Западной Европы, то почему все славяне одинаково точно называют немцами один и тот же народ (а точнее, единственный из всех германских народов), и это несмотря на значительные различия в локализации славянских народов по отношению к германским народам?» [Ковалев 1991:61—62]; в) как совместить этимологию *нѣмь* > *нѣмь-ьць* с наблюдением О. Н. Трубочева, что древнейшая славянская этнонимия не оформлялась суффиксом *-ьци* [Трубочев 1974:59]?; г) как можно игнорировать свидетельства самого языка, в соответствии с которыми этнонимы на *-ьц* и адъективны на *-ский* имеют общую основу: *голландец* — *голландский*, *исландец* — *исландский*, *норвежец* — *норвежский*, *швейцарец* — *швейцарский*, *итальянец* — *итальянский*, но *немец* — *немецкий* (*нем-ец-ский*??, вместо ожидаемого **нем-ский*), притом что среди древнейших славянских этнонимов НЕТ слов на *-ьц-ьск_ий*⁹? Видеть этимологический *-ец* в слове *немецкий* имеется не больше оснований, чем в словах *турецкий*, *грецкий* (орех), *ненецкий* (от *ненць* «человек»), *энецкий* (от *энэтен* «люди»).

Как видим, есть серьезные основания сомневаться в правомерности отклонения [ЭССЯ 25:104] «кельтской» этимологии слова *немцы*, принятие которой помогло бы не только снять поставленные выше вопросы, но и примирить обе этимологии, поскольку народноэтимологическое сближение *немотов* с корнем *нем-* (*немой*, *немота*) первой «кельтской» эти-

⁹ Исключение *полов-ец-кий* < *полов-ьц* лишь указывает на существование правила.

мологией не отрицается; напротив, только омонимией с исконно славянским корнем и можно объяснить то единообразие, с которым все славянские языки именуют немцев [Ковалев 1991:65].

В таком случае мы имеем дело с совершенно аналогичным случаем: *немет* > *немет-ьск(ий)* > *немецк(ий)* >> *нем-ец-ьск(ий)* [символ >> обозначает переразложение на народноэтимологической основе]. Ср. *студент_њ* > *студент=ьск_ий* > *студенц_ий* >> *студен=ьц=ьски_ий*. То же народноэтимологическое вычленение суффикса *-ец-* имеет место в словах *турецкий*¹⁰, *ненецкий*, *энецкий*.

Рассмотрев возражения, выдвинутые Р. Мароевичем против нашей этимологии прилагательного *студенческий*, обратимся к анализу того, что он предлагает взамен.

По Р. Мароевичу, прилагательное *студенческий* образовано от слова *студент* «с помощью сложного суффикса *-ческ-* (по аналогии с прилагательным типа *садоводческий*) с упрощением группы согласных (**студентческий* > *студенческий*) или с помощью также сложного суффикса **-јеск-* (по аналогии с прилагательным *ребяческий*)» [Мароевич 1999:105]. Для тех читателей, которым трудно понять, как одно слово от другого может быть одновременно образовано двумя разными суффиксами, дается пояснение: «Два вышеприведенных толкования не противоречат друг другу. Продуктивность суффикса *-ческ-* способствовала его «прорыву» в круг субстантивов на *-нт-*; аналогия с прилагательным *ребяческий* объясняет исключительность и изолированность производного *студенческий*» [Мароевич 1999:106]. Очевидно, что для принятия версии Р. Мароевича необходимо отказаться от закона исключенного третьего, лежащего в основе логического мышления. Если все же (даже рискуя огорчить коллегу) не отказываться от оправдавшего себя на протяжении последних тысячелетий способа мышления, следует признать, что из двух предложенных им вариантов верным может быть лишь один.

Наибольшие сомнения вызывает «суффикс» *-јеск-*, предполагающий существование притяжательного прилагательного

¹⁰ Через польское посредство.

**студенчий*. Между тем в текстах и словарях зафиксированы лишь *студентовый* и *студенцовый*. Ср. гипотетические притяжательные *доцентов*, *аспирантов* при очевидной невозможности **доценчий*, **аспиранчий* и абсолютной несомненности *доцентский*, *аспирантский*. Если «суффикс» *-jesk-* требованиям правдоподобия не отвечает, то, следовательно, слово *студент* образовано «суффиксом» *-ческ-*? Принять этот вариант нам мешает ... сам Р. Мароевич, объясняющий, что «сложный суффикс *-ческ-*» состоит из сочетания суффиксов *-ец-* и *-еск-* «книжного варианта суффикса *-ск-* < *-ьskъ* (возникшего в церковнославянском языке русского извода в результате искусственной вокализации редуцированного в слабой позиции» по типу *купец* — *купеческий*, *полководец* — *полководческий* [Мароевич 1999:105]. «Но и это объяснение, формально безупречное, — пишет Р. Мароевич, — надо отклонить, поскольку существительные на *-нт-* в русском языке не образовывали уменьшительно-ласкательных форм с суффиксом *-ец*. С данной морфологической базой и в данном значении засвидетельствован суффикс *-ик*. В обратном словаре русского языка среди одушевленных существительных приводится только *франтик* (от *франт*), но потенциальными уменьшительными формами могут быть и другие, в том числе и *студентик*»¹¹.

Таким образом, Р. Мароевич весьма убедительно опровергает предложенную им же самим этимологию. По существу, он повторяет нашу этимологию, совершенно справедливо видя в «суффиксе» *-ческ-* сочетание суффиксов *-ец-еск-* {*ьк=ьск_*}. К сожалению, радость от обнаруженного взаимопонимания омрачается осознанием тупиковости ситуации.

В поисках выхода обратимся к свидетельству Ю. С. Сорокина: «*Студенчество*. Словари XIX в. не дают этого слова. В материалах Кеппена отмечается его употребление (в значении «состояние студента, *студенческие* годы») в прес-

¹¹ В данном случае Р. Мароевич не совсем точен: обратным словарем русского языка он называет «Грамматический словарь русского языка» А. А. Зализняка. В настоящем же «Обратном словаре русского языка» (М., 1974) на с. 420 он бы обнаружил не только *франтика*, но и *студентика*, а также *фабрикантика*, *музыкантика*, *арестантика*, *адъютантика*, *интеллигентика*. Эти же слова представлены и в «Словаре современного русского литературного языка» в 17 томах (М.: Л., 1950—1965).

се 40-х гг. Ср. «Во времена *студенчества*» (СПб. вед., 1849, № 29, с. 116). В этом значении становится широко распространенным в литературном употреблении с середины века. Употребление в собирательном смысле относится к более позднему времени. Отметим, между прочим, что форма прил. *студенческий* становится широко употребительной лишь во второй половине века. Еще в 60-е гг. обычно другое образование: *студентский*. Ср. «Переписчики могут употребить свой труд гораздо производительнее, переписывая, например, хоть *студентские* лекции» (Добр., III, с. 376); «По поводу *студентских* избиений» (Герц., XV, с. 195) и т.п.» [Сорокин 1965:224].

Получается совсем алогично: производное слово *студенчество* стало «широко распространенным» раньше, чем его производящее *студенческий*.

Единственным правдоподобным объяснением является именно допущение народноэтимологического переосмысления слов *студенцкий* и *студенцтво*¹² как содержащих суффикс *-ьц-* {=ьк}. Именно в этих словах могло произойти переразложение, именно эти формы являются позицией нейтрализации для слов, содержащих и не содержащих суффикс *-ьц-*. Но как только это переразложение произошло, формы на *-цкий*, *-цтво* оказались в поле действия оппозиции собственно русское, народное, низкое || церковнославянское, высокое. Той самой оппозиции, один из членов которой охарактеризовал Р. Мароевич, говоря о прилагательном *купеческий*, которому противостоял сниженный вариант *купецкий*. Ср. также *отецкий* («Шарики детские — деньги *отецкие*». И. Ф. Анненский) — сниженное, народное и *отеческий* — возвышенное, церковнославянское. Аналогично *грецкий* vs. *греческий*. Очевидно, что высокий социальный статус студенчества (de facto и de jure тождественный дворянскому) не мог не прийти в противоречие с восприятием слов *студенцкий* и *студенцтво* как стилистически сниженных. В результате социостилистического выравнивания от них и стали образовываться по цер-

¹² Мы сознательно отступаем от орфографической нормы, используя написание через *Ц* как маркер осуществившегося народноэтимологического переразложения.

ковнославянской модели «высокие» корреляты: первоначально — *студенчество* ‘студенческая пора’, на котором совершенно очевидно лежит семантический ответ высокого аналога — *младенчество* ‘младенческая пора’, а затем от также переосмысленного как низкое образование на *-цкий* прилагательного *студенцкий* по той же церковнославянской модели было образовано «высокое» прилагательное *студенческий*¹³.

В заключение хотелось бы выразить восхищение легкостью, с которой Р. Мароевич порождает «сложные суффиксы» в русском языке. Так, «прилагательное *переселенческий*, например, стало мотивироваться не существительным *переселенец*, от которого оно на самом деле было образовано, а существительным *переселение*». Доказательства? Никаких. Так сказал Р. Мароевич. Начнем с того, что само слово *переселенческий* в составе словосочетания *переселенческая статистика* впервые зафиксировано в 7-м издании Энциклопедического словаря Гранат [СлСРЛЯ 9:879; I:XLII], издававшегося с 1910 по 1948 г. [СЭС 1980:339] и в Толковом словаре Ушакова (1939 г.) — в виде самостоятельной словарной статьи. Даже если бы оно было уже в первых шести изданиях Энциклопедии Гранат, выходящих с 1891 по 1903 г., на слово *студенческий* это слово никак не могло повлиять — даже если бы в нем и произошло переразложение. Но ведь и переразложения в нем не произошло. Ни один словарь русского языка в своих дефинициях не перестал связывать прилагательное *переселенческий* со словом *переселенец*: «относящийся к переселению, *переселенцам*» [БАС-1], «прил. к *переселенец*; относящийся к переселению на новое место, на новые земли» [МАС-2]; «*Переселенческие* квартиры» [Ожегов—Шведова, ТСРЯ 1992]; «к *переселенец*; относящийся к переселению на новое место, на новые земли. *Переселенческий караван*» [БТС 1998]. Кстати, не утратило связи с производящим существительным и прилагательное *творческий*, на которое также ссылается Р. Мароевич: «*Творческий* 2. Свойственный человеку, наделенному способностью творить, созидать что-л.» [БТС 1998:1309]; т.е. свойственный *творцу*.

¹³ Показательно, что у А. С. Пушкина встречается только «высокий» вариант *студенческий* [Кретов, Матыцина 1999:179]: *студенческие шалости, поединки, студенческая келья*.

Как видим, не соответствует действительности утверждение Р. Мароевича, что прилагательное *переселенческий* «стало мотивироваться» существительным *переселение*, а прилагательное *творческий* — глаголом *творить* (тот же БТС в дефиниции дает лишь «I. к *Творчество*»). Но от *переселение* и *самоуправление*¹⁴ должно получиться **переселений-еский* и **самоуправлений-еский*, от *творчество* — **творчеств-еский*. Не менее очевидна и невозможность образовать прилагательное на *-ский* от глагола (**твори-ский?*). Видимо, в данном случае такие «мелочи» Р. Мароевича не смущают, коль скоро он может привести пару *садовод* — *садоводческий*. Но и эта пара не убеждает. Во-первых, у В. И. Даля отмечено слово *садоводец* [Даль IV:7], от которого и произведено прилагательное¹⁵. А во-вторых, если Р. Мароевич признает существование словообразовательной системы, то он должен признать, что изменения в системе могут быть только системными. Следовательно, если в системе произошло переразложение, то оно должно затронуть все члены системы, а не один из них. Коли *садоводческий* в системе стало производным от *садовод*, то, следовательно, *полководческий* автоматически стало производным от *полковод*, а *купеческий* — от *куп*¹⁶. Абсурдность этого утверждения очевидна, но от него можно отказаться только вместе с отказом от признания системности словообразования.

Где же доказательства языковой реальности «сложного суффикса» *-ческ-*? Их нет. Ничуть не лучше доказано существование «сложного суффикса» *-жеск-*: «Поскольку с синхронной точки зрения прилагательное *ребяческий* мотивируется непосредственно существительным (мн. ч.) *ребята*, то в нем можно вычлени́ть сложный суффикс **-жеск-*». Не правда ли, про-

¹⁴ В паре *самоуправление* — *самоуправленческий*, которую приводит Р. Мароевич, оба слова, конечно же, произведены не друг от друга, а от слов *управление* и *управленческий*.

¹⁵ Показательно, что и здесь суффикс *-ец* — не диминутивный.

¹⁶ В лексико-семантической системе слова на *-вод* и *-водец* находятся в отношении дополнительного распределения: в речи употребляется лишь один из вариантов. Для словообразовательной системы это не имеет никакого значения: все слова на *-водческий* предполагают существование в словообразовательной системе языка соответствующих слов на *-водец* независимо от их употребления—неупотребления в речи.

сто? Вот оно, значит, как: стоит лексикографам против слова *ребячий* написать «прил. к Ребята» и тут же словообразовательная система языка перестроится и в ней появится новый «сложный суффикс». Правда, лексикографы так не пишут¹⁷, но даже если б и написали — что бы это изменило? Лексикографы фиксируют изменения в употреблении слов и их семантике. Но эти изменения происходят в лексико-семантической системе по законам лексико-семантической системы и не имеют обратного влияния на то, что произошло в другой — словообразовательной — системе, на образование слова, на СЛОВОобразование. Отношения между системой словообразования и лексико-семантической системой примерно такие же, как между генетической системой и экологической системой, а отношения между словообразованием и лексикологией подобны отношениям генетики и экологии. Если одной собаке отгрызли ногу, то это не значит, ни что она родилась о трех ногах, ни что все остальные собаки также должны считаться трехногими. А вот со словами Р. Мароевич предлагает поступать именно так.

Это заблуждение, идущее от Н. В. Крушевского и В. А. Богородицкого и отражающее научный уровень второй половины XIX века, настолько устоялось, настолько освящено традицией, что, как правило, ускользает из поля зрения ученых, занимающихся словообразованием. Так, Р. Мароевич терминологически различает то, как «на самом деле» образованы слова и как их «можно мотивировать»¹⁸ и не видит в этом вопиющего противоречия. Если мотивация — это не то, как «на самом деле» образовались слова, то это не словообразование. То, как на самом деле образованы слова, изучает научная этимология. Кроме научной существует еще народная этимология, изучающая то, как носители языка осознают, мотивируют соотношение формы и значения слов. Отказываясь заниматься научной этимологией, Р. Мароевич — точет он того или нет — начинает заниматься народной этимологией. Но тогда то, чем он занимается, и надо называть

¹⁷ «То же, что *ребячий*» [МАС-2 III:690]; «=*Ребачий* (1 зн.)» [БТС 1998:1109].

¹⁸ NB! «мотивировать», а не «образовывать».

своим именем — народной этимологией, а не словообразованием, а его «эюд» — не «словообразовательным», а «народноэтимологическим или мотиватологическим».

Доярка под зонтиком

Слова *дояр* — *доярка*, *зонт* — *зонтик* хорошо известны всем. Казалось бы, всё о них известно, всё сказано и добавить нечего [Русская речь. 1978. № 5. С. 57—59; 1987. № 2. С. 67—68]. Но стоит преодолеть инерцию научного покоя, как эти слова превращаются в знакомых незнакомцев, таящих в себе много нового и неожиданного.

В вузовском учебнике на основании соотношений *дояр* — *доярка*, *артист* — *артистка*, *студент* — *студентка* и т. п.; *зонт* — *зонтик*, *дом* — *домик*, *стол* — *столлик* и т. п. делается справедливый вывод о том, что «в обеих группах слов вторые члены пары являются производными, так как они сложнее и по форме..., и по смыслу» [Земская 1973:7]. Принято считать, что «с точки зрения исторического словообразования ... *дояр* более позднее по времени, оно произведено от *доярка* в те времена, когда доение коров в коллективных хозяйствах перестало быть профессией только женщин» [Там же]. Эту общепринятую и широко распространенную позицию разделяет и А. Г. Лыков: «Необычность сравнительно нового слова *дояр* (появившегося не ранее 60-х годов XX века) заключается в том, что оно образовано от *доярка*» [Русская речь. 1987. № 2. С. 67]. При этом отмечается, что пара *дояр* — *доярка* была создана «по “обратной аналогии” с парами: *школяр* — *школярка*, *юбиляр* — *юбилярка*» [Там же. С. 68].

Действительно, слово *доярка* впервые фиксируется Словарем Ушакова в 1934 г., а *дояр* — Словарем Ожегова в 1960 г. Однако это мало что доказывает: например, *кухарка* впервые фиксируется словарями в 1780 г., а *кухарь* — в 1847 г. [БАС-1]. Между тем впервые *кухарь* встречается в Острожской Библии 1581 г. [Фасмер II:436 — со ссылкой на Ф. Миклошича].

В языке слово *доярка* появилось на фоне слов *санитар* — *санитарка*, *кулинар* — *кулинарка*, *кашевар* — *кашеварка*, *свинарь* — *свинарка*, *дикарь* — *дикарка*, *шинкарь* — *шинкарка*,

корчмарь — *корчмарка*, *знахарь* — *знахарка*, *кухарь* — *кухарка*, *косарь* — *косарка*, *бунтарь* — *бунтарка*, а это значит, что слово *дояр* появилось в языке и в речи как составная часть слова *доярка*, одновременно с ним. Если бы *дояр* не содержался в *доярке*, было бы невозможно «извлечь» его. Сюда можно добавить и пары *школяр* — *школярка*, *юбиляр* — *юбилярка*, хотя эти слова на *-ка* отмечены только в Словаре Ушакова и отсутствуют в остальных словарях. Это редкие слова-однодневки, которые вряд ли могли стать моделью для пары *дояр* — *доярка*.

Нет языковых оснований и для возведения слова *доярка* к русскому глаголу *доить*, как это делает А. Н. Тихонов в «Словообразовательном словаре русского языка», хотя оно и может быть истолковано через другое: все слова на *-арка* образованы либо от слов на *-арь*, либо от слов на *-ар*. Из слов на *-ар* (а именно к ним относится *дояр*) славянскими суффиксальными образованиями можно признать слова *бочар*, *гончар*, *овчар* и *собачар*. Ни одно из них не выводится из глагола. Во всех этих словах имеется суффикс *-арь*, но отвердение конечного согласного указывает на их украинское или белорусское происхождение.

Русские же слова на *-арь* (имеющие производные на *-арка*) образованы либо от прилагательного: *свиной* — *свинарь*, *дикий* — *дикарь*, либо от существительного: *бунт* — *бунтарь*, *коса* — *косарь*, *знаха* [Даль-2. Ср. *прясть* — *пряха*, *не уметь* — *неумеха*] — *знахарь*.

Такая изолированность цепочки *доить* — *дояр* — *доярка* наряду с тем, что русские образования от глагола *доить* были иными: *доилица*, *доитель*, *доильница*, *доильщик*, *доильщица* [БАС-1], наводит на мысль об иносистемности слов *дояр* и *доярка*. Показательно, что Словарь Ушакова, впервые зафиксировавший слово *доярка*, дает его с пометой «областное». Сопоставление этого слова с украинскими *дояр* — «доильщик овец. Херс, г.» и *доярка* «доильщица» [Словарь украинского языка I:439], зафиксированными почти на 30 лет раньше русских, помогает понять, из каких областей пришло слово *доярка* в русский литературный язык. При этом не остается никаких оснований для «выведения» *дояра* из *доярки*.

Так выясняется, что *дояр* и *доярка* являются заимствованиями из украинского языка (или даже через украинский — из польского языка: ср. польск. *dojarz*, *dojarka* с тем же значением) при возможном (но отнюдь еще не доказанном!) посредстве южнорусских диалектов. Только производное слово *доярка*, образованное от слова *дояр* в польском и украинском языках, было заимствовано раньше, чем его производящее. Следовательно, если и можно говорить о связи слов *доить* и *доярка*, то только через их раздельное возведение к общему праславянскому предку **doiti*. Ряд же *доить* — *дояр* — *доярка* для русского языка является примером ложной этимологии.

Не менее интересен и пример со словами *зонт*, *зонтик*. Этимология этого слова принадлежит, по-видимому, Р. ван дер Мёлену [Фасмер II:104] и относится к 1909 г. [Фасмер I:31]. Согласно этой этимологии, слово *зонтик*, впервые зафиксированное словарями в 1780 г. [БАС-1], образовалось от зафиксированного в Уставе морском (1720 г.) и Словаре Яновского (1803 г.) — в значении «тент»: *зондек* «тент, полотно или парусина, растягиваемые над палубой (для защиты от солнца или дождя)», которое, в свою очередь, является заимствованием из голландского *zondek* «защита от солнца» [Фасмер II:104]. А *зонт*, впервые отмеченное словарями в 1834 г. [БАС-1], «возникло в результате процесса усложнения основы слова *зонтик*, осознанного по аналогии со словами типа *мостик*, *листик* и т. п. как уменьшительное» [Шанский и др. 1961:121]. Если не настаивать на современном значении, то время словарной фиксации обоих слов еще сблизится: *зонтик* «навес над шляпкой» [Словарь Нордстета], а *зонт* «навес из полотна, пришиваемый при штаб-офицерских и генеральских наметах» [Тучков 1818:160]. В современных же значениях *зонт* и *зонтик* зафиксированы одновременно (!) в Словаре Соколова 1834 г. [Черных I:329].

В данном случае важна полная фонетическая невозможность преобразования слова *зондек* в слово *зонтик*: позиция согласного перед гласным в русском языке сильная, и в этой позиции оглушение согласного (*d > t*) невозможно.

О том, что в языке-источнике был именно звонкий согласный, свидетельствует не только фиксация слова *зондек*, но и другое заимствование того же времени из того же источника

— слово *рейд* «место стоянки кораблей», зафиксированное в Уставе морском (1720 г.). Ср. нидерландское *reede*, средне-нидерландское *reede*, средне-нижненемецкое *reede*, *reide*, которые связаны с ново-верхненемецким *berēit* «готовый» [Фасмер III:463]. На то, что в этом слове не произошло оглушения *д*, повлияло, по-видимому, преобладание формы *на рейде* с *д* в сильной позиции перед гласным.

Следовательно, максимум того, что могло произойти со словом *зондек* в русском языке — это смягчение *д* (*д* > *д'*) и смешение *е* с *и* в заударном слого (*е* > *и*), поскольку в русском языке отсутствуют (и в XVIII в. отсутствовали) двусложные слова на *-дек* с безударным суффиксом *-ек*. В наличии два варианта: либо (ударный) *-ок/-ёк*: *задок*, *дедок*, *садок*, *седок*, *гудок*; *зятёк*, *валёк*, *малёк*, *хмелёк*, *кулёк*, либо (безударный) *-ик*: *садик*, *дождик*, *гвоздик*, *пудик*. По аналогии со вторыми *зондек* дало бы *зондик*, а не *зонтик*. В этом плане показательна и судьба более поздних заимствований на *-дек*: английские *твиндек*, *спардек*, *шельтердек* и особенно — немецкое *фордек*, впервые зафиксированных словарями русского языка в 1949, 1940, 1950-е и 1937 гг. соответственно [БАС-1].

Единственное правдоподобное объяснение состоит в том, что переосмыслению по аналогии со словами *садик*, *дождик*, *гвоздик* подверглось слово **зондик* (из *зондек*) и было осмыслено как производное от слова **зонд* со значением «немаленький *зондек*» (слово *зонд* «то, чем зондируют» было заимствовано из французского почти на век позже: первая словарная фиксация — 1847 г.). В слове **зонд* (из *зондик*) и могло произойти оглушение *д* в *т*, более того, в абсолютном конце слова оно не могло не произойти. И только после выравнивания основ косвенных падежей по основе именительного/винительного падежа: **зонд* > *зонт* (*зонта*, *зонту*, *зонтом*, *о зонте*) от слова *зонт* могло образоваться слово *зонтик* (ср. *прут*, *прута* > *прутик*, но *пруд*, *пруда* > *прудик*). Таким образом, утверждение, будто слово *зонт* образовалось от слова *зонтик* (и позднее его) противоречит важнейшим фонетическим закономерностям русского языка. Фонетически правдоподобная история этого заимствования выглядит так: *zondek* > *зондék* > *зóндек* > *зéндик* >> *зонд* > *зонт* > *зонтик*.

Как видим, и с синхронной, и с исторической точек зрения слова *дояр* и *зонт* являются производящими, а слова *доярка* и *зонтик* — производными.

О синхронии-диахронии в словообразовании

Нет ничего труднее,
чем брать вещи такими,
каковы они суть на самом деле.

И. В. Гёте

В «Русской грамматике» В. В. Лопатин говорит о существовании в русском языке суффикса *-ина(а)/-атин(а)* со значением ‘мясо названного мотивирующим словом животного, употребляющееся в качестве пищи’ [РГ 1980, I:192]. Поскольку трактовка, представленная в «Русской грамматике», является (по сравнению с предшествующими и последующими грамматиками) наиболее развернутой, ответственной и авторитетной, рассмотрим именно её.

Во-первых, нам сообщается, что эти существительные образованы от существительных.

Во-вторых, не объясняется, в каких отношениях находятся морфы *-ина(а)* и *-атин(а)*, а также не объясняется, почему *-атин(а)* — один суффикс, а не два: *-ат* и *-ин(а)*.

В-третьих, сообщается о чередовании согласных перед морфами: «парно-твёрдые согласные — мягкие»; это соответствует современным фонетическим процессам: перед [И] согласный не может быть твердым; «заднеязычные — шипящие» [К:Ч, Г:Ж, Х:Ш] — это может быть интерпретировано как следствие первой палатализации: заднеязычные не могли предшествовать гласному [И] и в этой позиции чередовались с Ч, Ж, Ш; но кроме этих чередований есть и «|Д(Д')-Ж|» [РГ 1980, I:193], которое в позиции перед [И] необъяснимо ни с современной, ни с исторической точки зрения. Объяснения этому чередованию не дается.

В-четвертых, имеется примечание: «Некоторые слова этого типа имеют также значение ‘шкура или мех животного’ (наряду со знач. ‘мясо’): *верблюжатина*, *лосина*, *собачина*, *псина*; семантически изолированы *овчина* и *бычина* (только

знач. ‘шкура животного’). Причины этой семантической «аномалии» не раскрываются.

В-пятых, читателям «Русской грамматики» не сообщается, что точно такую же семантику (‘мясо животного’) имеет целая группа существительных на *-овин(а)/-ёвин(а)*: *угрёвина, сиговина, судаковина, сомовина, воловина, бобровина, китовина*. Этот факт, естественно, не объясняется, а семантика суффикса *-ин(а)/-овин(а)* определяется как ‘предмет (неодушевленный), характеризующийся отношением к предмету, названному мотивирующим словом’ [РГ 1980, I:192]. Отметим, что данная формулировка покрывает и семантику суффикса *-ин(а)/-атин(а)*. Отметим также, что суффикс *-ин(а)/-овин(а)* с семантическим подтипом ‘совокупность видов мяса’, хотя и указывается В. В. Лопатиным при описании отадъективных существительных *дичина, свеженина, солонина и воловина (!)* [РГ 1980, I:172], никак не соотносится с соответствующими отноминативными суффиксами.

В-шестых, читателю не дается никакой информации относительно того, с чем связана и при каких условиях возможна вариантность производного (при неизменности семантики): *сомина — сомовина — сомятина, лосина — лосятина, медвежина — медвежатина, верблюжина — верблюжатина, заячина — зайчатина, лебязина — лебедятина, судачина — судаковина* и др.

Как видим, информация в «Русской грамматике» не столько утоляет, сколько обостряет любопытство читателя.

Попробуем найти ответы на эти вопросы. Наше исследование базируется на материалах «Обратного словаря русского языка» и соответственно четырех словарей современного русского языка: БАС, МАС, Словарь Ушакова, Словарь Ожегова, словники которых он учитывает. В случае необходимости привлекаются материалы «Толкового словаря живого великорусского языка» В. И. Даля, Словаря русских народных говоров, Словаря русского языка XI—XVII вв., Словаря древнерусского языка XI—XIV вв., Словаря русского языка XVIII в., Этимологического словаря русского языка М. Фасмера, Этимологического словаря славянских языков: праславянский лексический фонд.

Вначале выясним, на каком основании выделяются морффы *-ятин(а)/-атин(а)*? По-видимому, основанием для этого является ряд

<i>кур(ы)</i>	>	<i>кур-ятин(а)</i>
<i>бык</i>	>	<i>быч-атин(а)</i>
<i>кобыл(а)</i>	>	<i>кобыл-ятин(а)</i>
<i>козул(я)</i>	>	<i>козул-ятин(а)</i>

Но ведь есть и другой, более многочисленный ряд:

<i>медведь</i>	>	<i>медвеж-ат(а)</i>	>	<i>медвеж-ат-ин(а)</i>
<i>верблюд</i>	>	<i>верблюж-ат(а)</i>	>	<i>верблюж-ат-ин(а)</i>
<i>лебедь</i>	>	<i>лебед-ят(а)</i>	>	<i>лебед-ят-ин(а)</i>
<i>сом</i>	>	<i>сом-ят(а)</i>	>	<i>сом-ят-ин(а)</i>
<i>лось</i>	>	<i>лос-ят(а)</i>	>	<i>лос-ят-ин(а)</i>
<i>заяц/зайц(а)</i>	>	<i>зайч-ат(а)</i>	>	<i>зайч-ат-ин(а)</i>
<i>голубь</i>	>	<i>голуб-ят(а)</i>	>	<i>голуб-ят-ин(а)</i>
<i>гусь</i>	>	<i>гус-ят(а)</i>	>	<i>гус-ят-ин(а)</i>
<i>осёл/осл(а)</i>	>	<i>осл-ят(а)</i>	>	<i>осл-ят-ин(а)</i>
<i>козёл/козл(а)</i>	>	<i>козл-ят(а)</i>	>	<i>козл-ят-ин(а)</i>
<i>кролик</i>	>	<i>крольч-ат(а)</i>	>	<i>крольч-ат-ин(а)</i>

Наготове возражение: ведь *зайчатина* — мясо зайцев, а не зайчат, а *верблюжатина* — мясо верблюдов, а не верблюжат. Это возражение неправомерно: *зайчатина* — это мясо и зайчат, и зайцев, и зайчих. Противопоставление мяса детёнышей мясу взрослых животных есть только там, где оно выражено лексически, т.е. разными корнями. *Верблюжина* — это не только мясо верблюдов, но и верблюдиц, верблюжат. *Медвежина* и *медвежатина* не противопоставлены как мясо взрослых животных (медведей) мясу детёнышей (медвежат), тогда как *баранина* и *ягнatina*, *конина* и *жеребятина*, *говядина* и *телятина*, *свинина* и *поросятина* такую противопоставленность имеют. Особенно показательна в этом отношении пара *куратина* (ср. у В. И. Даля: *курёнок*, *кура́та*) — *цыплятина*. Здесь особенно хорошо видно, что с семантикой ‘мясо молодого животного’ связан не суффикс *-ат-*, а корень *цыпл-*. Очевидно, что молодое животное является таким же предста-

вителем своего вида, как и взрослая особь, и в данном случае нет оснований для постулирования единого суффикса *-ин(а)/-атин(а)*. *-ат-* — это самостоятельный суффикс, а *-атин-* — это сочетание суффиксов *-ат-* и *-ин-*.

Если признается, что «в словах, мотивированных названиями молодых животных на *-онок*, выступают основы мн. ч. на *-ат(а)*: *телятина, жеребятина, поросятина, ягнятина*» [РГ 1980, I:192], то должно признаваться, что *медвеж-ат-ин(а), верблюж-ат-ин(а), лебед-ят-ин(а), сом-ят-ин(а), лос-ят-ин(а), зайч-ат-ин(а), голуб-ят-ин(а), гус-ят-ин(а), осл-ят-ин(а), козл-ят-ин(а), крольч-ат-ин(а)* также образованы от названий молодых животных на *-ат(а)*.

О существовании суффикса *-атин(а)/-ятин(а)* можно было бы говорить только применительно к случаям *кур(ы) > кур-ятин(а), бык > быч-атин(а), кобыл(а) > кобыл-ятин(а), козул(я) > козул-ятин(а)*, и то лишь в том случае, если бы было доказано, что ко времени образования производных в языке не существовало слов *курята, бычата, кобылята, козулята*. Последнее предположение принять трудно, поскольку в Словаре Даля находим не только, *курёнок, курята*, но и *быч-атник, быч-ач(ий)*, которые наряду с *быч-ат-ин(а)* указывают на производящее **быч-ат(а)*, в форме единственного числа — *бычёнок*, зафиксированное в Словаре Нордстета 1780 г. (см. БАС, I, к. 719—720), а *кобыл-яч(ий)* и *кобыл-ят-ин(а)* — на **кобыл-ят(а)*, в форме *кобыляты* ‘жеребята’, зафиксированное в [СРНГ 14:22]. Таким образом, только в случае *козул(я) > козул-ятин(а)* не зафиксировано промежуточного звена деривации, хотя и есть основания для его реконструирования: ср. 1. *козюля* ‘лось’, 2. *козюля* ‘змея’ и *козюлята* ‘змеёныши’ [СРНГ 14:80—81]. Таким образом, двувариантного суффикса *-ин(а)/-атин(а)* со значением ‘мясо животного’ в данных словах попросту нет.

Рассмотрим теперь, верно ли, что существительные на *-ин(а)* образованы от существительных. Для этого обратим внимание на чередование [Д(Д')-Ж] перед суффиксом. В истории языка это чередование имело место перед *-j-*, а *-j-*, как указано в [РГ 1980, I:271], — суффикс отноминативных прилагательных со значением ‘свойственный, присущий (реже — принадлежащий) тому, кто назван (что названо) мотивиру-

ющим словом'. Чередования большинства остальных производных вполне укладываются в рамки чередований перед *-j-*: *медведь* — *медвежий* — *медвежина*, *верблюд* — *верблюжий* — *верблюжина*. Особенно показательным является следующий пример: *лебедь* — *лебяжий* — *лебяжина*.

Таким образом, существительные на *-ин(а)* образованы не от существительных, а от притяжательных прилагательных на *-ий* *[-j-]*.

Притяжательные прилагательные могут образовываться посредством различных суффиксов. Для рассматриваемого деривационного процесса существенны три суффикса: *-ий* *[-j-]*, являющийся рефлексом древних суффиксов *-jь* и *-ьj* [Мейе 1951:286—287; Борковский, Кузнецов 1963:226], *-ов-* и *-ин-*.

От прилагательных с суффиксом *-ов-* образуются следующие существительные:

<i>сом</i>	>	<i>сом-ов(ый)</i>	>	<i>сом-ов-ин(а)</i>
<i>угорь</i>	>	<i>угр-ёв(ый)</i>	>	<i>угр-ёв-ин(а)</i>
<i>сиг</i>	>	<i>сиг-ов(ый)</i>	>	<i>сиг-ов-ин(а)</i>
<i>судак</i>	>	<i>судак-ов(ый)</i>	>	<i>судак-ов-ин(а)</i>
<i>бобр</i>	>	<i>бобр-ов(ый)</i>	>	<i>бобр-ов-ин(а)</i>
<i>кит</i>	>	<i>кит-ов(ый)</i>	>	<i>кит-ов-ин(а)</i>

Суффикс *-ин(а)/-овин(а)* в данных примерах отсутствует, а имеется суффикс *-ин(а)* и сочетание суффиксов *-ов-* и *-ин(а)*.

От прилагательных с суффиксом *-ин(ый)* существительные на *-ин(а)* не образуются: *осёл* > *осл-ин(ый)* > и невозможно **осл-ин-ин(а)*. Но сам факт отсутствия такой возможности оказывается системно значим: в случае невозможности образования существительного на *-ин(а)* от притяжательного прилагательного на *-ин(ый)* это существительное образуется через степень названия детёныша:

<i>голубь</i>	>	<i>голубиный</i>	—	<i>голубята</i>	>	<i>голубятина</i>
<i>осёл</i>	>	<i>ослиный</i>	—	<i>ослята</i>	>	<i>ослятина</i>
<i>кур(ы)</i>	>	<i>куриный</i>	—	(обл.) <i>курята</i>	>	<i>курятина</i>
<i>гусь</i>	>	<i>гусятый</i>	—	<i>гусята</i>	>	<i>гусятина</i>
* <i>уть</i>	>	<i>утиный</i>	—	<i>утята</i>	>	<i>утиятина</i>

Таким образом, вопрос о том, какой вид будут иметь существительные на *-ин(a)*, решается при образовании притяжательного прилагательного. Деривационная история плана выражения исследуемых слов может быть выражена следующей формулой:

$$> [сом]+j(ий;а;э) > ([сом]+j)+ин(a) \quad (1)$$

$$[сом] > [сом]+ов(ый;ая;ое) > ([сом]+ов)+ин(a) \quad (2)$$

$$> [сом]+ин(ый;ая;ое) > [сом]+ят(a) > ([сом]+ят)+ин(a) \quad (3)$$

Если от существительного образуется несколько прилагательных, то и производных на *-ин(a)* может быть несколько:

$$\begin{array}{l} > \text{сомий} > \text{сомина} \\ \text{сом} > \text{сомовый} > \text{сомовина} \\ > \text{соминый} > \emptyset \\ > \text{сомята} > \text{сомятина} \end{array}$$

Наличие трех параллельных производных на *-ин(a)* — уникальный случай, по два параллельных производных встречается чаще:

$$\begin{array}{l} > \text{лосий} > \text{лосина} \\ \text{лось} > \text{лосёвый} > \emptyset \\ > \text{лосиный} > \\ > \text{лосята} > \text{лосятина} \\ \\ > \text{судачий} > \text{судачина} \\ \text{судак} > \text{судаковый} > \text{судаковина} \\ \\ > \text{лебязий} > \text{лебязина} \\ \text{лебедь} > \text{лебединый} > \emptyset \\ > \text{лебедята} > \text{лебедятина} \end{array}$$

Следующий вопрос состоит в том, почему существительные на *-ин(a)* имеют не только значение ‘мясо’, но и другую семантику (чаще всего — ‘шкура данного животного’). Разумеется, в суффиксе *-ин-* не содержится ни семантики ‘мясо’, ни

семантики 'шкура'. Откуда же эта семантика в производном существительном? Она из словосочетания прил. + сущ., которое и является подлинным производящим рассматриваемых существительных на *-ин(а)*:

овечья шкура	>	<i>овчина</i> 'шкура овцы'
бычья шкура	>	<i>бычина</i> 'шкура быка'
лосья кожа	>	<i>лосина</i> 'кожа лося'
лосье мясо	>	<i>лосина</i> 'мясо лося'
воловья кожа	>	<i>оловина</i> 'кожа вола'
воловье мясо	>	<i>оловина</i> 'мясо вола'
псовая шерсть	>	<i>псовина</i> 'шерсть пса'
собачье мясо	>	<i>собачина</i> 'мясо собаки'
собачья шкура	>	<i>собачина</i> 'шкура собаки'
барсовая шкура	>	<i>барсовина</i> 'шкура барса'
кротовая нора	>	<i>кротовина</i> 'нора крота'
медвежье мясо	>	<i>медвежина</i> 'мясо медведя'
медвежья шкура	>	<i>медвежина</i> 'шкура медведя'
верблюжье мясо	>	<i>верблюжина</i> 'мясо верблюда'
верблюжья шкура	>	<i>верблюжина</i> 'шкура верблюда' и т.д.

Как видим, здесь действует единая семантическая закономерность и нет никакой семантической аномалии. Более того, при правильно установленной деривационной истории у производного — и тем более у суффикса *-ин(а)* — нет никаких «приращенных» значений типа 'мясо', 'шкура', 'нора' и т.п. Всё это самые обыкновенные лексические значения производящих, поскольку производящими в данном случае являются словосочетания, включающие то мясо, то шкуру, то нору.

В некоторых случаях наметилась тенденция связывать формальное различие с различием содержательным: *зайчина* 'шкура зайца', но *заячина* 'мясо зайца' (в Словаре Даля эти формы семантически не различаются: «*заячина, зайчина* ж. заячье мясо, заячья шкура»); *козлиная* 'шкура', но *козлятина* 'мясо'; *бычина* 'шкура', но *бычатина* 'мясо'.

С учетом плана содержания деривационная цепочка (3) имеет следующий вид: *[сом]* > *[сом]иное мясо* > о > дериваци-

онный тупик, «переключение» деривации: */сом/* > *мясо [сом]ят* (исторически на этом месте более вероятна форма род. ед. **somęte*) > */сом/ятина* ‘мясо ([сом]ят как представителей) данного вида животных’.

В некоторых случаях слова со значением ‘мясо’ созвучны словам с увеличительным значением: 1. **сомина** Разг. Увеличит. к *сом*. 2. *сомина* То же, что *сомовина* [БАС-1]; **щучина** 1. Разг. Увеличит. к *щука*. 2. Простореч. Мясо щуки как пища [БАС-1]; **псица** Разг. 1. Собачье мясо. 2. Пес (обычно большой) [БАС-1]; **собачина** собачища преогромная и собачья шкура или мясо [Даль]. Показательно и слово *зверина*. Современные словари дают только значение «Простореч. Большой, огромный зверь» [БАС-1], тогда как еще Словарь Даля содержит оба значения: «**зверина**, м. зверь, увел. Зверина, звериное мясо, осб. медвежина». Последнее значение сохранила и «Повесть временных лет»: [*Святослав в походах*] *возь по собе не возяше ни котла ни мясь варя. но потонку изрезав конину ли. зверину ли. или говядину. на угле(х) испекъ ядяху.* ЛЛ 1377, 19 (964) [СДРЯ XI—XIV, 2:344]. По-видимому, увеличительное значение омонимичного суффикса *-ин(а)* привело в данном случае и может привести в других к вытеснению существительных на *-ин(а)* со значением ‘мясо’ существительными на *-ятина* в том же значении, либо к вытеснению увеличительных существительных на *-ин(а)* синонимичными существительными на *-ищ(е)* и т.п. Так, у В. И. Даля находим оба слова: «козлина, большой козёл | Козлина также козлиная шкура, кожа». В словарях современного литературного языка значение ‘шкура’ передается словом *козлина*, а увеличительное значение — словом *козлище*. На этом конкретном материале мы можем наблюдать действие тенденции языка к материальному различению семантически различных единиц, к устранению омонимии.

Относительно соотношения вариантов на *-ин(а)*, *-ов-ин(а)*, *-ят-ин(а)* следует сказать, что наиболее перспективным представляется последний — в силу того, что он не имеет омонимов. Конкуренцию ему могут составить только варианты на *-ин(а)* в силу своей большей краткости. Выбор варианта решается в борьбе двух тенденций: к экономии речевых усилий

(-ина) и к экономии мыслительных усилий, устранению омонимии (-ятина). Вариант -ов-ин(а) обречен на вытеснение, ибо не обладает ни тем, ни другим преимуществом и может реализовываться, в основном, там, где по семантическим или морфонологическим причинам невозможны другие варианты.

Перейдем к проверке нашей деривационной гипотезы и рассмотрению противоречащих ей случаев. Эпиграфом к этой части работы могли бы стать слова И. В. Гёте: «*Эти части будут заботливо отыскивать, и так как появится полная уверенность в том, что их необходимо найти, то люди не успокоятся, пока не найдут их и пока их форма, их отношение к остальным частям не будут точно описаны*» [Гёте 1957:150].

Рассмотрим чередования согласных перед суффиксом -'ат-. Этот суффикс является отражением праславянского -*et-*, естественно, что в трех парах перед губными чередования не происходит: голубь — голуб-ята — голуб-ят-ина, жеребья — жереб-ят-а — жереб-ят-ина, сом — сом-ята — сом-ят-ина.

Чередования заднеязычных последовательно отражают процесс первой палатализации: бык — быч-ата — быч-ат-ина, кролик — крольч-ата — крольч-ат-ина. Правда, в паре кролик — крольч-ата имеется другая нерегулярность: крольчата на месте ожидаемого *кроличата, причем в самом производящем беглого гласного нет: крол-ик — крол-ик(а). Таким образом, отсутствие [И] в производном крольч-ата остается необъясненным. Поскольку само неполногласное слово к-ролик на месте полногласного восточнославянского *к-оро-лик является западнославянским заимствованием (из польского), разгадку надо искать в способах освоения заимствованных слов и приспособления их к морфонологической системе русского языка.

Вторая нерегулярность обнаруживается в производных другого заимствованного слова: индюк — индюш-ата — индюш-ат-ин(а), чередование К/Ш, вместо К/Ч. Всё легко объясняется, если предположить конкуренцию форм индюк — *индюха: вторая дала производные индюшка, индюшиный, индюшата, а затем была вытеснена первой. Более вероятным, однако, представляется другое объяснение. Производящим для слова индюк было словосочетание *индейский петух*, которое имеет несколько производных: *инд-юк, инд-як, инд-ык* [Даль]. Сло-

Существительное *индык* дало производное женского рода *индыч-к(а)* [Даль]. А для слов *индюк*, *индюк*, образованных от основы *инд-*, женского коррелята не было. Надо отметить, что женский коррелят должен был образоваться в данном случае не от мужского, а самостоятельно от словосочетания *инд-ейская курица* с производящей основой *инд-*. Какие возможности предоставлял тут язык? Прежде всего укажем на суффикс *-ух(а)*: *рыбая женщина* > *рыб-ух(а)*, *молодая женщина* > *молод-ух(а)*, *рыжая корова* > *рыж-ух(а)*, *свиной гриб* > *свинуха* > *свинушка*, *старая женщина* > *стар-ух(а)*, *чёрная* (с чёрными глазами и волосами) *девочка*, *женщина* > *чернуха*, *чёрная* (имеющая чёрные семена) *травя* > *чернуха*, *чёрный гриб* > *чернуха* (разумеется, ни в одном из производных нет ни идиоматичности, ни приращенных значений: всё объясняется без какого бы то ни было вмешательства потусторонних сил). Из всех трех *чернух* получаются три *чернушки*. *Красная* (сопровождающаяся красноватой сыпью) *болезнь* > *краснуха*, *жёлтая* (сопровождающаяся жёлтым цветом кожи) *болезнь* > *желтуха*, *серая* (с серым оперением) *утка* > *сер-ух(а)*. Интересна также пара *чир-ок* — *чир-ух(а)* ‘самка чирка’. (Сторонники Г. О. Винокура сказали бы, что слово *чируха*, как на это указывает толкование, образовано от слова *чирок*, тогда как равное число морфем в словах указывает на их параллельное образование от общего производящего **чир*. На это же производящее указывает, кстати, и слово *чирёнок* — *чирята*.) Скорее всего, деривационная история слова *индюшатица* выглядит следующим образом: *инд-ейская курица* > **инд-юх(а)* > *индюшат(а)* > *индюш-ат-ин(а)*. *Инд-юш-ка* образована от **инд-юх(и)*. Слово *индюшата* — хорошее подтверждение того, что на суффиксальном стыке первая палатализация никогда не переставала действовать и продолжает действовать по сей день. Слово *индюха* известно русским говорам: индюха, и, ж. 1. Индейка. Рыб. Яросл., 1901. Ср. Урал. [СРНГ 12:199].

В словах *ут-к(а)* < **уть* > *ут-ята* > *ут-ят-ина*, *лебедь* > *лебед-ята* > *лебед-ят-ина*, *кит* > *кит-ята* > *кит-ят-ина* чередования, естественно, нет.

Особняком стоит случай *кот* > *кот-ята* > *кош-ат-ина*, где имеется нерегулярное, фонетически необъяснимое чередование Т/Ш. Этимологи предположили, что слово *кошка* произош-

ло от **коша*, уменьшительного к *кот*, аналогично *Маша* от *Марья* [Фасмер II:360]. Дialectы сохранили слово *коша* в значении 'Ласк. Кошка' [СРНГ 15:138]. Из него закономерно выводятся и *кош-ка*, и *кош-ин(ый)* 'кошачий' [СРНГ 15:149], и *кош-ёнок/кош-ат(а)* 'котёнок' [СРНГ 15:148]. Таким образом, имеют место два ряда производных: от *кот*, *котя* [СРНГ 15:118] (польск. *kotka*, др.-русск. *котъка*, *котовый*, *котята* > *котятник* и др.) и от *коша* (*кошка*, *кошата* > *кошачий*, *кошатник* и др.). В литературном языке закрепились члены обоих рядов, что и привело к видимой нерегулярности фонетических чередований. В данном и подобном случаях сторонники «синхронного» словообразования охотно прибегают к усечениям для «объяснения» возникающих затруднений [РГ 1980, I:193]. Как видим, необходимости в подобных ухищрениях нет. (Вообще говоря, усечение следует предполагать лишь тогда, когда иные возможности объяснения исчерпаны и когда такое усечение носит регулярный характер.)

В существительных *гус-ят-ина*, *порос-ят-ина*, *лос-ят-ина* наблюдается закономерное отсутствие чередований.

Имеется чередование Ц/Ч: *заяц/зайц(а)* — *зайч-ата* — *зайчат-ина*, в котором Ц и Ч возникли независимо друг от друга из К по второй и первой палатализации соответственно (ср. аналогичное явление в словах *отец/отца* > *отчий*: «Праслав. **отьсь* из **отькъ*, производного от **оть* 'отец'») [Фасмер III:170]). В паре *заяц/зайц(а)* > *зайч-ата* мы имеем дело с «беглым» [А], тогда как беглыми в русском языке могут быть только [О] и [Е]. Поскольку в производящем имеет место чередование *за[j-э]ц* — *за[j-]ц(а)*, проблему со словом *заяц* можно разрешить, предположив народноэтимологическое переосмысление суффикса *-яц-* < *-енк-* в результате нейтрализации в безударной позиции, что соответствует осмыслению *заяц* как *заец* (ср. у И. И. Срезневского форму *заечии* наряду с *заячии*), из которой хорошо объяснимы формы *зайчата* и *зайчат-ина*.

Чередования в словах *цыпа* — *цыплята* — *цыплатина*, *медведь* — *медвежата* — *медвежатина*, *верблюд-верблюжата-верблюжатина* не могут быть объяснены действием первой палатализации. ПЛ и Ж в них указывают на чередование перед *-j-*. На эту особенность слова *медвежата* обратили внимание

В. И. Борковский и П. С. Кузнецов: «Неясно образование *медвежонок*, где все указывает как будто на то, что уменьшительная форма образована не непосредственно от *медведь* (ср. *лебедёнок*, *лисёнок*)» [Борковский, Кузнецов 1963:193]. В данном случае в качестве промежуточной ступени можно предположить прилагательные *цыплий*, *медвежий*, *верблюжий*.

Перейдем к рассмотрению существительных на *-ин(а)*, производных от притяжательных прилагательных на *-[j]ий*.

Все слова с основой на заднеязычный [Г, К, Х] имеют чередование: *севрюга* > *севрюжий* > *севрюж-ина*, *осьминог* > **осьминожий* > *осьминож-ина*, *белуга* > *белужий* > *белуж-ина*, *человек* > *человечий* > *человеч-ина*, *судак* > *судачий* > *судач-ина*, *собака* > *собачий* > *собач-ина*, *мертвяк* > *мертвячий* [СРНГ 18:123] > *мертвяч-ина*, *щука* > *щучий* > *щуч-ина*, *дичь* > **дичий* > *дич-ина*, *черепаха* > *черепаший* > *черепаш-ина*.

Несколько особняком стоит ряд *сёмга* > *сёмужий* (вместо ожидаемого **сёмжий*) > *сёмж-ина*. Если учесть написание *семъжина*, грам. 1563 г. (Срезневский) [Фасмер III:598], которое заставляет восстановить первоначальное **семъга*, получается совершенно закономерный ряд форм: *сёмга* (<**семъга*) > *семожье мясо* [Даль] > *сёмжина* (< *семъжина*). По аналогии со словами *белуга* — *белужий* — *белужина*, *севрюга* — *севрюжий* — *севрюжина*, слово **семъга* могло быть переосмыслено как **семуга/сёмуга* и дать производные *сёмужий* > *сёмужина* [Даль]. Кроме слов *белуга*, *севрюга* с их производными аналогия могла действовать и по другой линии — через слова *сёмужка*, *сёмужный*. Их деривационная история представляется такой: **семъга* > **семож-к(а)*, **семож-н(ый)* > *сёмужка*, *сёмужный*. Вариант *семожный* представлен в Росс. Целлариусе 1771, с. 455 [БАС-1 13:636], а вариант **семож-к(а)* попал под сильное системное давление уменьшительно-ласкательных существительных на *-ушк(а)*, что еще более усилило варианты на У: « — *Покойник так делал: отрежет ломтик **семушки**, поперчит его густенько, другим ломтиком прикроет*». М. Горький, Фома Гордеев, 4 [БАС-1]. Наличие форм *сёмужка*, *сёмужный* наряду с прилагательными *белужий*, *севрюжий* способствовало закреплению в литературном языке варианта *сёмужий* вместо закономерного *семожий*.

Стремлением к экономии произносительных усилий, по-видимому, объясняется отсутствие в современном литературном языке прилагательного **козлий*, *козля*, *козлье* [злј-!] в деривационном ряду *козёл/козла* > **козья* *кожа* > *козл-ина*. Это, однако, не значит, что слово *козл-ина* образовалось непосредственно от формы *козёл/козла*. Следы прилагательного *козлий* находим в говорах: в Сибири растение *Saxifraga hirculus* L., сем. камнеломковых имеет название «каменосек *козлий*»; на то, что *козлий* относится именно к козлу, указывает как латинское название (*hirculus* = козлёнок), так и иное русское название этого растения: «каменломка козлиная» [СРНГ 14:67]. Прилагательное *козлий* в значении ‘козлий’ фиксируется в древнерусских текстах с XII по XVII в. [СлРЯ IX—XVII, 7:224].

Все три слова с основой на -Ц: *мертвец* > **мертвеч-ий* > *мертвеч-ина*, *овца/овец* > *овчий* [Даль]/*овеч-ий* > *овч-ина*, *заяц* > *заяч-ий* > *заяч-ина* имеют чередование Ц/Ч, объясненное выше.

В существительных же с основой на -С ожидаемое чередование С/Ш отсутствует: *палтус* > **палтусий* > *палтус-ина*, *пёс/пса* > *пёс-ий* > *пс-ина*, *лосось* > *лососий* > *лосос-ина*, *лось* > *лос-ий* > *лос-ина*. Нет чередования М/МЛ и в словах *сом* > *сом-ий* > *сом-ина*. Если для случая *палтус* > **палтусий* > *палтус-ина* отсутствие чередования объясняется поздним образованием производных, то для остальных слов такое объяснение отпадает: остальные прилагательные на С- образованы посредством суффикса *-bj-*, участвовавшим в образовании притяжательных прилагательных наряду с суффиксом *-jь-* [Мейе 1951:287; Романовская 1954:51; Борковский, Кузнецов 1963:226].

По-разному ведут себя существительные с основой на -Д. В одних есть чередование Д/Ж: *стерлядь* > *стерляж-ий* > *стерляж-ина*, *медведь* > *медвеж-ий* > *медвеж-ина*, *лебедь* > *лебяж-ий* > *лебяж-ина*, *верблюд* > *верблюж-ий* > *верблюж-ин*; в других его нет: **говядо* > *говяж-ий* > *говяд-ина*, *медведь* > *медвед-ий* [СРНГ 18:64] > *медвед-ина*.

Вначале обратим внимание на несоответствие пары *лебедь*, но *лебяжий*. Ударный гласный указывает на то, что после [Б] имеется не [Е], а [А]. В Словаре Соколова 1834 г. есть форма *лебядь* [БАС-1]. Но, с другой стороны, в словах *лебёдка*,

лебѣдушка ударный [О] указывает на безударный [Е]. Росс. Целлариус 1771 (с. 264) в соответствии с этим приводит форму *лебежий* [БАС-1]. Это несоответствие объясняется наличием уже в праславянском двух вариантов: **elbedь* и **elbedь* [ЭССЯ 6:19].

Ряд **говядо* > *говяж-ий* > *говяд-ина* как бы не укладывается в нашу гипотезу о происхождении существительных на *-ин(а)* ‘мясо животного’ от притяжательных прилагательных: есть притяжательное прилагательное с чередованием, а существительное на *-ин(а)* чередования не имеет и, следовательно, происходит непосредственно от существительного. Этимологический словарь славянских языков содержит любопытное противоречие: в праславянском языке восстанавливаются две формы: **govędina* / **govędjina* и в то же время указывается, что это «производное с суф. *-ina* от **govędo*» [ЭССЯ 7:73]. Если так, то неясно, откуда взялся *-j-* в варианте **govędjina*. В то же время *-j-* прекрасно объясним, если допустить, что **govędjina* является производным от прилагательного **govędjь(jь)*.

Колебания между вариантом с чередованием и без чередования в славянских языках, например сербохорв. *говедина* — *говехина*, ст.-чешск. *hovedina* — чешск. *hověžina* (эти и другие примеры см. в [ЭССЯ 7:73]) аналогичны колебаниям в русском языке слов *медведий* — *медвежий*, *медведина* — *медвежина* и указывают по меньшей мере на сосуществование вариантов с суффиксами *-jь-* и *-ьj-*, по-видимому, уже в праславянском языке. Производные *говяжий*, *лебяжий*, *медвежий* указывают на суффикс *-jь-*, а производные *медведий* > *медведина*, **говядий* > *говядина* — на суффикс *-ьj-*.

Таким образом, в пользу наличия *-j-* (и соответственно — отадъективного образования данной группы существительных) свидетельствуют слова с чередованиями Д/Ж: *медвеж-ина*, *лебяж-ина*, *верблюж-ина*, против же этой гипотезы свидетельствует только пара *говяжий* — *говядина*, причем эквиваленты ожидаемому **говяжина* зафиксированы в южно- и (особенно обильно) в западнославянских языках.

Поскольку *медведь*, *лебедь* восходят к праславянскому лексическому фонду, как и суффиксы *-jь-*, *-ina*, есть основания

возвести к нему также слова *медвежий, лебяжий* и *медвежина, лебяжина*. Разумеется, для окончательного вывода результата внутренней реконструкции должны быть соотнесены с результатами реконструкции внешней.

Особого разговора заслуживают слова *осетрина, конина, свинина*. В Обратном словаре русского языка отсутствуют их предполагаемые производящие: **осетрий, *коний, *свиний*. Два первых слова находим в диалектах: *осетрий* [Даль], *коний* [СРНГ 14:254].

Относительно пары *свинья — свинина* В. В. Лопатин указывает, что финаль [j] мотивирующего слова здесь отсекается, тем самым слово *свинья* признается производящим слова *свинина* [РГ 1980, I:193]. Мы же полагаем, что эти два слова — параллельные образования от прилагательного **свиний*: **сви́нье мясо > свинина; *сви́нья самка > сви́нья*. (Не исключено, что и другие исконные существительные на *-ья* образованы через ступень притяжательного прилагательного.)

Производящим прилагательного *свиний* является краткое субстантивированное прилагательное **свинь* [Фасмер III:578]. Эта форма абсолютно точно восстановлена В. Маяковским посредством обратной деривации: «*Вырастет из сына сви́н, если сын — сви́нёнок*». Полный вариант этого прилагательного — *свиной* — благополучно «дожил» до наших дней.

Таким образом, деривационная история слов *свинина, конина, осетрина* такова: **свинь > *свинье мясо > свин-ина, конь > *конье мясо* [СРНГ 14:254] *> кон-ина, осетр > осетрье мясо* [Даль] *> осетр-ина*.

Слова *палтус-ина, осьминож-ина, джейран-ина* своими системными производящими имеют **палтусий, *осьминожий, *джейраний*. Не приходится удивляться их отсутствию в словарях: слово *палтусина* зафиксировано только в [БАС-1], а *осьминожина, джейранина* отсутствуют в словарях и приведены лишь в «Русской грамматике» [РГ 1980, I:193]. Вместе с тем нет сомнения в том, что указанные прилагательные являются полноценными русскими словами, и нет уверенности в том, что они не употреблены уже где-то и не могут быть обнаружены при фронтальном просмотре текстов последнего времени. Таким образом, и эти три слова не могут быть

аргументами в пользу образования слов на *-ин(а)* непосредственно от существительных.

До сих пор мы анализировали слова. Предложенная модель словообразования позволяет не менее успешно синтезировать их. Так, словари содержат только 10 существительных на *-овина* со значением ‘мясо животных’. Учет (по [ОСРЯ]) прилагательных на *-овый*, являющихся их производящими, позволяет при необходимости увеличить число производных более чем в восемь раз: *зме-ёв(ый) > зме-ёв-ина(а)* ‘мясо змеи’, *яз-ёв(ый) > яз-ёв-ин(а)* ‘мясо язя’, *скумбри-ев(ый) > скумбри-ев-ин(а)* ‘мясо скумбрии’, *журавл-ёв(ый) > журавл-ёв-ин(а)* ‘мясо журавля’, *макрел-ев(ый) > макрел-ев-ин(а)* ‘мясо макрели’, *форел-ев(ый) > форел-ев-ин(а)* ‘мясо форели’, *собол-ёв(ый) > собол-ёв-ин(а)* ‘мясо соболя’, *омул-ёв(ый) > омул-ёв-ин(а)* ‘мясо омуля’, *окунев(ый) > окун-ев-ин(а)* ‘мясо окуня’, *изюбр-ев(ый) > изюбр-ев-ин(а)* ‘мясо изюбря’, *хор-ёв(ый) > хор-ёв-ин(а)* ‘мясо хоря’, *ивас-ёв(ый) > ивас-ёв-ин(а)* ‘мясо иваси’, *карас-ёв(ый) > карас-ёв-ин(а)* ‘мясо карася’, *краб-ов(ый) > крабов-ин(а)* ‘мясо краба’, *миног-ов(ый) > миног-ов-ин(а)* ‘мясо миноги’, *носорогов(ый) > носорог-ов-ин(а)* ‘мясо носорога’, *кабарг-ов(ый) > кабарг-ов-ин(а)* ‘мясо кабарги’, *пустельг-ов(ый) > пустельг-ов-ин(а)* ‘мясо пустельги’, *дроздов(ый) > дрозд-ов-ин(а)* ‘мясо дрозда’, *удод-ов(ый) > удод-ов-ин(а)* ‘мясо удода’, *леопард-ов(ый) > леопард-ов-ин(а)* ‘мясо леопарда’, *еж-ов(ый) > еж-ов-ин(а)* ‘мясо ежа’, *морж-ов(ый) > морж-ов-ин(а)* ‘мясо моржа’, *дикобраз-ов(ый) > дикобраз-ов-ин(а)* ‘мясо дикобраза’, *суслик-ов(ый) > суслик-ов-ин(а)* ‘мясо суслика’, *частик-ов(ый) > частик-ов-ин(а)* ‘мясо частика’, *рябчик-ов(ый) > рябчик-ов-ин(а)* ‘мясо рябчика’, *норк-ов(ый) > норк-ов-ин(а)* ‘мясо норки’, *куропатк-ов(ый) > куропатк-ов-ин(а)* ‘мясо куропатки’, *барсук-ов(ый) > барсук-ов-ин(а)* ‘мясо барсука’, *ряпушк-ов(ый) > ряпушк-ов-ин(а)* ‘мясо ряпушки’, *буйвол-ов(ый) > буйвол-ов-ин(а)* ‘мясо буйвола’, *дятл-ов(ый) > дятлов-ин(а)* ‘мясо дятла’, *нельм-ов(ый) > нельм-ов-ин(а)* ‘мясо нельмы’, *кайман-ов(ый) > кайман-ов-ин(а)* ‘мясо каймана’, *вьюн-ов(ый) > вьюн-ов-ин(а)* ‘мясо вьюна’, *карп-ов(ый) > карп-ов-ин(а)* ‘мясо карпа’, *нерп-ов(ый) > нерп-ов-ин(а)* ‘мясо нерпы’, *гагар-ов(ый) > гагар-ов-ин(а)* ‘мясо гагары’, *ягуар-ов(ый) > ягуар-овин(а)*

‘мясо ягуара’, *казуар-ов(ый)* > *казуар-ов-ин(а)* ‘мясо казуара’, *зебров(ый)* > *зебр-ов-ин(а)* ‘мясо зебры’, *зубр-ов(ый)* > *зубр-ов-ин(а)* ‘мясо зубра’, *изюбр-ов(ый)* > *изюбр-ов-ин(а)* ‘мясо изюбря’, *тигр-ов(ый)* > *тигр-ов-ин(а)* ‘мясо тигра’, *выдр-ов(ый)* > *выдр-ов-ин(а)* ‘мясо выдры’, *кенгур-ов(ый)* > *кенгур-ов-ин(а)* ‘мясо кенгуру’, *скунс-ов(ый)* > *скунс-ов-ин(а)* ‘мясо скунса’, *страус-ов(ый)* > *страус-ов-ин(а)* ‘мясо страуса’, *кет-ов(ый)* > *кет-овин(а)* ‘мясо кеты’, *енот-ов(ый)* > *енот-ов-ин(а)* ‘мясо енота’, *аист-ов(ый)* > *аистов-ин(а)* ‘мясо аиста’, *песц-ов(ый)* > *песц-ов-ин(а)* ‘мясо песка’, *гольц-ов(ый)* > *гольц-ов-ин(а)* ‘мясо гольца’, *грач-ов(ый)* > *грач-ов-ин(а)* ‘мясо грача’, *ерш-ов(ый)* > *ерш-ов-ин(а)* ‘мясо ерша’ и т.д. (Соотношение *рак* > *рак-ов(ый)* > *рак-ов-ина* заставляет принять сторону Г. Якобсона, связывающего слово *раковина* с *рак*, а не с **арса*, *рака*, как это делает М. Фасмер [Фасмер III:439].)

Еще более возрастет число потенциальных слов со значением ‘мясо животного’, если принять в качестве производящих существительные на *-ёнок/-ята* и прилагательные на *-ий* (*-ья*, *-ье*).

Рассмотренный материал позволяет поставить и более широкую проблему: в каком отношении находятся друг с другом все существительные, содержащие формант *-ин(а)*. Уже теперь совершенно очевидна связь суффикса *-ин(а)* в существительных со значением ‘мясо животного’ и в существительных, образованных от других прилагательных и причастий; очевидно, что семантика ‘мясо животного’ находится в тесной связи с семантикой ‘шкура, кожа, нора и т.п. животного’ и никак не может быть приписана суффиксу *-ин(а)*, которому больше подходит семантика ‘предмет, характеризующийся отношением к признаку, названному мотивирующим словом’. Нуждается в исследовании связь этих значений с семантикой ‘нечто единичное’: *соломина*, *льдина* и ‘нечто большое’: *домина*, *детина*.

Обсудим теперь те теоретические положения, которые привели В. В. Лопатина к искажению деривационной истории существительных на *-ин(а)* со значением ‘мясо животного’.

Во-первых, это своеобразно понимаемый «историзм». По нашему мнению, историзм состоит в том, чтобы судить о

производном слове с позиций того состояния системы языка, которое она имела на момент образования производного, а не в том, чтобы задним числом подгонять слово, образовавшееся в другое время и в других условиях, под современное состояние языковой системы. Когда идет речь о художественных, философских, научных произведениях, утверждается, что их надо рассматривать в контексте эпохи, в которую они создавались, но как только дело доходит до словообразования, этот принцип отбрасывается и заменяется другим: оценкой с позиций современности того, что является наследием предшествующих эпох.

Сами термины «мотивация», «мотивированное», «мотивирующее» указывают, что исследователя интересует не реальная история слов, а то, как мотивировать имеющиеся в языке слова и значения, не важно, соответствует эта мотивация реальной истории языка или нет.

Теоретическим основанием для такого понимания историзма является разделение словообразования на синхронное и диахронное. «Диахронное С. изучает пути возникновения производных слов в различные периоды развития языка и их первоначальную (этимологическую) словообразовательную структуру, а также исторические изменения словообразовательной структуры слов (см. Опрощение, Переразложение). Синхронное С. изучает систему словообразовательных средств, присущих языку на данном этапе его развития (напр., совр. языку), и структуру слов, определяемую их синхронными (существующими на данном этапе развития языка) мотивационными отношениями с другими однокоренными словами. Синхронная словообразовательная структура слова может совпадать с его первоначальной словообразовательной структурой (напр.: *дом* — *домик*) или не совпадать с ней. Так, слова *путник* и *цветник* исторически образованы с помощью суффикса *-ик* от прил. *путный* и *цветной* (др.-рус. *путъныи*, *цвѣтъныи*), имевших в древности соответственно значения 'относящийся к пути или путешествию' и 'покрытый цветами' (ныне утраченные); в современном же языке эти слова мотивированы только существительными (*путь*, *цветы*) и в них выделяется суффикс *-ник*» [Лопатин, Улуханов 1979:304].

«Диалектическую связь между синхронным и диахронным словообразованием» авторы видят в том, что на базе переразложившихся слов *путник*, *цветник* были созданы посредством суффикса *-ник* уже от существительных слова *коров-ник*, *градус-ник*. Приведенные авторами примеры опровергают их рассуждения. Утверждать, что слова *коровник*, *градусник* образованы от слов *корова*, *градус*, можно лишь в том случае, если ко времени их образования отсутствовали прилагательные *коровный*, *градусный*. Однако эти прилагательные существовали и зафиксированы ранее существительных: *коровный двор* — в 1553 г. [СлРЯ XI—XVII, 7:336], *коровник* ‘хлев для скота’ — в 1578 г. [СлРЯ XI—XVII, 7:335]; *градусный* — не позднее 1766 г. [СлРЯ XVIII, 5:212], *градусник* — в 1847 г. [БАС-1].

Таким образом, вопреки рассуждениям авторов, *коровник* и *градусник* образовались от прилагательных и имеют суффиксы *-н-* и *-ик*. Их деривационная история такова: *корова* > *коров-н(ый) хлев* > *коров-н-ик*; *градус* > *градус-н(ый) измеритель* (показатель, прибор и т.п.) > *градус-н-ик*. Мы видим, что изменения в словах *путник*, *цветник* не имеют никакого отношения к словам *коровник*, *градусник* и не оказывают никакого влияния на их образование, наоборот — последние образованы по той же самой словообразовательной модели, что и первые. Вряд ли можно привести более убедительные доказательства в пользу надуманности различения синхронного и диахронного словообразования.

Словообразование не может быть несинхронным, словообразовательная система всегда определяет форму и семантику лексико-семантического варианта на момент его образования, возникновения и в этом смысле диахроническое словообразование — нонсенс. Деривационная история унаследованных слов остается неизменной — такой, какой она была на момент образования этих слов. Таким образом, единственно возможное синхронное словообразование должно заниматься тем, что авторы называют «диахронным словообразованием»; то же, что они называют «синхронным словообразованием», является в действительности народной этимологией, т.е. искажением деривационной истории слов. Научная и методическая ценность таких построений проблематична.

В. В. Лопатин полагает, что «объектом изучения в словообразовании являются словообразовательно мотивированные слова, т.е. слова, значение и звучание которых обусловлены другими однокоренными словами» [РГ 1980, I:133]. Мы считаем, что значение и звучание производных обусловлено всей деривационной системой языка, в том числе значением, звучанием и сочетаемостью одноаффиксных, а не только однокоренных слов.

Предложенному Г. О. Винокуром и поддержанному большинством отечественных дериватологов пониманию словообразовательной мотивации как «отношения между двумя однокоренными словами, значение одного из которых определяется через значение другого» [РГ 1980, I:133] придается необоснованно большое значение, превращающее его из чисто учебного вспомогательного приема, уместного в и без того очевидных случаях, в «методику правильного определения производной и производной основ» [РЯЭ 1979:43]. В силу этого словарному толкованию производного слова совершенно необоснованно приписывается статус высшего судьи в вопросах деривации. Это тем более странно, что словарное толкование — творение не языка, а лексикографов, тогда как морфологический состав слова (творение не лексикографов, а языка) — самое надежное и непогрешимо-неподкупное свидетельство деривационной истории.

Кроме того, здесь смешаны различные проблемы: проблема определения направления деривации и проблема утраты деривационной связи, десемантизации. В смешении этих двух проблем, до сих пор так и не осознанном большинством лингвистов, кроется, по-видимому, главный корень многочисленных неувязок и несоответствий, вызванных неукоснительным использованием «критерия Винокура».

Центральным понятием дериватологии должно стать понятие деривационной пары. Деривационную пару составляют два однокоренных лексико-семантических варианта (ЛСВ), отличающихся друг от друга на одну и только на одну крайнюю аффиксальную морфему.

1. *Производным* является член деривационной пары с большим числом морфем. (Исключения оговорены в [РГ 1980, I:133].)

2. Направление деривации определяется не на основании словарной дефиниции, а на основании свидетельств деривационной системы языка. Техника определения направления деривации показана на материале проанализированных выше существительных.

Мы исходим из того, что в языке ничто не возникает из ничего — ни в форме, ни в семантике, поэтому каждое чередование, каждый новый морф, каждый новый формант, каждый компонент значения имеют свое происхождение, которое должно быть прослежено и описано.

При расхождении показаний морфемного состава слова и словарного толкования предпочтение следует отдавать морфемному составу слова как безусловной, непосредственно наблюдаемой языковой реальности и объяснение семантики производного искать, опираясь на его морфемный состав, а не усекая или надставляя последний в угоду словарным дефинициям, далеко не всегда безупречным и почти никогда — единственно возможным.

Деривационная система литературного языка и деривационные системы говоров составляют единое целое, поэтому при отсутствии звеньев деривационной цепи в словарях литературного языка вполне правомерно искать их в словарях народных говоров. Ср. аналогичную позицию А. И. Кузнецовой: «Для сравнения однокоренных слов (с целью вычленения общего корня) сознательно привлекаются слова, бытующие во всех языковых подсистемах, а не только в литературном языке, поскольку слова всех подсистем (которые могут быть употреблены в любой другой подсистеме) в большинстве своем устроены из одних и тех же морфем и соединяются друг с другом по одним и тем же законам (по другим правилам и из других морфем складываются поздно заимствованные слова, особенно термины)» [Кузнецова 1988:7].

Семантика производного возникает как результат взаимодействия семантики производящего с деривационной моделью, содержащей требования не только к плану содержания и плану выражения производного, но и к плану содержания и плану выражения производящего. При правильно восстановленной деривационной истории слов нет места так называемым «приращенным» или идиоматическим (т.е. необъяснимым, немоти-

вированным) значениям. Сформулированные принципы, как мы стремились показать выше, обладают большой эвристической силой, позволяют выявлять отклонения от закономерности, реконструировать утраченные звенья, а также дают надежное руководство по переводу «потенциальных» слов в реальные.

Резюмируя, можно сказать, что между словообразованием и этимологией нет и не может быть резкой грани, как нет ее в самом языке. Словообразование — это научная (а не народная!) этимология производных ЛСВ.

Деривационная история существительных на *-ин(а)**

<i>баран</i>	> <i>баранье мясо</i>	> <i>баранина</i> БУОМ
<i>белуга</i>	> <i>белужье мясо</i>	> <i>белужина</i> БУМ
<i>бобр</i>	> <i>бобровое мясо</i>	> <i>бобровина</i> БУ
<i>бык</i>	> <i>мясо бычат</i>	> <i>бычати́на</i> БМ
<i>верблюд</i>	> <i>мясо верблюжат</i>	> <i>верблюжати́на</i> М
<i>верблюд</i>	> <i>верблюжье мясо</i>	> <i>верблюжи́на</i> БУМ
<i>глухарь</i>	> <i>мясо глухарят</i>	> <i>глухаря́тина</i> Б
<i>*говядо</i>	> <i>говяжье мясо</i>	> <i>говядина</i> (вм. <i>*говяжина</i>) БУОМ
<i>голубь</i>	> <i>мясо голубят</i>	> <i>голубя́тина</i> БУМ
<i>гусь</i>	> <i>мясо гусят</i>	> <i>гуся́тина</i> БУОМ
<i>джейран</i>	> <i>*джейранье мясо</i>	> <i>джейра́нина</i> РГ
<i>*жереб-</i>	> <i>мясо жеребят</i>	> <i>жеребя́тина</i> БУМ
<i>заяц/зайца</i>	> <i>мясо зайчат</i>	> <i>зайча́тина</i> БОМ
<i>заяц</i>	> <i>заячье мясо</i>	> <i>заячи́на</i> БУОМ
<i>индюха</i>	> <i>мясо индюшат</i>	> <i>индюша́тина</i> РГ
<i>кабан</i>	> <i>кабанье мясо</i>	> <i>кабани́на</i> БУМ
<i>кит</i>	> <i>китовое мясо</i>	> <i>китовина</i> Б
<i>кит</i>	> <i>мясо китят</i>	> <i>китя́тина</i> РГ
<i>кобыла</i>	> <i>мясо кобылят</i>	> <i>кобыля́тина</i> БУМ
<i>козёл/козла</i>	> <i>козля́ кожа</i>	> <i>козли́на</i> Б
<i>козёл/козла</i>	> <i>мясо козлят</i>	> <i>козля́тина</i> БУОМ

* Условные обозначения: Б — БАС-1, М — МАС-1, О — Словарь Ожегова, У — Словарь Ушакова, РГ — Русская грамматика, 1980.

О синхронии-диахронии в словообразовании

<i>козуля</i>	> <i>мясо *козулят</i>	> <i>козулятина</i> Б
<i>конь</i>	> <i>конье мясо</i>	> <i>конина</i> БУОМ
<i>коша</i>	> <i>мясо кошат</i>	> <i>кошатина</i> БУО
<i>крокодил</i>	> <i>мясо крокодилят</i>	> <i>крокодилятина</i> РГ
<i>кролик</i>	> <i>мясо крольчат</i>	> <i>крольчатина</i> М
<i>куры</i>	> <i>мясо курят</i>	> <i>куратина</i> БУОМ
<i>лебедь</i>	> <i>мясо лебедят</i>	> <i>лебедятина</i> Б
<i>*лебядь</i>	> <i>лебязье мясо</i>	> <i>лебязина</i> Б
<i>лосось</i>	> <i>лососье мясо</i>	> <i>лососина</i> БУОМ
<i>лось</i>	> <i>лосье мясо</i>	> <i>лосина</i> БУОМ
<i>лось</i>	> <i>мясо лосят</i>	> <i>лосятина</i> БМ
<i>марал</i>	> <i>мясо маралят</i>	> <i>маралятина</i> РГ
<i>медведь</i>	> <i>мясо медвежат</i>	> <i>медвежатина</i> БУОМ
<i>медведь</i>	> <i>медведье мясо</i>	> <i>медведина</i> БУ
<i>медведь</i>	> <i>медвежье мясо</i>	> <i>медвежина</i> БУМ
<i>мертвец</i>	> <i>*мертвечье мясо</i>	> <i>мертвечина</i> БУОМ
<i>мертвяк</i>	> <i>мертвячье мясо</i>	> <i>мертвячина</i> БУ
<i>олень</i>	> <i>оленье мясо</i>	> <i>оленина</i> БУОМ
<i>осетр</i>	> <i>осетрье мясо</i>	> <i>осетрина</i> БУОМ
<i>осёл/осла</i>	> <i>мясо ослят</i>	> <i>ослятина</i> БУ
<i>осьминог</i>	> <i>*осьминожье мясо</i>	> <i>осьминожина</i> РГ
<i>палтус</i>	> <i>*палтусье мясо</i>	> <i>палтусина</i> Б
<i>порося</i>	> <i>мясо поросят</i>	> <i>поросятина</i> БУОМ
<i>пёс</i>	> <i>пёсье мясо</i>	> <i>псина</i> БУОМ
<i>сазан</i>	> <i>сазанье мясо</i>	> <i>сазанина</i> БУ
<i>*свин</i>	> <i>*свинье мясо</i>	> <i>свинина</i> БУОМ
<i>севрюга</i>	> <i>севрюжье мясо</i>	> <i>севрюжина</i> БУОМ
<i>сёмга</i>	> <i>семожье/ сёмужье мясо</i>	> <i>сёмжина</i> У
<i>сиг</i>	> <i>сиговое мясо</i>	> <i>сиговина</i> БУ
<i>собака</i>	> <i>собачье мясо</i>	> <i>собачина</i> БУМ
<i>сом</i>	> <i>сомье мясо</i>	> <i>сомина</i> БУ
<i>сом</i>	> <i>сомовое мясо</i>	> <i>сомовина</i> БУОМ
<i>сом</i>	> <i>мясо сомят</i>	> <i>сомятина</i> Б
<i>стерлядь</i>	> <i>стерляжье мясо</i>	> <i>стерляжина</i> БУМ

<i>судак</i>	> <i>судаковое мясо</i>	> <i>судаковина</i> У
<i>судак</i>	> <i>судацье мясо</i>	> <i>судачина</i> БМ
<i>тарбаган</i>	> <i>тарбаганье мясо</i>	> <i>тарбаганина</i> Б
* <i>тел-</i>	> <i>мясо телят</i>	> <i>телятина</i> БУОМ
<i>тюлень</i>	> <i>тюленье мясо</i>	> <i>тюленина</i> БУОМ
<i>угорь/угря</i>	> <i>угрёвое мясо</i>	> <i>угрёвина</i> У
* <i>уть</i>	> <i>мясо утят</i>	> <i>утятина</i> БУОМ
<i>фазан</i>	> <i>фазанье мясо</i>	> <i>фазанина</i> БУ
<i>цыпа</i>	> <i>мясо цыплят</i>	> <i>цыплятина</i> БУ
<i>человек</i>	> <i>человечье мясо</i>	> <i>человечина</i> БУОМ
* <i>чир-</i>	> <i>мясо чирят</i>	> <i>чирятина</i> У
<i>щука</i>	> <i>щучье мясо</i>	> <i>щучина</i> БУ
* <i>ягн-</i>	> <i>мясо ягнят</i>	> <i>ягнятина</i> Б

В. И. Даль как этимолог

Подходя к словарю как к цельному организму (в середине XIX века термины «система» и «холизм» еще не вошли в моду), В. И. Даль стремился отразить эту целостность и в строении словарной статьи, объединяющей все суффиксальные производные, и в связях внутри словаря — отсылки от бесприставочных глаголов ко всем приставочным, и в самих дефинициях слов, почти на столетие опередивших так называемый «принцип Винокура», являющийся, по существу, не чем иным, как обобщением принципа толкований слов, последовательно реализованного В. И. Далем в его словаре.

Таким образом, факт объединения В. И. Далем слов в одну словарную статью означает признание их этимологического родства, а использование однокоренного слова в толковании указывает на то, что именно оно признается производящим для дефинируемого слова. Учет этого факта дает богатейший материал для изучения этимологических взглядов В. И. Даля.

Мы рассмотрим лишь один — довольно частный, но вместе и довольно непростой — случай этимологической интер-

претации В. И. Далем отнумеративных прилагательных на -ичный: *первичный*, *вторичный* и *третичный*.

Исконная последовательность {=ик=ьн_ый} в русском языке существует, и слово *первица* может быть производящим для прилагательного *первичный*. Так его, по существу, и интерпретирует В. И. Даль: «*первичный* — до первины и *первицы* относящ.». У Даля есть *первица* (есть она и в [СРНГ 26:6]: *первица* 'что-либо первое, новое'), *вторица* (у Даля — *вторицею*).

Но уже пример, приводимый В. И. Далем, приходит в противоречие с его этимологией: «*Первичная* зараза — *принятая* и на месте передачи оказавшаяся; *вторичная* — *перешедшая* через кровь и соки в другое место». Специально-научный (медицинский) контекст противоречит народной (диалектной) этимологии.

Все контексты употребления слов *первичный*, *вторичный*, *третичный*, *четвертичный* в значении 'относящийся к известной стадии в развитии чего-либо' жестко привязаны к специальным (научным) текстам и контекстам.

По свидетельству Ю. С. Сорокина, «этот ряд развился в научном языке середины XIX в.» [Сорокин 1965:284]. Следовательно, этимология В. И. Даля — сомнительна, и есть основания для предположения об интернациональной природе суффикса {-ик}.

Взаимодействие исконной и интернациональной систем аффиксации, на наш взгляд, происходило так: основа *перв_ый* в интернациональной системе аффиксации была оформлена интернациональным адъективным суффиксом -ик, что дало интернациональную основу *первик-*, которая, в свою очередь, в исконной системе аффиксации была оформлена адъективным суффиксом -ьн_ый, что и дало прилагательное *первичный*. Аналогично были образованы прилагательные *вторичный*, *третичный*, *четвертичный*.

Строго говоря, В. И. Даль не столько ошибся, сколько не различил два ряда сходных образований. Один ряд шел от церковнославянизма *двоицею* «вдвое больше», *троицею*, *четверицею*, *пятерицею*, *шестицею*, *семерицею*, (*в*)*осьмерицею*, *девятерицею*, *десятерицею* и *сторицею*. Параллельно в словаре

В. И. Даля есть и существительные мужского рода: *четверик, пятерик, шестерик, семерик, (в)осьмерик, девятерик, десятерик, одиннадцатерик и семнадцатерик*, также подходящие на роль производящих для прилагательных на *-ичный*. Все эти слова являются производными от собирательных числительных: *двое, трое, четверо, пятеро* и т.д., тогда как второй ряд производных — прилагательные *первичный, вторичный, третичный, четвертичный* образованы от порядковых числительных *первый, второй, третий, четвертый*.

Для этих слов у В. И. Даля также были производящие: *первица, вторица, третица*. И только для прилагательного *четвертичный* не было производящего **четвертица*. От имевшегося же *четверица* было образовано прилагательное *четверичный*. Именно оппозиция *четверичный* (< *четверица* < *четверо*) || *четвертичный* (< **чертвертик*- < *четвертый*) и составляет единственную позицию различения (релевантности) двух рядов производных: исконных и интернациональных. Но... как раз прилагательного *четвертичный* во времена В. И. Даля еще и не употребляли: «*четвертичный* также закрепляется в этой терминологии, но, видимо, позднее (оно отсутствует у Толля) {т.е. в 1863—1875 гг. — А.К.}» [Сорокин 1965:284]. Как видим, у В. И. Даля просто не было материала для различения двух рядов производных. И если мы сегодня можем их различить, то только благодаря прилагательному *четвертичный*, вошедшему в употребление уже после смерти великого лексикографа.

Таким образом, в современном русском языке следует различать два ряда производных образований. Один — *единичный, двоичный, троичный, четверичный, пятеричный, шестеричный, семеричный, восьмеричный, девятеричный, десятеричный, двадцатеричный* (например, системы счисления), образованные от исконных слов *единица, двоица, троица, четверица* или *четверик* (считать *четвериками, десятериками, двадцатериками*). Другой — *первичный, вторичный, третичный и четвертичный* — от интернациональных адъективных основ *перв=ик, втор=ик, трет=ик, четверт=ик* ‘первый, второй, третий, четвертый’, оформленных по модели *такт > такти́к > тактичный, идиот > идиоти́к > идиоти́чный, деспот >*

деспотик > *деспотичный*, *анекдот* > *анекдотик* > *анекдотичный*, *эрот* > *эротик* > *эротичный* и т.д.

Существительные же *вторица* и *третица* ‘что-либо делаемое или случающееся во второй, третий раз’ являются производящими для прилагательных *вторичный* ‘бывающий или случающийся в другой раз’ и *третичный* ‘бывающий, делаемый в третий раз’ [Слов. 1847]. Прилагательное же *первичный*, судя по всему, с самого начала образовалось от интернациональной основы со значением ‘представляющий собой первую, начальную ступень (обычно отличающуюся меньшей сложностью)’ [БАС-1 9:391]. Ср. мнение Ю. С. Сорокина: «Здесь можно видеть новообразование по типу уже существовавших прилагательных *вторичный*, *третичный*, но подвергшееся семантической индукции и неожиданно сближенное с прилагательными ‘первоначальный’, ‘первообразный’ и т.д. В свою очередь, прил. *вторичный* испытало обратное семантическое воздействие со стороны вновь образованного *первичный*» [Сорокин 1965:284].

Изложенные выше соображения позволяют скорректировать мнение и современного ученого: неожиданность семантики объясняется тем, что слово *первичный* образовалось не по модели исконных слов *вторичный*, *третичный*, а по новой модели через ступень интернациональной основы. Никакой индукции и влияния не было. Были словообразовательные омонимы *вторичный* и *третичный* с исходно различной семантикой: ‘происходящий в N-ый раз’ — у исконных производных и ‘относящийся к N-ой стадии развития чего-л.’ — у интернациональных, образованных в научной подсистеме языка.

Отнумеративные прилагательные и их производящие, представленные в Словаре Даля

Вторичный, вторительный, повторительный, повторившийся, случившийся не впервые, вдвойне, другожды, вдругорель.

Третичный, что делается, *случилось* третично, третицею церк. третие, третьема, в третий раз. Третичное напоминание. *Шед, паки помолися третицею*, Матф. *Се уже третице явися учеником своим*, Иоан. | *Третицею*, то же, *втрое* или *трижды*. Отдам ему *третицею*.

единица	четверица	(в)осьмеричный
единичный	четверичный	девятерик
первица	пятерик	девятерица
первичный	пятерица	девятеричный
вторица	пятеричный	десятерик
вторичный	пятица	десятерица
двоица	шестерик	десятеричный
двоичный	шестерица	десятица
третица	семерик	одинадцатерик
третичный	семерица	семинадцатерик
троица	семеричный	двадцатерик
троичный	восьмерик	двадцатеричный
четверик	осьмерица	сторица

Некоторые аспекты реконструкции индоевропейских гуттуральных*

Всё меньше остаётся оснований для того, чтобы сохранять устаревшие общиндоевропейские реконструкции, выведение из которых праславянских и исторических славянских ... форм во многих отношениях затруднительно. <...> Очевидно, настало время нового синтеза достижений славянского языкознания и сравнительно-исторической грамматики индоевропейских языков...

В. В. Иванов. Отражение индоевропейского CASUA INDEFINITUS в древненовгородском диалекте (Russian Linguistics. 1985. Vol. 9. P. 332—333)

С самого своего появления концепция трех рядов гуттуральных имела немало слабых мест. Август Шлейхер, впервые реконструировавший фонетическую систему праязыка как целое, восстановил всего три гуттуральных: *k, *g, *gh. Нестрогость соответствий, установленных А. Шлейхером, не удовлетворила позднейших исследователей, и трудами Г. Асколи, А. Фика с его учениками и А. Беценбергера в последней четверти XIX в. была создана гипотеза трех рядов индоевропейских гуттуральных: велярного — *k, *g, *gh, лабиовелярного — *kʷ, *gʷ, *gʷh; палатального — *k̟, *g̟, *g̟h.

* Статья является переработанным вариантом доклада на I Международном съезде балтистов (Вильнюс, 1985 г.).

Во втором издании «Grundriss'a» (1897) эта гипотеза была, по меткому замечанию И. М. Тронского [1967:24], «канонизирована» К. Бругманном. Так младограмматики, декларировавшие всеобщность фонетических законов, дали закон, имеющий далеко не единичные исключения. Мало того, что ни в одном из индоевропейских языков не зафиксировано трех рядов гуттуральных, а имеется только два, оказалось, что не всегда палатальный ряд гуттуральных в языках сатэм представлен в виде шипящих (ассибилантов). Известно несколько десятков исключений, когда на месте ожидаемых *s(š)*, *z(ž)*, *j*, *h* оказываются *k*, *g* (*gh*).

Хотя наибольшую неудовлетворенность гипотезой трех рядов гуттуральных испытывают исследователи сатэмных языков, у исследователей языков кентумных, как отмечает С. Д. Кацнельсон, также есть основания для недовольства: «в группе *centum* в корнях с лабиализованными встречаются не только лабиализованные, но и чистые велярные» [Кацнельсон 1958:56]. И хотя закономерные соответствия всё же преобладают, на протяжении более чем столетия велись интенсивные поиски объяснения исключений.

Первое и самое естественное направление поиска — фонетическое объяснение: позицией [Hirt 1900; Бурлакова 1962] или ассимиляцией [Мейе 1951].

Второе — межъязыковые контакты: В. Н. Чекман эти исключения рассматривает как следы исчезнувшего балто-славянского кентумного диалекта [Чекман 1974].

Большинство современных исследователей восстанавливает в праязыке не три, а два ряда гуттуральных: лингвисты, исходящие из показаний языков сатэм, — велярный и лабиовелярный ряды [Georgiew 1981], а лингвисты, исходящие из данных языков кентум, — велярный и палатальный ряды [Kurilowicz 1956]. А. Мейе восстанавливал в праязыке палатальный и лабиовелярный ряды, считая, что в языках сатэм произошла делабиализация, а в языках кентум — депалатализация одного из рядов [Meillet 1936].

Третья группа исследователей предполагает наличие в праязыке одного ряда гуттуральных, из которого возникли остальные [Safarewicz 1945; Семереньи 1980:165—166; Младенов 1936:189—190 и др.]. Против этой точки зрения выдвигают

следующие возражения. «Попытки выведения всех трех серий из одной», — пишет И. М. Тронский, — могут делаться лишь в порядке дальней реконструкции. Курилович справедливо замечает, что они лишь кумулируют трудности, присущие гипотезам о двух рядах» [Тронский 1967:35—36].

В. В. Мартынов, опираясь на типологические данные, убедительно показывает, что три ряда и исторически, и типологически могли возникнуть лишь из одного. Вместе с тем реконструкция одного ряда гуттуральных признается невозможной: «При условии первичности одного ряда гуттуральных в индоевропейском праязыке с последующей лабиализацией и палатализацией ожидалась бы реализация всех четырех теоретически возможных соответствий между зонами *centum* и *satem*», чему, по мнению В. В. Мартынова, мешает «невозможность соответствия лабиовелярный (*centum*) — сибилант (*satem*)» [Мартынов 1968:82].

Именно в этом утверждении мы и склонны усомниться. Соответствия «лабиовелярный (кентум) — сибилант (сатэм)» не были обнаружены по двум причинам: во-первых, учитывались данные только литературных языков; во-вторых, пристальное внимание к фонетике не было фонологичным, не строилось на принципе смысловоразличения и в силу этого не сопровождалось столь же пристальным вниманием к семантике.

В связи с этим представляется продуктивным обращение к данным диалектов и сопоставление сходных (или закономерно различающихся) по семантике слов, фонетическое различие которых сводится к оппозиции «велярный — сибилант» (сатэм), «велярный — лабиовелярный» (кентум) или «лабиовелярный (кентум) — сибилант (сатэм)».

Гипотезы трех и двух рядов гуттуральных не дают объяснения семантическому тождеству слов, различающихся лишь рефлексам гуттуральных «разных рядов», и трактуют его как случайное. Однако семантический и словообразовательный анализ показывает, что мы имеем дело с семантически и словообразовательно закономерными явлениями, а это — наряду с многочисленностью таких «случайностей» — заставляет предполагать наличие и фонетической закономерности.

Дальнейшее изложение направлено на доказательство существования указанных соответствий. Доказать же их наличие —

значит доказать состоятельность концепции одного ряда гуттуральных, а также гипотетическое родство корней, различающихся лишь рефлексами гуттуральных разных рядов. На этом последнем мы особенно настаиваем.

Поскольку наше исследование основано, по преимуществу, на показаниях балтийских и славянских языков, а рефлексы веллярного и лабиовеллярного ряда в балто-славянских языках совпадают, различить эти два ряда мы сможем лишь при наличии соответствий в кентумных языках (латинский, греческий, готский и др.). Если некоторые наши примеры и не покажут соответствий лабиовеллярного ряда палатальному, то, по крайней мере, умножат число примеров сатэм-кентумной дублетности, что также будет способствовать ослаблению гипотезы трех рядов гуттуральных.

Обратимся к анализу материала.

1. **g^hher* ‘блистать’ — **g^uher* ‘гореть, пылать’. Начнем с корней, к которым принадлежат глаголы *гореть* — *зреть*. К корню **g^uher* наряду с глаголом *гореть* принято возводить и старославянское существительное *жеравь* ‘горящие угли’, а к корню **g^hher* — наряду с глаголом *зреть* ‘видеть, сиять’ — и существительное *заря*, лит. *žarija* ‘горящие угли’. Уже сам факт наличия в корнях, признаваемых разными, слов с одинаковой семантикой должен был бы насторожить исследователей, заставить их искать объяснения этому факту. Однако эпоха примата фонетики над семантикой не только делала это невозможным в XIX в., но и создала такую силу инерции, что преодолеть ее и в настоящее время не так уж просто.

Итак, вопрос первый: как и почему в «разных» корнях оказались слова сходной семантики? Это не только ст.-слав. *жеравь* и лит. *žarija*, *žarijos* ‘раскалённые угли’, но и русск. *жар*, др.-инд. *haras* ‘жар’, др.-инд. *gharma* ‘жар’, др.-ирл. *gor* ‘теплота’, ‘огонь’, др.-греч. *θεροσ* ‘жара, урожай’, лат. *formus* ‘тёплый’, относимые к корню **g^uher*, и алб. *žar* ‘огонь’, прусск. *sari* ‘жар’, лтш. *sārts* ‘костёр’, относимые к корню **g^hher*. К этому ряду следует отнести и примеры, приведенные В. Н. Чекманом: лит. *gairuoti* ‘светиться, блестеть’, *gaisras* ‘пожар, зарево от пожара, зарево перед восходом солнца или месяца’, лтш. *gaišs* ‘воздух’ (предположительно корень **g^uher*) и лит. *žerėti* ‘сиять’, *žaisrus* ‘образующий зарево’ (ко-

рень **g^her*). Показательно, что лит. *gariti* ‘гореть, испаряться’, *gāras* ‘пар, угар’, лтш. *garot* ‘испаряться’, *gars* ‘пар в бане’, *garaiņi* ‘пар от дыхания’ этимологи относят к корню **g^her* ‘гореть’, а лтш. *gaiss* ‘воздух’ — к корню **g^her* ‘сиять’ [Чекман 1974:126].

Итак, первый аргумент и первое затруднение — семантическое тождество слов в «разных» корнях.

Второй аргумент — постоянное, регулярное появление у слов со значением ‘гореть, пылать’ значений ‘сиять, светиться, излучать свет’. Примеры: русск. *гореть* (*звёзды горят*), *пылать* ‘излучать свет’ (*звезда пылала над самой землёй*), *пламенеть* (*Ночью тихо пламенеют разноцветные огни*), *теплиться* ‘излучать слабый свет’ (*Звёзды едва теплились*). Ср. в значении ‘начать светиться, испускать свет’ глаголы: *загореться*, *зажечься*, *вспыхнуть*, *затеплиться*. В других языках: лит. *pliskėti* — 1) ‘полюхаться, пылать’, 2) ‘блестеть, светиться’; *žiburys* — ‘огонь, свет’; лат. *flammo* ‘пылать, гореть, сверкать’, *flagro* — ‘гореть, сверкать’ (*okuli flagrant*); *ignis* — ‘огонь, пожар’, ‘головня, факел’, ‘горящий костёр’, ‘молния’, ‘небесное светило’, ‘жара, зной’¹⁹, ‘блеск, сияние’.

Число примеров из разных языков можно было бы увеличить, поскольку переход типа ‘огонь’ > ‘свет’ в индоевропейских языках очень распространен и встречается как в истории этих языков, так и в современном их состоянии. Для нас важно отметить, что значение ‘свет’, ‘блеск’ развивается от значения ‘огонь’, а не наоборот. У слов *блестеть*, *сверкать*, *сиять* и им подобным значение ‘гореть’ не развивается. Это утверждение справедливо для подавляющего большинства случаев: ср. англ. *glare* ‘сиять, светить’, *gleam* ‘излучать мягкий свет’, *shine* ‘излучать или отражать свет’. Особняком стоит англ. слово *to light*: 1) ‘зажигать огонь (сигарету) или включать лампу (свет)’; 2) ‘освещаться’; 3) ‘освещать’. Думается, этот пример свидетельствует не столько о развитии значения ‘огонь’ из значения ‘свет’, сколько о том, что вторичные

¹⁹ Кстати сказать, греч. *θερος* ‘летняя жара’, ‘урожай’ заставляет поставить вопрос о генетическом родстве глаголов *зреть* ‘сиять’ из ‘гореть’ и *зреть* ‘поспевать, созревать’. Греческое слово показывает, каким образом значение ‘тепло, жара’ может быть связано со значением ‘урожай’.

Некоторые аспекты реконструкции индоевропейских гуттуральных значения являются каузативно-начинательными дериватами значения 'светиться'. Аналогичные примеры есть и в русском языке. Ср. у Пушкина: «Засветила богу свечку». То же и в лат. *luceo* — 1) 'быть светлым, светить, светиться'; 2) 'блестеть, сиять, сверкать'; 3) 'рассветать'; 4) 'возжигать, зажигать' (*facem*). Интересно, что и в английском, и в русском, и в латинском языках значение 'зажигать' реализовано не во всем объеме, а лишь применительно к специальным осветительным (или курительным) устройствам. По сути, это не семантика горения, а семантика приведения (светильника или сигареты) в рабочее состояние.

Как видим, случаи семантического переноса 'огонь' > 'свет' в древних и современных индоевропейских языках представлены очень широко и составляют несомненную семантическую фреквенталию. Случаи переноса 'свет' > 'огонь' редки и при внимательном рассмотрении оказываются связанными не столько с огнем, сколько со специальными приборами и устройствами для его добывания и поддержания. Этот семантический процесс явно вторичен и нов, а древним является перенос 'огонь' > 'свет'. Таков второй аргумент.

Однако на пути признания родства корней **g^hher* и **g^her* встает самый серьезный — фонетический — барьер в виде гипотезы о трех рядах индоевропейских гуттуральных, согласно которой корни не могут быть признаны родственными, поскольку содержат генетически различные звуки: **g^hh* (гореть) и **g^h* (зреть).

Следует отметить, что концепция трех рядов гуттуральных «не работает» даже в пределах корня **g^hher*. Мы имеем в виду случаи сатем-кентумной дублетности: лит. *žerėti* 'сиять' — *garėti* 'испаряться', *žaruoti* 'гореть' — *garuoti* 'испаряться', 'улетучиваться', *gairuoti* 'светиться, блестеть'; *žaisrus* 'образующий зарево' — *gaĩsras* 'пожар, зарево от него или перед восходом светила'.

Отметив это, обратимся к объяснениям семантического сходства рефлексов корней **g^hher/g^her*, имеющих в работах исследователей. Семантическое и фонетическое сходство этих корней и их рефлексов отмечалось М. И. Бурлаковой: «Аллофоны k(g) и s(z) стали фонемами после k^u → k, g^u → g, когда образовались противопоставления типа: ст.-слав. grĕti, grĕjo;

žeravъ, gъpъ и др., лит. gāgas, лтш. grs и ст.-слав. zrěti, zrějo» [Бурлакова 1962:64]. Это высказывание вроде бы можно понять как признание генетического родства двух корней и соответственно — двух рядов заднеязычных. Но в таком случае не вполне ясным выглядит соотнесение с тем же ст.-слав. zrěja, zreti слов корня *požbra, požrěti*, лит. *geri*, лтш. *dzeru, dzeri* и др., а равно и следующее далее сравнение ст.-слав. *gъnati, žena*, лит. *geni, genu* со ст.-слав. *znati, znaja*. На фоне таких сближений трудно утверждать, что М. И. Бурлакова имела в виду генетическое родство корней **g^hher* ‘гореть’ и **g^hher* ‘блистать’.

Следующее по времени сближение данных корней встречаем у И. М. Тронского: «При реконструкции общеиндоевропейского языкового состояния мы иногда находим синонимичные корни, имеющие близкое звучание. Когда алб. *zjar* ‘огонь’ и лит. *žagojos* ‘пылающие уголья’ указывают на индоевропейский палатальный, а греч. *θερμος* ‘тёплый’ совместно с лат. *fogus* и др.-инд. *gharman* (имеются в виду *gharma*. — А.К.) представляют собой отражения индоевропейского лабиовелярного, перед нами не один корень, а два близких по значению, дифференцированных отличием между звуками, принадлежащими двум рядам гуттуральных» [Тронский 1967:27].

В данной цитате особенно примечательна аргументация того, почему перед нами не один, а два корня: поскольку семантического различия реконструируемым корням мы приписать не можем, свидетельством их синонимичности (= неотжественности) является «отличие между звуками, принадлежащими двум рядам гуттуральных». Если я попытаюсь утверждать, что в современном русском языке существуют два синонимичных корня *галош-и* и *калош-и*, дифференцированные отличием между звуками [к] и [г], то такое утверждение вызовет в лучшем случае улыбку, а когда речь заходит о реконструируемом языке, то подобное утверждение считается в порядке вещей. Материал показывает также, что лабиовелярный вариант корня возник ранее палатального. География варианта **g^hher* ‘гореть’ широка: Индия, Иран, Армения, Греция, Рим, германские, кельтские, балтийские и славянские племена. Рефлексы же варианта **g^hher* ‘светиться’ надеж-

Некоторые аспекты реконструкции индоевропейских гуттуральных
но представлены лишь в славянских, балтийских и албанском
языках и представляют албано-балто-славянскую изоглоссу,
подкрепляющую полученную на фонетическом материале ги-
потезу О. С. Широкова об албано-балто-славянском единстве
[Широков 1959].

2. **g^hhel-/g^hhel-* ‘желчь’. Лат. *fellis* ‘желчь’ указывает на пра-
индоевропейский гуттуральный **g^hh*, тогда как ст.-слав. *зльчь*
‘желчь’ и лит. *žultis* — на *gh*.

Перейдем к рассмотрению материала, который дают нам
русские диалекты²⁰.

3. **g^hhou-/g^hhou-* ‘кричать’ > ‘звать’ > ‘говорить’. Гóвка —
кличка коровы. Ср. *говкунуть*: *Чую, что-то говкнуло*. Пин-
неж., Арх. [Матвеев 1961]. *Зов* — призыв, клич. *Зовучка* —
слово, являющееся обращением. Ср. в литературном языке
гов-ор — *зов*, *гов-ор-ю* — *зов-у*. В. Н. Чекман относит к это-
му корню слав. **gověti* ‘поститься к исповеди, почитать, вос-
хищаться, молчать’. Мы поддерживаем (несмотря на семан-
тические трудности: думается, более древнее значение корня
представлено в глаголе *благоговеть*) идею о родстве глаголов
говеть и *звать*, но если русск. *звать*, лит. *žavėti* ‘околдовыв-
вать, восхищаться’, лтш. *zavēt*, др.-инд. *havate*, Авест.
zavaiti ‘зовёт, призывать’ указывают на корень **g^hou-*, то *го-
веть*, лат. *favēre* ‘благоговейно молчать’ и греч. *βοη* ‘крик’ —
на корень **g^hou-*. Пример из латинского языка свидетельству-
ет еще об одном семантическом схождении при фонетическом
расхождении: *faveo* — *ēre* и *hāveo=āveo* в значении ‘желать,
стремиться’ и ‘страстно желать, жаждать’ соответствуют оппо-
зиции **g^hh*:**gh*, *gh*, а примеры из языков группы сатэм пока-
зывают, что мы имеем дело с оппозицией **g^hh*:**gh*.

4. *гудеть* ‘издавать длительный протяжный низкий звук’
— *зудеть* ‘издавать монотонный звенящий звук’. Напр.: *Тучи
комаров зудели в вышине* (Пауст. Дал. годы) и отглагольные
существительные *гудение* ‘действие по значению глагола гу-
деть, а также звуки этого действия’ и *зудение* ‘монотонное
звенящее гудение’. Напр.: *Запах сирени, гуденье жуков ...
как всё это ... необыкновенно* (Чехов. Моя жизнь). *Сквозь
однообразный вой метели слышал он едва уловимый слухом,*

²⁰ Диалектный материал извлечен из СРНГ (буквы Г, З).

тонкий, звенящий стон, похожий на зуденье комара (Чехов. Вельма).

5. *гля* — *зля* (предлоги с род. пад. 'для'). Например: *Не гля меня, а гля тебе же*. Пошех. Ярослав. 1849. *Зля того*: Калуж. 1848, Курск. *Ни зля кого*. Орл. *Зля веселья*. Смол.

6. *гыбать, гыбка* — *зыбать, зыбка*. Диалектные глаголы *гыбать* и *зыбать* имеют значение 'укачивать ребёнка в колыбели' и даны в словаре с пометами Перм., Арх., Урал, Ср. Урал., Пск., Новг., КАССР. Существительные *гыбка* — *зыбка* означают 'детская колыбель, обычно подвешиваемая к потолку на шесте или пружине'. Первое отмечено в новг. 1848, вологод., пск. говорах, второе — в яросл., твер., новг., пск., ленингр., олон., КАССР, арх., вологод., костр., вят., киров., перм., урал., горьк. Сюда же можно присоединить и литературные прилагательные *гибкий* — *зыбкий* в значениях 'легкогибаемый, упругий' и 'неустойчивый, легкоприходящий в колебание'.

7. *глотуха* — *злотуха* в значении 'ягоды черёмухи'. *Глотуха* — Ярослав. 1846, Пошех., Ярослав. 1849, Новг., Вологод. *Злотуха* — Пошех., Ярослав. 1849. В Словаре Даля *глотуха* — то же, что *глоти́ха*, а *глоти́ха* — растение, черёмуха обыкновенная'. Ярослав.

8. *гуркать* — *зуркать*. Глагол *гуркать, гуркнуть* имеет несколько значений: 'ворковать', 'говорить, звать, шептать на ухо по секрету', 'тихо греметь (об отдалённом громе)' и дан с пометой Олон. 1885—1889. Фонетический вариант этого глагола *гургать* имеет значение 'стучать, греметь' в северных говорах: яросл., вологод. 1847, яросл., вологод. 1849, яросл., вологод. 1839. У В. И. Даля есть глагол *гургаться* в значении 'стучаться в дом, в двери', образованный, видимо, от диалектного существительного *гург* 'стук, шум, гром' (Яросл., Вологод. 1902). Глаголы *зуркать* и *зуркаться* 'стучать' и 'стучаться' в словаре имеют пометы: Сарап., Вят. 1903, Урал., Вят., Слобод., Котельн., Вят. 1884 и Даль — Перм., Шушен., Краснояр. 1967.

9. *гыкать* — *зыкать, гичать* — *зычать* в значении 'кричать'. *Гыкать* — 'кричать по-лебяжьи'. Олон. 1885: *Как белы лебеди гычут*. В общем значении 'кричать' употребляются в русских диалектах и глаголы *зыкать, гичать, зычать*, причем

зычать отмечено и в значении ‘издавать громкие звуки (о птицах или о подражании птичьему крику)’: *Речь говоришь как бела лебедь кричишь. Ты кричишь и зычишь, моё сердце веселишь* (песня). Чердын., Перм., Терск., Онеж. *Гичать* отмечено в дон. и терск. говорах, а *зычать* — в вят., перм., киров., вологод., арх., костром., беломор., тобол., печор. Несомненно, сюда же можно отнести и литературные *гикнуть* — *зыкнуть* в значении ‘издать резкий и отрывистый звук, вскрикнуть’.

10. *гойкать* — *зойкать* и производные в значениях: 1) ‘кричать, издавать крики, вопли’; 2) ‘звать, призывать кого-л. криком’. Глагол *гойкать*, *гойнуть* отмечен в новг. и вологод. говорах, а *зойкать* — в арх. 1970 от *зой* ‘крик, шум’ арх. 1952. У В. И. Даля находим глагол *зоевать* ‘кричать’ и прилагательное *зойный* ‘шумный, крикливый’. В север., олон., арх. диалектах отмечен и глагол *зоить* ‘громко говорить’.

11. *гук* — *зук*, *гукать* — *зукнуть*, *гучать* — *зучить*. *Гук* — ‘громкий крик’ Смол. 1853; ‘эхо’ Смол., Пск. 1902 — 1904. *Зук* тоже имеет два значения: 1) ‘звук, гул, шум’; 2) ‘молва, слух, весть, известие’. *Гук* и *зук* могут быть и подзвонными свиней. Первое — в калуж. и смол. говорах, второе — в печор., пск. 1964.

Глаголы *гукать* и *зукнуть* употребляются в диалектах в значении ‘звать, призывать кого-л. криком’. Курск., Смол. 1852: *Баба со страху зукнула* (вскрикнула. — А.К.) и *на землю пала*. Урал. 1930. Ср. *зукъ* — сербск., ц.-слав., в.-луж., н.-луж. *zik* ‘звук, тон’, в.-луж. *zuknus*, н.-луж. *ziknus* ‘звучать’. Глаголы *гучать* — *зучить* отмечены в значении ‘гудеть’.

12. *гурнуть* — *зырнуть* в значении ‘прибыть, прибавиться (о воде в реке)’ и ‘налить слишком полно, много’. В глаголе *зырнуть* мы видим другую ступень вокализма в корне. Первый глагол отмечен в петрозав., олон. 1896 говорах, второй — во влад. 1910.

13. *гнобить* — *знобить*. *Гнобить* — ‘мучить, отягощать кого-л. (обилием дел и забот)’. Касим., Ряз. 1850. *Знобить*: 1) ‘страдать (от любви)’; 2) ‘заставлять страдать (от любви)’. Смол. 1907. Ср. лит. *gnaibyti* ‘щипать’ и *žnaibyti* ‘щипать’ [Чекман 1974:127].

14. *гмыза* — *змыза*. Слово *гмыза* зафиксировано как бранное слово в арх. говорах. 1920. Оно явно связано с глаголом *гмызить* ‘сердиться, ворчать, брюзжать’, отмеченным в красноуфим., перм. говорах и В. И. Далем в вологод. Слово *змыза* употребляется ‘о кокетливой женщине, любящей наряжаться’: *Ишь какая змыза идёт*. Вологод. 1902. Толкование этого слова вполне соответствует определению слова *гмыза* как бранного, но находится в курьезном несоответствии с приводимым примером.

15. *гмырить* — *змыркнуть*. Оба слова имеют одинаковую семантику: первое — *гмырить* ‘говорить протяжно, нараспев, вяло, в нос’ и *гмырять* ‘говорить медленно, нараспев, растягивая слова’ — записано в южносиб. 1847 и урал. 1930 говорах; второе — *змыркнуть* ‘невнятно сказать, произнести что-л.’: *Он че-то змыркнул мне, а я его не понял* — в кемер. 1964.

16. *гобзить* — *зобзун*. *Гобзить* — ‘прикармливать, пичкать, обильно кормить’: *Своих детей то и знай гобзит, а пасынок голодный бегаёт*. Ростов., Яросл. 1902. Ср. также пример с производным глаголом *угобзить*, встретившийся нам у М. Е. Салтыкова-Щедрина: «(Они) за тем только всех равными кусками потчуют, дабы собственную нерадивую праздность при сём случае угобзить». *Зобзун* — ‘птенец кукушки’ (перв. ‘выкормыш’. — А.К.). Беломор., Марков.

Вряд ли правомерно при возведении *гобзить* (через *gobziti* и **gobzъ*) к гот. *gabeigs* ‘богатый’ видеть заимствование [ЭССЯ 6:185], поскольку в таком случае необъясним начальный *з* в слове *зобзун*. Вероятнее, что заимствованием является лишь **gobigъ*, чем и объясняется отсутствие 3-й палатализации заднеязычного после *l*, отличие в количестве гласного от **gobzъ*, а также пограничный и крайне узкий (исключительно чешский) ареал его распространения. В таком случае **gobzъ* и *gabeigs* могут быть параллельными славянским и германским вариантами общего предка. Маловероятно, что одно и то же слово было заимствовано дважды: до и после 3-й палатализации.

17. *годно*, *гóже* — *зодко*. *Годно* — ‘хорошо’. Заволжье, Казан. 1885, Урал.; ‘хорошо’, ‘красиво’. Малмыж., Вят. 1897, Соликам., Перм. В том же значении широко распространено в русских говорах и *гóже*, *гóжо*, *гожó*. Вят. 1896, Мал-

мыж., Слобод., Тамб., Курск., Влад., Твер., Новг., Тобол., Перм., Пенз., Ряз. В значении 'хорошо, красиво' отмечено и слово *зодко́*: *Уж так ли у него в покоях зодко́*. Ростов., Яросл. 1902.

18. *га́йда* — *за́йда*. *Га́йда* является прозвищем и отмечено в курск. 1900—1901 говорах. *За́йда* известно в смол. говорах в двух значениях: 'капризный человек' Смол. 1914 и 'нервная, истеричная женщина': *Инна такая зайда, её не чипай*. Смол. 1914.

19. *го́гать* — *зозуля*. *Го́гать* — 'шуметь, гудеть': *Ишь как у тля прялка-то гогаает*. Вологод. 1883—1889. *Зозуля* — 'кукушка' (первоначально 'птица, которая шумит, гудит' = кукует. — А.К.). Слово широко распространено в говорах: зап., южн., курск., твер., тобол., Латв. ССР, укр. *зозуля*, блр. *зазуля*.

20. *го́га* — *зоза*. *Го́га* — 'насмешливое, обидное прозвище смешливого человека'. *Зо́за* — 'неаккуратный, немыйтый, грязный человек'. Калязин, Твер. 1850.

21. *гавкать* — *завкать*. *Гавкать* в говорах наблюдается в трех значениях: 'лаять', иногда о людях, плачущих детях. Ниж.-Дон. 1929; 'говорить то, что не нравится, часто надо-едасть', 'ругать, бранить'. Тул. *Завкать* — 'кричать' и *завкнуть* — 'громко и неожиданно крикнуть' отмечено в орл. 1928 и тул. говорах.

22. *гну́дья* — *зну́дить*. *Гну́дья* — 'лихорадка'. Онеж., КАССР, Калинин 1933. *Зну́дить* — 'ломить, болеть'. Ср. *зныдэ́ть* — 'ощущать ноющую боль': *Палец зныдит*. Брян. Преображенск.

23. *гнеті́ть* — *знеть*, *знéять*. *Гнеті́ть* — 'разжигать (огонь)', 'подкладывать огонь под костёр или в печку'. Петерб., Арх. 1907. У Срезневского *гнѣсти*, *гнѣту* 'зажигать'. Того же корня *загнётка* — 'ямка на предпечье, куда сгребается жар', *гнетья́*, *гнётья́* — 'лучина, шепки для растопки печи' и *загнэ́та* — 'растопка, щепка, лучина'. Арх. Даль. В значениях 'чуть-чуть гореть, тлеть' и 'блестеть, пламенеть, краснеть (о раскалённом металле)' употребляются в говорах глаголы *знеть* и *знéять*. Новг., Олон. 1889, Олон. 1885, Арх. 1852, Пск., Твер. В псковских говорах зафиксирован глагол *знéять* в значении 'гореть пламенем'.

С этими же корнями тесно связана и другая пара слов — *гной* — *зной*. Семантически отношение *гной* — *зной* И. А. Бодуэн де Куртенэ²¹ объяснял по аналогии с отношением *пот* — *печь*.

Семантика глагола *гнуть*, родственного существительному *гной*, несомненно связана с семантикой жара, горения. Ср. *гореть* — ‘поддерживать собой пламя, давая жар; пылать’ и ‘тлеть от развивающегося жара вследствие трения, возникающих химических процессов’. Синонимичны глаголы *гнуть* и *преть*, т.е. ‘портиться, нагреваясь при слёживании’. Тот же переход наблюдается у глагола *преть*, родственного существительному *пар* и греч. глаголу *πρῆω* ‘жгу’.

Получается, что вначале были фонетические варианты одного слова со значением ‘гореть’, т.е. *гнуть* — **знуть*, из которых и развились *гной* и *зной*. Объяснение и подтверждение этого находим у А. А. Потебни: «Зная, что гниение обозначается в языке огнём, можно бы огонь назвать символом гниения» [Потебня 1976:222].

Может показаться, что в слове *зной* содержится древнейшее значение корня. Разумеется, это не так. Значение огня даже в др.-русс. глаголе *гнѣсти* вторично. Ближе всего к первичному, по справедливому мнению О. Н. Трубачева²², значение ‘жать, давить’, откуда ‘тереть’ > ‘добывать огонь трением’ > ‘зажигать’. Ср. греч. *χνίει* ‘распыляет, растирает’, англос. *gnīdan* ‘тереть’, др.-в.-нем. *gnītan* ‘тереть’.

24. русск. *гадать* — лит. *žādas*. *Гада́ть* — ‘говорить, думать, рассуждать, ворожить’. Лит. *žādas* ‘речь, сознание’, *žadejimas* ‘общение’, *žadėti* ‘обещать’, *žadinys* ‘обещание’. Ср. в русск. *обещание* из *об-вещать* ← *вещати* ‘говорить’.

25. лат. *fārior* — *hāriolōr*. Первое — архаическое в значении ‘говорить’, второе — в значении ‘предсказывать, гадать’ или

²¹ «Не объяснено. Горяев (ГСл. 117) связывает с *сіять*. Бод. де Куртенэ (РФВ I, 110) считает возможным отнести корень **зни*: *зной*, как би: *бой* и под. к *гни-*; з из *г*. В семасиол. отношении ему казалось вероятным сближение *гной* и *зной* в значении *sudor* (‘пот’. — А.К.)» [Преображенский 1914:254].

²² «Поскольку речь идет об особом и, видимо, древнем слове для обозначения разжигания, причем естественно предположить связь техники (а также — соответствующей лексики) с трением, можно думать о родстве **gnētiti* и **gnēsti*, **gnētati*» [ЭССЯ 6:168].

‘нести вздор’. Ср. слав. **vрати* ‘говорить’ и русск. *врать* — (уст.) ‘нести вздор, обманывать’.

26. лат. *fastigo* — *hasta*, *hastilē*. *Fastigo* — ‘делать остроко-
нечным, заострять’. *Hasta* — ‘колющее или метательное ко-
пье, дротик’. *Hastilē* — ‘копье, дротик’, поэт. ‘острая ветка’.

27. русск. *сучка* — болг. *кучка*. В русском языке *сучка* —
то же, что *сука*, т.е. ‘самка домашней собаки’. Существи-
тельное *кучка* в болгарском языке означает то же самое:
1) ‘сучка, сука’; 2) ‘собачка’ [Бернштейн 1953:352].

Обычно слово *сука* возводят к индоевропейскому корню
**ku-*, выделяя при этом с опорой на старопольск. *sula* ‘сука’
корень *су-* и суффикс *-к-*. Болгарское же *кучка* относят к
группе ономатопоэтических корней **kut-*, **kuč-*, **kuc-*. Однако
относительно слова **kučьka* М. Фасмер делает любопытную
оговорку: «Если слав. **kučьka* связано с лит. *kaũkti* ‘выть’,
др.-инд. *kócati* ‘издаёт громкий звук’, *kókas* ‘волк’, то тогда
его следует отделить от кутенок и близких» [Фасмер II:434].
Но лит. *kaũkti*, находясь в генетическом родстве с *šaiũkti*, даёт
возможность сопоставлять русск. *сучка* и болг. *кучка*. Сюда
же В. И. Георгиев со ссылкой на словарь Ю. Покорного
[Покорну 1969] добавляет др.-инд. *káuti* ‘кричит’, соотносимое
с лит. *kaũkti* ‘выть’ и др.-инд. *šuka-h* ‘попугай’ соотносимое
с лит. *šaiũkti* ‘кричать’ [Георгиев 1958:33].

Как видим, имеется немало фактов, противоречащих гипо-
тезе трех рядов гуттуральных. При этом мы старались по воз-
можности не повторять уже известные и проанализировали
лишь незначительное количество источников в поисках соот-
ветствий палатального ряда гуттуральных в языках сатэм их
лабиовелярному ряду в языках кентум. Расширение круга ис-
точников — особенно диалектных — даст дополнительные
соответствия и аргументы.

В самом общем виде историю индоевропейских гуттураль-
ных мы представляем себе так. В индоевропейском праязы-
ке первоначально существовал один (велярный) ряд гуттураль-
ных, варьировавшихся в зависимости от фонетических пози-
ций. С изменением фонетических условий произошло выравнивание по аналогии. Первоначально варианты фонематичес-
кого различия не несли. В дальнейшем в разных языках со-
хранился либо один, либо два из этих вариантов. С течени-

ем времени они приобрели фонематическую значимость, но порою сохраняют свое исходное семантическое тождество вплоть до наших дней. Примером могут служить глагольные пары *гудеть* — *зудеть* и *гикнуть* — *зыкнуть*. Сохранение того или иного варианта или обоих носило случайный характер. Случаи сосуществования рефлексов разных рядов гуттуральных в одном говоре, на одной территории на удивление часты. Нерешенность же проблемы гуттуральных объясняется, очевидно, необходимостью учета всей совокупности фактов, сколь бы многочисленными и противоречивыми они ни были. Однако эта задача превышает силы одного человека и должна решаться в рамках большого проекта с использованием вычислительной техники.

II. ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

Этимология существительных *горлопан* и *фордыбака*

Горлопан {гър=дл_о лоп=а́н_ъ}

М. Фасмер [I:442] безоговорочно принимает этимологию А. И. Соболевского [1911:443], который прав только в части *горла*. Присутствие же корня *-пан* в слове *горлопан* [там же] — не более чем научный фантом. Это доказывается устойчивостью модели «горло + напрягать каким-либо образом»: *горлодёрсистый* (от *горлодёр*), *горлодрай* (от *драть горло*), *горлодраниц* ‘крикун, горлодёр’; *горлопял* ‘крикун, горлопан’ < *пялить горло*; *горлопят* ‘то же’ из *горло+пялить* ‘растягивать, напрягать’.

С нашей точки зрения, *горлопан* — это тот, у кого «горло лопается (от крика)», и образовано оно не от трудно вообразимого словосочетания «**горла пан* (господин)», а от суффиксально оформленного сложения **горло+лопан*. Аналогично *горлопай* — от {гър=дл_о лоп=а=й_о}, *горлопастый* — от {гър=дл_о лоп=аст_ый}, *горлопенить* ‘долго кричать’ — из {гър=дл_о лоп=ен=и=ть} < {гър=дл_о лоп=ен_я}, *горлопуня* ‘крикун, горлопан’ — из {гър=дл_о лоп=ун_я} [СРНГ 7:42].

Все эти производные предполагают существование сложения **горло+лонь* (ср. *горлодёр*, *горлопял*, *горлопят*), которое закономерным образом (гаплогения) должно было упроститься в этимологически непрозрачное **горлоп_ъ*, оформление которого агентивным суффиксом *-ан /-ан-ец* — *горлодраниц*; *-ай* — *горлопай*, *горлодрай*, *-ин_а* — *горлопятина* ‘горлопан, горлопанка’ помогло частично компенсировать утрату, подтвердив родовую семантику активного деятеля.

Фордыбака {гърд_о дыб=ак_а}

М. Фасмер принимает этимологию Горяева [Фасмер IV:202] и объясняет начальный [ф] из южновеликорусского [г-фрикативного], которое при переходе в литературный язык не могло не быть заменено на [г-взрывной] или на [ф-фрикативный]. Не удивительно, что фрикативный был передан фрикативным.

Глагол *фордыбачить* явно произведен от существительного *фордыбака* < *гордыбака*. Русские диалекты знают слово *гордыбака* '1. Гордый человек, любящий похвалиться'. Влад., 1848. <> 'Бахвал, самохвал и наглец'. Тамб., Курск., Костром., Даль || 'Грубиян, дерзкий человек'. Казан, 1852. <> 'Заносчивый, грубый человек'. Тул., 1933—1960. <> Грубиян. Курск. || Наглый, смелый человек. Курск., 1848 [СРНГ 7:29].

Весьма показательны слова *гордыбан* 'гордый человек', *гордыбач* «то же». Урал., 1960 [СРНГ 7:29—30], позволяющие выделить суффиксы *-ак_а*, *-ан*, *-ач* при неизменной основе *гордыб-* и в силу этого усомниться в наличии корня *ба(й)-* (как в *бать*). По Фасмеру, *гордыбака* — от *гордый* и *бать*, *бачить* «говорить» [Фасмер I:440].

При этом как-то умалчивается, что при сложении *гордо* и *бачить* должно было бы появиться не *гордыбачить*, а **гордобачить*. Между тем материал упорно показывает [ы]. М. Фасмер с трудом находит один диалектный пример с [а]: *гардабачить* (жиздр.) со ссылкой на [РФВ 49:331] [Фасмер I:393]. СРНГ [7:27—28] также дает несколько примеров на *гордобачить*, но они тонут в подавляющем большинстве примеров на [ы]. Такая устойчивость легко объяснима, если предположить сложение **гърд_о+дыб_ь*, оформленное суффиксом *-ак*: {*гордо+дыб=ак_ь*}. *Гордыбака* — из **гордо+дыбака* в результате гаплогонии. Вторая часть сложения — *дыб_ь* 'вертикаль (как знак самостоятельности, самодостаточности)'. Ср. *дыбом* 'прямо, вертикально'; *дыбом сидеть* 'сидеть гордо, ни на кого не обращая внимания' [СРНГ 8:289]. Таким образом, **гордо+дыб_ь* — это тот, кто чрезмерно (дважды) гордо себя ведет. Ср. типично для народной речи усиление через повторение синонимичного корня: *горобедный* 'несчастный, горемычный' [СРНГ 7:31].

Ср. также *дыбором* ‘дыбом, стоймя, торчком’ и *дыбором становиться* ‘не соглашаться, противоречить, ссориться’: *Муж хочет по ласке, ина дыбаром от его*. Смол., Добровольский, 1914 [СРНГ 8:289—290]. Показательно и слово *дыбошки* 1. Стоймя. Ворон., 1905. 2. *на дыбошки, на дыбошках*. На задние ноги, на дыбы; на задних ногах, на дыбах. *Лошадь встала на дыбошки*. Дон., 1974, Ворон., Уральск. *На дыбошки становиться (стать)*. Сердиться, злиться, выходить из себя. *Только напомни ему об этом, так и становится на дыбошки*. Дон., 1874, Коротояк., Ворон. [СРНГ 8:290]. Не менее показательно и выражение *кто-либо в дыбы* ‘кто-либо сердится, злится, выходит из себя’. Пск., Твер., 1855 [СРНГ 8:290].

Мы видим, что вертикальное положение применительно к животным справедливо воспринималось как маркированное, аномальное, вызванное необычайными эмоциями, недовольством, а также как проявление норова, своенравия. С животных эти значения были перенесены на людей. Кроме того, семантика перехода в вертикаль легко интерпретируется как выделение и противопоставление: ср. *задрать — задор, разодрать — раздор, драть — драка, задира́ть кого — задира́ться (самому)*. Из этого следует, что *гордо+дыбака* — тот, кто дыбится (задирается, «возникает») из гордости.

Таким образом, реконструируемое значение позволяет вывести из него все многообразие реально зафиксированных значений у производных с основой *гор[до]дыб->фор[до]дыб-*.

Деривационная история: *гърдо дыбати* (ср. *дыбать* — 3. Становиться на ножки — о ребенке, начинающем ходить. 4. Становиться на цыпочки, 4. Стоять без дела, торчать [СРНГ 8:288]) > *гърд_о+дыб_ь/а* > *гордыб_(ь/а)* (гаплоглогия) > *гордыбака* > *гордыбачить* > *фордыбачить*.

Этимология глагола *ругать* {ронг=а=тi_#}

Заслуживает внимания вариант *рягнути (рягнѣти)* ‘раскрываться, разверзаться, зиять’ [Дьяченко, 1993:565 — со ссылкой на Миклошича (1862)], идеально соответствующий лат. *ringor* ‘разевать рот, скалить зубы’. Отсюда — ‘зубоскалить = смеяться’ > ‘издеваться’ > ‘ругать(ся)’. Русский извод церковнославянского языка дает также *рягоць (рягочь)* ‘насмешник’

и *рягъ* (*рягъ*) ‘насмешка’ [Дьяченко 1993:565]. Ср. *ржгъ* ‘насмешка, глумление’ (с 11 в.), *ржга* ‘поношение’ (17 в.), *ржгоць* ‘насмешник’ (12 в.) [СлРЯ XI—XVII, 22:230, 231, 233]. Этот вариант вокализма можно соотнести с лат. (из греч.) *ronchus* ‘1) храпение, 2) квакание, 3) передразнивание, насмешка’ [Дворецкий 2:885].

Семантические отношения можно интерпретировать следующим образом: ‘раскрывать (рот = скалить зубы)’ > ‘храпеть’ > ‘квакать’; ‘скалить зубы’ > ‘насмешничать’ > ‘передразнивать’.

Наличие апофонии корня не только в славянском, но и в италийско-греческом материале позволяет говорить о индоевропейской древности корня. Первичным представляется значение ‘развержения, зияния, раскрытия, пустоты как отверстия в чем-л.’

Звуковая выразительность слова *ronchus* позволяет также допустить первичную звукоподражательность корня. В таком случае первично значение ‘храпеть’, а вторично — ‘раскрывать рот’.

Предложенная этимология позволяет сказать нечто о природе смеха: смех — это поругание того, на что он направлен. Ср. *посмешище*, *посмеяние* и *поругание*. Значение поругания развивается из значения смеха, а значение смеха — из зубоскальства: открытого рта, оскаленных зубов.

Почему дубина *стоеросовая*?

Прилагательное *стоеросовый* зафиксировано В. И. Далем, который и предложил первую этимологию этого слова, некритически воспринятую литературной традицией, а вслед за ней — и академической лексикографией.

17-томный «Словарь современного русского литературного языка» определяет это слово следующим образом: *стоеросовый* «Разг. Растущий стоймя. О дереве. <> Грубо простореч. Употребляется в составе некоторых бранных выражений» [БАС-1 14:903]. При этом академический словарь в толковании слова полностью следует за В. И. Далем, впервые это слово зафиксировавшим.

В. И. Даль производил его от слова *стоерос*. Прилагательное *стоеросовый* у В. И. Даля зафиксировано со значением

‘растущее стойком’, формально — от * *стоя* + *рост* (или *стоя* + *росль*?) с упрощением СТ > С (или СЛ > С), видимо, после падения редуцированных. В таком случае прилагательное образовано после падения редуцированных и отпадения конечного [Т]. А это противоречит поздней фиксации слова: впервые в словаре В. И. Даля, т.е. во второй половине XIX в.

При принятии этимологии В. И. Даля перед нами во многих отношениях загадочное образование:

- маркирована норма (для экспрессии?);
- почему не **стоярослый*, не **стояросший*?
- особенно смущает неожиданность адъективного суффикса -ов.

Деривационная история: *расти стоя* > *стоя+ростъ* ‘то, что растет стоя (?)’ > *стоярос* >> *стоерос* (по аналогии с «соединительным» [е]) > *стоеросовый* ‘имеющий отношение к *стоеросу*’.

Следует рассмотреть (хотя бы для того, чтобы отвергнуть) и другую этимологию: {*сѣт_о+ерѡс=ов_ый*} ‘сто+сук=ов_ый’.

Ерос=ерох=ерош: *ероховый* ‘шероховатый, сучковатый’: *Один взял палку лутоховую, другой ероховую*. Бобр. Ворон., Афанасьев. Слов. Акад. 1897 (с вопросом к слову) [СРНГ 9:33]. *Лутоховый* ‘сделанный из ободранной липы; липовый’ от *лутоха* ‘ободранная липа; липовая палка’. Этот же пример на слово *лутоховый* дается в более полном варианте: *Вот и пошли они [сыновья] уток стрелять; один взял палку лутоховую, другой яроховую*. Бобр. Ворон., Афанасьев. Тамб. [СРНГ 17:206—207]. Перед нами фрагмент из сказки про двух братьев: умного, взявшего гладкую палку (*лутоховую*), и дурака, взявшего сучковатую, неотесанную палку (*ероховую*).

Та этимология, которая есть на сегодня, — всего лишь догадка (интерпретация) В. И. Даля. Контексты же его (их два) не противоречат и нашей гипотезе:

(1) *Из стоероса* [ср. задиры] *лежни кладут*, угроза.

Стоеросовое дерево, шуточн. Растущее стойком.

(2) *Из какого дерева это сделано? А кто его знает, должно быть стоеросовое* (сучковатое? — А.К.).

Третье словоупотребление (в дефиниции) принадлежит уже самому В. И. Далю: (3) хлыст, вся *стоеросовая* (ср. сучковатая, покрытая суками), срединная часть, от комля до вершины.

У В. И. Даля же есть: *столиственный, столиственница, стоузельник, столистник, стоцвет*.

И последнее: модель *стоя + рост* уступает в правдоподобии модели **сто+ерос: стоног, стосил, стоцвет*.

В таком случае деривационная история иная: *ерос* ‘сук, задир, задор’ > *еросовый* ‘сучковатый’ > *стоеросовый* ‘стосучковый = многосучковый, задиристый’. При такой этимологии маркируется аномалия, а не норма. Существительное *стоерос* толкуется как ‘стосук, т.е. многосук; в высшей степени сучковатый, задиристый’; ср. *столистник, стоцвет, столицый, стоног, стоустый, стоязычный* явно не в буквально количественном значении.

Имеется и другая этимология этого слова, предложенная Ж. Ж. Варбот, возводящей русское слово *стоерос* к греческому *σταυρός* ‘кол; позднее — крест’. Время словарной фиксации слова (середина XIX в.), его неодобрительная экспрессия и сниженная стилистическая окраска позволяют предположить лишь один канал проникновения древнегреческого слова в русское просторечие — это речь бурсаков и семинаристов.

Но и это предположение — вполне благополучное с хронологической и социолингвистической точек зрения оказывается сомнительным с точки зрения фонетики и семантики.

Фонетически *σταυρός* могло (и должно было!) дать **ставрос*, но никак не *стоерос*. Именно так оно и было в том случае, когда мы совершенно достоверно имеем дело с греческим *σταυρός*: «Ряд русских и церковнославянских фамилий были просто переведены на греческий: <> *Крестовский* — *Ставровский* < *σταυρός* ‘крест’» [Унбегаун 1995:179]. (Что касается фамилии персонажа Ф. М. Достоевского *Ставрогина*, то не исключено, что она представляет собой преобразование сложения *Ставро+Рогин*, что по замыслу автора должно отражать амбивалентность (Ставр=Крест=Христос=*Бог* ||: Рога=Черт=*Дьявол*) главного героя).

Против этимологии Ж. Ж. Варбот есть возражения.

1. Не зафиксирована основа *ставрос*; ср. фамилия *Ставров=ский*, а не **Ставрос=овский*. Напротив, известно выражение *ставры* (не **ставросы*!) *точить*, вариативное к *точить лысы* (=столбики, опоры, например, крыльца). Ж. Ж. Варбот

приводит фамилию *Ставросов* [Варбот 1998:646]. Доступные нам источники [Унбегаун 1995; список абонентов телефонных станций Воронежа за 1987 и 2001 гг.] существования фамилии *Ставросов* не подтверждают: Б.-О. Унбегаун дает только фамилию *Ставровский*, а воронежские телефонные справочники — только фамилию *Ставров* от 3 до 6 раз).

2. И. Г. Добродомов не совсем прав, утверждая, что слово *стоерос* до нас не дошло [Добродомов 1968:144]. Оно зафиксировано в словаре В. И. Даля в словарной статье *Лежать, лежень*: «Из *стоероса* лежни кладут, угроза».

3. Проблематично (в середине XIX в.) семантическое преобразование названий изделий из древесины (кола, шеста, сваи; позже — креста как распятия; ср. *Крестовский* > *Ставровский*) в первую очередь в определение живых, растущих деревьев и только во вторую — изделий из древесины.

Ср. наиболее ранние примеры употребления слова *стоеросовый* из БАС-1:

И древа в том лесу стоеросовые, На них шишки простые, не кокосовые! Даль, Ск. о Иване молодом сержанте... *Пел он [соловей] искони так сладко, что не только сосны стоеросовые, но и московские гостиннодворцы, слушая его, умилялись.* Сал. Орел-меценат.

[Восьмибратов:] *Что ж ты молчишь? (Грозно.) Говори, древо стоеросовое!* А. Остр. Лес, III, 8 [БАС-1 14:903].

Угроза «Из **ставроса* лежни кладут» в свете этимологии Ж. Ж. Варбот представляется неинтерпретируемой, тогда как с точки зрения предлагаемой этимологии никаких затруднений нет: ‘Задир валят с ног’ (= в лежни кладут).

Таким образом, следует признать, что ближе к истине был читатель журнала «Русская речь» А. П. Правда из Воронежа, еще в 1968 г. предложивший для словосочетания *дубина стоеросовая* (наряду с далевским) также объяснение ‘имеющая *сто еросов* (сучков) — вроде дубина неотесанная’ [Русская речь. 1968. № 5].

Возражение И. Г. Добродомова, что «нам неизвестно слово **ерос*, как и его значение», снимается наличием прилагательного *ероховый* ‘сучковатый’ и существительного *стоерос* ‘задира’. А от **сто+ероховый* до *стоеросовый* расстояние в

любом случае короче, чем от также незасвидетельствованного **ставросовый*. Превращение $x > c$ можно объяснить той же народной этимологией. Десемантизации слова *ероха* 'сук' могло способствовать совпадение его с уменьшительным вариантом имени *Ерофей*.

Кроме того, имеются возможности фонетически объяснить чередование $x > c$.

1. В диалектах часто встречается чередование $x > c$, не меняющее значения содержащих его слов.

2. Основа *ерох-* может происходить от праиндоевропейской основы **er-s-* > *je|r|s-* > *je|r|x-* > *je|rū|x-*, а основа *ерос* — от и.-е. **er-os-*.

Этимология существительного *столица*

Первая фиксация — в Поликарповом Лексиконе (начало XVIII в.), от значения *стол* 'престол', с суффиксом *-иц_а*, первоначально — *сто́лица*, а не *столи́ца*.

В. Кипарский [Курарsky 1934] говорит о трех значениях суффикса: уменьшительности (*землица*), женскости (*старица*, *владычица*, *лисица*, *орлица*) и абстрактном (*безлепица*, *распутица*, *здравица*), правда, только в «конфиксах».

У В. И. Даля есть не только *столица*, но и *пристолица*, *застолица*: 'застольная братия, все застольники'.

Застольник м. *-ница* ж. 'участник в общем столе'.

Застолица ж. собират. 'всё застольное общество, застольники'.

Пристолица ж. пск. твер. 'застолье:|застольники, сотрапезники'.

Стол, стар. и церк. 'престол, столица, место пребывания и сан государя либо святителя, кафедры'. *Сидеть на сто́ле* (не на столé), 'быть государем, святителем'. *Костантию отець стол приимшу*, Пролог. *Стол великого княжения*, летописн. *Паки с мольбою сведоша Моисеа архиепископа на свой ему стол в святей Софии*. Новг. летопись. *Стольный город* 'палаты'.

Столец м. умалит. *Столец складной*. *Менялы за сто́льцами сидят*. *Столец налойный*. | Стар. *престолец*. *Король его* (Григо-

рия) принял, и **столец** (митрополичий) ему киевский дал, летописн.

Стольница ж. зап. ‘доска, на коей рушат, режут, крошат’. *Покроять рыбочку на стольнице у светлице*, песня.

Столица ‘стольный, престольный город, главный, первый в государстве, где пребывает высшее правительство, государь’. **Столичный город** [Даль].

До XVIII в. потребности в слове *столица*, видимо, не было. Было сочетание *стольный город*. Когда потребовалось одно слово, уже была *стольница* в значении ‘разделочная доска’. Поэтому эта номинация была заблокирована. Существенно и то, что *застольница* — это ‘участница в общем столе’ — единичность в ущерб собирательности. Ср. различие слов *здравница* (конкретное) и *здравица* (абстрактное).

Поэтому по аналогии со словами *застолица*, *пристолица* ‘всё застольное, пристольное общество’ было образовано (в лексико-семантической системе как бы посредством так называемой «редеривации») беспредложное слово *сто́лица* — ‘всё стольное-престольное общество’ > ‘место, где это общество находится’. Теоретически возможным было и не зафиксированное в источниках слово **престолица*.

Позднее ударение было перенесено на средний слог, видимо, по аналогии со словами женского рода на *-иц_а* и в связи с персонификацией Москвы-матушки: «*И перед новою столицей Поникла древняя Москва, Как перед юною царицей Порфиросная вдова*» (А. С. Пушкин). Важно иметь в виду, что Москва никогда не переставала быть столицей, какими бы эпитетами это слово ни сопровождалось. Показательно и отношение *столец* ‘престolec’, указывающее на то, что и значение диминутива было не противопоставлено слову *столица*.

История происхождения слова *столица* как бы вбирает в себя историю государства российского: *стол* — Киев, *сто́лица* — Москва, *сто́лица* — Питер.

Этимология прилагательного *хороший* {хор=б=х=й_ъ}

Этимология Ж. Ж. Варбот (*хорош* от *хорохор-*) смущает неполнотой второго члена удвоения {хор.х=}. Обычно неполным бывает первый редуцируемый член, а не второй (ср. приводимый ею же пример сербохорв. *на хохоро* ‘в.сборку’).

Предполагаемый Ж. Ж. Варбот «суффикс *-ош-* (ср. *постошь* от *пустой*, *юноша* от *юный*)» [Русская речь. 1980. № 1. С. 140], присоединяемый непосредственно к корню *хор-*, также вызывает серьезные сомнения. В приведенных выше примерах посредством суффикса *-ош-* образуются исключительно существительные от прилагательных, а в предполагаемом случае **хор > хор-ош* — как раз наоборот: от существительного образуется прилагательное, что беспрецедентно, а потому — сомнительно.

Этимологию О. Н. Трубачева следует рассматривать не как конечный пункт (она допускает невероятную трансформацию *хоростный > *хорощный*, потом — вероятную **хорощный > хорошный* и последнее прибежище этимолога — обратную ad hoc деривацию **хорошный > хороший*), а как указание направления поиска — родство с корнем **sker-/*skor-* и значениями ‘скрести, чистить’ [ЭССЯ 8:80]. Указание же на слова **хорѣжь*, **харѣжь*, напротив, дезориентирует. Трудно допустить, что от прилагательного со значением ‘темный, черный’ (**хорѣжь*), ‘испорченный, мрачный, ветхий, потрепанный, скверный, плохой’ (**харѣжь*) могло посредством суффикса *-ость* образоваться существительное со значением ‘удобство, красота, приятность, пригожесть, великолепие, прелесть’ [ЭССЯ 8:79].

А ведь именно семантические причины заставляют О. Н. Трубачева видеть в слове **хорость* ‘удобство, красота, приятность, пригожесть, великолепие, прелесть’ [ЭССЯ 8:79] производящее (пусть и опосредованное формой **хор=ост=j_ь= *хорощь*) прилагательного *хороший* — даже несмотря на формальное неблагоприятное предложение этимологии.

Между тем семантическая проблема может быть решена и иначе: *хороший нож* — это *острый нож*. Первоначально зна-

чение ‘хороший’ могло развиваться из значения ‘острый’ как функциональная характеристика режущих предметов. Следующим этапом могла стать генерализация значения: ‘хороший (о режущем инструменте)’ > ‘хороший (вообще)’.

Показательно, что и другие значения, восходящие к значению ‘острый’, имеют положительную коннотацию ‘смелый (о человеке — как ‘хороший в бою’)’, ‘умный (о человеке — как ‘хороший в понимании, размышлении, рассуждении’)’, ‘вкусный’ (о кушанье — как ‘хороший на вкус’) [ЭССЯ 8:72].

Таким образом, нет необходимости выводить слово *хороший* ни из существительного **хорость* (О. Н. Трубачев), ни из прилагательного **хоробрый* (Мейе—Вайан, М. Фасмер, А. Исаченко), ни из апеллятива **хор* (Ж. Ж. Варбот).

Учитывая указание О. Н. Трубачева и представленность прилагательного *хороший* исключительно в восточнославянских языках, можно — с некоторыми поправками — принять этимологию Мейе—Вайана, поддержанную М. Фасмером и А. Исаченко, и предположить образование от именной основы **(s)kor-bh-* (т.е. *хорб-* > *хороб-*) посредством экспрессивного суффикса *-x* и адъективного суффикса *-ÿ-*: {*хор=б_ъ* > *хор=б=x=ÿ_з*}. При этом отпадает необходимость выводить значение ‘хороший’ из значения ‘храбрый’ в обход значения ‘острый’. Прилагательное с суффиксом *-r* — не производящее, а параллельное образование (возможно, раннее северогерманское заимствование; см. этимологию слова *храбрый*). Основа **skor-b-/*sker-b-*, правда на ступени редукции **skъrb-/*skъrb-*, засвидетельствована в словах *скорбь*, *щерб*, ср. лтш. *skarbs* ‘резкий’, нем. *Scherbe* ‘черепок, осколок’ [Шанский и др. 1971:519].

Расхождение в семантике основ *хороб-* (ср. *хоробрый*, *хороший*) и *скорб-/щерб-* (ср. *скорбь*; *ущерб*) глубоко закономерно: во-первых, основа **skъr-b-/skъr-b-* не претерпела преобразования *sk* > *ks* > *kx* > *x* (что свидетельствует о его территориальной обособленности); во-вторых, различия в консонантизме и вокализме провоцируют различие в семантике, в-третьих, острое хорошо лишь тогда, когда используется в твоих интересах; когда же острота обращается против тебя,

положительные коннотации закономерно сменяются отрицательными. Ср. *острая боль* или *что-то режет, колет, саднит, трет, скребёт* (в том или ином месте) — о болезненных неприятных ощущениях.

**Этимология глагола *шебаршить—шебуршать*:
{ске-бър=ск=и́=тi_#} — {ске-боур=ск=и=а́=тi_#}**

Предполагается экспрессивная приставка {ске- > ксе- > кхе- > хе- > ше-}, звукоподражательный корень {бър-/боур-} и классифицирующий звукоподражательные основы суффикс-интенсив {-ск-}. О древности приставки *ше-* свидетельствует отсутствие у нее видообразующей функции: ср. *боршить* и *шебаршить* — оба несовершенного вида.

В пользу этой этимологии говорит наличие бесприставочных глаголов с тем же значением: глагол *борщитъ* несов. неперех. ‘Ворчать, брюзжать’. *Он борщит, а ты должна молчать*. Тотем., Волог., Андреев. [СРНГ 3:122].

В речи [щ] легко трансформируется в [ш]: *борши́ть, шу́, шии́шь*, несов., неперех. То же, что *боршать*. Красноуфим. Перм., 1913. *Не борши́*. Челябин. *Он боршит*. Каин. Том. [СРНГ 3:121].

Борша́ть, а́ю, а́ешь, несов., неперех. Выговаривать кому-либо за что-либо, ворчать, бранить; сердиться. Перм., 1848. *Отец на меня борша́л сегодня. Старик у нас за́всё боршает; то неладно, да друго неладно, да это не так; нали лихо слушать-то, уши ожужжал*. Перм. *Бранят и «боршают»*, конечно, *большаки и вся семья на такую девушку, обзывая ее «всяко-всячески» — и «шкурой барабанной» и «чучей мокрой», «да брань — говорят — не чад, глаза не ест», а «ботить такую распутницу надо»*. Перм., Алт. [СРНГ 3:121].

Сюда же *боршутка*, и, ж. Кличка собаки. Кирилл. Новг., 1898 [СРНГ 3:121]. Словарь ударения не дает, но скорее всего это *Боршутка* (как *Мишутка*). По внутренней форме — полная аналогия слову *лайка*: *Боршутка* от *борша́ть*, как *лайка* от *лаять*.

Глаголы *буркать* ‘булькать, произносить, говорить’ [СРНГ 3:289], *бурчать, чу́, чии́шь*, несов., перерех. *Ворчать, бра-*

ниться. Бобр. Ворон., 1848. Тамб. *Старуха с утра до вечера борчит*. Курск. Чернояр., Астрах., Пск., Осташк. Твер. || Ворчать (о собаке). Пск., Осташк. Твер., 1855. || Об урчанье в кишечнике. Тамб., 1851, а также глаголы *бурковать*, *буркотать* 'бормотать, ворчать, брюзжать' [СРНГ 3:290] отражают оформление того же корня *бор-/бур-* другим классифицирующим звукоподражания суффиксом — {-к-}.

У В. И. Даля: «*Шабарчать, шабарчить, -шить*, вологодск. пск. новг. перм. шуршить, шаркать, шерошить, шелестить и шелестеть, делать шорох, рыться в чем с шорохом. *Тараканы, мышцы за обоями шабаршат. Сухое листья шабаршит под ногами, тетерева и строжатся.* | *Шебаршить*, ряз. есть, хлебать нехотя, как сытый, или когда еда не по нутру, не по вкусу. | *Суетиться, хлопотать о пустяках. | Ворчать, брюзжать; или | тамб. пустословить, молоть вздор.

Шабарша (шебарша) об. бормотун, воркотун, брюзгач, новг. | Пустобай, бестолковый хлопотун и суета, беспокойный, новг. пск. тамб. (а не тихий, Словарь Академии). | Вялый или разборчивый едок, ряз. | Собр. тамб. сволочь, сброд, шваль, шушваль, шушера. *Так шебаршица собралась. Мужичок шебарша*, сказка; бормот. *Шабарчалка* ж. вят. снаряд, в виде шорного, набойного шила, но тупой, для управления салазками с горки. *Шабарка* перм. неосторожная, ветреная прислужница».

Деривационная история слов представляется следующим образом.

Первичен звукоподражательный корень *бър/бур-*, который мог расширяться суффиксами *-ск/х* и *-к*, что предполагает реконструкцию первичных глаголов **бурскать*, **бурхать* и засвидетельствованного — *буркать*.

Поскольку суффикс *-и-* оформлял только вторичные основы, глаголы на *-и-* могли быть образованы только от субстантивов **б[ъ/у]рица*, **б[ъ/у]риша* и **бърча/бурча*: *борща* > *борщить*, *буриша* > *буришить*. Ср. *бурша* и *буриша́* 'овца', кличка собаки [СРНГ 3:301].

Экспрессивная приставка *ше-* была присоединена, скорее всего, к имени. Этим объясняется ее архаичность. В целом именные приставки значительно древнее и архаичнее глагольных.

Не исключено, что [у] в корне вторично и вызвано влиянием глаголов *урчать* — *бурчать*. Иначе в [у] можно видеть закономерный корневой вокализм имени: *боур-* в отличие от *бѹр-* из **br-*.

Этимология существительного *щиколотка* и однокоренные

Восточнославянское слово *щиколотка*, представленное в русском, украинском и белорусском языках, не имеет общепринятой этимологии.

М. Фасмер ограничился тем, что указал на недостоверность и сомнительность этимологий, предложенных другими исследователями [Фасмер IV: 507].

П. Я. Черных характеризует *щиколотку* как «очень темное слово, до сих пор не объясненное» [Черных II:435] и с оправданной неуверенностью предлагает сближение со словом *чи-калка* ‘палка, коею бьют чиж или мяч’, откуда ‘голень’, а затем — ‘щиколотка как часть голени’.

При этом старшей принимается, на наш взгляд, вторично упрощенная форма *щиколка* < *щиколотка*, возникшая, скорее всего, в результате синкопирования второго заударного (о) и упрощения группы согласных (*лтк* > *лк*): *щѣ́колотка* > *щѣ́колтка* > *щѣ́колка*. В просторечной и диалектной речи синкопирование заударных гласных весьма распространено: *прѡ́волока* > *прѡ́волка*, *пáпоротник* > *пáпортник* и т.д.

Предполагаемое же этимологией П. Я. Черных вторичное осложнение основы: *щѣ́калка* > *щѣ́колотка* представляется странным и необъяснимым, равно как и закорневая последовательность морфем *-а-л-от-ѣк(а)*. Кроме того, *чикалка* — производно от глагола *чикать*, восходящего к звукоподражанию *чик*. Причины превращения *чикалки* в **щикалку* также непонятны. Тем более что звук *чик* закреплен за звуком резания ножом, а не удара ногой. Если же принять сравнение *ноги* — *палки*, то неясным остается, почему из всей ноги палкой стала именно голень, а из голени — именно щиколотка.

Таким образом, этимология П. Я. Черных не столько снимает вопросы, сколько умножает их, в силу чего не мо-

жет быть принята. Тем не менее мы должны быть признательны П. Я. Черных за то, что он не уклонился от этимологизации «очень темного слова», а предпринял попытку его прояснить — пусть даже и не вполне удачную. Предлагаемая нами этимология: из **ще-колот-ѡк(а)*, по существу, является развитием идеи А. И. Соболевского [1911:338], объяснительный потенциал которой М. Фасмер явно недооценил [Фасмер IV:500, 507].

Форма. Тот же корень, что в словах *колт* {кЪл=т_ь} ‘подвеска, серьга’ и *колтун* {къл=т=Ун_ь} ‘плотный ком волос на голове’. (Как известно, апофония — в данном случае чередование о||ь — не нарушает тождества корня.)

Приставка — та же, что в *ще-*, *че-*, *ше-*.

Ще- вариант древней приставки **ske-* (s-mobile), что могло давать *ще-* > *ше-* и *че-* (ср. *че-колдыкнуть* — букв. ‘стукнуть, трахнуть’), а с учетом метатезы — также *ше-*: **ske-* > **kse-* с последующим изменением **kse-* > **kxe-* (по закону Педерсена) > **хе-* (по закону восходящей звучности) > *ше* (по закону слогового сингармонизма). Так мы получаем следующие варианты приставки **ske-*: *ще-*, *че-*, *ше-*, которые в безударной позиции могли восприниматься как *ща-*, *ча-*, *ша-*. Ср. сходное *ша-верзить* и *ка-верза* (Фасмер IV:393), что предполагает существование и.-е. **skō-/skē* с фонетически закономерными вариантами *ка-*, *ска-*, *ща-*, *ша-* и *ча-*. Особенно интересно сближение О. Н. Трубачева: «Наше слово надо, по-видимому, членить как **ga-vbriti*, сложение экспрессивной приставки **ga-*, **ka-/ko-*, **vrati*, **vriti*» [ЭССЯ 6:113]. Сравнив ст.-сл. *га-вран* и русск. *жа-воронок*, получаем полную аналогию глухого и звонкого вариантов одной и той же десемантизированной экспрессивной приставки: **sko-/zgo-*, **ske-/zge-*; **skō-/zgō-*, **skē-/zge-* с **s/z-mobile*.

Предполагаемое нами изменение *ще-* > *щ-* объясняется фактической нейтрализацией в позиции после (ш̄) различия e||u — даже под ударением, закрепленной впоследствии орфографией.

Акцентная характеристика морфемы *ще-/щ-* несет на себе явные черты архаичности. Ср. с заведомо архаичной и тоже ударной приставкой *па-*: *сынки* > *па-сынки*, *колотки* > *щ-колотки*.

Выделимость приставки *щи-* (<*ще-*) обеспечивается наличием блр. *калатки* мн. ‘щиколотки’ (Слоун. Пауноч. — заход. Беларуси 2, 367) [ЭССЯ 10:158—159] с тем же значением, но без приставки. Это позволяет определить семантику приставки *ще-/щи-* < **ske-/sko-* как экспрессивно-усилительную, что хорошо согласуется с другими случаями употребления этой приставки. Ср. *ще-воронок*, *ско-вронек* и слово *щегол* {*ske-gʲlk_ɔ*}, связанное со словом *ско-голить*. На архаичность морфемы указывает и тот факт, что усилительно-экспрессивный суффикс глаголов *ск-/зг-* обладает практически аналогичной семантикой.

Семантика. Слова *колот(ь)* и *колт* ‘подвеска, серьга’ < ‘то, что висит, болтается, колотится’ являются расширением корня **skel-/skol-/skl-* посредством детерминатива **-t-*. Лишь звонким вариантом детерминатива (из *-tʹ-* глоттального) отличаются от них слова *колода*, *колдобина*, *колдун* < **skol-d-/skl-d-*. Семантика обеих основ очень близка. Ср. *щиколотка* {*ské-kol=tʹɣk_a*} и *щеколда* {*ske-kʲl=d_a*}.

Возможно, морфема *ske-* первоначально возникла как результат частичной редупликации корней, начинавшихся на **sk-* и лишь затем приобрела позиционную самостоятельность, унаследовав семантику редупликации — усиление и экспрессивность.

Для слова *колдун* О. Н. Трубачев даже предполагал экспрессивное озвончение *колтун* > *колдун*, в чем, пожалуй, нет необходимости в силу отмечаемого им же «генетического тождества» основ [ЭССЯ 13:185]. Этимология слова *колдун* ‘чародей’, данная О. Н. Трубачевым, нуждается в семантической коррекции. *Колдун* — это не ‘путаник’, а ‘болтун: тот, кто колотит (*колтает*) языком’. Ср. *колтай* ‘болтун’, *колтать* ‘говорить; разговаривать, болтать’, *колтовка* — *колотовка* ‘о женщине, которая любит поговорить, поболтать’, *колотовня* ‘пустомеля’, *колток* ‘человек, который любит поговорить, потолковать о чем-либо; болтун’ и особенно — *колтень* ‘отрава или наговорная вода для порчи людей’ [СРНГ 14:195—196], в котором есть магия и речь, но нет и намек на предполагаемые О. Н. Трубачевым путание и завивание.

Речь (заговор) как отличительная черта мага — устойчивая семантическая универсалия (ср. *врач* ‘перв. знахарь’ < *вратъ* ‘болтать’, *бахарь* ‘болтун, колдун’ > *бахорить* ‘болтать, колдуя = произносить заклинание, заговор’ — ср. сербохорв. *báxoriti*, словен. *bahoríti* [Фасмер I:136]). Ср. диалектную семантику глагола *колдовать* — ‘гадать, ворожить; лечить с помощью наговоров; <>; мямлить’ [СРНГ 14:116] и существительного *колдун*, у которого О. Н. Трубачев учитывает только явно вторичное ‘плут, ловкий обманщик’ и не учитывает остальных: ‘знахарь, лекарь-самоучка; дружка на свадьбе (много болтает. — А.К.); о человеке, который ворчит себе под нос; в детской игре — палка (наверняка с утолщением на конце. — А.К.), которая долго остается под водой, когда ее бросают концом в воду’ [СРНГ 14:117]. Все эти значения так или иначе выводятся из ‘бить—колотить’.

Для этимологизации *щиколотки* очень важно слово *колтык* ‘кадык’. *У нас у Володи колтык-от беда большой, нехороша шея-та*. Соликам. Перм., 1973 [СРНГ 14:197]. Но главным аргументом является белорусское слово *калаткі* мн. ‘щиколотки’ (Слоун. Пауноч. — заход. Беларусі 2, 367) [ЭССЯ 10:158—159].

Семантическое развитие довольно прозрачно: *колот* ‘то, чем колотят — палка, дубина с утолщением на конце’ (ср. *колот—колотить, молот—молотить*) > ‘утолщение на конце (которым, собственно, и колотят)’ > ‘утолщение вообще: на ноге (*щиколотка*, блр. *калатки*), горле (*колтык*)’. Еще очевиднее внутренняя форма становится, если обратиться к форме большой берцовой кости, утолщением на конце которой и является *щиколотка*. Семантику утолщения демонстрируют и другие слова: *кóлот* ‘тяжелая дубина с утолщенным концом, которой глушат рыбу, ударяя по льду’ [СРНГ 14:178], *колдáшка* ‘набалдашник’ [СРНГ 14:115], *колдовíна* ‘нарост на дереве; горб’ [СРНГ 14:116].

Для слов *колтун* и *колдун* ‘спутанные, слипшиеся плотным комом волосы на голове; колтун’ [СРНГ 14:117] можно предложить следующее объяснение: это — свалывшиеся, сбитые или сбившиеся волосы, следовательно, из *колтать* — **кълдати* (бить) волосы > *колтун-колдун* ‘сбившиеся (в комок) волосы’. Ср. *шерстобит* — тот, кто бьет шерсть, превра-

шая ее в войлок. Соответственно *кълдати (бить землю, дороге чем-л.) > колдоба 'выбоина, ухаб, рытвина (на дороге)' [СРНГ 14:115].

В будущих исследованиях следовало бы обратить самое пристальное внимание на формальную и семантическую близость корней *колт-/колд-/болт-/галд-* (*кълт-, *кълд-, *бълт-, *гълд-), представленных словами *колтать* — *колдать*, *болтать* и *галдеть*.

Предложенная выше трактовка древнего индоевропейского префикса *(s)ke-/(s)ko-/(z)ge-/(z)go- с долгим и кратким вокализмом открывает путь к этимологической интерпретации широкого круга славянских слов с «тёмной» этимологией.

III. СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

Этимология праславянского **kolmъ*, **kolma*

Есть основания для отдельной словарной статьи **kolmъ*, **kolma* в ЭССЯ.

В статье **kolmoъ* ЭССЯ не использованы русские материалы. Дано лишь чешск. диал. *klamol* м.р. 'обломок, кусок' [ЭССЯ 10:139]; др.-прусск. *kalmis* 'палка', лит. *kelmas* 'пень, обрубок', лтш. *selms* 'то же'.

В. Махек верно выделяет суффикс *-ел/-ол*, присоединяемый к основе **kol-m-* [Machek 1971:250—251]. Сюда идеально подходят *коломель* и остальные слова.

Коломель, и, ж. Люлька, колыбель. *В новой горенке коломель висит, В колومели той что дитя лежит* (песня). Олон., 1852.

Коломеницы, мн. [удар.?), [знач.?). «катаются на коньках, *коломеницах*, *круглушах*, *шестах...*». Котельн. Вят., Красноперова [с примеч. «названия игр, забав, танцев»], 1896. (Контекст позволяет видеть в *коломеницах* перекидные качели — доску, перекинутую через бревно — аналог коромысла, перекинутого через плечо. — А.К.)

2. *Колома*, ы, ж. Столб, на который опирается колодезный журавль. Шуйск., Влад., Водарский. Также неустойчивая балансирующая конструкция. В данном случае следует обратить внимание на дефиницию. *Журавль* — это название подъемного механизма как целого. Типичный перенос по форме. *Колома* — вертикальная неподвижная часть журавля, тогда **коломысло* — неустойчивая подвижная часть.

Колома, ы, ж. [удар.?). *На колومه*. Игра [какая?]. Яросл., 1961. Предложно-падежная конструкция находится в полном

согласии с предположением, что эта игра также связана с перекидной доской — неустойчивой и балансирующей.

1. *Колом*, а, м. Укладка снопов ярового хлеба (ячменя, овса) вытянутой продолговатой формы; скирд. (Могло получиться по второму полногласию и из *хълмъ*. — А.К.)

Коломка, и, ж. Веретено с пряжей.

Коломцы, мн. Кости. ~одни *коломцы* — о худом, изможденном человеке (или скотине); кожа да кости. *Смотри, какой худой парень-то — одни коломцы; Какая пойдёт за него?* Вохом. Костром., 1972.

Коломки, мн. Деревенское кладбище (при котором нет церкви). *Грех на коломки с пивом и пирогами ходить*. Ямб. Петерб., Иваницкая [СРНГ 14:168—170].

Коломище, с. Могильник. *И мертвых деи своих они кладутъ в селѣхъ по курганомъ и по коломищемъ*. ДАИ I, 28. 1534 г. [СлРЯ XI—XVII, 7:250]. Приведенный материал заставляет отклонить (вопреки Микколе, Калиме и Фасмеру [II:295]) сближение с фин. *kalmisto* ‘кладбище’. Созвучие случайно. «Могильные» слова либо объединены семьей ‘вытянутая, удлиненная форма’, либо производны от значения ‘кость’.

Этимология праславянских **къногъ*, **къногъ*, **огъ*

С легкой руки Э. Бернекера [Berneker 1908:601; 1913:663—664] принято считать, что слово *кнур* ‘кабан’ является сокращенным вариантом слова *кнороз* ‘кабан’ из прасл. **kъrn-orъz* с первой частью родственной глаголу *корнать* ‘обрезать’, а второй — и.-е. **orgh-/ergh-* ‘яичко (анат.)’. Независимо от этих слов рассматривают слово *орь* ‘жеребец’, не имеющее общепринятой этимологии.

По-моему, все три слова родственны и восходят к и.-е. **or-gh-/er-gh-*. При этом *кнур* — не сокращение слова *кнороз*, а параллельное независимое образование с иным вариантом индоевропейского корня, общим для слов *кнур* и *орь*. В начальной же части слов *кн-ороз* естественнее видеть приставку *кън-* ‘со’.

Обратимся к фактам, побуждающим усомниться в предложенных решениях и свидетельствующим в пользу предлагаемых.

Этимология слова **kъnorъzь* ‘кабан’

В «Этимологическом словаре индоевропейских языков» [Pokorný 1959:782] балто-славянским рефлексам индоевропейского корня не повезло: славянские рефлексy в нем вообще не представлены, а балтийские представлены двумя словами: лит. *aržius* ‘lustern’ и *eržilas*, лтш. *erzelis* ‘Hengst’. В «Сравнительном словаре индоевропейских языков» [Mann 1985:888] упоминаются лит. *išarža* (как кастрированное животное) и русск. *кнороз* ‘вепрь, кабан’.

Этимология литовского слова довольно прозрачна и особых споров не вызывает: *iš* ‘из’ + *arž(a)* ‘тестикулы’ [Otrębski 1956:322]. Некоторые детали ее обсуждаются ниже.

Что же касается этимологии русск. *кнороз* и шире — прасл. *kъnorъzь*, то она являет собой самый широкий спектр, как правило, взаимоисключающих мнений. Этимологии прасл. **kъnorъzь* можно расклассифицировать, пользуясь оппозициями: исконное — заимствованное, однокорневое — двукорневое, префиксальное — суффиксальное; далее этимологии варьируются в зависимости от того, какие корни, приставки и суффиксы предлагается видеть в этом слове. С этих позиций этимологии слова **kъnorъzь* можно распределить следующим образом:

1. Исконное с корнем **kъrn-* [Miklosich 1886].
2. Исконное с корнями **kъrn-* и **noros-/neres-* [Jagić 1896].
3. Родственное (следовательно, восходящее к общему предку либо заимствованное) нем. *nergeln* < **hnergeln* ‘makeln’, ‘argern’, ‘verfolgen mit Tadel, Schelte’ — подобно лтш. *sunit* ‘бранить’ < *suns* ‘собака’ [Эндзелин 1903].
4. Исконное с корнями **kъrn-* и **orz-* [Berneker 1908].
5. Исконное с корнем **kъn-* ‘сук, крюк, гвоздь (как напоминающие по форме детородный орган)’ и суффиксами *-ъr-*, *-ozъ* — по аналогии с польск. *chujec* ‘кабан, хряк’ < *chuj* ‘penis’ [Rudnicki 1931].
6. Исконное с корнем **orz-*, приставкой **ъn-* и протетическим **k-* подобно **ostъ* > **k-ostъ* [Milewski 1932].

7. Исконное из **knor* ‘кабан’ с конечным -z, возникшим под влиянием **porz* ‘то же’ [Brückner 1934].

8. Исконное с корнем **norzь*/**nerzь* и *k*-(*kъ*-?) неясного происхождения [Machek 1957]. Ср. этимологию 2.

9. Исконное с корнями **kъrn-* и **nos* ‘букв. с обрезанным носом’ — из-за пяточка, производящего такое впечатление [Budziszewska 1965].

10. Исконное с корнями **kъn-* ‘стебель, ствол, род’ и **orz-* из и.-е. **kumno-orzi* [Schuster-Šewc 1971]. Ср. этимологию 5.

11. Исконное с приставкой **kъn-* и корнем **-orz-* из и.-е. **kun-orghos* или **kûn-orghos* [Bańkowski 1987]. Ср. этимологию 6.

Первую этимологию слова *knoroz* ‘кабан’ находим в словаре Ф. Миклошича [Miklosich 1886:156—157], где это слово помещено в конце словарной статьи *kûrnŭ* со следующей оговоркой: «Если даже в производных словах *kûrnŭ* претерпело столь большие изменения, что объяснения некоторых производных слов могут быть оспорены, то изменения в названиях ‘кабана, кастрированного самца свиньи’ еще больше, и посему объяснение — еще более спорно» (здесь и далее перевод мой. — А.К.) [Miklosich 1886:157]. Далее говорится: «слвц. *kurnaz*, польск. *kiernos*, *kiernoz* (*kierda* — некастрированный кабан), *knur*, кашуб. *knors*, в.-луж. *kundroz* наряду с *kjabor* и *kunc*; н.-луж. *kjandros*; укр. *kornaz*, *kornos*, *knoroz*, *knur*; блр. *knur* ‘некастрированный баран’ может обозначать то же, что *knorězь*, рус. *nutrecь*; это может относиться и к рус. *knorosь*; диал. *knurь* — это *borovь*» (Miklosich 1886:157).

В 1896 г. В. Ягич поддержал эту этимологию и попытался объяснить вторую половину слов, обозначающих кабана: «Вместо *корконосый* (курносый) говорят просто *корносый*, также *курносый* (т.е. опуская слог *но*, который удерживается в *-носый* как в более важной части) или меняют первый согласный слога в *корконосый*; в отличие от этого *корноухий*, *корнохвостый*, *корнорукий* остаются неизменными. Вероятно, и слово *корнось*, *knorosь*, *knorъzь* и т.д. объяснимо лишь искажением, имеющим в своей основе созвучные слоги: *knorъzь* легко понятно из *корноръzь*; в соответствии с этим не восходят ли *корнось*, *kiernos* и *knorosь* непосредственно к *корно-ръzь* или скорее к *корно-норось* или *корно-нересь*, претерпевшим выше-

упомянутые сокращения? Правда, последняя часть слова имеется лишь в словенском *nerosec* (также *nerostec*), *neresec*, *nerasec* в значении ‘кабан’» [Jagić 1896:270—271]. Впоследствии этимология В. Ягича (с некоторыми модификациями) была воспроизведена В. Махеком [Machek 1957:248—249] и В. Будзишевской [Budziszewska 1965:68].

В 1901 г. Ф. Лоренц реконструировал по показаниям лехитских языков праславянскую форму слова **kъnorzъ* [Lorentz 1901:109; также Lorentz 1902:36]. В 1903 г. И. Эндзелин восстановил праславянскую форму в виде **knarzъ* и предложил немецкую этимологию этого слова: «Слово это может быть родственно с нем. глаголом *nergeln* < **hnergeln*, имеющим по словарю Frischbier’a (2 90) значение ‘makeln’, ‘argern’, ‘verfolgen mit Tadel, Schelte’; ср. лат[ыш]. *sunit* ‘бранить’ от *suns* ‘собака’» [Эндзелин 1903:78]. В 1904 г. Т. Торбьёрнсон вслед за Ф. Лоренцем воспроизвел форму **kъnorzъ*, указав, что «предложенная И. Эндзелином прасл. форма **knorzъ* [sic!] (вместо **kъnorzъ*) вызывает фонетические трудности» [Torbjornsson 1904:47].

Э. Бернекер, подхвативший и развивший идею Ф. Миклошича, так оценил сделанное им: «О том, что эта группа слов относится к прасл. **kъrnъ* = др.-инд. *kanas* ‘выколотый, проколотый’, догадывался еще Миклошич..., хотя ему и не удалось справиться с трудностями» [Berneker 1908:601]. Сам же Э. Бернекер (вслед за Ф. Лоренцем и Т. Торбьёрнсоном) принял для праславянского языка словоформу **kъnorzъ* как возникшую в результате диссимиляции *R* из **kъrn-orzъ* ‘тот, чьи яички обрезаны, повреждены’ — сложения **kъrnъ* ‘обрезанный, укороченный’ с **orzъ* ‘яичко (анат.)’. Он же отделил в.-луж. *kunhc*, отметив его неясность. Самый же главный вклад Э. Бернекера состоит в том, что он связал вторую часть слова с греч. *horkhis*, ав. *əṛəzi*, арм. *orji-k’*, алб. *herdh’e* ‘яички (анат.)’. Он указал и на принадлежность к этому же корню лит. *eržilas* ‘жеребец’, а тем самым на связь с ним слав. **orzъ*, а также на то, что данное слово относится к основам на -o, о чем свидетельствует греч. гом. *en-orkhos* ‘имеющий яички, необрезанный’. (После работы Т. Торбьёрнсона по осмыслению и упорядочению форм в различных славянских языках сделать всё это было уже несложно.)

В своем словаре Э. Бернекер значительно усовершенствовал этимологию. Так, словц. *kurnaz* он объясняет из **kunraz*. Польские формы выводит не из **kiernroz*, как ранее, а из **kienroz* [Berneker 1913:663—664]. О в.-луж. *kunc* сказано, что оно является заимствованием из немецкого.

Главным достижением Э. Бернекера является выделение корня **orzь* и возведение его к и.-е. **orǵh-/erǵh-*.

У этимологии Э. Бернекера три недостатка. Во-первых, как ни странно, она не подтверждена языковым материалом, которого хватает либо на объяснение корня **kьrn-* и тогда из остатка **-oz* вывести и объяснить **orzь* крайне затруднительно, либо на объяснение корня **orzь*, но тогда начальная часть **kьrn-* оказывается ничем не подтвержденной и ее приходится постулировать исходя из засвидетельствованной части **kьn-*. Сначала Ф. Миклошич (и вслед за ним В. Ягич) увидел в этих словах часть **kьrn-*, а потом, когда для Э. Бернекера первая часть этих слов была ясна, он увидел в них вторую часть **orzь* и не заметил, что тем самым лишил фактического подтверждения этимологию Ф. Миклошича (и В. Ягича). Показательно, что и в статье, и в словаре Э. Бернекер восстанавливал форму **kьnorzь*, ибо это было единственной возможностью доказать существование в анализируемых словах части **orzь*, что, однако, последовательно игнорируется О. Н. Трубачевым, восстанавливающим праславянское слово в ничем не подтвержденной форме **kьrnorzь* [Трубачев 1960:65—66; ЭССЯ 1987:233—235].

Вторым недостатком этимологии Ф. Миклошича — Э. Бернекера является ее фонетическое неправдоподобие: ни в одном слове, бесспорно имеющем первую часть **kьrn-*, эта часть не принимает вида **kьn-*, а только лишь *кур-*, *кор-*, *кар-*. Ср. русск. диал. *карзубый* наряду с сербохорв. *крн_озуб*, русск. диал. *корносый*, литер. *курносый* наряду с диал. *корноносый*, укр. *курлапий* наряду с русск. диал. *корнолапый*. Диссимиляция типа *chabry, chobry < chrobry*, на которую ссылаются Э. Бернекер, А. Вайян [Vaillant 1933:115] и Ф. Славский [Sławski 1965:155] тут ни при чем, ибо в других словах, имеющих *R* во втором корне, ее либо не происходит, либо имеются варианты без диссимиляции: русск. *корнокрылый*, сербохорв. *крн_окрилац*; укр. *корноріг*, макед. *крнорог*; русск. диал.

корнорукій, сербохорв. *крн_орук*; польск. *krnabrny* наряду с *knabrny*, *krabny*. Как видим, здесь нет и намека на инициаль *kien-*, наблюдаемую в польском материале. Западнославянские метатезы объясняются общей причиной: в них **orzь* в положении перед согласным дало *-roz*, *-raz*, в результате чего образовалось сочетание *nr*, устранявшееся либо с помощью метатезы *nr > rn*, либо с помощью эпентезы *nr > ndr* (ср. словц. *kornaz* < **konraz*, польск. *kiernoz* < **kienroz*, словин. *kernoz* < **kenroz*; в.-луж. *kundroz* < **kunroz*, н.-луж. *kjandroz* < **kjanroz*, польск. диал. *kiedroz* < **kienroz*) [Brückner 1935:273—274; Schuster-Šewc 1982:727].

Формальное несовершенство этимологии Ф. Миклошича — Э. Бернекера отмечал еще И. Эндзелин: «Миклошич сближает (Etymol. Wrth. 157), впрочем и сам сомневаясь, все эти формы с црк. *крънь* ‘ototmetos’, но в таком случае мы имели бы в польском форму **karnoz* (ср. *kark*, *targ*, *gardlo* и др.) вм. *kiernoz* ..., и каш. *knorz*, п. *kiedroz*, верхнел. *kjandros* оставались бы необъясняемыми» [Эндзелин 1903:79], вслед за ним — А. Брюкнер [Brückner 1927:229], затем — Т. Милевский: «Брюкнер выводит слово *kiernoz* из ст.-сл. *крънь* ‘обрезанный’, однако это сопоставление неудачно, поскольку — как это отмечает сам автор — ст.-сл. *крънь* = польск. *karn-*, ср. топонимы *Karna*, *Karnin* и т.д.» [Milewski 1932:6]; сравнительно недавно на это же указал Х. Шустер-Шевц: «... в данном случае речь идет об абсолютно гипотетичном объяснении, которое прежде всего с формальной стороны весьма трудно принять» [Schuster-Šewc 1971:373]. Неудовлетворительной считал эту этимологию и М. Фасмер [1967:264].

Третьим недостатком этимологии Э. Бернекера является ее семантическая несостоятельность: ведь, согласно ей, первичным значением прасл. **къноръь* было ‘тот, чьи яички обрезаны, повреждены’ [Berneker 1908:601], т.е. ‘обрезанной-йцый, увечной-йцый’. Но это значение слабо подтверждено материалом: лишь словц. *kornaz* ‘боров, самец свиньи’ (при ст.-словц. *kuneraz* ‘кабан’!). Блр. *кноръзь* «Нутрец. Животное, у которого по оскоплении остается одно ятро. Не дохолощенный, особенно это случается у вепрей и лошадей», введенное в научный оборот И. И. Носовичем [1870:239] и поныне продолжающее свое словарное существование [Mashek

1957:248—249; СРНГ 1977:344; Schuster-Šewc 1982:726; ЕСУМ 1985:474], не находит подтверждения в материалах других белорусских словарей (ср. Касьпяровіч 1927:164; Шатернік 1929:136; Бялькевіч 1970:229; Сцяшковіч 1972:235; СБГ 1980:491; ТС 1982:199, а также значимое отсутствие этого слова в ЭССЯ 1987:234). Во всех остальных случаях продолжения прасл. **kъnorzъ* имеют значение ‘кабан (дикий или домашний), некастрированный самец свиньи’. В рамках этимологии Э. Бернекера это можно объяснить лишь ранним (еще в праславянский период) семантическим переходом ‘кастрированный самец свиньи’ > ‘некастрированный самец свиньи’. Такое предположение вызывает законное недоумение: «Вывод А. Брюкнера (повторяющего этимологию Ф. Миклошича — Э. Бернекера. — А.К.) не представляется приемлемым со стороны значения, поскольку *kiernoz* как раз ‘некастрированный кабан’, и, таким образом, *не обрезанный* должно было бы находиться в связи со ст.-сл. *kъrn-* ‘об обрезанном ухе или носе’, русск. *корнать* ‘урезать’, что совершенно неправдоподобно» [Rudnicki 1931:282]. «... прилагательное со значением ‘обрезанный’ могло бы быть названием скорее кастрированного кабана, чем некастрированного» [Milewski 1932:6]. «Иные объяснения, предложенные ранее Э. Бернекером и А. Брюкнером, не удовлетворяют, находясь в противоречии со значением: *k.[ъ]norzъ* везде, кроме Белоруссии (и в Белоруссии тоже. — А.К.), обозначает нерезанного, некастрированного кабана!» [Machek 1957:249]. «Не вполне понятно, на каком основании этот самец свиньи обозначается как обрезанный или кастрированный. Ведь кабан — это как раз некастрированное животное, имеющее яички» [Schuster-Šewc 1971:373].

Действительно, семантический переход ‘боров (кастрированный кабан)’ > ‘хряк (некастрированный кабан)’ не более вероятен, чем превращение борова в хряка или мерина в жеребца, тогда как противоположное направление семантического процесса вполне соответствует порядку вещей, о чем, кстати, и свидетельствует ст.-слвц. *kuneraz* ‘кабан’ > слвц. *kornaz* ‘боров, самец свиньи’. Ср. мнение О. Н. Трубачева: «из ... вероятно, вторичного значения ‘мерин’» [Трубачев 1960:49, сн. 108].

Анализ семантики слов указывает на то, что значение ‘некастрированный самец свиньи’ развилось из более общего значения ‘некастрированный самец’: русск. диал. *кнороз* 1. Молодой нехолощенный бык. Смол. и смежные губ. 2. Нехолощенный самец свиньи. Пореч. Смол., 1914. Смол. 3. Некастрированный баран. Дорогоб. Смол. 1968 [СРНГ 1977:344]; *кнорос* — бык, вепрь (несложенный), opposit. *волох* [Добровольский 1914:327]; блр. диал. *кноруз*, *кнорыз* 1. Некастрированный кабан, 2. Некастрированный баран или козёл [Бялькевич 1970:229]; укр. буков. *кнороз*, -а, зоол. Кнур, самец. Заст., Кіцм. *Це мнесо відай с кнороза, бо ніц ни смашне* (Прилипче Заст.) [МСБГ 1976:60].

В.-луж. *kundroz* ‘кабан; распутный человек’, н.-луж. *kjandroz* ‘то же’, *kjandrozys* ‘вести распутные речи’; польск. *kiernoz* 1. полноценный (некастрированный) самец свиньи, производитель, 2. женолюбец, бабник; *kiernozic* 1. (о свиньях) испытывать половое возбуждение, 2. распутничать [Karłowicz и др. 1902:329] и другие примеры указывают на то, что в семантике прасл. **kъporъ* были семы ‘похоть, похотливый’. Таким образом, прасл. **kъporъ* имело не просто значение ‘самец’ в отличие, например, от самки, а значение ‘похотливый, оплодотворяющий самец-производитель’, что никак не похоже на характеристику самца с отсутствующими (или поврежденными [ЭССЯ 1987:234]) яичками. Принятию этимологий с корнем **kъrn-*, кроме всего прочего, противоречит южнославянский материал, обозначающий кабана, хряка именно как ‘НЕ резанного’ самца.

А. Баньковский указывает также на этимологическую неудовлетворительность первой части предполагаемого сложения **kъrn-orъ* [Bańkowski 1987].

Недостатки этимологии Ф. Миклошича — Э. Бернекера побудили лингвистов либо отказаться от нее [Фасмер 1967:264], либо искать других объяснений — как слову в целом [Rudnicki 1931:281—283; Brückner 1934; Machek 1968:263], так и его первой части.

Этимология второй части слова (*-*orъ*) представляется нам истинной и бесспорной. Единственный аргумент против выделения корня **orъ* в слове *кнороз* принадлежит М. Фасмеру и заключается в том, что «это **orъ* больше нигде не пред-

ставлено; в слав. и в балт. оно известно тоже только в производной форме...» [Фасмер 1967:264]. Этот аргумент несостоятелен, как в частности (лит. *aržus* «ярый» опровергает утверждение М. Фасмера в части, относящейся к балтийским языкам), так и в общем. То, что слово сохранилось только в связанной форме, свидетельствует лишь о его древности (наиболее архаичные формы и значения сохраняются как раз в связанной форме) и само по себе не может служить доказательством его несуществования. Кроме того, нельзя утверждать, что корень **orzь* неизвестен славянским языкам в непроизводной форме. Его отражение можно усмотреть в названии псковского села *Ворзы*, другие его названия — *Ступино* и *Жеребцово* (!! — А.К.) [RGN 1966:180]. Это название можно рассматривать как отражение (с протетическим *В-*) утраченного прасл. **orzь* ‘жеребец < самец-производитель < яички (анат.)’. В семантическом отношении это полная аналогия лит. *erž-ilas* ‘жеребец’, восходящему к тому же индоевропейскому корню, и родственному кельтским обозначениям жеребца (см. ниже). Ср. также другие топонимы с тем же корнем: витебские сёла и фольварки *Ворзово*, псковская деревня *Ворзовка*, ярославская и костромская деревни *Воржа* < **v-orz-ja*, тверская деревня *Воржино* [RGN 1966:180], онежские деревни *Ворзогоры* (*в-орз-о-гор-ы*) и *Ворзолы* [Карт. Сл. РГКСО], украинские реки *Ворзнá* (**v-orz-ьн-а*) и ее приток *Ворзénка* [СГУ 1979:121]. Топонимические свидетельства подтверждаются диалектными: отражение корня **orz-* можно видеть в первой части слова *Ворз-о-губый* (с губами, как у жеребца, в пене. — А.К.) — | на губах пена набита | так ругајут пјаниц | ворзогубыј ты | Волдлоз. Канзнаволоок, 1968 I—17 [Карт. Сл. РГКСО].

Продолжение этого же индоевропейского корня с вокализмом *Е* предлагают видеть в русских словах *ерзать*, *ергать* и родственных им (со следами древнего значения «движения в половом акте») Р. Якобсон, К. Ваткинс [Watkins 1975:526] и согласные с последним Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов [Иванов 1984:498, 817]:

1. *Ерга*, и *ёрга*, и, м. и ж. 1. Непоседа, егоза. Вят., Даль.
2. *Ёрга*. Игра в мяч. Сольвыч. Волог., 1883—1889. «В земле выкапываются продолговатые ямки и один кидает мяч.

В чью ямку попадет мяч, тот хватает его и кидает в любого. Промах зовется **яйцо** [выделено мной. — А.К.]. У кого 5 яиц, того ергают, т.е. каждый бьет его мячом в спину, приговаривая: *На пироги, на шаньги, на мягкий хлеб, на покатушнички. Ерга не ерга, баран не баран, на повети спал. Ком, комки, нарубили рубыши на еловые кряжи, куда хошь побежи*. Затем загадывают ему загадки и пока не отгадает, его все стежат, т.е. бьют мячом». Волог., Иваницкий. Арх. [СРНГ 8:366].

Ёргать, аю, аешь, несов., перех. и неперех. 1. Неперех. Ерзать. Перм., Даль. 2. Перех. Тереть что-либо. Перм., Даль. 3. Перех. Бить, ударять мячом в спину (в игре ёрга). Сольвыч. Волог., 1883—1898. Волог. [СРНГ 8:367].

Ёрзать, аю, аешь, несов., неперех. 1. Тереться обо что-либо. Осташк. Твер., 1858.

Ерзун, а, м. Тот, кто любит гулять, кутить, ухаживать за женщинами. Ветл. Нижегород., 1861.

Ерзунья, и, ж. 1. Непоседа, шалунья. *Эка ты ерзунья какая, ничего-то не посидишь*. Углич. Яросл., Слов. Акад. 1897. 2. Распутная женщина. Ветл. Нижегород., 1861. Нижегород. [СРНГ 9:25].

Из этимологий, направленных на ревизию первой части слова (**kъrn*), с формальной стороны привлекательно предложение Х. Шустер-Шевца: «Мы предлагаем... при объяснении первого члена сложения исходить непосредственно из **kъnъ* и возводить его к прасл. **kъnъ*//**kъту*, -ene в значении ‘стебель, ствол, род’ и т.д., ... выводимом из значения ‘нечто отделенное, выросшее, возникшее — соответственно — рождённое’» [Schuster-Šewc 1971:373].

В таком понимании первой части *kъn-* Х. Шустер-Шевц следует за Н. Рудницким: «Праформой этих форм является **kъn-ъr-ozъ*, в которой *kъn-* является корнем, -*ъr-* — первым суффиксом <...> а *ozъ* — вторым суффиксом» [Rudnicki 1931:283], хотя и не ссылается на него. При этом корень *kъnъ-* Н. Рудницкий сближает с польск. *kien* ‘ствол, колода’, лит. *kunas* ‘туловище’ [Rudnicki 1931:280—281].

«Из этого основного значения, — пишет далее Х. Шустер-Шевц, — происходит и **kъnъ* в прасл. **kъn-orъ*, для которого мы хотели бы предположить значение ‘зверь, животное’.

С учетом устойчивого значения второго члена ('яичко') можно наконец реконструировать исходное значение сложения как 'животное с яичками, самец'. Прямо из него выводится специализированное значение 'кабан как некастрированный самец свиньи'» [Schuster-Šewc 1971:373].

Этимологию Х. Шустер-Шевца поддержал В. Шаур, добавивший, что «это типичное *bahuvrihi*, способ сложения слов, во все эпохи продуктивный; первым членом было прилагательное, которое ожидается в форме **kъ-мно-* (индоевроп. **ku-mno-*). Значение 'племенной самец' этому отвечает. Из **kumno-orzi* возникло **kъnorъ (>zъ)*» [Шаур 1979:117].

Слабой стороной этой этимологии, на наш взгляд, является словообразование. Из сложения 'зверь' + 'яичко' должно было бы получиться 'звериное яичко', а не 'зверь с яичками'. Эту несообразность в завуалированной форме и попытался преодолеть В. Шаур, принявший, как можно заключить по его формулировке исходного значения, семантику первой части в виде 'ствол, род, племя' и заменившего значение второго члена на 'самец', тем самым приписав второму члену древнейшее значение всего слова. Если же устранить эту неправомерную замену, то получим не 'племенного самца', а 'племенное яичко', что не многим отличается от 'звериного яичка' Х. Шустер-Шевца. (На первый взгляд подтверждением данного варианта этимологии может служить ирл. (*mic-*)*cullach* 'хряк', 'жеребец', брет. *marc'h-kalloc'h* 'жеребец' наряду с валл. *caill*, брет. *kell* 'яичко (анат.)' [Buck 1949:160, 162, 167, 169]. Однако *kalloc'h* — это не *kell*, а слово *cullach* употребляется и самостоятельно для обозначения самца-производителя свиньи, лошади или осла. Поэтому кельтский материал представляет модель 'свиной самец', 'лошадиный самец', а не 'свиное яичко', 'лошадиное яичко').

Сам Х. Шустер-Шевц так характеризует словообразовательную сторону своей этимологии: «Словообразовательно в отношении **kъ/o/a/un-orъъ* речь идет о старом сложении корней без типичного для славян соединительного гласного *-o-* (ср., например, полаб. *kort'otuc* < **kork-o-toць* 'крот')» [Schuster-Šewc 1971:375]. В данном случае отсутствие соединительного *-o-* перед корнем, начинающемся с гласного *o*, не должно бы вызывать недоумения, поскольку праславянский язык не тер-

пел зияния, а приведенный пример не вполне удачен еще и потому, что вторая часть в нем (семантически) глагольная, а не именная. Уместнее здесь был бы пример типа *нос-о-рог*. К сожалению, исконное значение ‘животное с яичками’, постулируемое для прасл. *къпоръ, никак не выводится из словообразовательной модели, предлагаемой Х. Шустер-Шевцем.

Более продуктивным представляется стремление Т. Милевского [Milewski 1932:6—7] увидеть в первой части приставку и соотнести прасл. *къпоръ с греч. *enorkhos* ‘имеющий яички, некастрированный’. По мнению Т. Милевского, греческое слово является отражением той индоевропейской праформы, из которой выводится и праславянское слово. Так, греческой приставке *en-* в праславянском, по Т. Милевскому, соответствует приставка *ън-, которая впоследствии приобрела протетическое *к-*, по типу **ostь* > *kostь*, и так получилось прасл. *къпоръ из *ъпоръ со значением, тождественным значению греческого прототипа.

А. Вайан в своей оперативной рецензии подверг этимологию Т. Милевского критике, отметив, что она не соответствует праславянской системе именного словообразования, поскольку греческому *en-orkhos* соответствовал бы тип *q-dolь* (польск. *wą-dol*) [Vaillant 1933:115]. О морфологических трудностях в этимологии Т. Милевского вслед за А. Вайяном говорит и Ф. Славский [Sławski 1965:156]. Однако возражения А. Вайяна основаны на предположении, что формы *въ(н)-*, *съ(н)-*, *къ(н)-* считаются исключительно глагольными, а формы *q-*, *sq-*, *kq-* исключительно именными. Между тем вид приставки определяется прежде всего характером последующего звука: согласный или гласный (*q-dolь*, но *on-utja*) и лишь перед согласным — частеречной принадлежностью слова (*сугроб*, но *с-гresti*; *сж-логь* : *съ-лежати* [Schmidt 1885:24]). Поэтому неясно, отчего перед гласным приставка (*vън-*) должна принимать вид *q-*, не говоря уже о том, что основа с начальным согласным *-dolь* не соответствует основе с начальным гласным *-orzь*. Именно позицией перед гласным (не вступающей в противоречие ни с законом возрастания звучности в слоге, ни с законом открытого слога) объясняется тот факт, что приставка *кън- в слове *кън-orzь сохранила свою форму и не изменилась в *kq-, как в позиции перед согласным в

слове **kqdelь* ‘кудель’. Что же касается мнимого несоответствия этимологии Т. Милевского праславянской системе именного словообразования, то А. Баньковский (правда, без ссылок на Т. Милевского) на богатом материале убедительно показал, что данная словообразовательная модель характерна не только для праславянского, но, по-видимому, и для позднего индоевропейского диалекта, поскольку она широко представлена также в санскрите, древнегреческом и некоторых других индоевропейских языках [Bańkowski 1987]. Давно пора критически осмыслить противоречие между приписываемым индоевропейскому глаголу отсутствием приставок и наличием приставочных глаголов во всех известных науке индоевропейских языках, включая древнейшие хетто-лувийские.

Сказанное не означает, что этимология Т. Милевского безупречна. Главный ее недостаток в том, что Т. Милевский стремился напрямую связать греческое слово со славянским (что, как справедливо полагает А. Баньковский [Bańkowski 1987], вовсе не обязательно), приняв в качестве отправного момента традиционное понимание слова *enorkhos* как ‘имеющий (внутри) яички’ с *en-* ‘внутри, внутрь’.

Приставка *en-* имела и второе, производное значение обладания каким-либо признаком [Дворецкий 1958:530], значительно более уместное в данном случае, чем значение ‘внутри, внутри’. С одной стороны, этому пониманию как будто противоречит лит. *iš-arža* ‘кастрированное животное’ [Kurschat 1970:784, 925; Mann 1985:888] — с *iš-* = ст.-сл. *из-* [Otrębski 1956:322] и *-arža* = греч. *orkhos*, — которое можно истолковать как ‘наружеяйчный’ = кастрированный, а тем самым — как косвенное подтверждение нормальности соотношения ‘внутрияйчный’ = некастрированный. Однако Академический словарь литовского языка дает иное значение: ‘животное, не являющееся производителем из-за крипторхизма (врожденного отсутствия одного или обоих яичек в мошонке)’. В таком случае семантика слова может быть согласована с семантикой приставки при учете того, что приставка *iš-*, как любезно указал в частном письме проф. А. Й. Гудавичюс (Шяуляй, Литва), может иметь значение отрицания, ср. *kunigas* ‘священник’ — *iš-kunigis* ‘распоп’; в таком случае семантика лит. *iš-arža* реконструируется как ‘не (имеющий) яичек (в

мошонке) > не-производитель'. Таким образом, семантика направленности внутрь (в греческом слове) коррелирует с наличием каких-либо свойств, а семантика направленности наружу (в литовском слове) — с отсутствием свойств.

Следует учесть и славянские названия *нутреца* (ср. определение В. И. Даля: «челов. или животное, особ. жеребец, у которого семенные ядра, или одно из них не вышли наружу, а скрыты внутри») (выделено мной. — А.К.).

Как справедливо полагает А. Баньковский (Bańkowski 1987), приставка *кън-* в слове *кънорозъ* появилась на месте приставки **сън-*, а не *(*в*)*ън-*, как полагал Т. Милевский, что, разумеется, также требует своего объяснения. А. Баньковский со ссылкой на А. Мейе объясняет *кън-* на месте *сън-* диссимилиацией **ĥ* и **ĝh*.

Вместе с тем и поиски рефлексов ожидаемого **сън-оръzь* представляются не безнадежными. В древнерусской письменности слово *кънорозъ* отмечено лишь в «Повести о Варлааме и Иоасафе». «Рассмотрение всей славянской рукописной традиции Повести позволило (И. Н. Лебедевой. — А.К.) произвести классификацию списков и выделить три перевода: древнерусский, сербский и болгарский (среднеболгарский). Древнейший из них — русский перевод, сделанный в Киевской Руси не позже середины XII в. Сербский перевод — афонского происхождения, он выполнен в XIII — начале XIV в. В первой половине XIV в. неутомимый болгарский книжник старец Иоанн в лавре св. Афанасия на Афоне создал среднеболгарский извод, исправив сербский перевод по греческому оригиналу» [Лебедева 1985:107]. В одном из списков среднеболгарского извода «Повести о Варлааме и Иоасафе» на месте греч. *kapros* и др.-русск. *кънорозъ* [Лебедева 1988:77] находим слово *сенозор* [Варлаам 1887:355], которое (при отсутствии аргументированных возражений) можно рассматривать как искаженное отражение прасл. **сън-оръzь*. Фронтальное обследование соответствующего места во всех выявленных И. Н. Лебедевой 224 списках «Повести» [Лебедева 1985:57] дало бы, без сомнения, ценнейший материал для этимологии слова *кънорозъ*.

Праславянское **кън-оръzь* образовано по той же словообразовательной модели, что и греч. *en-orkhos*, арм. *mi-orji*,

лит. *iš-arža*, но с помощью приставки **kъn-*, имевшей семантику совместности, единства, соединения.

В связи с этим вновь возникает вопрос о приставке **kъ(n)-* в праславянском языке. «Распространенным предубеждением является мнение, что **kъ* не выступает как приставка (так см. Бенвенист, Вайан, Копечный - ... и др.), что элементарно опровергается не только примерами вроде **kъnaditi...*, но и такими, как **kqdelь...*, в которых представлена полная форма **kq* < и.-е. **kom*» [Трубачев 1987:170—171]. Мы разделяем мнение лингвистов, признающих существование такой приставки: «Префикс *ka-/ko-/k-* как словообразовательный элемент существует в славянских языках в сравнительно широком и до сих пор подобающим образом не учтенном объеме. Излишняя сдержанность в признании этого морфологического принципа восходит в Бернекеру (EW 1, 532), и Фасмер в своем этимологическом словаре лишь в редких случаях сумел от нее освободиться» [Schutz 1965:328]. Не освободился от этого предубеждения и Ф. Копечный, полагающий, что *kъ* как префикс в славянских языках не существует [Корѣщнŭ 1973:106]. Как отметил О. Н. Трубачев, «Копечный, по сути дела, повторяет положение Бенвениста (и отчасти Вайана), который провел слишком прямолинейную параллель между слав. *kъ* и иран. (согд.) *ku*. В том, что это по меньшей мере неточно отражает действительное положение в славянском, в общих чертах известное уже Миклошичу, можно убедиться на славянских примерах, которые нельзя объяснить, не принимая *k(ъ)-* префиксальное: русск. *конура*, *каверза*, укр. *ковертати*, *прикмітити*, *ковязнути*, если брать только этимологически наиболее ясные примеры, не говоря о гораздо большем количестве случаев, где наличие приставки *kъ-* (или ее вариантов) этимологически затемнено сильнее, хотя тоже вероятно. Ясно, что перед нами особый префикс, по-видимому, экспрессивный, хотя и не продуктивный в современных славянских языках и диалектах» [Трубачев 1976:175—176]. К приведенным примерам и аргументам можно добавить следующие: общеизвестен параллелизм приставок и предлогов в славянских языках. Ср. *Вбежать в дом* (движение внутрь), *Сбежать с горы* (движение вниз) и т.п. Значение направленности к цели движения, передающееся предлогом *k* в сочета-

нии с формами дат. п., может быть соотнесено с семантикой «направленность действия с разных сторон в одно место» приставки *со-* (ср. у А. С. Пушкина: «*К покойнику со всех сторон съезжались недруги и други*»). Анализ семантики глагольных приставок привел Г. А. Волохину и З. Д. Попову к выводу о существовании в русском языке двух омонимичных глагольных приставок: *со-1* «сверху вниз» и *со-2* «с разных сторон в один пункт» [Волохина, Попова 1993:63]. Вторая приставка *со-* (наряду с некоторыми другими) вытеснила приставку *ко-* с ее исконных позиций в современных славянских языках. Естественно, что вытеснению предшествовал период синонимии, полной функциональной эквивалентности приставок. Этот период приходится на праславянскую эпоху. Следы приставки *ко-* в славянских языках сохранились и обнаруживаются без особого труда: отыменные существительные с приставкой *ко-* в значении ‘присоединенного предмета’ известны, в частности, русским диалектам: *козвонок* (в значении ‘позвонок’), *коулок* (ср. **со-звонок*, **со-улок*. — А.К.) и др. [Альмухамедова 1986:7].

Прасл. **къп-оръ* ‘со-яйцый, обладающий яичками’ представляет ту же древнюю словообразовательную модель, что и греч. *en-orkhos*, арм. *mi-orji*, лит. *iš-arža*. При этом **къп-* восходит к и.-е. **kom-*, являясь приставкой родственной лат. *com-*, др.-ирл. *con-*, галльск. *com-* в значении ‘со’, закрепившемся впоследствии за префиксом *съ(н)-*, родство с которым (через **kom-*) также не исключается, а частичная функциональная эквивалентность в праславянский период — несомненна.

География рефлексов и.-е. **orǵh-*: иранские, армянские, греческие, албанские, славянские и балтийские (К. Ваткинс приводит также хеттские, индийские и германские рефлексy) указывает на то, что они имеют немалую («является довольно древним образованием» [Трубачев 1960:65]) хронологическую глубину: между выделением тохаро-кельто-италийского диалекта и распадением прежде единого индоевропейского диалекта В на арийско-греческо-армянский и балто-славяно-германский диалекты [Гамкрелидзе, Иванов 1984:415].

О времени возникновения слова можно сказать, что оно появилось не раньше, чем животных стали кастрировать (что

предполагает развитое скотоводство), в связи с чем и возникла необходимость отличать самцов-производителей от самцов-непроизводителей. Если принять происхождение **kьnorzь* < **kūnorghos* в результате диссимилиации палатальных (в котором трудно не заметить своеобразного протославянского аналога закону Грассмана), то слово образовалось до перехода палатовелярных в *s, z* (т.е. в начальный период распада индоевропейского единства) и не позже, чем началось преобразование группы *TorT* (т.е. **-norz-*) — не ранее V в. до н.э. и не позднее середины IX в. н.э. [Shevelov 1964:633—634].

Географическое распределение продолжений праславянского слова указывает, что максимальное обилие вариантов и производных зафиксировано на территории современной Польши и уменьшается по мере удаления, что позволяет [Журавлев 1991:106] рассматривать ее как центр, из которого (в период до середины IX в. н.э.) шло распространение слова **kьnorzь*.

Этимология слова **кьноръ* ‘кабан’

Несмотря на более чем вековую традицию исследования, слово **кьноръ* по сей день не имеет удовлетворительной этимологии.

Впервые слова *кнороз* и *кнур* сопоставил, видимо, Ф. Миклошич, относя их к корню *кьрнъ* [Miklosich 1886]. Основанием для такого сопоставления было семантическое тождество и наличие совпадающих гласных *K, H, P*. Несмотря на отсутствие фонетического объяснения, кроме ссылки на большие изменения в этих словах, Ф. Миклошич положил начало традиции, сохранившей жизнеспособность до настоящего времени. «Если русск. диал., укр., блр., польск. *кнур* ‘кабан’ вообще сюда относится, в нем надо видеть сокращенную форму» [Verneker 1908:601]. «Вероятно, сокращенной формой этого является русск. диал., укр., блр., польск. *кнур*» [Verneker 1913:664]. «К этому же семейству, вероятно, относятся след. слова, обозначающие подрезанного или неподрезанного кабана, борова: диал. кур. кал. *кнур*, МР. ... *кнур*, БР. *кнур* ‘неподрезанный боров’ (так! — А.К.) ... П. ... *кнур*

боров» [Преображенский 1914:356]. «Форма *кнур* является сокращением полного слова» [Трубачев 1960:65]. «Позднейшее вторичное сокращение — отражение исходного первичного **kъnorъzь*» [Sławski 1965:290]. «Все эти слова восходят к одной основе...» [Шаур 1979:117]. «Результат сокращения и видоизменения древней формы **kъnorъzь* ‘кабан, хряк’, возможно, сближенной со звукоподражательными словами типа чеш. *knourati* ‘издавать плаксивый звук’» [ЕСУМ 1985:474]. В ЭССЯ слово *кнур* включено в словарную статью **kъrnоръzь* и отдельно не обсуждается: «Первоначальная реконструируемая форма **kъrnоръzь* подверглась перестройкам, искажениям, затемняющим этимологический смысл» [ЭССЯ 1987:234].

Другие точки зрения не столь представительны. А. Берка сближал кашуб. *knur* ‘поросенок’ с нем. *knorren* ‘урчать’ [Berka 1891:402], что для кашубского поддержано Ф. Славским [Sławski 1965:290]. «*Кнур* не является сокращенным вариантом *кнороза*, иначе он должен был бы называться «*кнор*» и был бы для польского языка как краткая форма необъясним, разве только как заимствование из русского» [Brückner 1935:273]. «Согласно Бернекеру... это сокращенная форма от *кнороз*. В таком случае *У* следует объяснять на польск. почве. Иначе, но тоже неубедительно, Преобр.» [Фасмер 1967:265]. «География и хронология слов противоречит допускаемой Фасмером возможности заимствования русских слов из польского» [Sławski 1965:290].

Действительно, основания для сомнений есть, ибо «объяснение этих слов в фонетическом отношении затруднительно» [Преображенский 1914:357]. И основания для если не отождествления, то, по крайней мере, сближения имеются также.

Во-первых, слово *кнур* засвидетельствовано примерно в том же ареале, что и *кнороз*: оба слова есть в польском, словинском, русском, украинском и белорусском языках, *кнур* отсутствует в лужицких и словацком языках, зато имеется в чешском, в котором отсутствует слово *кнороз* [ЭССЯ 1987:233—234].

Во-вторых, семантика слов практически та же самая: *кнур* обозначает либо некастрированного самца свиньи (все литературные языки и большинство диалектов), либо кастрированного самца свиньи (русские и украинские диалекты). Второе

значение развилось из первого, как в слвц. *kornaz*. В чешском языке слово обозначает дикого кабана, а не домашнего, так же, как др.-русск. *кнорозь*. Как и в слове *кнороз*, значение похотливости в слове *кнур* представлено довольно ярко: в блр. — *Свіня гукая, нада гнаць да кнура* [СБГ 1980:491], *Дзікі кнур по нашых свінях лазіць* [ТС 1982:199], *крунаваць* ‘случаться, огуливаться (о свинье)’ — *Свіння кнуруя*; *кнуравене* экспр. ‘сперма’: *Ён цяпер кнуравенем смярдзіць, нашто ён ей такі* [СБГ 1980:492]; в польск. *knur* ‘самец свиньи, годный для племенных целей’ [SJP 1961:770]; в укр. *кнур* — *Добрий кнур повинен бути типовим для даної породи* [УРС 1958:347]; в русск. *кнурить* ‘вести себя как кнур’: *Парень-то кнурит*. Ворон. Ср. *кнурь* ‘нехолощенный самец свиньи, кабан’. Ворон. [СРНГ 1977:345]. Именно этот аспект значения заставляет отвести сближение с нем. *knurren* ‘урчать’, из которого он не может быть выведен, и, несмотря на фонетические трудности, считать слово *кнур* родственным слову *кнороз*.

Неизвестны попытки сделать фонетические выводы из сближения *кнур* и *кнороз*. Если слова родственны, то *кнур* состоит из приставки *кн-* ‘со’ и корня *-ур* ‘яички’. Если появление *кн-* на месте прасл. *кън-* фонетически объяснимо, то объяснить появление *-ур* на месте прасл. *orzь* не так легко. Если сложный вокализм приставки в слове *кънорозь* соответствует единообразному *кн-* в слове *кнур*, то единообразию корневого вокализма, восходящего к *orzь*, соответствует — в белорусском и отчасти в украинском — его варьирование: блр. *кнур*, *кныр*, *кнор* [СБГ 1980:491], укр. *кнур*, *книр* [ЭССЯ 1987:234]. И в приставке, и в корне наблюдается также варьирование твердости-мягкости конечного согласного. Ср. чешск. *kň-our*, укр. *кн-юрь* [ЕСУМ 1985:474], блр. *кн-юр* [СБГ 1980:491] в отличие от польск. *knur*, словин. *knur*, укр. *кнур*, блр. диал. *кнур*, русск. диал. *кнур*. Этим же вариантам с твердым (р) противостоят укр. *кнурь*, *кнюрь* [ЕСУМ 1985:474], русск. *кнурь* (Дон., Ворон., Самар.) [СРНГ 1977:245].

Непонятно появление мягкости у *Н*, но еще непонятнее утрата *З* и предполагаемое превращение **orzь(ь)* в **orь(ь)*. По показаниям приставки, слово *кнур* возникло после падения редуцированных, в то же время ОР (УР, ЫР) на месте **orzь* объяснимо лишь необъяснимой утратой, произошедшей до на-

чала действия закона открытого слога и преобразования группы *ТорТ*. Утрата редуцированных произошла в X — середине XII в., а преобразование групп *ТОРТ* — в середине IX в. [Shevelov 1964:634]. Как видим, с фонетической точки зрения слово *кну* от слова *кнороз* вообще не могло образоваться. Единообразии приставок удовлетворительно может быть объяснено лишь как заимствование в западнославянские языки из восточнославянских. На это указывает хорошая представленность слова *кну* в восточнославянских языках на фоне слабой представленности его в западнославянских. Поздним, например, украинским может быть и переход *О* в *У*, тогда *кну* являлось бы украинским заимствованием в других славянских языках, однако такому предположению противоречит наличие в украинском формы *книр*, из *О* невыводимой.

Думается, сказанного достаточно, чтобы убедиться в невыводимости слова *кну* непосредственно из *кнороз*. Если же, несмотря на указанные трудности, вслед за большинством лингвистов предположить, что *кну* родственно слову *кнороз*, то перед нами открывается весьма заманчивая возможность. Чтобы рассмотреть ее, обратимся к слову *орь* ‘жеребец’.

Этимология слова **оръ* ‘самец-производитель лошади’

История этимологизирования слав. **орь* ‘жеребец’ восходит к началу XVII в. и позволяет выделить несколько этимологических традиций, ни одна из которых не является убедительной. Видимо, верно будет сказать, что на сегодня это слово не имеет общепринятой этимологии.

Коль скоро подход к этимологии данного слова «от формы» исчерпал свою продуктивность и фактически завел в тупик, логично попробовать подход «от семантики» (который ничуть не менее правомерен, чем первый, хотя в отличие от него и не освящен традицией). Быть может, он позволит обнаружить слабые места фонетической теории.

Самое раннее из известных нам сближений чешск. *oř* с герм. *ross*, *hors*, *ors* содержится в словаре И. Аделунга [Adelung 1798:1164]. Именно эта этимология через посредство Й. Юнгмана [Jungmann II:965] была воспринята Ф. Микло-

шичем, который первым сопоставил др.-русск. *орь* из Хроники Георгия Амартола (XI в., сп. XIII—XIV и XV вв., вар. XV—XVII вв. — Геккер 1975, 122) с чешск. *oř* и оба — вслед за Аделунгом, процитированного Юнгманом, — возвел к с.-в.-нем. *ors* ‘конь’ [Miklosich 1862:514]. Как германское заимствование рассматривают славянские продолжения прасл. **orь* [Филин 1936:42; Holub 1937:183; Holub, Kopečný 1952:257; Черных 1956:42—43; Machek 1957:341; Rudnic’kuj 1966:434; ЕСУМ 1982:402]. Такая живучесть традиции Аделунга тем более удивительна, что очень рано она подверглась научной критике, вскрывшей ее полную несостоятельность. Так, уже А. Маценауэр отметил, что *орь* не может происходить от *ors* ‘конь’ [Matzenauer 1885:166]. Фонетическая несостоятельность этой этимологии была ясна русским ученым еще в начале XX в.: «Англосак. *hors*, английское *horse*, др.-в.-нем. (*h*)*ros* ‘конь’ не имеют отношения к слав. *орь* (срв. Kluge, Et. Wb., под *v. ross*)» [Соболевский 1911:417]. «Откуда оно происходит? Miklosich оставил его без объяснения, если не считать ничего не говорящего сопоставления со сзн. *ors, ros*: в настоящее время эти слова выводятся из прагерм. **hrussa-* (Kluge EW-6, 321), корень которого не имеет ничего общего со слав. **orьь*» [Ильинский 1911:269]. Чуть менее категоричен был А. Брюкнер: «Я не могу решиться поместить его вверху среди заимствованных слов» [Brückner 1898:512]. «Фонетически невозможно сопоставление с д.-в.-н. *hross* ‘конь’, англосак. *hors* — то же, вопреки Ф. Миклошичу» [Фасмер 1971:155]. «...встречаем странное сравнение др.-русск. *орь*, чешск. *oř* и англ. *horse*. Известные этимологические словари не указывают ничего подобного» [Трубачев 1958:99].

Следующую этимологическую традицию можно назвать т р а д и ц и е й В. Росы, поскольку первое известное нам сопоставление чешск. *oř* с глаголом *orati* находится в рукописном словаре Вацлава Росы (V. Rosa? — 1689). Этот словарь был известен Й. Юнгману, который и процитировал соответствующее место в своем словаре: «*oř, woř, ...* (для Росы — от *orám* ‘конь для пахоты’, Askergaul...)» [Jungmann II:965]. Поскольку В. Роса пользовался словарными материалами Я. А. Коменского, не исключено, что данное сближение восходит к последнему (о В. Росе см.: OSN 1904:965—966).

Эту этимологическую традицию — и вновь благодаря посредующей роли Й. Юнгмана — воспринял и развил А. Маценауэр: «слав. название *орь* могло бы происходить от корня ОР-слова *орати* ‘пахать’» [Matzenauer 1885:166]. При этом тот же самый корень усматривается в старопрусс. *ar-waikis* ‘жеребёнок’, понимаемом как сложение с первой частью **aris* ‘конь’ и второй *waikis* (ср. лит. *waikas* ‘сын, дитя, детёныш’). Для пары *орати* > *орь* дается литовский аналог *ar-ti* ‘пахать’ > *ar-klys* ‘конь’.

Эта этимология была повторена А. Брюкнером [Brückner 1898:512]; Ф. Филиным [Филин 1936:40—42], О. Н. Трубачевым: «Возможно, это отглагольное имя, аналогичное лит. *ar-klys* (<*ar-ti* ‘пахать’) ‘лошадь’» [Трубачев 1958:99]; И. А. Елизаровским: «В народном языке от слова *орать* еще в древности появились производные слова: *орь* — жеребёнок; *орь* — конь; *поорати* — взрыхлять почву для посева (Миклошич); *оратай-оратаюшко* (былины); *роилия* — время весенней пахоты; *ораница, оранина* — почва, обработанная под посев; *ральник* — сошник; *роля* — пашня» [Елизаровский 1958:70]; В. Махеком (со ссылкой на О. Н. Трубачева 1958) [Machek 1968:418]; Г. Ф. Одинцовым [Одинцов 1980:42]; К. Лиукконеном: «Bezlaï 1967, с.147 связывал словен. *orma* с др.-русс. *орь*, что в известном смысле правильно. Слав. **orjь* является отглагольным именем от **orati* (**or-jь*, как ст.-слав. *вождь* < **vod-jь* от **voditi*), ср. лит. *arklys* ‘лошадь, конь’ от *arklas* ‘соха’, производного от *arti* ‘пахать’, см. Fraenkel I 16, Откупщиков, Вопросы общего языкознания 95. Ср. Трубачев КСИС XXV 99» [Лиукконен 1987:93].

Детальной критике эта этимология вроде бы и не подвергалась, но и признания у специалистов она не получила. Так, в 1927 г. А. Брюкнер отказался от сближения польск. *orz* ‘конь, быстрый в беге’ с лит. *arklys* ‘конь’, *arklas* ‘соха’, но сохранил сближение с прусск. *arwaikis* ‘жеребёнок’ [Brückner 1927:382]. О. Н. Трубачев в 1960 г. опустил эту этимологию в своей книге: «Неясно происхождение русск.-црк.-слав. ОРЬ...» [Трубачев 1960:54—55]. Отклонил эту этимологию М. Фасмер: «см. Маценауэр (LF 12, 166), сближение которого с *орать* ‘пахать’ тоже неудачно» [Фасмер

1971:155], а также Я. Б. Рудницкий: «менее убедительно происхождение от *орать*» [Rudnic'kij 1966:434].

Связь прусск. *arwaikis* ‘жеребёнок’ со слав. *орь* в настоящее время отрицается: «Что касается *Ar-*, то остается возможность толкования его как того же элемента в *ar-globis*, *ar-warbs*, или в многочисленных названиях типа *Ar-dange*, *Ar-wayde* и др., или же связывания его с *ar-*, употребляемым для обозначения пахоты ... Детали, однако, остаются не вполне ясными» [Топоров 1975:110].

Сближению *орь* с *орати* мешают следующие соображения. Прежде всего, литовский пример при всей своей прозрачности и как бы очевидности заслуживает если не сомнения, то по меньшей мере удивления, поскольку является уникальным: ни в славянских, ни в других индоевропейских языках не встречается названий лошади, образованных по модели ‘пахать’ > ‘конь’ или ‘соха’ > ‘конь’ [см. Вукс 1949]. Представление о лошади как об орудии может быть лишь очень поздним, что противоречит явно архаичному характеру славянского материала. Глаголы со значением ‘пахать’ развивают название субъекта — *пахарь*, *оратай*, *оральщик*, *оратель*, *орач*, *орец*, инструмента — *рало*, *ральник*, *ораль*, места и результата — *пашня*, *роля*, *орамица*, *оранина*, *орань*, но никогда — животного, на котором пашут [Даль 1905:1785—1787].

Во-вторых, приводить литовский пример для подтверждения пары *орь* — *орать* не вполне корректно семантически, ибо примеры из древнерусских памятников, русских и украинских говоров имели значение ‘конь-самец, сильный, страстный’, соотношенное с представлением о сексуальной распушенности [Одинцов 1980:41], т.е. фактически значение ‘самец-производитель’, а не ‘конь’, как в литовском *arklys*, из которого такого значения развиться не могло и не развилось. И напротив, значение ‘конь’ в польском и чешском языках развилось из значения ‘жеребец’ (кстати, обозначение жеребца в литовском языке не имеет ни малейшего отношения к значению ‘пахать’, а возводится к и.-е. **orgh-* ‘яичко (анат.)’ и является производным посредством суффикса *-ilas* от того же корня, что и *erzus*, *arzus*, *arskus* ‘похотливый’) [Fraenkel 1962:123—124; Otrębski 1965:121].

Принять семантический перенос 'то, чем пашут' > 'животное, на котором пашут' > 'жеребец' можно лишь допустив, что в древности пахали только на жеребцах, не используя ни меринов, ни кобыл. Точно так же сосуществование в ст.-польск. (*h*)orz значений 'конь' и 'верблюд' [Karłowicz и др. 1902:56] вряд ли можно истолковать как указание на то, что предки поляков пахали на верблюдах. Зато значение 'верблюд' прекрасно выводится из значения 'блудливый самец, производитель' (ср. др.-русск. *вельблудъ*, народноэтимологически осмыслявшееся как сложение из *вель-* 'большой' и *блудъ* 'блуд').

Что касается суффикса *-jь*, то с его помощью, как правило, образованы существительные женского, а не мужского рода: *гарь*, *тварь* от *горети*, *творити*. Если мы возьмем слова мужского рода, оканчивающиеся на *-рь* в современном русском языке, получится довольно однородная в семантическом отношении группа: *зверь*, *угорь*, *хорь*, *вепрь*; к ним можно добавить и *зубр* (из др.-русск. *зубрь* [ОСРЯ 1974:568]; вне этой группы — *осокорь*, *вихрь* и *якорь*). Все эти слова, как и *орь*, имеют финаль *-рь* и мужской род, и ни одно из них не образовано с помощью суффикса *-jь*. Примечательно, что два (с *зубр* — три) из них (*зверь* и *вепрь*) имеют древние индоевропейские соответствия, чего можно ожидать и для *орь*.

Неудачно сопоставление *орь* и *вождь* еще и потому, что *вождь* обозначает человека и такое же значение логично было бы ожидать от слова *орь*, которое, будь оно образовано по той же модели, означало бы 'тот, кто пашет', т.е. 'пахарь', а не 'жеребец' (ср. *вождь* — 'тот, кто водит'). Слово с таким значением и от этого корня есть и в русском, и в литовском: (*o*)*pataj* и *artojas*.

Как видим, данные литовского языка не столько подтверждают, сколько опровергают этимологию А. Маценауэра.

К традиции А. Маценауэра восходит и этимология Г. Ильинского (хотя последнему, как практически всем русским исследователям, работа А. Маценауэра была незнакома; по крайней мере, никто из них на нее не ссылался). А. Маценауэр предположил также, что слово *орь* может быть родственно санскр. *ara* 'быстрый' с корнем *ar-*, исходным значением которого было 'двигаться, волноваться, возбуждаться'

[Matzenauer 1885:166]. Г. Ильинский отмечает «замечательное сходство» слова *орь* «с др.-инд. *arvant-* ‘скаковая лошадь, конь’». «Значения обоих слов, — продолжает автор, — совершенно тождественны, но и формально они ближе друг к другу, чем можно было бы подумать с первого взгляда: как известно, санскр. суфф. *vant-* есть формант «принадлежности» или «притяжательности», так что др.-инд. имя *arvant* обозначало «животное, обладающее известным качеством». Какое же это было качество? Да, конечно, «скорость», как это показывают все остальные родственные имена: др.-ир. *aurvant* ‘быстрый’, англосакс. *earu id.*, др.-исл. *orr (...)*. Но как во многих других случаях, так и здесь значение ‘быстрый’ не было исконным, но — вторичным: оно развилось из более общего понятия ‘совершать энергичные движения’ или даже просто ‘двигаться’» [Ильинский 1911:269—270].

Слово *орь* Г. Ильинский считал родственным не только существительному *оревина* ‘бык’, но и прилагательному *оревитый* ‘похотливый’, а также глаголам *оревати* ‘быть похотливым’ и *оружатися* ‘быть похотливым’ [Ильинский 1911:270; 1921:235].

Мы поддерживаем сближение слова *орь* со словами *оревати*, *оревитый*, *оружатися*, потому что они максимально соответствуют реконструированной А. Соболевским семантике этого слова: ‘самец’ — ‘страстный, сильный самец’ [Соболевский 1911:416]. Говоря же о том, кому принадлежит это сближение, первым, видимо, следует назвать И. И. Срезневского, который в своем словаре не только зафиксировал эти слова, но и соотнес их друг с другом: «*орь* — ‘конь’ ... Ср. чеш. *oř* — ср. *оревати*, *оревитый*, *оружатися*» [Срезневский 1895:709]. При каждом из этих четырех слов И. И. Срезневский в конце словарной статьи дал остальные три. Сближение *орь* — *оружатися* ‘быть похотливым’ (*наречет коня оружающася* Златоустр. сл. 8) [Срезневский 1895:709] было принято и поддержано Г. Ильинским: «Праслав. *orjь* ‘конь’ находится в отдаленном родстве с др.-русск. *оружатися* ‘быть похотливым’, др.-русск. *оревати* ‘быть похотливым’» [Ильинский 1921:235]. Если сближение *орь* с *оревати* довольно прозрачно, то сближение его с глаголом *оружатися*, хотя и в том же значении, словообразовательно неочевидно, равно как

и факт наличия вроде бы однокорневых синонимов, возникающих при наличии синонимичных суффиксов.

Этот ряд можно дополнить еще одним глаголом — глаголом *орити*, *орю*, *ориши* ‘соблазнять, verführen’ [SJS 1972:555]. Ср. у Ф. Миклошича: «*Арше, что мя оришии; sup.393, отъ разбойникъ и орещиихъ isaak.*» [Miklosich 1862:514].

Вполне укладывается в данный ряд и введенное в научный оборот А. Соболевским слово *оревина* ‘бык нехолощенный’, интерпретируемое как образование с суффиксом *-евин-* по аналогии с *дом* — *дом-овина*, *ол* — *ол-овин-а* [Соболевский 1911:416]. Приведенные примеры семантически не вполне удачны: ближе к этимологическому значению была бы пара *сердце* — *сердц-ев-ин-а*. Осмыслению поддается здесь суффикс *-ин(а)*: ср. *скот* — *скот-ина*, *дети* — *дет-ина*, *образ* — *образ-ина*, *мужик* — *мужич-ина*, а формант *-ев-*, скорее всего, суффикс притяжательного прилагательного: *конь* — *кон-ев*, *орь* — *ор-ев*. Думается, тот же самый суффикс притяжательности и в слове *оревитый*. Ср. сочетание суффиксов *-ов(-ев-)* и *-ит(ый)* в других словах: *дар* — *дар-ов-ит(ый)*, *башка* — *башк-ов-ит(ый)*.

Предположение Г. Ф. Одинцова, что *орь* является производным от глагола *оревати* ‘быть похотливым’, представляется не очень удачным в формальном и семантическом отношении: суффикс *-ев(а)* маркирует отыменные (и заимствованные) глагольные основы, а семантика ‘быть каким-либо’ присуща именно производным глаголам, образованным от имен: *горе* — *гор-ева-тъ* ‘быть в горе’, *тоска* — *тоск-ова-тъ* ‘быть в тоске’. Если же мы сопоставим семантику глагольной пары *орити* ‘соблазнять, свращать’ — *оревати* ‘быть похотливым’, то увидим, что они легко укладываются в формулу ‘проявлять свойства *оря*; действовать в соответствии с этими свойствами’. Иными словами, семантика слов *орь* и *орити*, *оревати* указывает на то, что не *орь* является производным данных глаголов, а, напротив, данные глаголы являются производными от существительного *орь* ‘страстный, сильный самец’.

На первичность этого значения указывает и вторичное значение польского (*H*)*orz-* ‘одногорбый верблюд’ [Karłowicz и др. 1902:56], который в той же мере, что и жеребец, является сильным, страстным, похотливым самцом.

Этимология Г. Ильинского нашла отражение отчасти у А. Брюкнера [Brückner 1927:382], К. Мошиньского [Moszyński 1957:238], наряду с другими этимологиями — в словарной статье «Этимологического словаря чешского языка» [Holub, Korešný, 1952:257], а также у Б. В. Кобылянского [Кобылянский 1967:44].

Остальные исследователи упоминали ее для того, чтобы отклонить. «В любом случае предыдущие объяснения славянского слова ... никого не могут удовлетворить: <...> объяснение Ильинского (Ильинский 1911, 269—271) (к др.-инд. *arvant-* ‘скаковая лошадь, конь’) — по морфологическим причинам» [Vasmer 1913:3]. «Трудно сказать, насколько это верно» [Преображенский 1914:660]. «Прочие сближения гадательны, напр. с др.-инд. *arva* (*arvan-*, *arvant-*) ‘скаковая лошадь, конь’, авест. *aurva-*, *aurvant* ‘быстрый’, др.-ис. *orr* ‘быстрый, скорый; смелый’, англос. *earu* ‘скорый, быстрый’, греч. *οροιοο* ‘набрасываюсь’ (Ильинский, РФВ 66, 269 и сл.; Маченауэр, LF, 18, 256)» [Фасмер 1971:155]. «Менее убедительна его связь с санск. *arvant* ‘быстрый’ и родственными ему» [Rudnic’kuj 1966:434]. «Необоснованны и сближения с <...> др.-инд. *arvant-* ‘быстрый’» [ЕСУМ 1982:402].

Не будем останавливаться на еще менее удачных сближениях *орь* с др.-инд. *aryas* ‘арий’ [Loewenthal 1929:59], авест. *airya* ‘то же’, а также с казах., кирг., тат. *aigyr* ‘жеребец’ (литературу см.: [Фасмер 1971:155]), а обратимся к традиции М. Ф а с м е р а.

В статье, опубликованной в начале XX столетия в Финляндии и оказавшейся затем вне поля зрения не только других славистов, но и самого автора (ср. отсутствие упоминания о ней: [Фасмер 1971:155]), М. Фасмер писал: «Для фин. *ori(h)* ‘жеребец’ <...> сближение Педерсена ... с арм. *orj* ‘самец (у животных)’, по-моему, убедительнее, чем сближение с др.-инд. *vr̥san-* в (Munkácsi 1901, 445) из-за иначе непостижимого исчезновения *v-* в финском (ср. фин. *vasa*) и, с другой стороны, из-за родственного арм. слову лит. *erzilas* ‘жеребец’. Суффикс последнего соответствует суффиксу *-ьль* в слав. *kozьль* ‘козёл’, *орьль* ‘орёл’ и т.д. (Ср. Leskien, Bildung der Nomina im Lit. 482 (=332).) К (объяснению. — А.К.) фин. *ori(h)* в любом случае должно быть привлечено прасл.

орь ‘конь, лошадь’. Возможно, финское слово прямо или непрямо заимствовано из общеславянского (в праславянской звуковой форме) и славянское слово каким-то образом восходит к армянскому. Возможно, и наоборот. В любом случае предыдущие объяснения славянского слова, не учитывавшие финского слова, никого не могут удовлетворить: объяснение Соболевского (Русск. Филол. Вестн. 45, 416; из **arja-*) — из-за значения, а объяснение Ильинского (РФВ 46, 269 и сл.: к др.-инд. *arvant-* ‘скаковая лошадь, конь’) — по морфологическим причинам» [Vasmer 1913:3]. При этом отклонение этимологии А. Соболевского по семантическим причинам вовсе не означает, что значение слова *орь* А. Соболевский восстановил неправильно: как раз в этом он был прав.

Что касается связи слав. *орь* с фин. *ori*, то этот вопрос позднее был повторен К. Мошиньским: «Надо было бы еще выяснить, как случилось, что очень похожие апеллятивы для жеребца имеются у финнов западных (фин. *orih*, *orhi* < **oris*, **orsi* или **oriž*, *orzi*; саамск. *orries*) и, возможно, также у финнов восточных» [Moszyński 1957:238—239] и обозначен в словарной статье *оř* В. Махеком: «Есть и фин. *orih*, *orhi*, саамск. *orries*» [Machek 1968:418], а Б. В. Кобылянский (без доказательств и ссылок на М. Фасмера) указал на восточнославянское происхождение фин. *ori* ‘жеребец’ [Кобылянский 1967:44]. Отношения слав. *орь* и фин. *ori(h)* ‘жеребец’ рассмотрены в нашей статье «Финское *ori* ‘жеребец’ — восточнославянское заимствование?», где аргументировано восточнославянское происхождение финского *ori* ‘жеребец’, датируемое периодом между IX и XIV вв.

Для нас же важно не столько то, что М. Фасмер угадал славянское происхождение фин. *ori*, сколько его предположение о связи слав. *орь* с арм. *orj* ‘самец’ и лит. *erzilas* ‘жеребец’.

Эту идею М. Фасмера (быть может, независимо от него, но позднее) развил А. Брюкнер в словарной статье польск. *orz*, к которой вполне применимы слова О. Н. Трубачева, сказанные по другому поводу: «Как часто и в других случаях проникательную догадку (без осмысления деталей) ... оставленную без внимания последующими этимологами ... находим у Брюкнера» [ЭССЯ 1987:19]. А. Брюкнер писал: «Возможно (корень слова *орь*. — А.К.) есть и в литовском, правда не в

arklys ‘конь’ (неотделимого от *arklas* ‘соха’), а скорее в прусск. *arwaykis* ‘жеребёнок’ (соединенного с *waika* ‘невзрослый’) и в лит. названиях ‘жеребца’ *aržilas* и *eržilas* (ср. прилагательное: *aržús* ‘похотливый’; *arsžus* ‘склонный, предрасположенный’; *arwas* ‘свободный’)» [Brückner 1927:382]. Сближение *orz* с прусск. *arwaikis* неудачно, ибо *ar-* в прусском слове иного происхождения [Топоров 1975:110], зато сближение польского слова с лит. *eržilas*, *aržilas* — очень ценно. Нельзя сказать, что это сближение осталось без внимания последующих этимологов, хотя и нельзя назвать удачной трактовку этой идеи. А. Голуб и Ф. Копечный [Holub, Kopečný 1952:257] восприняли идею А. Брюкнера буквально, выделив в лит. *aržilas* корень *ar-* и формант *-žilas*, хотя со времен А. Лескина в этом слове выделяют корень *arž-* и формант *-ilas* [Leskien 1891:482; Vasmer 1913:3; Otrębski 1965:121], а формант *-žilas* литовскому языку неизвестен [Otrębski 1965:228].

Итак, предполагается, что литовское слово родственно слову *орь* и восходит к и.-е. **orǵh-*, *erǵh-*, *rǵh-* ‘яичко (анат.)’ [Loewenthal 1920:391], т.е. к тому же корню, что и **orzь* в *кнорозь*. Слово *орь* ‘жеребец’ (др.-руссск.) географически, формально и семантически может быть сопоставлено со словом *кнур* (см. таблицу).

В литовском языке, кроме *eržilas* и *aržús*, корень **erǵh-*/**orǵh-* представлен также в *iš-arža* = *ištarža* = *istarža* = *ištarža* = *ištaržas* ‘кастрированное животное’ [Mann 1986:888; Kurschat 1970:784, 925].

По нашему мнению, индоевропейский корень **or-* сохранился в несвязанном виде в своем славянском варианте *op(ь)*, т.е. именно в том варианте, какой мы находим в словах *кнур*, *кнурь*, *кныр*, *кнор*, *кнюр*: *кн-ур*, *кн-урь*, *кн-ор*, *кн-ыр*. Украинский язык сохранил наиболее убедительные параллели: *кнур* ‘кабан, хряк; самец-производитель свиньи’ (*Добрий кнур повинен бути типовим для даної породи.* — УРС 1958, 347) — *вур* ‘жеребец’ (гуцульск.) [Львов 1957:174], *вур*’ (с. Довге, Украина, Закарпатская обл., Варшавский р-н, впервые упом. в 1383 г.), *вур*’ ‘жеребец’ (с. Дубове, Украина, Закарпатская обл., Тячевский р-н., основано в сер. XIV в.), (*в*)*урь* ‘жеребец’ [Rudnic’kyj 1966:434 — со ссылкой на Дзензелевского). Во всех этих словах *В* протетический появился абсолютно закономерно.

Формы, обозначающие кабана-производителя
и коня-производителя в западно- и восточнославянских языках

Язык	О	У	Ы
Чешский	og hog vog	knour	—
Польский	orz horz	knur	—
Словинский	—	knur	—
Украинский	вор ворїй вїр вїрь евїрь	кн-УР кн-УРЬ кн-ЮРЬ вурь вїурь урь	кн-ИР вирь
Белорусский	кн-ОР Ор (село) вор (фольварк)	кн-УР кн-ЮР	кн-ЫР
Русский	орь ор	кн-УРЬ кн-УР	—

Для полноты картины отметим, что соответствия украинским вариантам *вур*, *(в)урь*, *vir'*, *wur'* 'жеребец' находим, кроме украинского, еще в трех языках. В русск.: **кнур**, а, м. 1. Некастрированный самец свиньи, кабан. Зап., Слов. Акад. 1910. Краснодар., Свердл. Ср. Урал, Иркут. 2. Кастрированный самец свиньи, боров. Твер., 1852. Калуж., Курск. 3. Пренебр. О мужчине: мужик. Смол. Втор. Доп., 1905—1921. КНУРЬ, я, м. Нехолощенный самец свиньи, кабан. Дон., 1856. Ворон., Бугур. Самар. [СРНГ 1977:345]. Попутно заметим, что семантика 'боров' или 'нутрец' у этих слов является вторичной, развиваясь из значений 'самец', 'самец-производитель'. В белорусском языке также встречаем две формы, хотя и несколько иные: **кнур** 'кабан' — **кнур ёсць**, *здаём яго на загатоўкі*. Крэва Смарг. **Кнур** — *непакладаны кабан*. Пацаўшчына Дзятл. *Свіню дожэну до кнурá*.

Смаляніца Пруж. *Свіня гўкая, нада гнаць да кнур*. Кіралі Шчуч. *Кнюр* ‘кабан’ — **Кнюр** быў. Старыя Смільгіні Воран., Вострава Маст. [СБГ 1980:491—492]. *Дзікі кнур по нашых свиньях лазіць*. Хотамель. *У ёго буў свой бугай, свой кнур*. Цераблічы [ТС 1982:199]. В польском языке также имеется слово *knur* ‘самец свиньи, годный для племенных целей’ [SJP 1961:770].

В данном случае принципиально важно установить факт межъязыковых фонетических соответствий для рефлексов корня **orz-*, ибо следующие пары соответствий будут именно межъязыковыми.

Белорусскому *кныр* ‘кабан, хряк’ по вокализму корня соответствует украинское *вирь* ‘жеребец’ [Rudnićkyj 1966:434 — со ссылкой на Дзензелевского]. Ср. примеры употребления слова *кныр*: **Кныр** злы седьни (Заронава, Куз. р.) — (Касьпяровіч 1927, 164); **Кныра** не было ў нас. Рудня Астравітая Чэрв. [СБГ 1980:492]; отмечена также и в [ТС 1982:199].

А белорусская диалектная форма *кнор* ‘кабан, хряк’ (**Кнора** забіў і бяседу спраўляў [СБГ 1980:492]) имеет соответствия в четырех языках.

Во-первых, *кн-ор* идеально соответствует др.-русск. и церк.-сл. *орь* ‘жеребец’, поскольку в белорусском произошло отверждение *Р* и, таким образом, современное блр. диал. *кн-ор* из *кн-орь* [Колесов 1980:48]. Ср. также русск. *река*, польск. *rzeka* и блр. *рака*. О неустойчивости признака мягкости согласного *Р* свидетельствует и употребление слова *орь* в воронежских документах XVII в.: *Перерубил он (крестьянин ...) ...двое лошадеі у хлеба ор игрен на четвертое да кобылу трех лет* (1666 г. — Воронежские грамоты. Приказная изба, Гос. АВО, ф. 182, оп. 3, док. № 337, л.14); *Взяли те воровские люди троих лошадеі кобылу шерстью чалу да мерина шерстью рыжева да оря шерстью в соврасе гнедь* (1680 г. — Там же, ф. 182, оп. 2, № 388, л. 13 — Хитрова 1972, 154). Соотношение *ор* — *оря* аналогично соотношению в польск. *knur* — *knurze* и укр. *вир* — *воря* (Дзензелевский 1975, 124). Кроме того, блр. *кн-ор* соответствует русским диалектным формам: ряз. *орь* (1898), *оря* (1905) ‘мерин’ (Филин 1936, 42, 23, 26). В украинском языке находим два типа соответствий: *вир*, *вирь*,

ewir 'жеребец' [Одинцов 1980:44 — со ссылкой на данные Института языкознания им. А. А. Потебни], *wir*, *wirь* [Rudnič'kuj 1966:434 — со ссылкой на Дзензелевского] и *wor* 'стадник' [Желеховский 1886:120], *worii* 'жеребец' [Одинцов 1980:44 — со ссылкой на данные Института языкознания им. А. А. Потебни]. Рефлексы первого типа с переходом *О* в *І* и протезой *В* отражают закономерные фонетические процессы украинского языка, а рефлексы без перехода *О* в *І* принадлежат, видимо, говорам, испытавшим русское или белорусское влияние, скорее всего — говорам переходным, пограничным.

В польском языке блр. *кн-ор* соответствует слову *orz*, *horz* 'быстроногий конь' [Brückner 1927:382; Karłowicz и др. 1902:56].

В чешском языке также имеются соответствия: ст.-чешск. *noř*, *voř* 'конь' [MSS 1978:268] и совр. поэт. 'конь, лошадь'.

Следует отметить, что протеза *Н* в др.-польск. и др.-чешск. носит такой же закономерный фонетический характер, как протетический *В* в украинском. Расхождение в «выборе» протетического согласного объясняется «неопределенностью качества вставочных согласных» и «не всегда объясняется качеством следующего гласного» [Колесов 1980:33—34].

Итак, мы привели иноязычные соответствия блр. *кн-ор*. Думается, что можно привести и внутриязыковое соответствие. Белорусским рефлексом слова **ор(ь)* является, на наш взгляд, название белорусского села *Ор* (ІР) м., *Ора*, *Оры*, прил. *Орскі* — до 1976 г. в Дивинском с/с Корбынского р-на Брестской обл. [Рапановіч 1980:96], а также название фольварка в Житковичской волости Мозырьского уезда Минской губернии *Вор* с протетическим *В* [RGN 1966:180].

Как видим, слово *орь* представлено практически в тех же языках, в каких и *кнур*. Лишь в словинском не отмечено соответствия слову *орь*. На таблице хорошо заметна центральная роль украинского и белорусского языков, имеющих самый богатый вокализм: *О — У — ЫІ* соответственно в *wor* (*wirь*) — *wурь* — *wирь* и *кнор* — *кнур* — *кныр*, и периферийный характер показаний чешского, польского и русского языков, сохранивших *О* в *орь* и *У* в *кнур(ь)*. Поскольку формы на *І* и *У* в украинских примерах (*wирь*, *wурь*) вторичны [ср. Пань-

кевич 1956:88], логично то же самое предположить относительно *У* в слове *кнур*: *кнур(ь)* из *кн-ор(ь)*.

Данные, представленные в таблице, подтверждают наше предположение о том, что западнославянские соответствия восточнославянскому *кнур* являются восточнославянскими заимствованиями. На возможность этого указывают встречные заимствования в восточнославянских языках: укр. диал. *керноз*, *керніз*, *корназ*, *корназ* [ЕСУМ 1985:474] и блр. *керноз*, *кернос* [СБГ 1980:458], *кярноз*, *кярнос* [СБГ 1980:597] из польского (ср. *kiegnoz*) и восточнослав. *knoroz* — в польских диалектах [Karłowicz 1900:349, 384].

Учитывая твердость конечного *Р* в польском *knur*, словинском *knur* и чешском *kňour*, источником заимствования естественнее всего предположить белорусский язык с его формами *кнур* и *кнюр*, при этом не исключено, что семантика заимствования в чешском языке впоследствии специализировалась: ‘кабан’ ~ ‘дикий кабан’. Как следует из примера, приводившегося выше, такое употребление слова не чуждо и белорусскому языку: *Дзікі кнур по нашых свиньях лазіць*. Хотамель. Цераблічы [ТС 1982:199].

На белорусский как на язык-источник указывает и наиболее полная представленность в нем форм слова *кнур*, в том числе и предположительно древнейшая — *кн-ор* из *кн-орь*.

Для того, чтобы объяснить *кн-ур* из **кн-орь* как параллельное **кьн-оръз* образование, мы должны допустить, во-первых, сосуществование расширенного и нерасширенного вариантов корня **or-ġh-* и **or-* ‘яичко (анат.)’, а, во-вторых, что **кьн-орь* образовалось в то время, когда внутренняя форма слова **кьн-оръз* осознавалась и слово *орь* имело, в качестве одного из значений, исконное значение ‘яичко’, а приставка **кьн-* — значение ‘с’.

Для этого корня на основании глагола *оружатися* ‘быть похотливым’ [Срезневский 1895:709] восстанавливается существительное **оружь* ‘похотливый самец-производитель’, в котором можно видеть искаженное отражение расширенного варианта и.-е. корня **or-ġh-* (**оружь* > *оружити(ся)* > *оружати(ся)*), как *груз* > (*с*)*грузити* > (*с*)*грузати*. Ср. тот же вариант корня в укр., гуцульск. *кнорус* (<*кн-оруж*) ‘кабан, хряк’ [Harasymczuk, Tabor 1937:133]. Аналогичные семантико-сло-

вообразовательные процессы широко представлены в славянских языках: н.-луж. *kjandroz* ‘похотливый самец-производитель’ > *kjandrozyś* ‘вести распутные речи’, польск. *kiernoz* ‘похотливый самец-производитель’ > *kiernozić się* ‘распутничать’, блр. *кнур* ‘похотливый самец-производитель’ > *кнураваць* ‘случаться’, русск. диал. *кнурь* > *кнурить* ‘вести себя подобно кнурю’, прост. *жеребец* > *жеребцевать* ‘вести себя подобно жеребцу, т.е. распутно’. (Доказательства несвязанного бытования славянских рефлексов корня **or-ġh-* ‘производитель’ см. в предыдущей статье.

По этой же модели образованы, вопреки Г. Ф. Одинцову [1980:42], пары *орь* > *оревати* ‘быть похотливым’ (инхотатив), *орь* > *оруми* ‘соблазнять, совращать’ (каузатив) [Miklosich 1862:514; SJS 1972:555]. В производном *оревати* суффикс *-ов(а)* однозначно указывает на вторичный (отыменной) характер глагольной основы. Ср. также *орь* > *оревитый* ‘похотливый’ (*лед* — *ледовитый*, *яд* — *ядовитый*), польск. *knur* ‘самец свиньи, годный для племенных целей’ > *knurowaty* ‘подобный кнурю, напоминающий кнуря’ [SJP 1961:770].

Итак, мы констатируем, что балтославянский материал позволяет увидеть в балтославянских обозначениях производителя **kъn-orz-ъ* — **erz-il-as* продолжения и.-е. *orġh-*, *erġh-*, *rġh-* ‘яички (анат.)’.

Ключевым для решения проблемы оказывается праславянское **kъnorъ*, доселе не имевшее убедительной этимологии. Дело в том, что семантическая и географическая близость слов **kъnorъ* и **kъногъ* столь велика, что лингвисты, даже вопреки всем фонетическим сложностям, считали второе искаженным вариантом первого. Более правдоподобно предположение, что в соседних областях славянской языковой общности по одной и той же древней индоевропейской модели параллельно образовывались два слова для обозначения производителя: от чистого корня **er-*, *or-*, *r-* — **kъn-orъ* и от корня с детерминативом **-ġh-* — **kъn-or-ъb*. В плане предполагаемого параллелизма расширенного и нерасширенного вариантов корней весьма показательно сосуществование в одном и том же гуцульском говоре слов *кнорус* ‘кабан, хряк’ (рефлекс корня с расширением **or-ġh-*) и *вор* ‘жеребец’ (рефлекс чистого корня **or-*) [Narasymczuk, Tabor 1937:133].

Правдоподобие этой этимологии поддерживается наличием рефлексов самостоятельного функционирования расширенного и чистого корней в качестве основ слов со значением ‘производитель’: *ворза*, *ёрза*, с одной стороны, и **орь* и его чешские, польские, украинские, белорусские и русские эквиваленты — с другой. Слово *орь* относится к *кнуру* (*кнору*), как *ворза—ёрза* — к *кнорозу*.

Таким образом, мы, по существу, возвращаемся к позиции Дж. Лёвентала, который, соотнеся лит. *eržilas* ‘жеребец-производитель’ и др.-русск. *кѣнорозъ* ‘кабан-производитель’ с их индоевропейскими соответствиями, отметил: «Корень — и.-е. *orǵh-*, *erǵh-*, *rǵh-*. Вероятно, это расширения корня *or-*, *er-*, *r-* ‘быть толстым, круглым’, представленного в гр. *orroz*, д.-в.-н. *ars*, арм. *or* ‘Arsch’, равно как в лат. *eryum*, с.-н.-н. *erwete* ‘Erbse’, д.-в.-н. *araweiz*, др.-сев. *ertr* ж. мн. ‘Erbesen’» [Loewenthal 1920:391]. Напомним, что родство славянского **орь* с индоевропейским корнем **orǵh-* предполагали такие проницательные и чуткие этимологи, как М. Фасмер и А. Брюкнер.

Семантически развитие шло от значения ‘нечто круглое, плотное’ к значению ‘яички (анат.)’ (конкретизация), затем по модели *pars pro toto* к значению ‘самец-производитель’, которое, в свою очередь, как правило, конкретизировалось в значения ‘конь-производитель’, ‘кабан-производитель’, ‘бык-производитель’ и т.п. Связь между тестикулами и способность к оплодотворению была осознана довольно рано: на это указывают древнейшие технологии кастрирования домашних животных, основанные на механическом воздействии на тестикулы. Не удивительно, что последние и в языковом сознании выступали в качестве репрезентанта самца-производителя.

Сложность ситуации состоит в том, что оба варианта корня оказались омонимичны другим корням: **orz-* — корню со значением ‘раз’, а **or-* — корню со значением ‘пахать’, ср. лит. *arti*, прасл. **orti*. Это формальное сходство и побудило этимологов, вопреки семантике, сблизать прасл. *орь* с глаголом **orti*, а прусск. *arwaikis* с лит. *arti*.

Географическим центром распространения слова *орь* представляется территория современной Чехии и отчасти закарпатской Украины. Географическим центром распространения

слова *кнур* (*кнор*) представляется территория Украины и Белоруссии. Корень **orz-* наилучшим образом представлен на территории Балтии и смежных с нею восточнославянских территориях. Центром иррадиации слова **k̃norz̃*, как уже отмечалось, является территория Польши.

В пользу предлагаемой этимологии говорят как семантическая и географическая близость слов **k̃norz̃*, **k̃nor̃(ь)*, **or̃ь*, так и ее фонетическая непротиворечивость, позволяющая правдоподобно объяснить варьирование вокализма в литовских рефлексах индоевропейского корня: *erzilas* — *arzilas*, *erzus* — *arzus*, *erziluotis* — *arziluotis*. В свете данной этимологии не остается оснований для сомнения в наличии синонимичных приставок **k̃n-*, *s̃n-* ‘со’ в праславянском языке, и эта пара может пополнить список сатэм-кентумных дублетов в балтославянском языковом ареале, тем более что та же дублетность наблюдается и в корне: ср. русск. диал. *ѣрга* — *ѣрза*.

Таковы факты и соображения, которые можно привести в пользу предлагаемых решений. Принятие их потребует пересмотра славянского материала, группирующегося вокруг эквивалентов русским диалектным *ерза́* ‘волокита, девушник’ и *ѣра* ‘развратный шатун’ [СРНГ 1972], *юр* ‘похоть’ [ЭССЯ 1981:178—179], в котором древность варианта **юр-* представляется преувеличенной. Напротив, формы на **юр-* могут быть объяснены поздними локальными диалектными процессами. Впрочем, это уже тема другого исследования.

Этимология прилагательного *белокурый**

Слово *белокурый* и его производные известны в русском, украинском и польском языках.

Правда, сами украинцы на наличии этого слова в украинском языке особенно не настаивают: во-первых, его нет в словаре Б. Д. Гринченко (1907—1909), во-вторых, его нет в 11-томном толковом «Словаре украинского языка» [СУМ], в-третьих, переводные словари в качестве эквивалента русско-

* Автор искренне благодарит д-ра филол. наук Е. А. Карпиловскую (Киев) и канд. филол. наук В. П. Мякишева (Краков), обеспечивших его знакомство с украинскими и польскими источниками, а также канд. филол. наук И. А. Грунтова (Москва) за консультацию по тюркским именам.

го *белокурый* дают *білявий*, т.е. трактуют слово *білокурий* как русизм.

Украинскому языку слово *білокурий* приписывают только польский словарь [Sl. Warszawsky I:143] и «Этимологический словарь украинского языка» [ЕСУМ I:197] — самим фактом включения его в словник.

В русском языке, как это часто бывает, первым зафиксировано не производящее — *белокурый*, а его производное со значением ослабленного признака *белокуроватый* — в «Актах астраханской воеводской избы» за 1651 г. [Шанский 1965:87—88].

К XVI—XVIII вв. относится и фиксация этого слова в польском языке: **Białokurowaty**. Ross. Бѣлокурый, blond, lisawy, blond (это слово набрано готикой. — А.К.). Białokurowaty, po francuzku blond. Mon. 75, 593 [1764—84]. U jednych są włosy czarne, u drugich rusawe, u inszych żółte, u drugich białokurowate. Sak. Probl. 26 [середина XVII в.]. Flegmisty człowiek bywa włosów białych albo białokurowatych. Ocz. Przy. 15 [1581]. Prov. Dziesięć lisowatych do jednego białokurowatego na poradę chodzą. Rys. Ad. 12 [1629] (ślepy ślepego prowadzi) {даты в квадратных скобках вставлены мной. — А.К.} [Linde I:94].

Как следует из данных «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти томах [БАС-1 I:376], слово *белокурый* впервые попало в словари только в 1780 г. Это был словарь И. Нордстета [Нордстет 1780].

Вместе с тем мы лишены возможности получить информацию о функционировании слов *белокурый* и *белокуроватый* в XVIII в., поскольку они непостижимым образом отсутствуют в «Словаре русского языка XVIII века» [СлРЯ XVIII] вместе с большой группой слов в интервале от *Безсчастный* до *Бет* (автор словарных статей в этом интервале — канд. филол. наук Л. А. Войнова). В «Словаре русского языка XI—XVII веков» [СлРЯ XI—XVII] этой лакуне соответствуют 54 страницы текста. К сожалению, составители «Словаря русского языка XVIII века» за истекшие 20 лет не предприняли никаких попыток залатать эту огромную брешь в корпусе своего словаря. Трудно сказать, знают ли они сами о ее существовании.

В 1951 г. Л. А. Булаховский предпринял одну из первых попыток этимологизации слова *белокурый*. В силу труднодо-

ступности этого источника приведем его целиком: «Б е л о к у р ы й — «светловолосый». Этимологию слова трудно вывести из области догадок. Называю три едва ли не одинаково правдоподобные. Возможно, вторая часть слова представляет собою искажение «-кудрый» под влиянием чисто внешне с ним схожего *бедокур*. Можно представить себе, что *белокурый* является изменением первоначального сложения «бело-каурий»: ср. *каурий* — «светло-каштановый, светло-рыжий» (о масти лошадей). Большую вероятность имеет за себя также, что вторая часть слова — производное от *кур* — «петух», и слово в целом раньше употреблялось с несколько насмешливой окраской» [Булаховский 1951:74—75].

Интересно, что «Этимологический словарь украинского языка» фактически воспроизвел мнение Л. А. Булаховского, дав, правда, ссылки и на этимологию Н. М. Шанского в «Этимологическом словаре русского языка» [Шанский 1965], а также на этимологию М. Фасмера в его словаре. Сам же Н. М. Шанский без комментариев пересказывает этимологию М. Фасмера по немецкому изданию его словаря.

Сближение Л. А. Булаховского *белокурого* с **бело-каурым* при всей его формальной привлекательности и семантической близости нельзя признать правдоподобным. Во-первых, надо доказать существование **бело-каурого*, а во-вторых, людей не называют ни гнедыми, ни воронными, ни соловыми, поэтому трудно ожидать, что человека могли назвать *бело-каурым*. Не удивительно, что эта этимология нигде (кроме, разве что, словаря ЕСУМ) не встретила поддержки.

Этимология М. Фасмера формально согласует с третьей этимологией Л. А. Булаховского, только *-кур* понимается не как 'петух', а как *курь* — польск. *kurz* 'пыль'. К сожалению, и это сближение неприемлемо [Фасмер I:148]: слишком много натяжек, в особенности семантических: *бело-курый*, как 'бело-пыл(ый)' (или *бело-пыльный*)? Это при том, что слово *кура* в русских диалектах обозначает не пыль, а 'вьюгу, метель, пургу, буран, поземку, снегопад; бурю; вихрь, сильный ветер с пылью', т.е. пыль, поднимаемую ветром. *Подниматься курою* (о пыли) — 'Подниматься вихрем, столбом' [СРНГ 16:107]. Ни одно из этих значений не годится для сложения со словом *бел*, обозначающим волосы светлого цвета. «Пер-

вичное значение ‘словно покрытый белой пылью’, предполагаемое Т. В. Шанской [Шанский и др. 1971:41] вслед за М. Фасмером [Фасмер I:148], — ad hoc сочиненный конструктор, не имеющий оснований претендовать на что-либо большее, поскольку никаких следов ‘белой пыли’ (точнее, **белой кури*) найти не удастся. По-видимому, их нет. И скорее всего — потому, что им просто неоткуда взяться. Кроме того, сочетание **белая пыль* сомнительно еще и тем, что в семантике прилагательного *белый* содержится сема ‘чистый’, чего нельзя сказать о семантике слов *пыль*, *пепел*, *кура*, а также о чем-либо покрытом или ‘словно покрытом... пылью’.

Главный аргумент в пользу *кудрей* — ограниченность семантики прилагательного *белокуроый* исключительно характеристикой волос. При выводе из *кури-пыли* и цвет был бы пыльно-пепельный (т.е. седовато-серый или серый), а если вспомнить обычай посыпать голову пеплом в знак скорби, то *белокурами* должны были бы называться исключительно *седые* (серые) волосы, а не светлые от рождения (белые).

Диалектный же материал и современное словоупотребление дают другое: *белоголовик* ‘белокурый человек’ [СРНГ 2:217]; *белыш* ‘шутл. прозвище белокурого человека’ [СРНГ 2:234]; *белышка*, *белышко* ‘шутл. белоголовый ребенок’; *белуха* ‘человек с очень светлыми волосами; белобрысый человек’ [СРНГ 2:229]; *белужина* ‘человек с белыми волосами’; *белко* ‘прозвище ребенка с белыми волосами’; *белявый* ‘белокурый’: *Большой мальчик у ей белявый* [СРНГ 2:238]; *беляк* ‘ребенок, имеющий очень белый цвет лица или **волос**’; *беляна* ‘белокурый человек’ [СРНГ 2:240]; *белянчик* ‘человек белолицый, чистый лицом; белокурый человек’. Ср. *белянка* (в 1-м знач.) [СРНГ 2:241]; *белячок* ‘беленький мальчик’ [СРНГ 2:241]; *беляшка* ‘белокурая девочка; белокурый человек’ [СРНГ 2:241]; *беляюшка* ‘белокурый, светловолосый человек’ [СРНГ 2:241].

Еще более серьезным аргументом в пользу *белых кудрей* — наличие устойчивой номинативной модели: *белоголовый*, *белобрысый* (= *белобровый*) (*белобрыска* ‘блондинка’, *белобрыська* ‘прозвище белокурого человека’ [СРНГ 2:216], *белоусый* (*белоус* ‘прозвище человека с белыми волосами’ [СРНГ 2:225]) и *белокудрый* ‘белокурый’ [СРНГ 2:221]). Ср. также у В. И. Даля *белокудрый старец* и *белокудренник* ‘раст. *Ballota nigra*, черно-

кудренник, глухая крапива, вонючая шандра, собачья мята' [Даль-3 1:384].

Все эти слова обозначают по преимуществу человека со светлыми волосами и косвенно свидетельствуют о том, что *белый* и *седой* довольно рано разошлись в семантике при характеристике волос: *белые* волосы — преимущественно от природы, а *седые* волосы — преимущественно от возраста.

Ср. примеры из древнерусского языка: *Растяще ВЛАСЫ главы своя... и творяще БЕЛЫ черны. или черьмны или роусы* (1284) [СлДРЯ XI—XIV, 1:363]. *Дочь Анна рожаемъ и ВОЛОСОМ БЕЛА, глаза серы* (1598) [СлРЯ XI—XVII, 1:137]; *белосый* 'имеющий светлые усы': *Фадей лицом чермнъ, белоусъ, глаза серы* (1593) [СлРЯ XI—XVII, 1:136].

Рассмотрев несостоятельность этимологии, поддержанной Н. М. Шанским, отметим его собственные возражения против этимологии Л. А. Булаховского *белокурый* < *белокудрый* [Булаховский 1951:74—75].

Надо сразу сказать, что качество словарной статьи «Белокурый» в «Этимологическом словаре русского языка», автором-составителем которого значится Н. М. Шанский, вызывает серьезные претензии.

Во-первых, словарная статья начинается утверждением: «Исконно русское. Происхождение точно не выяснено». Следует ли это понимать так, что происхождение выяснено, но неточно? Тогда это означает: «Исконно русское, но это неточно». Если же точного знания о происхождении слова нет, можно ли утверждать, что оно «исконно русское»? Поскольку первая фиксация польского слова *bialokurawaty* на век опережает первую фиксацию русского слова *белокуроватый*, нельзя а priori исключать возможность заимствования из польского языка, а если в русском и польском — слова из общего источника, то это уже не исконно русское, а праславянское.

Во-вторых, в словарной статье «Белокурый» у Н. М. Шанского дается ссылка на статью Л. А. Булаховского «Деэтимологизация сложений...» [Булаховский 1951] и указывается страница — 108. Между тем на с. 250 того же тома словаря указано, что статья Л. А. Булаховского расположена в журнале «Мовознавство» на с. 71—78 (и это верно). В действительности же о слове *белокурый* речь идет на с. 74—75, а не на с. 108.

В-третьих, в «Актах астраханской воеводской избы» за 1651 г. написано не «лицом женка белокуровата», как дает Н. М. Шанский [1965:88], а «лицом тонка, белокуровата» [СлРЯ XI—XVII, 1:135].

В-четвертых, поддержанная Н. М. Шанским этимология М. Фасмера не подтверждается материалом ни русских говоров, ни польского языка: нет ни **белой кури*, ни соответствующей словообразовательной модели, ни сходного типа номинации.

И, наконец, в-пятых, единственное возражение Н. М. Шанского против этимологии Л. А. Булаховского не соответствует действительности. Автор пишет: «В соответствующих фонетических положениях *др > р* не упрощается» [Шанский 1965:87]. Между тем это упрощение представлено в словах *бёрце* {бедр=ьк_e}, *берцо* {бедр=ьк_o}, *берцовый* {бедр=ьк=ов_ый} и некоторых других родственных им словах. *Берцовая кость* — это кость *бедра* (точнее, диминутива этого слова — *берца*), и в прилагательном мы видим, как упростилось *др > р*. Но, может быть, мы имеем дело с разными позициями? Да нет: в обоих случаях последовательность *др* принадлежит корню. Ср. также и место ударения: *-кú(д)рый* и *бé(д)рце*.

Таким образом, этимология Л. А. Булаховского *белокурый* < *белокудрый* — семантически и словообразовательно корректный способ объяснить семантику и сочетаемость прилагательного *белокурый*. Это решение предполагает редкий фонетический процесс: *др > р*. Как мы убедились, этот процесс всё же не единичен. Сам Л. А. Булаховский ссылался на последнее прибежище младограмматика — аналогию со словом *бедокур*. В данной трансформации можно также видеть и проявление закона наименьшего усилия (или закона экономии усилий), который особенно активно действует в живой ненормированной разговорной (т.е. диалектной) речи до тех пор, пока он не вызывает помех в общении. Если трансформация *кудри* > *кури* или *куры* такие помехи непременно бы создала, то трансформация *белокудрый* > *белокурый* таких помех не вызывает (его всё равно не с чем спутать), что, собственно, и дает ответ на вопрос о причинах данного изменения. Принципиально аналогичной является также не вполне стандартная трансформация словоформы *видишь* в *ишь*.

Параллельное же существование в литературном языке прилагательного *белокудрый* ‘имеющий очень светлые, почти белые кудри’ (*Крепко любили родители белокудрую дочку свою*. Печер. В лесах [БАС-2 1:467]) — дополнительное подтверждение реальности и жизненности модели, по которой могло быть создано слово *белокурый*.

Здесь можно было бы поставить точку, если бы не некоторые неувязки.

Во-первых, польское слово *bialokuwaty*, действительно, толкуется через французское *blond* (ср. *блондин* — светловолосый человек), а вот о его производящем — польском слове *bialokury* в Варшавском словаре написано буквально следующее: «[białokury] blado różowy» [Sl. Warszawsky I:143], т.е. не белый, не желтый, не золотистый, а бледно-розовый.

Во-вторых, давайте внимательно прочитаем пример первого употребления прилагательного *белокуроватый* в русском тексте: «*А татарское имя жонки Токъи, а дочери имя Акбикъ, лицом тонка, белокуровата, глаза и брови и ресницы черны*». Астрах. а., № 2234. 1651 г. [СлРЯ XI—XVII, 1:135]. Поскольку дело происходит в Астрахани в середине XVII в., нас не должно удивлять, что речь идет о женщине с татарским именем (вероятно, крещенной в православие), поскольку сказано не просто «*имя жонки*», как сказали бы, будь оно у нее одно, а «*татарское имя жонки*», что предполагает наличие и другого — не татарского. Правда, в этнической принадлежности женщины, носящей тюркское имя и имеющей дочь с тюркским именем, сомневаться не приходится. В таком случае перед нами экзотический портрет черноглазой татарки с черными бровями и ресницами, тонким лицом и белокурыми волосами. Белокурыми бывают и турчанки, правда, у них обычно голубые глаза. Но в сочетание тонкого лица с черными глазами, бровями и ресницами с белокурыми волосами в середине XVII в. — до эпохи женских париков и химических способов осветления волос — поверить трудно. Обратим внимание и на то, что в тексте сказано: «*лицом тонка, белокуровата*», да и дальше портретная характеристика не выходит за пределы лица. Вполне правомерна интерпретация «*лицом ... белокуровата*», при которой прилагательное характеризует лицо — цвет кожи, а не волос.

А такая интерпретация позволяет предложить еще одну этимологию: *белокуровата* = *бело(ш)куровата*. В данном случае получает объяснение польск. *białokury* — «бледно-розовый», именно такую кожу обычно имеют блондины и блондинки. Интересно, что в польской пословице фактически ставится знак равенства между рыжим и белокурым: «Dziesięć lisowatych do jednego białokuwatego na poradę chodzą. Prz. (= ślepy ślepego prowadzi), что буквально можно перевести как «Десять лисоватых (рыжих, как лисы) за одним белокуроватым на параде ходят», что означает «слепой слепого ведёт». Действительно, цвет кожи у тех и других одинаков.

Следовательно, первоначально слово *белокурый* имело значение 'белокожий'. Если бы это слово было исконно русским, оно имело бы вид **белоскорый* или **белокорый*. Наличие же ударного [у] указывает на польское происхождение этого слова. Следовательно, перед нами такое же польское заимствование, каким, по предположению М. Фасмера, является и слово *шкура*. Начальный [ш] вместо польского [s] объясняется его «отрицательной экспрессивной функцией» [Фасмер IV:451].

В таком случае русский язык сохранил слово, польским языком практически утраченное. А перенос с цвета лица на цвет волос, действительно, можно объяснить народноэтимологическим сближением «тёмного» заимствованного слова *белокурый* с этимологически прозрачным — *белокудрый*. Под таким углом зрения уже можно согласиться с Т. В. Шанской, относящей сближение с *кудрями* к народной этимологии [Шанский и др. 1971:41].

В самом польском языке индоевропейский корень (*s*)*kor-* 'кора, шкура' дал две сложные основы: с *s-mobile* < *biał + skor + n* > «*Białoskórnik, garbarz, co białe skóry wyprawia. Mon. 75. 588. Boh. girchař; Carn. jërhar; Vind. sirhar. Ross. Сыромятник (скорникъ kuśnierz)*» [Linde I:94]. Польск. *Białoskórnik* соответствует не только русскому слову *сыромятник*, но и слову *кожемяка*, а родственное ему слово *скорняк* в русском языке обозначает того, кто сшивает шкуры (меха), а не выделывает их.

Вариант корня без *s-mobile* представлен в польской основе < *biał + kor* > в словах [*białokury*] *blado różowy; Białokuwaty* [*Białokorowaty*] *blond, blondyn, jasnowłosy, płowy, jasny*

[Sł. Warszawsky I:143]. Особое внимание следует обратить на вариант *bialokorowaty*, предложенный в Варшавском словаре. Написания *bialokury* и *bialokurowaty* свидетельствуют о том, что и для поляков это слово является этимологически тёмным. Таким образом, начав с русского слова, мы кончаем этимологизацией польских слов. В соответствии с нашей этимологией, возводящей оба сложения к польскому слову *skóra*, их следовало бы писать *bialokóry* и *bialokórowaty*.

Уже в польском языке варианты корня разошлись семантически: вариант *skór-* закрепился за шкурами, кожами животных, а вариант *kór-* — за кожей человеческого лица. Если наша интерпретация русского примера 1651 г. верна, то именно русский дискурс сохранил то значение слова *белокуроватый*, которое в польском слове было уже утрачено и просвечивает только в слове *bialokury*.

В заключение можно сказать, что характеристика «исконно русское» применительно к слову *белокурый* [Шанский 1965:87] представляется, по меньшей мере, поспешной.

Этимология прилагательного *гордый*

Для русского слова *гордый* и родственных ему славянских слов²³ общепризнанной этимологии нет: «лат. *gurdus* ... глупый, бестолковый ... под сомнением» [Преображенский

²³ Русск., ц.-слав. *гърдыи*, *грьдыи*; русск., др.-русск. *гордыи* гордый, высококий, важный, страшный; русск. *гордый* сохраняющий своё достоинство; сознающий свою силу, значение, превосходство; высокомерный, спесивый; величественный, величавый; русск. диал. *гордой* смелый; украинск. *гóрдий* гордый, спесивый, надменный, величественный; белорусск. *гóрды* гордый, надменный; старослав. *грьдь* гордый, заносчивый, величественный, страшный; болг. диал. *гърд* *гърд* страшный, безобразный, плохой; макед. Геров *гъбодий* гордый; безобразный; макед. И-С. *грд* уродливый, безобразный; макед. диал. Hendriks *gërd*; сербохорв. церк. *гърд* страшный, безобразный; сербохорв. RJA *гърд* гордый; сербохорв. диал. Tentor *gërd* безобразный; сербохорв. диал. Sus. *γartò* очень сильно; словен. *гърд(a)* гадкий, безобразный, противный; словацк. *hrdý* гордый, высокомерный; великолепный; чешск. *hrdý* гордый, высокомерный, величественный; чешск. диал. Bartoš *hrdý* великолепный, прекрасный, хороший; польск. стар., диал. *gardy* гордый, высокомерный, надменный; привередливый в еде (обычно о скотине); в.-луж. *hordy* гордый, великолепный; н.-луж. *gjardy* гордый, роскошный, благородный [ЭССЯ 7:206—207].

I:146], что не помешало авторам популярного словаря воспроизвести ее почти век спустя, сопроводив словом «вероятно» [Шанский и др. 1961:109]. Видимо, их на это поощрило свехосторожное высказывание М. Фасмера: «Стоило бы, возм., сохранить сравнение с лат. *gurdus* ‘тупой, глупый’... вопреки Вальде-Гофм. (I, 370)» [Фасмер I:440]. Ср. у О. Н. Трубачева: «Сближают с лат. *gurdus* ‘тупой (о железе)’, ‘глупый’, которое само является не совсем ясным исп. провинциализмом» [ЭССЯ 7:207]. И хотя, по свидетельству Словаря Эрну—Мейе, испанское происхождение слова не подтверждено, в его принадлежности вульгарной латыни сомнений нет, что, с одной стороны, делает сомнительным правомерность его возведения к индоевропейскому праязыку, а с другой — заставляет присмотреться к его галльскому соответствию *gwrdd* [Ernout, Meillet 1951:285].

Этимологические сопоставления Г. Остгофа отверг Э. Бернекер [Преображенский I:146]. «В этимологическом отношении не вполне ясное слово» — заключает П. Я. Черных [I:204].

«Фонетически неприемлемо сравнение с гнездом **grustь*, **grustiti* (см.), а также с лат. *grossus* ‘толстый’, лат. *grandis* ‘большой’ и греч. *βρέτος* ‘высокомерие’. Маловероятно, в том числе семантически, сближение **gьrdь* и **gьrbь* (см.; название физич. дефекта!), предложенное Брюкнером» [ЭССЯ 7:207]. Так, отвергнув все предложенное ранее, О. Н. Трубачев ничего не предложил взамен: «Дальнее родство и сосуществование значений ‘гордый, надменный’ и ‘страшный, безобразный’, а также проблематичность и.-е. соответствий слав. слова ... могут служить указанием на экспрессивно-инновационную природу слова **gьrdь*» [ЭССЯ 7:207].

Цель данного исследования — предложить более благополучную в фонетическом и семантическом отношении этимологию этого слова.

Начнем с формального обоснования новой этимологии.

Все славянские языки согласно указывают на праславянскую форму **gьrdь*, которая, в свою очередь, указывает на индоевропейскую основу **g^(h)urd^(h)-o-* < **g^(h)r[̥]d^(h)-o-*. Как известно, индоевропейский слоговой сонант **r[̥]* у славян реализовывался как **ur* и **ir*. Диезным рефлексом этого корня у славян является слово **žьrdь* < **g^(h)ird^(h)-o-* < **g^(h)r[̥]'d^(h)-o-*. Ср.

русск. *жердь* ‘тонкий длинный ствол срубленного дерева, очищенный от ветвей; *перен. разг.* Об очень высоком и худом человеке’ (БАС-3 4:319—320).

Известен и вариант корня с вокализмом *O*: **gordъ* < **g^(h)ord^(h)-o*. Ср. русск. *город* ‘древнее поселение, огороженное, укрепленное стеной для защиты от неприятеля как центр ремесла и торговли; центральная часть такого поселения; ограда, стена, окружающая такое поселение’.

Сатэмным вариантом этого корня, указывающим на индоевропейскую форму **g^(h)ord^(h)-o*, является прасл. **zordъ*, ср. русск. диал. *зорОд* ‘стог сена с жердью или несколькими жердями посередине’. Если для кентумного варианта корня вокализм *E* не известен, то для сатемного варианта он представлен в славянских языках в основе прасл. **zerdmę* [ЭССЯ 7:37], ср. др.-русск. *зеремя* ‘место, где живёт стадо бобров’: *Съ бобровыми гоны и зъ зеремяны*. А. южн. и зап. Рос. I, 12 1437 г. [СлРЯ XI—XVII, 5:383; Срезневский 1:977]. Точнее, *зеремя* — это ‘хатка и плотина (т.е. место обитания) бобров’.

Таким образом, со стороны формы прасл. **gъrdъ* этимологизируется как фонетически закономерный вариант праславянского корня **gъrd-/*gъrd-/*gord-/*zord-/*zerd-* и тем самым получает широкую и надежную индоевропейскую перспективу.

Формальное различие гуттуральных в корне **gord-/*zord-* не связано с какими-то содержательными различиями: в обоих случаях реконструируется значение ‘ограда, изгородь’ (ср. *Зарод* 3. Огороженное место для хранения сена. Перм., 1848. Север., Вост.; 5. Загороженное место для пастбища. Сиб., 1916. Север., Вост., Даль [СРНГ 10:386]. Иными словами, перед нами не разные фонемы и не разные морфемы, а два варианта одной морфемы, а следовательно, и одной фонемы. Фактически так и интерпретируется эта основа у Ю. Покорного: «*gherdh-* und *gherdh-*, ‘umfassen, umzäunen, umgürten’, wegen lat. hortus (s. 4. **gher-*) Erweiterung von 4. **gher-* ‘fassen’; *ghordho-s* ‘Gehege’» [Pokorny:444], т.е. ‘охватывать, огораживать, опоязывать/окружать’ и ‘ограда’. В свою очередь, семантика **gher-* трактуется Ю. Покорным как ‘greifen, fassen, umfassen, einfassen’; erweitert **gher-dh-* (s. unten); **ghor-to-s* ‘eingezäunter Ort’ [Pokorny:442], т.е. ‘хватать, схватывать, охватывать, обрамлять’ и с расширением — ‘огороженное место’.

Для последующей реконструкции важно, что значение ‘городище, город, крепость’ реконструируется не только для полного вокализма корня (**ghordhos*), но и для нулевого: «*ghrdhos*, *om*, *rom*, *rr* ‘enclosure, stronghold’. Skt. *grhár̥*, *ám* ‘house’ beside o-grade *gráhar̥*, id. ...; Tokh. (B) *kerciye* ‘palace’; Hitt. *Gurtas* ‘fortress’; MHG (prob.) *gurt* ‘girdle’ beside OHG *gurtila*, etc.» [Mann 1986:345].

Объяснив форму слова, перейдем к объяснению его семантики. Для индоевропейской основы *gherdh-/gherdh-* Ю. Покорный реконструирует значение ‘охватывать, ограждать, ограда’, выводимое им из значения ‘брать, хватать, схватывать’. Сходным образом реконструируют семантику основы Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванов: «Основа **g^hlerd^h*- восходит к корню **g^hler*||**lh^ler-* в значении ‘огораживать’, который, оформляясь суффиксом **-t/h-*, дает сходные значения... <...> Обычной формой укрепленных поселений у древних индоевропейцев были поселения на возвышенностях, скалах. Слова, обозначающие такие ‘укрепленные поселения’, связаны обычно по происхождению с основами в значении ‘высокий’, ‘гора’, ‘скала’». Это утверждение подкрепляется анализом и.-е. **p^hel-* ‘крепость’, ‘укрепленный город’, этимологически связываемое с индоевропейской основой **p^hel-* ‘скала, круча, обрыв’, **b^hl(e)r^h*- ‘высокий, гора > город, башня, крепость’ **d^hleun-* ‘высота, гора > город, крепость’ [Гамкрелидзе, Иванов 1984:744—745].

Если и.-е. *ghor-dh-* восходит к корню со значением ‘брать, хватать, охватывать’, что вроде бы подтверждается примерами типа *братъ* > *забрать* > *забор*, то значение ‘высокий, высота’ следует рассматривать как вторичное, развившееся из древней практики ставить городища на возвышенностях. В таком случае *город* и *высота*, в *городе* и *наверху* (ср. греч. *akro-polis* ‘вышеград, верхняя и укрепленная часть города; кремль, крепость; ос. крепость в Афинах, акрополь’ при *akron* ‘вершина, край’ [Вейсман 1991 (1899):46—47]) синонимизировались, обозначая одно и то же.

Такому объяснению не противоречит вариант корня с нулевым вокализмом **gʷrd-/gʷrd-* < и.-е. **gr̥d-*, для которого наряду с и.-е. **ghrdh-is* ‘stick, post, pole, goad, spike (жердь, шест, кол, столб, свая)’ (> *жердь*) восстанавливается также

и **ghr_odh-os* со значением ‘enclosure, stronghold (ограждение, частокол, огороженное место, твердыня)’ (> *гордь*) [Mann 1986:245].

Слова индоевропейского корня **ghordh-/ghord-* также удерживают важнейший семантический признак высоты. Например: «1. *Зарод* 4. Приспособление для сушки снопов, сделанное из жердей, в виде высокой лестницы. Тихв. Новг., 1854. Вост. Снопы подвозят к зародам, которые состоят из двух столбов, с частыми перекладинами, вешают их (снопы) на перекладины, сушат. Обонез., Карел Майнов. Ленингр., Обол., Заонез., Север.» [СРНГ 10:386]. *Зород* «стог сена удлиненной формы, сложенный на настиле вокруг трех-четырёх вертикальных жердей». Арх., Мжельская. Олон. [СРНГ 11:342—343].

Еще более красноречиво слово *зарóжина* «вертикальная жердь, ставящаяся между походнями и снопами для того, чтобы походни — горизонтальные жерди, по которым ходят, укладывая верх зарода, не вдавливались в стог. Новоторж. Пск., 1852. Пск. [СРНГ 10:387].

Слова *городить огород, загородка, ограда* хорошо сохранили древнее значение ограды, строившейся из *жердей*: «тонких длинных стволов срубленного дерева, очищенных от ветвей».

Наличие производных с суффиксом единичности *-ин(a)*, *-инин(a)* (*жердина* ‘то же, что жердь’; *жердинина* ‘одна жердь’ [СРНГ 9:131]) позволяет реконструировать для слова *жердь* значение собирательности, парное единичности.

Кроме того, само слово *жердь* в формах множественного числа и собирательной сохранило значение ‘ограда’: *жердины* ‘изгородь вокруг дома’. *Жардины* ф. каждам дваре. с. Репное, Н.-Усм. р-на [Ворон. словарь 2:271]; *жёрдочки* ‘изгородь из жердей или брёвен’. Нада *жёрдачки* зделать вакрух двара. с. Шестаково Павл. р-на [Ворон. словарь 2:277]; *жерди* ‘забор вокруг огорода из поперечных жердей, укрепленных одна под другой’. А это *жерди*. Сузун. Новосибир., 1964; *жердьё* ‘4. Изгородь, огораживающая копны’. «Копны и зароды огораживаются жердьём или кустыма, т.е. кольями, переплетенными вицами» Сольвыч. Волог., Иваницкий, 1897» [СРНГ 9:133]. Интересно, что последняя дефиниция чуть ли не слово в слово совпадает с описанием древнейших поселе-

ний славян: «Приднепровские мысовые поселения [т.е. поселения, которые располагались на краю высокого плато, на речных и овражных мысах и обычно были укреплены], в середине — второй половине I в. до н.э. были укреплены земляными валами, рвами и эскарпами... Таких укрепленных поселений-городищ (Зарубинецкой культуры. — А.К.) известно более 30. Обычно укрепления окружали вершину холма, где находилась площадка, занятая поселением, а по ее краю, у склонов холма, сооружался земляной вал высотой 2—3 м с крутой наружной стороной, переходящей в ров такой же глубины. На валу ставили частокол, основой которого были брёвна толщиной 10—20 см, вбитые на расстоянии около 0,5 м друг от друга и поддерживавшие плетень, обмазанный толстым слоем глины» [Максимов 1993:24—25].

Какие же свойства характеризуют *жердь*? Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru) содержит 34 диагностирующих примера «*X-ый, как жердь*», распределенных следующим образом: *длинный* — 16,47 %; *худой* — 12,35 %; *тощий* — 2,6 %; *высокий, вытянутый, прямой, тонкий* — 1,3 %. Если объединить частоты синонимов *худой, тощий, тонкий*, то на долю признака ‘тонкий’, придется 44 % случаев, а на долю ‘длинный-высокий’ (что для жерди фактически одно и то же²⁴ — примеры см. ниже: если она располагается горизонтально, она *длинная*, а если вертикально — она *высокая*) — 56 %.

Таким образом, *жердь*, во-первых, высокая и, во-вторых, тонкая. Ср. примеры реализации этих признаков в речи: «Сейчас у Фёдора Михеевича мелькнула догадка, и он сказал своему высокому, худому как *жердь* завучу» [Александр Солженицын. Для пользы дела (1963)]. «...я занял кресло перед столом, имея по правую руку Дюрока, а по левую — высокую как *жердь*, даму лет сорока с лицом рыжего худого мужчины...» [Александр Грин. Золотая цепь (1926)].

Показания Национального корпуса русского языка подтверждаются данными «Словаря устойчивых сравнений русского языка»: «**Как (словно, точно) жердь** 1.1. Длинный; высокий и тонкий, тощий, худой, сухопарый. С ним рядом шел незнакомый

²⁴ «Разг. Высокий ростом (о человеке). *Длинный, костлявый, немного сутулый, он [Челкаш] медленно шагал по камням.* М. Горький, Челкаш [БАС-3 5:138].

татарин, *длинный, как жердь, тощий* (В. Г. Короленко. Ат-Даван). Однажды вместе с нашими ранеными ко мне в вагон внесли *длинного, как жердь*, австрийца в серых обмотках (К. Г. Паустовский. Беспокойная юность) [Огольцев 2001:176].

Обратим внимание и на то, что эти признаки жерди могут переноситься на человека: ср. *жердь* 'о ком-, чем-л. похожем на длинный тонкий ствол срубленного дерева, очищенный от веток' [БТС:303] и синонимический ряд *верзила, верста, каланча, дылда, жердь, орясина* [Слов. син. 1975:53], а также производные слова *жердь* — *жердина* 'о длинном тощем человеке', *жердяй* 'неодобр. об очень высоком и худом мужчине' [БТС:303]. Ср. также диал. *жердак* (от диал. *жерд* 'жердь'), *жердан, жердила, жердило, жердина* 'о высоком и худощавом человеке' [СРНГ 9:130—131].

Значение высоты просматривается также в слове *город* и его производных: 1. *Город* 7. Нагромождение льдин, образующееся при взломе льда на море. «Морской лед, который при взломе громоздится горой». Урал казаки, Даль. Урал., маштаков, 1931 [СРНГ 7:55]; 2. *Город* 6. О высокой, здоровой женщине. Моск. Моск., Влад., 1910 [СРНГ 7:57]; «яросл. *девка-город* высокая, красивая, здоровая девушка; как *город* о высоком, полном человеке» [Алексеевко и др. 2004:29]. Весьма красноречивы значения слова *городище*: «1. Гора, холм, возвышенность. Юрлин. Коми-Пермяцк., 1930; Гора овальной формы; Курган.; Возвышенность, похожая на искусственно сделанную; возвышенный одинокий кряж, как будто искусственно насыпанный; Высокая местность, не затопляемая водой; коренной берег внутри поймы» [СРНГ 7:59]. Ср. также *городок* 5. Снежная гора. *Городок* построят из снегу. Верхне-Тавд., Красноуфим. Свердлов., 1964 [СРНГ 7:62].

Косвенным указанием на наличие признака 'высокий' в основе *гord-* является образованное от нее прилагательное *гordкий* «высокий, громкий (о голосе)» [СРНГ 7:27].

Поскольку первичными мы предполагаем признаки физические, а не моральные, присмотримся к сочетаемости прилагательного *гордый* с неодушевленными существительными. Анализ контекстов показывает, что у слова *гордый* есть не фиксируемое словарями значение 'высокий'.

Так, в примере «В песчаных степях аравийской земли Три *гордые* пальмы высоко росли» (М. Ю. Лермонтов. Три пальмы) словари толкуют как реализацию значения ‘исполненный торжественной красоты’ [БАС-3 4:296]. Аналогично толкуется словосочетание *гордые памятники*. Пальмы *гордые* не только и не столько потому, что считают себя исполненными красоты, а прежде всего потому, что они растут *высоко*, т.е. что они *высокие*. А *гордые* памятники — прежде всего *высокие* памятники, что ничуть не мешает им к тому же быть «исполненными торжественной красоты».

Рассмотрим еще примеры. «И кедров *гордые* вершины»; «Теперь я вижу пред собою Кавказа *гордые* главы» (А. С. Пушкин. Руслан и Людмила). *Гордые* в обоих случаях — ‘высокие’. «Читал я где-то, Что царь однажды воинам своим Велел снести земли по горсти в кучу, И *гордый* холм возвысился — и царь Мог с вышины с весельем озирать И дол, покрытый белыми шатрами, И море, где бежали корабли» (А. С. Пушкин. Скупой рыцарь). В данном случае *гордый* — ‘высокий’, на что указывает и глагол *возвысился*, и последующий контекст, содержащий существительное *вышина*.

Приведем примеры из Национального корпуса русского языка, свидетельствующие, что «гордость» притягивает «высоту»: «Где меньше страха нам, Там может смерть постичь скорее; Ее и грома не быстрее Слетают к *гордым* вышням» [Г. Р. Державин. На смерть князя Мещерского («Глагол времен! металла звон!..») (1779)]. «Светозарному молилась все чаще в эти дни Ортруда, то на высокой башне *гордого* замка, то на широком морском берегу» [Федор Сологуб. Королева Ортруда (1909)]. «Как *гордый* кедр, главу он дерзостно вносил» [Александр Архангельский. Александр I (2000)].

Интересное явление представляют собой употребления неодушевленных существительных в конструкции «Гордый, как X»: «Да и имя у старшины осталось далеко не славянское, а *гордое*, как горная вершина, — Аванес!» [Дмитрий Липскеров. Последний сон разума (1999)]. «И черная, *гордая*, как знамя, фигура отца Александра шагах в ста впереди, отделенная от Юла дрожащим маревом, была совсем из другого мира» [Андрей Лазарчук. Священный месяц Ринь (1988)]. Появление знамени в этом контексте поясняют показания

верхнелужицкого языка: в.-луж. *žerdž* ж. ‘шест, жердь; древко (флага)’ [Трофимович 1974].

Традиционная интерпретация таких контекстов, исходящая из первичности значения ‘гордый’, предполагает весьма сложное объяснение: гордый (о человеке) > гордый (об очеловеченном предмете) > гордый (о человеке, его имени или фигуре, уподобляемых предварительно очеловеченному предмету).

Мы же предлагаем видеть в этих употреблениях просто реализацию древнего значения ‘высокий’, изначально характеризовавшего именно неодушевленные предметы.

Историко-ареальный анализ семантики слова *гордый* начнем со значений, фиксируемых в древнейших славянских текстах — старославянских.

Ст.-слав. *грьдъ* имеет значения ‘возгордившийся, надменный’, а также ‘величественный, поражающий, изумляющий’, которые можно по контексту истолковать и как ‘высокий’: *грьдъ на облацѣх и аггелы и силами славимъ* Супр 326, 30; *къ жрьтве приходиши гръдѣ и сватѣ* Супр 421, 29 [СтСл:178]. Дополнительный штрих к семантике слова *грьдъ* добавляет наречие *грьдѣ* ‘грозно, потрясающе’: *прѣди идиы гръдѣ на ратьники възираеть крѣсть* Супр 105, 13 [СтСл:179]. Как указывает наречие *грьдѣ* ‘грозно, потрясающе’, к семантике прилагательного *грьдъ* можно добавить и значение ‘грозный’, т.е. ‘ужасающий, пугающий, страшный’.

Совмещение словом *грьдъ* значений ‘гордый’ и ‘страшный’ представлено в древнерусских текстах: *гордый* 1. Гордый, надменный, высокомерный; 2. Дерзкий; 3. Грозный, страшный, жестокий [СлРЯ XI—XVII, 4:83]. *грьдыи* 1. Непокорный, дерзкий, 2. Высокомерный, надменный; кичливый, 3. Жестокий, губительный, 4. Суровый, безжалостный, 5. Славный, выдающийся [СлДрЯ 2:409].

Значения ‘3. Жестокий, губительный’ и ‘4. Суровый, безжалостный’ дают ответ на вопрос, как из значения ‘гордый’ могло возникнуть значение ‘страшный’: жестокость, губительность, суровость и безжалостность — вполне достаточный набор свойств, способных вызвать страх.

Словарь Срезневского выделяет следующие значения: — *superbus*; — высокий, важный; важный, дивный; *austerus*; *φοβερός*, *terribilis*, страшный: *Слово о грьдемъ* (т.е. высшем и

страшном. — А.К.) *соудъ*. Златоустр. XII в. 172. Устойчиво встречаются сочетания «*горд и страшен*», «*гордый и лютый*»: «*Бяше чудо грѣдо и оужасти плъно*» [Срезневский 1:614].

Очевидно, 'гордость' первоначально интерпретировалась в рамках оппозиций «высокий—низкий» (во всех — в том числе и социальных — смыслах), «вертикаль—горизонталь», «стоящий—лежащий», «властитель—подвластный». *Гордый человек* — прежде всего высоко себя ставящий и ни перед кем не унижающийся человек. Ср. значение русского слова *гордый*: 'сохраняющий своё достоинство; сознающий свою силу, значение, превосходство' [БАС-1 3:273]. Еще интереснее определение этого значения у В. И. Даля: «Надменный, в ы с о к о мерный, кичливый; надутый, в ы с о носый, спесивый, зазнающийся; кто ставит себя самого в ы ш е прочих» [Даль-Бодуэн 1:933]. Это значение подкрепляется дефиницией другого значения слова *гордый*: «4. Разг. Считающий себя в ы ш е, лучше других и с пренебрежением относящийся к другим; в ы с о к о м е р н ы й, надменный» [БАС-3 4:296].

Значение 'гордый' притягивает к себе синонимичную семантику непреклонности и антонимичную — унижения: (Катерина Ивановна) дама горячая *гордая и непреклонная*. Дост. Прест. и наказ. (Мизгирь) Сломился я под гнетом жгучей страсти И слезы лью. Смотри, *колени клонит* Перед девчонкой *гордый* человек. А. Остр. Снегурочка [БАС-1 3:273]; Найти новую работу было не так-то легко, он *был гордый, не умел унижаться*. Лидин, Перв. пароход [БАС-3 4:296]. [Поэт] К ногам народного кумира *Не клонит гордой* головы (А. С. Пушкин. Поэт); (Надворный советник Бламанже) успел снискать себе всеобщее уважение в городе тем, что *не задирал носа и не гордился* [БАС-3 4:295].

Выражение *задирать нос* в последнем примере очевидно синонимизируется с проявлением гордости, хотя толковые и синонимические словари прямо этого не фиксируют. *Драть (задирать, поднимать, подымать) нос; нос кверху держать, носить и т.п.*). Важничать, зазнаваться [БАС-1 7:1407]; *Задирать, задрать голову (нос)*. Чваниться, зазнаваться: (Макаров) никогда *не задирал головы* перед своими подчиненными, но и *умел не опускать ее* перед стоящими выше. Попов, Сталь и шлак [БАС-1 4:414]. Последний пример характеризует Мака-

рова как некичливого и гордого человека. Косвенно об этом свидетельствует синонимический ряд, включающий в себя производящие как участвующего в дефиниции фразеологизма глагола *чваниться*, так и глагола *гордиться*: «Высокомерный (исполненный высокомерия, проявляющий высокомерие), надменный, усилит., *гордый* разг. (высокомерный вследствие высокого мнения о себе), надутый, разг., спесивый (относящийся к окружающим свысока, подчеркивающий свое превосходство), чванливый, кичливый, заносчивый (высокомерный и чрезмерно самоуверенный). Ср. 2. Важный [Слов. син. 1975:95]. Весьма показательна зона *аналогов* — слов, «значения которых существенно пересекаются с общим значением данного ряда синонимов» [Апресян и др. 1999:XIV] — в словарной статье Ю. Д. Апресяна *гордиться*—*кичиться*: *чваниться*, *важничать*, *пыжиться*, *задаваться*, *заноситься*, *воображать*, *задирать* <поднимать> *нос*, *заваняться* [Апресян и др. 1999:63].

Если *гордый* человек объективно высок (во всех смыслах), то зазнающийся — преувеличивает свои достоинства, стремясь казаться выше, чем он есть на самом деле. Показательно, что по той же модели образован и глагол *кичиться* — «задирать кичу ‘хохол’», «т.е. собственно “поднимать чуб”»; ср. *нахохлиться* (от *хохол*) и *задирать нос*» [Фасмер II:241].

Если гордость способна вызывать восхищение, то самовозвеличивание, заносчивость вызывают лишь осуждение. Ср. *гордить* «быть высокомерным, заносчивым. *Гордят*, сами себя высокосят. Табор. Свердлов., 1964» [СРНГ 7:27].

Стремление человека держаться прямо и как можно выше выступает как знак гордости и маркирует ее:

К ней дамы подвигались ближе;
 Старушки улыбались ей;
 Мужчины кланялись ниже,
 Ловили взор ее очей;
 Девицы проходили тише
 Пред ней по зале: и всех выше
 И нос и плечи подымал
 Вошедший с нею генерал.

(А. С. Пушкин. Евгений Онегин)

Из контекста видно, что генерал гордился своей женой, производившей такое впечатление на общество.

В целом можно, по-видимому, говорить о трех типах ситуаций: (1) констатации и осознании социальной «высоты» человека — *гордости* (адекватная оценка и самооценка); (2) преувеличении своей реальной высоты — *надменности, кичливости, заносчивости* (завышенная самооценка) и (3) преуменьшении своей реальной высоты — *унижению, преклонении, раболепии* (заниженная самооценка, самоуничужение).

Главное в данном случае — существование целой системы переноса визуально воспринимаемых физических признаков в сферу социальных отношений и нравственных характеристик: выситься (выделяться высотой) — возвышать (пре-воз-носить) себя — унижать себя: *гордиться* — *кичиться, заноситься, чваниться* — *унижаться, пресмыкаться*.

Не только «гордость» притягивает «высоту», но и «высота» регулярно и устойчиво порождает «гордость» и сопутствующие ей значения.

Развитие значения 'гордый' из значения 'высокий' в диалектах описано С. М. Беляковой²⁵.

В литературном языке также имеются подтверждения переносу «высокий > гордый». Ср. русск. диал. Арх. «Шибко висока была — ни с кем не поздороваце» [Арханг. словарь 8:220] и русск. лит. «Софья Николаевна високо себя держала перед бойкими и заносчивыми людьми, а со смиренными и скромными всегда была снисходительна и ласкова». С. Акс. Сем. Хроника» [БАС-3 3:570]. При этом слово *высоко* имеет как значение «1. На значительной высоте, на большом расстоянии от земли» [БАС-3 3:569], так и «4. Устар. Важно, гордо, надменно» [БАС-3 3:570].

²⁵ «В говорах отмечаются прилагательные *высокомодный* «эгоистический, себялюбивый» (кург.), *высокоумый* «высокомерный, гордый» (урал.), *высокий* «высокомерный, надменный» (арх.); глаголы *высоколомиться* «гордиться, занаваться» (кург.), *высокомерить* «держаться высокомерно» (перм.), *высокосить, высокоумничать* «умничать, смотреть на других свысока» (урал.) и др. Весьма красноречива и лексема *вздыморылый* с тем же значением, зафиксированная нами в тюменских говорах. <> Например: *Она всегда высоколомилася, когда говорили о её сыне* (кург.). *Идёт, высокосит: я — не я* (урал.) *Мало ли другой раз подсмеивается человек, высокомерит, людей не считает за людей* (перм.) [Белякова 2003:100—102].

Южнославянские языки в семантическом отношении противопоставлены севернославянским (восточным и западным): в них рефлексy прасл. **gьrdь* представлены значениями ‘страшный’ и ‘безобразный, уродливый, некрасивый’ при отсутствии значения ‘гордый’.

Причина этого может состоять в том, что значение ‘гордый’ в южнославянских языках православных народов занято церковнославянизмом *гордь*, отражающим фонетическую норму русского извода церковнославянского языка: болг. *горд* ‘гордый’, макед. *горд* ‘гордый’, сербск. *горд* ‘гордый; горделивый’. В языке неправославных югославов в значении ‘гордый’ закрепилось прилагательное, производное от существительного *ponos* ‘гордость’: словен. *ponosen* ‘гордый’; хорватск. *ponosan* [Багдасаров 2003:219]²⁶. Буферным языком, в котором встречаются *горд* и *поносан*, является сербский.

Таким образом, в южнославянских языках, на наш взгляд, произошло разделение семантических «сфер влияния» слова *гордый* между словами: высокое абстрактное значение (оно же — более древнее) закрепилось за церковнославянизмом *горд* или прилагательным, производным от существительного *ponos* ‘гордость’, а вторичные и низкие значения сохранились в исконных фонетически закономерных рефлексах: болг. (Геров) *грьдый* ‘гордый, безобразный’; болг. диал. *гьрд*, *грьд* ‘страшный, безобразный, плохой’; макед. *грд* ‘уродливый, безобразный’ (Иллич-Свитыч); макед. диал. *gërd* (Hendriks); сербохорв. диал. *gërd* ‘безобразный’ (Tentor); сербохорв. *gřd* ‘страшный, безобразный’; сербохорв. церк. *gřd* ‘гордый’ (RJA); сербохорв. диал. *gërd* ‘безобразный’, *γartō* ‘очень сильно’ (Sus.); словен. *gřd(a)* ‘гадкий, безобразный, противный’ [ЭССЯ 7:206—207].

Как видим, на периферии южнославянской лексики (в церковнославянской составляющей литературных языков) древнейшее по времени фиксации значение ‘гордый’ даже уцелело и полные словари болгарского (Геров) и сербохорватского (RJA) языков его фиксируют.

²⁶ Показательно отсутствие в хорватско-русском словаре прилагательного *горд* — особенно на фоне присутствия обоих слов (*горд* и *поносан*) в аналогичном словаре сербского языка [Гудков 2006:38, 136].

Доказать родство южнославянских значений ‘безобразие, уродство’ со значением ‘гордость’ представляется возможным. Связующим звеном между северно- и южнославянскими языками может выступать значение ‘страшный, ужасный’. В старославянском, церковнославянском и древнерусском языках сосуществуют значения ‘гордый’ и ‘страшный, ужасный’, а в современных южнославянских — значения ‘страшный, ужасный’ и ‘безобразный, уродливый’.

Связь значений ‘гордый’ и ‘страшный, ужасный’ объективно представлена в древних текстах и, будучи фактом, не нуждается в дополнительных доказательствах. Однако и для них можно предположить семантическую связь: ‘высокомерный’ > ‘жестокий’ > ‘опасный, страшный, ужасный’. Впрочем, чем выше в социальном отношении человек, тем больший страх и ужас он вызывает, приближаясь в этом отношении к Всевышнему.

Теперь объясним связь значений ‘страшный, ужасный’ и ‘безобразный, уродливый’.

Ключ к этой связи мы находим в дефиниции прилагательного *страшный*: «пугающий своим безобразным видом, громадными размерами и т.п.; уродливый, отвратительный»: Он видит, как из-за стены поднимается чья-то черная, *страшная* голова. Гарин, Детство Тёмы, 4 [БАС-1 14:1017]. Механизм развития значения представляется нам таким: ‘страшный’ > ‘пугающий (безобразием, уродством, громадными размерами, худобой и т.д.)’ > ‘безобразный, уродливый, громадный, худющий и т.д.’. Ср. также *ужасный* ‘1. Вызывающий ужас, очень страшный’ и ‘2. Разг. Очень плохой, скверный’. *Ужасная* погода, *ужасный* человек. *Ужасная* дорога [МАС-2 IV:473]. Случаев же развития семантики в противоположном направлении: ‘плохой (безобразный, уродливый, громадный, худющий и т.д.)’ > ‘страшный, ужасный’ нам не известно.

Одним из аргументов в пользу этого объяснения является серб. *грдан* ‘огромный’, выводимое из значения ‘страшный, пугающий своими громадными размерами’.

Отдельного разговора заслуживает попытка И. П. Петлевой обосновать этимологическое решение, предложенное в словаре Ю. Покорного, в соответствии с которым слово *гордь*

оказывается однокоренным словам *груда*, *грусть* [Петлева 1993:52—57].

Неудачность такого решения давно понятна этимологам: «За отсутствием лучшего объяснения ограничиваемся этими данными, хотя и в семантическом и, пожалуй, фонетическом (-*eu-* за плавным) отношении они не вполне удовлетворительны» [Черных I:204]. «Фонетически неприемлемо сравнение с гнездом **grustь*, **grustiti*» [ЭССЯ 7:207].

Действительно, корень **groud-* предполагает варианты **greud-* и **grud-*, что в праславянском должно было бы дать **gr'ud-* (русск. **грюд*) и **grъd-* (русск. **грод*), но не **gъrdъ* (русск. *грод*).

Для оценки работы И. П. Петлевой важно также учитывать, что предметом ее этимологизирования были «славянские лексемы семантической сферы ‘скорбеть, горевать, тосковать; скорбь, печаль, тоска’» [Петлева 1993:52], поэтому в поле зрения исследовательницы попало преимущественно то, что имело отношение к теме ее исследования, и, естественно, под определенным углом зрения, а этимология слав. **gъrdъ* явилась как бы побочным продуктом.

Разумеется, при этом поставленная О. Н. Трубачевым «проблема обоснования возможности сочетания таких значений, как ‘гордый, величественный, надменный’ (ст.-слав., рус., чеш. и др.) и ‘безобразный, страшный, уродливый’ (болг., макед., сербохорв.), т.е., собственно, проблема определения исходного признака (или совокупности признаков), который бы «объяснял» оба значения (‘гордый’ и ‘безобразный’) с их семантическим окружением» оказалась в центре внимания исследовательницы. Для решения ее была выдвинута гипотеза «об отражении в данном гнезде понятий древнего погребального обряда» [Петлева 1993:55].

При этом для доказательства своей гипотезы исследовательница сделала еще одно — в общем вполне корректное — допущение, в соответствии с которым «в ряде случаев именно производные образования могут сохранять более древнюю семантику, чем производное слово» [Петлева 1993:55].

Так, на основании отадъективного сербохорв. глагола *грдити* ‘обезобразивать, уродовать’, ‘повреждать, раздирать, терзать’ сделан вывод, что «исходным для **gъrd-* «мог-

ло быть именно значение ‘драть, царапать’, на основе которого развились вторичные, переносные... ‘обезобразивать, делать гадким’, ‘ругать’, ‘срамить’, ‘презирать’» [Петлева 1993:55].

Косвенные аргументы: из значений ‘резать, драть’ развиваются значения ‘сильно, очень’, ‘ругать, бранить’, ‘терпкий, горький, едкий’, реально зафиксированные в южнославянских диалектных рефлексах слав. **gъrdъ*. При этом значение ‘грустный, тоскливый, бедный, жалкий, горемычный’ у серб. диал. *грд* исследовательница не пытается вывести из значения ‘резать, драть’ (связь с которым отнюдь не очевидна), довольствуясь констатацией характерности этих значений «для семантической сферы, относящейся к погребальному ритуалу» [Петлева 1993:56].

В итоге, по мнению И. П. Петлевой, значение ‘гордый, величественный, благородный...’ (→ ‘высокомерный, спесивый...’) «очевидно, связано с ‘прославлять, возвеличивать’ и может быть отражением ритуального восхваления покойного». Семантическое противоречие разрешается следующим образом: «...семантика гнезда **gъrd-* представляется нам восходящей к обозначению совокупного действия, связанного с погребальным ритуалом — ‘царапать лицо, причитая по покойнику и восхваляя его’ [Петлева 1993:57].

Такой прием безотказен и универсален: пожалуй, нет таких значений, которые нельзя было бы объединить в рамках «совокупного действия, связанного с ритуалом».

Правда, при этом исконная связь гнезда **gъrd-* с ритуалом похорон так и остается не доказанной гипотезой, так как аргументов против ее фонетической несостоятельности не приведено, а факты, призванные подкрепить семантическую сторону гипотезы, могут быть объяснены по-другому.

Так, главный аргумент И. П. Петлевой — сербохорватский глагол *грдити* ‘обезобразивать, делать гадким’ может быть интерпретирован как производный от сербохорв. *грд* ‘безобразный, гадкий, уродливый’, а значение, которое исследовательница предлагает считать исконным, оказывается связанным с его вторичной конкретизацией: ‘обезобразивать, делать гадким (своё лицо, тело), царапая, раздирая его ногтями’. Таким образом, в ‘драть, царапать’ можно видеть лишь ука-

зание на один из конкретных способов «обезобразить» себя, а не древнейшее исходное значение.

Если бы значения ‘драть, царапать’ или ‘горе, беда; грустный, жалкий’ были исконными, естественно было бы ожидать их фиксации в древнейших письменных памятниках и хотя бы их следов в других славянских языках.

Однако этого нет: рефлекс **gьrditi* в древнейших южнославянских (!), а именно в старославянских текстах имеет значение ‘делать гордым, заносчивым’, т.е. указывает на значение ‘гордый’ в производящем прилагательном *грьдѣ*. Ареал распространения **gьrditi* ‘обезображивать’ позволяет в лучшем случае говорить о славянском регионализме на территории позднейшего заселения.

Более того: увлекшись похоронным обрядом у южных славян, исследовательница упускает широкую представленность слова **gьrdь(jь)* в свадебном обряде славян восточных: *гордой обед; гордой стол, ужин; гордые гости; горды* ‘отец, мать и крестный отец невесты, везущие ее приданое в дом жениха’. Верхнетур. Перм., 1964 [СРНГ 7:29]. Даже если принять во внимание, что свадебный обряд синонимизируется с похоронами невесты²⁷, все равно эти значения естественнее выводятся из величания (возвышения) гостей и молодых во время свадьбы, чем из значения ‘царапать лицо, причитая по покойнику и восхваляя его’. Например, слово *гордокняжая* «Фольк. В свадебном обряде — при обращении к сватье. Уж ты сватья, ты, сватьюшка, да *гордокняжая* сватьюшка! Шенк. Арх., 1900» [СРНГ 7:29] легко интерпретируется как **высококняжая* (ср. обращения *Ваше высокоблагородие, Высокопревосходительство* и т.п. в дореволюционной России), но вряд ли выводимо из значения ‘царапать лицо, восхваляя покойника’.

Соответственно южнославянский материал легко и естественно объясняется из значения ‘высокий’ как возвышение (восхваление) покойника самоуничижением, в том числе и обезображиванием себя. Для соблюдения похоронной этики было важно, чтобы живые родственники покойного были не краше, чем в гроб кладут.

²⁷ Ср. [Соколова 1977:188—195; Байбурин, Левинтон 1990:64—98; Еремина 1991:гл.2].

Косвенные аргументы И. П. Петлевой также допускают иную интерпретацию: значение ‘сильно, очень’ выводится не только из значения ‘резать, драть’, но также из значений ‘высокий’²⁸ и ‘страшный, ужасный’²⁹; значение ‘ругать, бранить’ с большой вероятностью может продолжать значение ‘передавать (негативную) информацию’, а значение ‘терпкий, горький, едкий’ может быть результатом переноса в сферу вкуса позднего вторичного значения ‘царапать, драть’.

Как видим, ни основной, ни косвенные аргументы И. П. Петлевой не могут быть приняты как единственно возможные.

Семантика словен. *grđiti* ‘делать безобразным, обезобразивать, исказить’ и ‘хулить, поносить, клеветать’ позволяет предложить еще один вариант семантического развития ‘держаться надменно, высокомерно → словесно проявлять высокомерие, хуля, понося кого-л. → хулить, поносить кого-либо, т.е. делать (поначалу — на словах) гадким, мерзким, противным’.

В таком случае значение ‘гадкий, мерзкий, противный, безобразный’ у прилагательного *grđ* могло развиваться под влиянием глагола *grđiti* ‘делать гадким, мерзким, противным’ в результате так называемой «обратной деривации», тем более что позитивное значение ‘гордый’ у южнославянских народов было уже «занято» ц.-сл. *горд* или словен. *ponosen*, сербохорв. *ponosan*. Ср. словен. диал. *grđiti se* ‘браниться, ругаться’ (Štrekelj 13) и русск. *гордиться* ‘сердиться, злиться’ (Семен.

²⁸ Ср. *Высокий* 6. Большой, значительный по количеству, силе, степени и т.п. <> *В высокой степени*. Чрезвычайно, очень [БАС-3 3:569]. *Высоко...* б) со знач. ‘очень’, ‘в высшей степени (*высокоактивный* <...> и т.п.)’ [БАС-3 3:570].

²⁹ Значение сербохорв. диал. *grđ* (Sus.), *γarđ* ‘очень сильно’, как мы полагаем, указывает на значение ‘страшно, ужасно’, регулярно развивающееся в ‘очень’. Ср. *ужасно* «2. Очень, в высшей степени, чрезвычайно. У. смешно, интересно, страшно. У. богатый, добрый. У. длинная дорога. У. много людей. У. хотеть пить. У. важный» [БТС:1376—1377]. В прилагательном *ужасный* также находим соответствие значению ‘очень’: «Разг. Чрезвычайный по степени проявления, превышающий обычную меру, норму». *У-ая суматоха. У. трус* [БТС:1377]. Сходное значение имеется и у прилагательного *страшный*: «5. Разг. Выделяющийся среди других своими положительными или отрицательными качествами; исключительный. С. *холод, удар в голову. С-ая скука, боль, суматоха, бедность, ревность. Она С-ая плакса*» [БТС:1376—1378].

Нижегор., 1851): «Не *гордись* на меня, чадо милое, Скажи, чьей орды, Скажи, чьей земли, Чьего отца да чьево матери, Чьего урождения великого?» Пудож. Олон., Гильфердинг [СРНГ 7:27].

Следует внимательнее присмотреться к глаголам **gorditi (se)* и **ponositi (se)*. Сопоставление словенского и древнерусского материала дает зеркально симметричную картину: если в древнерусском **gorditi (se)* означает ‘гордиться’, а **ponositi (se)* — ‘поносить’, то в словенском, наоборот, **gorditi (se)* означает ‘поносить’, а **ponositi (se)* — ‘гордиться’.

Как могла возникнуть такая лексико-семантическая рокировка?

Вначале попробуем восстановить последовательность семантических процессов.

Поносить что-куда (‘нести, относить, приносить’: *Понесли* кожу кожевнику. Пудож. Олон., Гильфердинг. Печор, Арх., Ленингр. [СРНГ 29:270] → *поносить* (информацию кому-л.) = *доносить* → *поносить* (порочающую кого-л. информацию кому-л.) = *клеветать* → порочить, хулить, бранить, *поносить* кого-л., и тем самым унижая другого = *поносить* и возвышая себя = *гордиться*).

Глаголы, производные от *нести—носить*, часто обозначают передачу информации: ср. *поносить* ‘доносить’: Матушке там приходят жаловаться. все ей поносят [СРНГ 29:271]; *переносить* ‘7. Разг. Распространять, передавать какие-либо сведения, чьи-либо слова’; <> Устар. *Перенести—переносить* кому [БАС-1 9:776], а также *донести—доносить* ‘нося, кого-, что-л. доставлять до определенного места’ → ‘сообщать, извещать; делать донос, возводить обвинение на кого-л.’ [БАС-3 5:273].

Особенно хорошо детали семантического процесса видны на примере глагола *переносить* ‘взяв в руки или нагрузив на себя, перемешать, доставлять кого-, что-либо из одного места в другое’. Первым актом семантической деривации является появление в позиции объекта слова со значением ‘информация’ — *вести*: Параша ... Шьет, моет, вести переносит... (А. С. Пушкин. Граф Нулин). Вторым актом семантической деривации является компрессия словосочетания *переносить вести* в универб *переносить* с тем же значением:

При нем остерегись: переносить горазд (А. С. Грибоедов. Горе от ума).

Сообщение негативной информации о человеке означает его унижение и возвышение над ним унижающего.

Значения гордости (возвышения себя) и унижения, унижения другого, находясь в конверсивных отношениях (В ниже А = А выше В), взаимно предполагают друг друга.

Амбивалентная ситуация конверсии порождает энантиосемию: если *гордиться* значит ‘выситься, выделяться высотой’, то, унижая другого, человек тем самым возвышает себя, а возвышая себя — тем самым унижает других. Аналогично *понос—поношение* для поносимого — ‘позор’, а для поносящего — проявление его ‘гордости’.

Соответственно низкое и униженное принимает негативную семантику ‘безобразного, противного, плохого’, а высокое и возвышаемое — позитивную семантику ‘величественного, великолепного, величавого’ и ‘красивого’.

Ср. энантиосемию, порождаемую сходной конверсивной ситуацией: «победа А над В» — это *победа* для А и *беда* для В: *Победа* ‘Беда, несчастье’ Заонеж. Олон., 1864. Странник говорил, что на весь уезд *победа* будет: либо голод, либо мор. Яросл. Онеж. КАССР, Пск., Казан., Амур. Шадр. Перм., Архив АН Нарым., Петерб. [СРНГ 27:189].

Следует учесть вывод, сделанный Н. И. Толстым при типологическом анализе славянской лексики: «невозможность энантиосемии в пределах одного диалекта, одной системы» [Толстой 1997:99]. Поэтому бессмысленно и некорректно реконструировать лексико-семантическую систему, содержащую оба взаимоисключающих значения, что, однако, предполагает реконструирование самой точки семантической бифуркации.

Таким образом, семантическая история славянских рефлексов прасл. **gъrdъ* в нашей версии такова: ‘огороженное высокое место > город = возвышенность, высота > высокий > высокий (благородный) > гордый, жестокий > страшный, пугающий (безобразием, уродством, громадными размерами, худобой и т.д.)’ > ‘безобразный, уродливый, громадный, худющий и т.д.’

Противоречие между ‘величественным’ и ‘безобразным’ мы склонны выводить из двойственности конверсивной ситуации:

‘унижая другого, возвышать себя’ (*ponositi se*) / ‘унижая себя, возвышать другого’ (*grđiti se*). В первом случае вырабатываются позитивные признаки высокого, во втором — отрицательные признаки низкого.

При этом надо иметь в виду различие в семантике и функции возвратных глаголов. В первом случае семантика невозвратного и возвратного глаголов фактически тождественна: ср. *поносить* кого ‘ругать, бранить кого-л. (и тем самым возвышать себя, гордиться)’, *поноситься* на кого ‘ругаться, браниться на кого-л. (и тем самым возвышать себя, гордиться)’. А во втором случае возвратный глагол имеет собственно возвратное значение: «действие производится субъектом, который является одновременно и объектом действия» [Белоусов и др. 1989:273]. Ср. **gorditi* макед., сербохорв., словен. ‘делать кого-л. отвратительным, уродливым, безобразным (и тем самым возвышать себя, гордиться)»; **gorditi se* макед., сербохорв., словен. ‘делать себя отвратительным, уродливым, безобразным; уродовать себя (и тем самым возвышать покойника)’.

Гордить ‘возвышать’ — *гордиться* ‘возвышать себя, унижая другого’. Из этой внутренне противоречивой ситуации в лексико-семантическую систему по III закону Н. И. Толстого можно взять только один компонент. Севернославянские языки берут ‘возвышать себя’, а южнославянские — ‘унижать другого’. В таком случае по закону аналогического выравнивания в словообразовательном гнезде (частные результаты действия которого не очень удачно именуют «обратной деривацией» или «редеривацией») *grđiti* будет обозначать ‘унижать’, а *grđ* — ‘низкий > мерзкий, безобразный, отвратительный’. А из этого значения прилагательного могли уже образоваться современные значения глаголов *grđiti* ‘обезобразивать’ и *grđiti se* ‘обезобразивать себя (в частности, царапая, раздирая лицо и грудь)’.

Ср. аналогичную ситуацию с **ponositi* — **ponositi se*. *Поносить* кого, *поноситься* на кого ‘унижать другого, возвышая себя’. Севернославянские языки берут ‘унижать другого’, отсюда *понос* ‘позор, хула, бесчестье’. Южнославянские берут ‘возвышать себя’, откуда *ponositi se* ‘гордиться’, *ponos* ‘гордость’ и *ponosen/ponosan* ‘гордый’. При таком взгляде словенский и сербохорватский лексический материал оказывается не древнейшим, а позднейшим.

Был ли Садко гусяром?

Вопрос, вынесенный в заглавие, звучит странно. Так и хочется ответить: «Ну, конечно, а кем же он еще был? Сначала — гусяром, затем — купцом, богатым гостем».

Уверенность эта как бы даже укрепится при обращении к «Этимологическому словарю славянских языков», в 7-м томе которого реконструируется праславянское слово **gąsl'arь* (с. 84). В словарной статье, посвященной этому слову, представлено и русское слово *гусяр* со ссылкой на третье издание Словаря Даля, и украинское — со ссылкой на Словарь Гринченко, составленный на рубеже XIX—XX вв., и белорусское — без ссылок на словари.

В результате создается впечатление, будто бы праславянское слово **gąsl'arь* искони было свойственно всем славянам, включая восточных.

Уверенность в этом могут поколебать следующие факты.

Во-первых, словари русского языка не фиксируют слова *гусяр* до 1834 г.; при том, что слово *гуслист* фиксируется с 1746 г. [СлРЯ XVIII, 6:16].

Примечательно, что в том же 1834 г. появились «Песни западных славян» А. С. Пушкина, в которых дважды употреблено слово *гусяр*, оба раза — в сербском контексте:

Воевода Милош

Над Сербией смилуйся ты, боже!

Заедают нас волки янычары! <...>

***Гусяры** нас в глаза укоряют:*

Долго ль вам мирволить янычарам?

Долго ль вам терпеть оплеухи?

Или вы уж не сербы, — цыганы?

Или вы не мужчины, — старухи?

(Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т.
М., 1974. С. 337)

*Мериме поместил в начале своей *Guzla* известие о старом гусяре Иакинфе Маглановиче; неизвестно, существовал ли он когда-нибудь; но статья его биографа имеет необыкновенную прелесть оригинальности и правдоподобия.*

(Там же. С. 344)

Во-вторых, в «Этимологическом словаре славянских языков» остался без объяснения тот факт, что в русском языке производные с суффиксом *-арь* имеют твердый согласный основы и *рь* — на конце, т.е. *звон* — *звонарь*, а не **звоняр*. Соответственно в русском языке следовало бы ожидать не *гусяр*, а **гусярь* (в праславянском языке форма *гусли* была формой множественного числа, в единственном же числе преобладает форма *гусла* (болгарский, македонский, сербохорватский, верхнелужицкий, украинский языки) и крайне редко встречается форма *гусль* (польский, русский, церковнославянский). Аналогичное (двойное) нарушение фонетической закономерности наблюдаем в слове *столяр* (вместо ожидаемого **столарь*), которое является заимствованием из польского через украинское посредство. Правда, в случае с *гусяром* предположить заимствование из польского трудно в силу причин внешнелингвистических. В фонетическом отношении наиболее близкими к русской и одновременно закономерными являются редкая словацкая форма *husliar* ‘скрипач, музыкант’, для которой возможно украинское посредство, и сербохорватская *гуслар* ‘гусяр, музыкант’. Не являются непосредственными продолжениями праславянского слова болг. *гусяр*, видимо, заимствованное из русского (исконная форма была бы **гъсларь*; ср. болг. *гъсла* ‘струнный смычковый музыкальный инструмент’), и македон. *гуслар*, видимо, заимствованное из сербохорватского (исконная форма была бы **гаслар*).

Таким образом, получается, что слово *гусяр* является праславянским диалектизмом, охватывающим лишь западнославянские языки и ближайшие к ним южнославянские — словенский и сербохорватский. При этом вариант **gqsl'arь* не может считаться единственным: славянские языки также дают основание и для реконструкции варианта **gqslarь*, что отражает двойственность производящей основы: **gqslь* или **gqsla*.

В восточнославянских языках производные на *-арь* не были особенно продуктивны. Главным образом они проникали из церковнославянского языка, что заставляет сомневаться в исконности русского слова *гусяр* и подозревать в нем инославянское (у А. С. Пушкина — явно сербское, хотя и че-

рез французское — текст П. Мериме — посредство) заимствование. Именно французским посредством и может объясняться мягкость [л'] в русском слове *гусяр*, а не *гуслар*, как в сербохорватском.

В-третьих, с XVI в. словари фиксируют слово *гусельник*, а в одном из текстов XIV в. мы можем наблюдать, как шла подготовка к появлению этого слова: «*ни леть комоу о(т) иерейска чина ли мнихомъ на позорища ходити. ли гоусльных и нищальны(х) приимати*» (СлДрЯ 2:405). В данном случае прилагательное *гусельные* употреблено в значении словосочетания *гусельные люди* или *гусельные игроки* (ср. поговорку *И швец, и жнец, и на дуде игрец*). Таким образом, слово *гусельник* образовано в результате сжатия в одно слово словосочетания *гусельный человек* (*игрец, детина* и т.д.). (Ср. подтверждение этому в былинах: «*Ай же ты, детина приезжая, скоморошная, гусельная*». Олон., Рыбников [СРНГ 7:242].)

В-четвертых, до XVI в. на Руси в ходу было слово *гудец* (*гоудьць*) ‘тот, кто играет на струнном инструменте’. Это слово фиксируется с XIII в.: «*Скомрахъ или гоудецъ или свирелникъ или инъ некии таковыи... глумецъ*» (СлДрЯ 2:404). Слово *гудец* употреблено и в церковнославянском тексте Библии: «*и глас слышахъ гудецъ гудущихъ въ гусли своя*» (Апокалипсисъ святого Иоанна, XIV, 2); в русском переводе Библии ему соответствует слово *гулист*: «*и услышал голос как-бы гулистов, играющих на гусях своих*» (Откровение святого Иоанна Богослова, гл. 14, ст. 2).

В-пятых, в Словарь Даля слово *гусяр* попало не из русских диалектов, а либо из «Общего церковно-славяно-русского словаря...» П. С. Соколова (СПб., 1934), либо из пушкинских «Песен западных славян» (1834).

В-шестых, поскольку былины о Садко создавались в классический период истории Новгорода (XII—XV вв.), «скорее ближе в его верхней границе» [Смирнов, Смолицкий 1978:319], заимствованным в XIX в. словом *гусяр* новгородец Садко никак не мог называться. (Ср. мнение Ю. И. Смирнова: «Былина о Садко все-таки действительно новгородская по содержанию и характеру. ...ее оформление ... нетрудно отнести к XIV—XV вв. ... нижнюю границу ее создания можно отодвинуть на один-два века» [Смирнов 1978:395].)

Последнюю точку в этом вопросе ставит сама былина [Новгородские былины:157]:

А как ведь во славноём в Новеграде
 Ай как был Садке да гусельщик-от.

Северные (олонецкие, онежские) фольклорные тексты упорно дают эту форму и ее варианты: *гусельщик*, *гусельщина*, *гусельщикек* ‘гусярь’ [СРНГ 7:242], что указывает на производящее *гусельский*, синонимичное хорошо документированному прилагательному *гусельный*.

Таким образом, до второй трети XIX в. былинный Садко не именовался и не мог именоваться *гусяром*. На Руси музыкант, играющий на гусях, поначалу назывался *гудцом*, затем — *гусельником* и *гусельщиком* (в церковнославянских и светских текстах XVIII в. — *гуслистом*).

Этимология существительных *жало* и *дятел*

Обычно праславянскую форму, к которой восходит слово *жало*, реконструируют как **geldlo* и выводят из лит. *gelti* ‘колоть’ [Фасмер II:34; Шанский и др. 1971:141]. Носовой гласный в корне объясняют изобретенной ad hoc диссимиляцией **gel-dlo* > *gen-dlo* (> *gedlo* > *žędlo* > польск. *żądło*, русск. *жало*). Причины предполагаемого процесса, мягко говоря, неочевидны.

Ссылка на аналогичное объяснение этимологии слова *дятел* (**dylbtъlъ* > **dъltъlъ* > *dъntъlъ*) обесценивается тем, что и для него может быть предложена более правдоподобная этимология: **dent=ьl_ъ* букв. ‘зубарь’ с тем же индоевропейским корнем, что и в *десна* (< др.-русс. *дясна* < **dent=sn_a*).

В семантическом отношении сравни синонимию глаголов *зубрить* — *долбить*, а также отношения в цепи *зуб* > *зубить* ‘колотить, стучать’ (*А она прибежала и в окошко зубит*. Том., 1964 [СРНГ 11:360]) > *зубило* ‘ручной... отбойный инструмент’ (*Около дороги сидели два каменотеса и высекали из куска гранита памятник. Их зубила, подгоняемые молотками, звонко выцокивали*. В. Беляев, Стар. крепость [БАС-1 4:1348]). На внутреннюю форму ‘стучащий, долбящий (дерево)’ указывают

и другие названия дятла в славянских языках: *клякарец*, *клявач*, *колтач*, *чукач* (от *чука* ‘стучать’), *долбач*, *долбак*, *клякодревец*, *клячидерво*, *кляйдреве* [ОЛА-1988 I:64–65].

Ср. предложенную Пизани этимологию слова *дятлина* ‘клевер, *Trifolium*’ по аналогии с фриульск. *dint di cian* ‘*Trifolium repens*’, буквально ‘собачий зуб’ [Фасмер I:562]. Это слово М. Фасмер, следуя традиции, необоснованно отрывает от слова *дятел*. Против этого — О. Н. Трубачев [ЭССЯ 5:28] и весьма убедительные свидетельства русских диалектов: *дятла* ‘1. Дятел, 2. Клевер’ [СРНГ 8:308].

Желая видеть в слове *дятел* отглагольный суффикс деятеля *-тель* [ЭССЯ 5:28], О. Н. Трубачев закрывает глаза не только на отсутствие соответствующего славянского глагола, но и на беглость [Е] в суффиксе, на которую упорно указывает славянский материал. Аномалией является скорее отсутствие этой беглости (О. Н. Трубачев приводит лишь сербохорватский и польский примеры, причем сербохорватский имеет и вариант с беглым гласным суффикса). В [ОЛА-1988 I: 64–65, 126] и [Шанский и др. 1971:137] последовательно выделяется суффикс *-ьл_ь* (или *=ьл=й_ь*), но не *-тель*, как у О. Н. Трубачева [ЭССЯ 5:28]. Тот же суффикс *-ьл* представлен и в других древних обозначениях птиц: *орёл* {ог=ь_ь}, *зяблик* {зѣб=ьл=ик_ь} [Шанский и др. 1971:137].

Брюкнерова этимология слова *жало* [Brückner 1927], принятая Ю. Покорным [Pokorný 1959:493], сближающая *жало* с корнем *жну*, проще, красивее и правдоподобнее этимологии М. Фасмера, но ... она не учитывает синонимии форм *жало* — *жигало* (например, в чешском, русском) и внутренней формы слова *жало*, проявляющейся в высокой регулярности семантического отношения ‘укус пчелы, осы и т.п.’ < ‘ожог’ (см. таблицу).

Кроме того, в русских говорах значение ‘жало’ имеют следующие формы: *жагло́*, *жга́ло*, *жега́ло*, *жагало*, *жигло́* [СРНГ 9:166], многим из которых имеются соответствия и в других славянских языках. Игнорировать всё это богатство форм, сопровождающееся полной семантической эквивалентностью, при этимологизировании слова *жало* было бы не вполне научно

Русские диалектные и инославянские рефлексы корня *жег-*

Е, Ъ	И	А	Источник
<i>жегáла</i>		<i>жагáла</i> 1. Раскаленный острый железный прут для прожигания отверстий 2. Крапива	СРНГ 9:55
<i>жегáло</i> Жало	1. <i>жи́гало, жигáло</i> 1. Каленое железо (обычно в виде круглого, заостренного с одного конца стержня) для прожигания отверстий и других целей 2. Что-либо жгучее 2. <i>жи́гало, жигáло</i> Жало пчелы, осы и некоторых других насекомых. язык змеи 4. Нагайка 5. Название насекомых	<i>жагáло</i> Жало <i>жагáла</i> 1. Раскаленный острый железный прут для прожигания отверстий 2. Крапива	СРНГ 9:98, 164, 55
		серб. <i>жа́грити</i> Жарить	СРНГ 9:56
	болг. <i>жи́ло</i>		
<i>жегáть, жегnúть</i> 1. Жечь 2. Производить ощущение жжения 3. Жалить 4. Ударять, бить кого-либо	<i>жи́гать, жигáть, жи́гнуть, жигnúть</i> 1. Стегать, бить, ударять 2. Бросать, швырять 3. Жалить, кусать (о насекомых, змеях) 4. Обжигать (о крапиве)	<i>жагáть, жагnúть</i> 1. Колоть чем-л. острым (иглой и т.п.) 2. Кусать, жалить 3. Жечь, как крапивой 4. Бить крапивой	СРНГ 9:56
	<i>жигáться</i> 1. Жечься (о крапиве) 2. Кусаться (о насекомых)	<i>жагáться</i> 1. Кусать, жалить 2. Жечься, как крапива	СРНГ 9:56

Е, Ъ	И	А	Источник
<p><i>жгáло</i> 1. Железный прут для прижигания чего-либо, прожигания отверстий в деревянных предметах 2. Жало (о языке змеи)</p>	<p><i>жиглѡ</i> Жало осы, язык змеи</p>	<p><i>жагáло</i> и <i>жаглѡ</i> Жало змеи; жало пчелы</p>	СРНГ 9:56
		<p><i>жагѡлить</i> Жалить</p>	СРНГ 9:56
		<p><i>жагѡрить</i> Жарко, сильно топить (печь)</p>	СРНГ 9:56
<p><i>жѣга, жегá</i> 1. Сжигание сучьев на подсеке 2. Ожог 3. <i>дать жѣгу</i> а) сильно искусать (о пчѣлах)</p>	<p><i>жйга</i> 1. Огонь 2. В языке детей — что-либо горячее, обжигающее 3. Кнут, прут, которым подгоняют лошадей</p>	—	СРНГ 9:56
	<p><i>жйгалка, жйгáлка</i> 1. Свеча 2. Порция водки 3. Кнут 4. Стрекоза 5. Оса 6. Ящерица</p>	—	СРНГ 9:56
	<p><i>жйгану́ть, жйгону́ть</i> 1. Обжечь кого-нибудь горячим, раскаленным предметом 2. Укусить, ужалить (о насекомых, змее) 3. Кольнуть, сильно уколоть</p>		СРНГ 9:56

Объяснение *жагло* из *жадло* [Черных I:291 вслед за И. Д. Кузнецовым], повторяющее аналогично объяснение А. Брюкнера [Brückner 1927], правомерное для кашубских говоров и польских говоров в Мазовше, для русского языка не может быть принято, хотя псковским говорам и известен переход дл > гл, поскольку «*жаг* — вместо *жег* — в акающих псковских говорах» [Селищев 1941:302].

Показательно и то, что в древнерусских текстах *жало* и *жагало* употребляются в качестве вариантов [СЛРЯ IX—XVII, 5:69], которые можно интерпретировать как фонетически закономерные продолжения глаголов **žegti*, **žegati*. В последнем случае естественно видеть результат закономерного удлинения вокализма в итеративно-дуративной форме глагола: **žeg=Ø=ti* — **žĕg=á=ti*. Аналогичное удлинение глагольного вокализма находим в менее древней паре **žbg(á)=Ø=ti* — **žig=á=ti*. При этом на наличие двух ступеней глагольного вокализма указывает и вокализм отглагольных существительных: более древнее *ожог* {< об-жог_б} (ср. *жегу*) и более позднее *обжиг* {объ-жиг_б} (ср. *обожегъ* — *обжигáю*).

В свою очередь, форма **žengti* может быть объяснена как назальное инфигирование исконного глагольного корня, представляющее собою реликт индоевропейских глагольных форм (ср. аналогичное объяснение О. Н. Трубачевым вариантности праславянских корней **kret-* — **krent*, **krot-* — **kront*- [ЭССЯ 13:16, 19, 31]).

Совершенно очевидно, что славянский материал позволяет реконструировать только корень **geg-* со значением ‘жечь’. Наличие разветвленного вокализма и архаичной суффиксации посредством *-P* (ср. русск. диал. *жагр*, *жагрить* ‘жарить, жарко топить’ и серб. *жагрити* ‘жарить’) указывает на несомненную индоевропейскую древность данного корня. (Вопрос о причинах появления *G* на месте *D* в остальных индоевропейских языках мы оставляем в стороне как несущественный для данной этимологии. Единственным способом приблизиться к и.-е. праформе является выведение прасл. **ž* из **dj*, а не из **G*, что, в свою очередь, чревато новыми проблемами.

Каждый из типов глагольного вокализма имеет соответствие в отглагольном существительном: $*\check{z}bg(\acute{a})=\emptyset=ti$ — $*\check{z}bg(\acute{a})=\emptyset=dl_o$ (жгало); $*\check{z}ig=\acute{a}=ti$ — $*\check{z}ig=\acute{a}=dl_o$ (жигало), $*\check{z}\check{e}g=\acute{a}=ti$ — $*\check{z}\check{e}g=\acute{a}=dl_o$ (жагало). На этом фоне совершенно очевидно, что от $*\check{z}egti$ должно было образоваться $*\check{z}eg=\emptyset=dl_o > *\check{z}\epsilon=\emptyset=dl_o$ (польск. *zqdlo*) $> *\check{z}\epsilon=\emptyset=l_o$ (ст.-сл. *жало*, русск. *жало*). Упрощение $gd > d$ полностью соответствует законам праславянской фонетики: «Сочетания смычный с последующей смычной или свистящей: смычная, первый элемент сочетания, никогда не сохраняется» [Мейе 1951:102]. Такой результат объясняется нарушением закона восходящей звучности в сочетании gd . Соответственно появляется возможность привести пример не только на упрощение $kt > t$ (*plek=t=o_m*, *pok=t_ь*, *penktь > pentь*) и $bd > d$ (*sebd=ьm_ь > sed=ьm_ь*), но и на упрощение $gd > d$: *geng=dl_o > gen=dl_o*. При этом очевидно, что процесс $gd > d$ древнее процесса $dl > l$.

На первый взгляд может показаться, что этот закон нарушен в русском диалектном слове *жа́гло*, *жагло́* ‘ жало змеи, пчелы’, поскольку утраты Γ в этом слове не произошло. Однако глагол *жаго́лить* ‘жалить’ [СРНГ 9:56] показывает, что *жагло* образовано от глагола посредством другого суффикса: $\{*\check{z}eg=\emptyset=ti > *\check{z}eg=\emptyset=l_o\}$, чем и объясняется отсутствие условий для утраты Γ . Ср. аналогичное объяснение А. М. Селищевым форм псковск. *жагло* и болг. *жегло* и *жегъл* [Селищев 1951 1:216]. Тот же тип производных представлен парой *гребу > гребло* [Мейе 1951:282].

Вокализм болг. *жило* можно понять, если допустить средство бессуффиксальной отглагольной формы: *жигати > жигъ > жиг+дло > жидло > жило*. Так же, только с другим суффиксом, образовано и русск. диал. *жигло́*: $\{жьг=\acute{a}=ть > жиг_ь > жиг=ьл_о\}$.

Преимущества предложенной этимологии видятся, во-первых, в ее семантической мотивированности: *жало* — это первоначально ‘раскаленный острый железный прут для прожигания отверстий’ (более удачной внутренней формы для обозначения укуса пчелы трудно себе представить; действительно, это укол и ожог одновременно); во-вторых, в том, что она объясняет синонимичность и параллельность форм *жало* — *жигало* в славянских языках и диалектах; в-третьих, она

опирается на известные науке фонетические, морфологические, семантические и словообразовательные закономерности. Недостатком ее можно посчитать обращение к слабо засвидетельствованному у славян процессу инфиксации корневого вокализма (ср. хрестоматийные примеры *лечь — лягу, сесть — сяду*), на что можно посмотреть и иначе — как на накопление материала о древнем процессе, который на славянском материале описан и изучен недостаточно. В последнее время, благодаря открытиям отечественной школы славянской этимологии, отношение к этому явлению в науке начинает меняться. Как указывает О. Н. Трубачев, «назальное инфигирование» является «продуктивной корневой апофонией» [ЭССЯ 5:97].

Этимология глагола *карабкаться* и родственных ему слов

Слово *карабкаться* не имеет этимологии и не встречается в этимологических словарях (если не считать малоинформативного упоминания в «Этимологическом словаре русского языка» изд-ва МГУ под ред. Н. М. Шанского).

В литературный язык глагол *карабкаться* проник из просторечия в XVIII в. Первая словарная фиксация представлена в «Российском Целлариусе» (1771 г.). БАС-1 дает его со значениями: 'лезть вверх, цепляясь ногами и руками, хватаясь за что-либо'. От этого основного образовано два производных: *карабкаться* через что-либо 'с трудом выбираться откуда-либо, перелезть через что-либо' и прост. 'с большим трудом подниматься, взбираться куда-нибудь'. Поскольку у производящего есть значение движения вверх, вскоре появляется и приставочное производное с тем же значением: *вскарабкаться* (Словарь Нордстета 1780) и *вскара(н/б)киваться* (Слов. Акад. 1806 и 1847). Одновременно это производное совершенного вида выполняет и роль видовой пары, обозначая достижение результата, названного производящим глаголом. Отглагольные производные также обозначают перемещения вверх с помощью рук и ног: *карабкание по насыпи, карабкание на сопки*.

Словарь XVIII в. дает слово с пометой «Прост.» и значением ‘лезть вверх, цепляясь, хватаясь за что-либо’. Для дальнейших рассуждений обратим внимание на сочетаемость *карабкаться руками*: «Иногда надлежит **карабкаться руками**, иногда прыгать чрез неизмеримыя пропасти. Оберон 175» [СлРЯ XVIII, 9:251].

Перед нами явно слово изолированное, проникшее в литературный язык из другой системы, соответственно его этимологию нужно искать в той системе, из которой оно проникло в литературный язык, а именно — в народном языке.

В говорах находим: *кара́бать, караба́ть*, несов., перех. Царапать; расцарапывать. *Ты чо карабаешь? На Тагиле двух человек рыси-то покарабали*. Ср. Урал., 1971 [СРНГ 13:63]. *Караба́ться* ‘карабкаться’. Луж. Петерб., 1871. *Ну куда ты карабаешься?* (кошке). Оредеж. Ленингр. *Ребенок к матери карабається*. Влад. *Кара́бчить* ‘красть, воровать’ [СРНГ 13:63]. *Карябать* и *корябать* 1. Царапать. Ряз., 1820. Тул., Калуж., Курск. *Бык порол рогами, кот карябал когтями*. Дон., Тамб. || Скрести *Кошка карябает в дверь*. Дубен. Тул., 1936—1960. Пенз., Ряз. <...> 8. Стараться захватить, заполучить что-либо. *А все карябаем себе, хамличим себе, свой омих все не нахапаем*. Ряз. Ряз., 1960 [СРНГ 13:113].

Этот же словарь дает как омонимы два значения 1. *карябаться* «1. Царапаться. Дон., 1929. Курск. *Не карябайся, у тебя когти большие*. Тул. *Котёнок карябается* за ноги. Ряз., Моск. *Мам, Зойку кошка окарябала, она все время карябается*. Алекс. Куйбыш. 2. *карябаться* 1. *Карабкаться* *Долго ты карябался в гору*. Дубен. Тул., 1936—1952. *Они благ выбирались и карябались, да вот не пришлось (о девочках, которые попали в яму с водой и утонули)*. Ряз. Ряз.» [СРНГ 13:114].

Карябкать в значении ‘царапать’ (Ворон., 1914, Тул., 1936—1960) и *карябкаться* в значении ‘царапаться’: *Ма-а, она карябкается*. Дубен. Тул., 1936—1960 [СРНГ 13:114].

Для понимания перехода от значения ‘царапаться’ к значению ‘лезть вверх’ следует обратить внимание на слово 1. *каря́бка* 2. Мн. Когти Ряз., Слов. карт. ИРЯЗ. 3. Сн. О руках. Ряз., Слов. карт. ИРЯЗ [СРНГ 13:114]. Перед нами распространеннейший тип семантического переноса ‘животное > человек’.

Если *карябки* — не только когти (у кошки), но и руки, точнее — ногти на руках и ногах у человека, то *карябкаться* означает не только ‘действовать когтями’ — ‘царапаться, скрестись, хватать’, но и ‘действовать ногтями = пальцами = руками и ногами’, т.е. ‘лезть наверх, помогая себе ногтями > пальцами > руками и ногами’, а также ‘воровать (приобретать, действуя руками)’.

Таким образом, *карабкаться* имеет словообразовательное (этимологическое) значение ‘помогать себе *карабками*, т.е. ногтями’. Наиболее характерна эта ситуация при вертикальном перемещении. Естественно, это перемещение трудно, отсюда сема трудности, рук и ног. Значение глагола *карабкаться* в литературном языке вполне может быть определено как ‘лезть вверх, цепляясь ногтями, пальцами (рук и ног)’.

Значение перемещения глагол приобретает от синтаксической сочетаемости: *карабаться* куда-либо. *Карябаться* ‘царапаться’ и *карябаться* ‘куда-либо карабкаться’: *Карябаться в гору*.

Соответственно можно с полной уверенностью утверждать, что значение ‘карабкаться куда-либо, перемещаться, действуя карабками’ является производным от значения ‘карабаться чем — действовать карабками’.

Диалектная пара *карябаться* ‘карабкаться’ — *карабаться* ‘карабкаться’ позволяет с полной уверенностью восстановить и диалектную пару *карябкаться* — *карабкаться*.

Пара *карябаться* ‘царапаться’ — *карябаться* ‘карабкаться’ позволяет восстановить и пару *карябкаться* ‘царапаться’ — *карябкаться* ‘карабкаться’.

Таким образом, исходным звеном является экспрессивный корень, по-видимому, звукоподражательного происхождения. На это указывает его широкая фонетическая варьированность: *каряб, коряб, каряп, коряп, караб, карап, царап* и особенности употребления: «Он [котёнок] — сядем обедать — просит не просит, а только лапочкой **коряб, коряб!** Ряз., 1860—1963» [СРНГ 15:39]. Такие особенности корня, как экспрессивность и поздний возраст, отмечены в ЭССЯ при этимологизировании глаголов *корябать* и *корябить* (с практически тождественной семантикой ‘царапать’ и производной от нее) [ЭССЯ 11:68]. Вместе с тем слова с корнем *царап* по семантическим,

хронологическим (проникли в литературный язык также в XVIII в.), географическим и, наконец, фоносемантическим соображениям не могут быть отделены от слов с корнем *каряб*, *караб*. При этом вариант *караб* представляется исходным, поскольку от него кратчайшее расстояние до двух других экспрессивно преобразованных форм: *караб* > *каряб*, *караб* > *царап*. Формы с инициальной *ка-ца* и варьирование финали корня в сильной позиции (*караб-ать* — *карапать* — оба со значением ‘царапать’; ср. также *карамкаться* ‘карабкаться’: *Лезат куда-то. Валя, чего карамкаешься?* Хакас., Краснояр., 1967 [СРНГ 13:73] и *карамбаться* ‘карабкаться’. Петрозав., Олон., 1885—1898. *Куды же карамбаешься?* [СРНГ 13:73] наряду с *к(а/о)ра(б/н)каться*) заставляют усомниться в этимологии, предложенной О. Н. Трубачевым для глагола *корябать* — *корябить*: «сложение местоименного префикса *ко-* и глагольно-именного корня **гѣб*» [ЭССЯ 11:68].

Чтобы закончить разговор об истории этимологизирования слов с данным корнем, упомянем еще этимологию глагола *карабить* ‘боронить’, которое М. Фасмер определяет как «трудное слово» [Фасмер II:190]. Для этимологизирования слов *карабча*, *карабчун* совсем не обязательно ходить за тадж. *karapčuk* ‘вор’ [Абаев I:582]. Эти слова естественным образом этимологизируются на русской почве. Значение «воровать» регулярно развивается из значения ‘царапать (цеплять когтями)’: Простореч. Стянуть, присвоить. — *Или ты в самом деле у неё капиталцу царапнул, да сюда в наше приволье тягу дал?* Данил. Беглые в Новороссии, II, 11 [БАС-1 17:537]. — *Он тут у меня, как стал я ему деньги отдавать, царап мошонку-то с деньгами, да в народ.* Левт. Степн. выселки, 5 [БАС-1 17:535]. В диалектах *карябать* и *корябать* имеют не только значение ‘царапать’. Ряз., 1820, Тул., Калуж., Курск. *Бык порол рогами, кот карябал когтями.* Дон., Тамб., ‘скрести’ *Кошка карябает в дверь.* Дубен. Тул., 1936—1960, Пенз., Ряз., но и ‘стараться захватить, заполучить что-либо’: *А все карябаем себе, хамличим себе, свой омих все не нахапалем.* Ряз. Ряз., 1960 [СРНГ 13:113]. Соответственно *карябка* — ‘тот, кто карябает во всех значениях: и царапает, и присваивает = ворует’. От этого слова и образовано *карабча* посредством суффикса *-*ент* со значением детёныша: ‘мелкий

вор'. Сюда же и *карапча* 'не то орел, не то коршун'. Амур., Азадовский, 1913—1914 [СРНГ 13:75], т.е. 'маленький воришка (домашней птицы)', и тут не важно — орел это или коршун. С этим существительным очевидно связаны два ряда глаголов: несов. и сов. *кара́бчить*, *кара́нчить*, *каро́бчить* и *кара́бить*, *карапчить*, *каропчить* со значением 'красть, воровать'. Сиб., Дон., Перм., Ср. Урал, Вят., Симб., Терск. [СРНГ 13:65—64]. Соответственно отглагольное *карабчун* — производное с суффиксом *-ун*: 'тот, что карабчит, действует карабками в своих интересах = ворует'. По-видимому, глаголы с ударением на корне произведены от существительного *кара́б(н)ки*, а глаголы с ударением на суффиксе — от существительного *караб(н)ча́*.

Примечательно, что глагола *карябать* нет ни в одном толковом словаре русского литературного языка. БАС-1 содержит только два производных *накарябать*, *покарябать*, для которых А. Н. Тихонов был вынужден в своем словообразовательном словаре ввести производящее *карябать*. Здесь налицо досадная ничем не оправданная неполнота словарей. Ср. у С. А. Есенина: «*Дар поэта — ласкать и карябать*» [Есенин 1970, 1:170]. Как видим, данное слово пропущено не только в этимологических словарях, на что справедливо указал О. Н. Трубачев [ЭССЯ 11:68].

А. А. Шахматов указывал на *карабкаться* как на родственное глаголу *карабить* (что справедливо), но считал *карабкаться* производящим (что неверно). Предложенное же им сближение с *коробить*, как и сближение Даля-Бодуэна с *корявый*, должно быть отклонено. А. Преображенским *карабить* справедливо характеризуется как новообразование и сближается с *царапать*, что также справедливо: *карабить* 'боронить' означает буквально 'царапать землю бороной', что указывает и на экспрессивность, и на поздний характер данного значения глагола [Фасмер II:190].

В целом к словам корня *каряб-*, *караб-* можно отнести сказанное у М. Фасмера о глаголе *царапать*: «Позднее образование, в основе которого лежит звукоподражание» [Фасмер IV:289].

Заманчиво семантически, хотя вряд ли допустимо фонетически, сближение слов данного корня с глаголом *скрести*,

скребу и его экспрессивным междометным вариантом *шкряб*, открывающее широкую индоевропейскую перспективу.

Деривационная же история глагола *карабкаться* восстанавливается в следующем виде: звукоподражательное и экспрессивное *караб* ‘звук, создаваемый царапаньем’ (родственное не только *каряб* с экспрессивно смягченным Р, но, по-видимому, и *царап* — чередование к||ц подтверждает экспрессивность корня). От производящего *караб(ать)* ‘производить звук *караб*’ с помощью суффикса *-ък(и)* было образовано отглагольное существительное *кара́бки* со значением ‘то, чем *карабают*, т.е. когти’. Затем имел место перенос ‘когти (у зверей) > ногти (у человека)’. В свою очередь, от этого существительного вновь образован глагол *карабкать* ‘действовать *карабками* (когтями и ногтями)’ и его возвратные варианты *карабкаться* ‘иметь обыкновение *карабкать*’ и ‘*карабкать* себе, для себя, в своих интересах’. От второго из этих вариантов возник ЛСВ, приникший в литературный язык *карабкаться куда-либо* ‘перемещаться, действуя ногтями’, более развернуто ‘с трудом лезть вверх, цепляясь руками и ногами’. Ср. аналогичный семантический процесс в глаголе *царапаться* «б. *Карабкаться, пробираться, цепляясь за что-нибудь, скребя, шаркая по чему-нибудь: Наконец слышно стало, что кто-то царапался вдоль плетня и перебирал ногами в высокой крапиве, окружавшей ригу.* Григор. Пахатник и бархатник, I, 20. — *Ну идем... не то что идем, а просто царапаемся в гору.* Мам.-Сиб. Суд идет, 6» [БАС-1 17:538].

Сема цепкости и сравнение с кошкой отражают этимологические семы глагола *карабкаться*, что так чутко уловлено и мастерски использовано М. Ю. Лермонтовым: [*Казбич*] по кустарникам, **точно кошка, карабкался на утёс.** Лермонтов, Бэла.

Этимология существительного *коромысло*

Состояние этимологизации данного слова академик О. Н. Трубачев охарактеризовал следующим образом: «Все-сторонне обосновав реконструкцию праформы **kъrmyslъ/ĕrmyslъ*, мы, однако, еще не решили вопроса о ее происхождении. Этот главный вопрос этимологии каждого слова в

данном случае до конца сохраняет некоторую проблематичность...» [Этимология-1972:40].

По нашему убеждению, слово *коромысло* верно этимологизировал еще А. Брюкнер: «...известно только в восточных говорах Польши, из укр. *коромысла* ‘то, чем носят бадейки’; продуктивным суффиксом *-slo* образован от русск. *корма*, ц.-слав. *кѣрма* ‘зад судна, руль, правИло’; *кѣрмити* ‘рулить, править’; укр. *кормига* ‘ярмо’ (второе *о* неисконно)» (перевод мой. — А.К.) [Brückner 1970:257].

У М. Фасмера о слове *коромысло* мы не находим практически ничего позитивного («тёмное слово»), кроме немотивированного объявления этимологии А. Брюкнера «невероятной» [Фасмер II:334] и правомерного отклонения прочих этимологий. Можно предположить, что, отклоняя этимологию А. Брюкнера, М. Фасмер имел в виду невозможность полногласного образования от слова *корма* < *кѣрма*. В таком случае М. Фасмер не учел возможности второго полногласия, свойственного восточнославянским диалектам. Второй причиной мог быть гласный [ы] на месте ожидаемого [и], что при украинском посредстве скорее закономерно, чем странно. Третья причина — семантическая затемненность связи *коромысла* с *кормой*. А. Брюкнер не дал пояснений по указанным вопросам, а М. Фасмер не смог или не пожелал найти на них ответ. В результате перспективная и верная по существу этимология оказалась отвергнута авторитетным ученым, что стимулировало поиски в других направлениях.

Именно такие поиски отражает этимология В. В. Иванова: из **коломысл_ь/о*, суффикс *-сл_о* от *коломыть* ‘шататься’ [Шанский и др. 1971:213]. Откуда взят этот глагол — тайна. В СРНГ его нет. При таком объяснении *коломысло* — сложение: {*кол_о мы=∅=сл_о*}. Из *коло* ‘вокруг’ и *мыть*. *Коломыка* ‘бродяга’ — совсем другое: тут корень *мык-* (*мыкать/ся*). *Коломыка* — тот, кто *мыкается* вокруг. {*Кол_о+мык=сл_о*} дало бы *коломысло* по закону восходящей звучности; ср. *число* < {*чит=сл_о*}. Исходное значение ‘колебаться’ идеально подошло бы для *коромысла*. Тем более что семантика неравновесности, неустойчивости всячески разрабатывается в его производных значениях.

Сомневаться в «коломычной» этимологии заставляют следующие соображения. Намеков на **коломысло* нигде нет, а условия для замены [л > р] не очевидны. Глагол *коломыть* 'шататься' нигде не зафиксирован. Зафиксированность этого глагола тоже дала бы немного: нужен корень *мык-*, а не *мы-*, а корень *мык-* (в результате процесса {к=т' > ч}) дал бы не **коломыть*, а **коломычь*, как *пеку* — *печь*, *толку* — *толочь*.

Открытие западнославянского (кашубско-словинского) слова *čárměslě* < *čьrmysly [Syhta I:149] дало новый импульс к этимологизации слова *коромысло* лингвистами в разных странах.

ЭССЯ уже содержит почти всё необходимое для завершения этимологизации слова: {кьrm=ysl_ь < *кьг=m_a} < *(s)ker- 'резать' с поправкой: {кьг=m= =sl_ь/o} 'то, чем кормят воду'.

При этом недостаточно учитывается тот факт, что слово *коромысло* фиксируется в восточнославянских языках лишь с XV—XVI вв. Для объяснения этого факта нам явно не хватает знаний по истории самой «вещи» — 'деревянной дуги для ношения вёдер'. К сожалению, даже такой яркий представитель школы «слов и вещей», как О. Н. Трубачев, оставил этот аспект без рассмотрения.

Есть серьезные основания вернуться к этимологии А. Брюкнера, которая, будучи принята О. Н. Трубачевым в корневой части, подверглась критике последнего в части суффиксальной.

Географическое распределение вариантов *кьрмысль* — *кьрмысло*, о котором писал О. Н. Трубачев, вовсе не обязательно интерпретировать в терминах «предшествующее — последующее». В одних говорах на одних территориях мог возобладать один, а в других диалектах и на других территориях — другой из двух хронологически равноправных вариантов. Думается, в таком предположении меньше произвола, чем в постулировании уникальной суффиксальной группы *-ys-/* [Этимология-1972:40].

Поскольку остроумное предположение О. Н. Трубачева, будто «погружение в воду кормового весла... понятийно соприкасалось с магией кормления, задабривания опасной водяной стихии» [ЭССЯ 13:221—222], исследователем не мотивировано, можно допустить и менее магическое объяснение.

Кормовое весло погружали в воду и водили им в воде не только, чтобы «задобрить водяную стихию», но и для того, чтобы управлять движением судна. Вряд ли нужно доказывать, что при движении любой предмет, опущенный в воду, оставляет след, как бы разрезая ее. Разрезание воды *кормой* = *кормилом* — вот что наверняка видели люди. Поэтому, возможно, первоначальное значение слова *корма* — не ‘корм, скармливаемое’, как полагал О. Н. Трубачев, а ‘режущее, разрезающее (воду)’. По мнению И. П. Петлевой, «...**кърта* собственно ‘(отрезанная) жердь, палка’, затем ‘весло, рулевое весло’ → ‘руль’. См. у В. И. Даля описание рулевого весла: ...правильное весло из бревна в 10—12 саж., навешиваемое с кормы. Что касается значения ‘корма’, то оно должно было появиться позднее как наименование места, где устанавливалось рулевое весло» [Этимология-1974:29]. В таком случае *кормить* означало не ‘заклинать (бревном) опасных духов воды’, а ‘действовать кормой (рулевым веслом)»; соответственно *кърмил* и **кърмисло* — ‘то, чем кормят’. Понятно, что потребность в этих двух словах возникла лишь после метонимического перенесения значения слова *кърма* на заднюю часть судна.

Такое сходство дополнялось и движением *кормила* — *кор(о)-мысла* по вертикали, подобным движению ножа при резании. Это обстоятельство является едва ли не важнейшим в последующем семантическом развитии слова.

Рассмотрим семантику слова *коромысло* и его производных.

2. ‘Колодезный журавль’ (толкование не точное: на самом деле — только подвижная, неравновесная часть этого сооружения. — А.К.). 3. ‘Палка, которой толкут бельё в ступе при стирке’ (NB! она опускается и частично исчезает — зрительно укорачиваясь — в ступе. — А.К.). 4. ‘Жердь для скрепления снопов на возу и прочие разнообразные палки с петлями/крюками на двух концах’, ‘рычаг у весов’, ‘стрекоза’ (неравновесные конструкции. — А.К.), ‘созвездие Большая Медведица, Близнецов (Кастор и Поллукс), Орион; Млечный путь’; ‘коростель, дергач’; ‘игра в «ножички»’, ‘кормовая верёвка’, ‘радуга’. Само разнообразие значений указывает на исконность (эндемичность) слова для восточнославянского ареала.

Весьма красноречива и мягкость [м'] в сочетании с [и] в *коромисел* и *коромисли* 'кормысло' [СРНГ 14:362]: гласный [и] может быть суффиксом производящего глагола *кормить* {кърм=и=ть}.

По-своему показательна и вариантность места ударения: *коромы́сло* — *корóмысло*, *кормы́сел* — *корóмысел*. Это может быть связано с народноэтимологическим переосмыслением. Ср. *коломéсить* — *коломесíть*, *коломéнь* — *коломéнь* 'округа или теснота, давка'. Если перед нами слово с одним корнем: **kol=m=es*=/**kol=m=en*=, ударение будет на втором [о] полногласного варианта. Но если это сложение с *коло-* (что понятнее, ибо прозрачнее), то ударение переносится на мнимый второй корень =*мес*, =*мен* (ср. *мну*—*мять*).

Таким образом, древнейший руль представлял собой рычаг, состоящий из бревна, положенного на поперечину и находящегося в неустойчивом равновесии. Именно этот образ колеблющейся неравновесной конструкции как своего рода эталон неустойчивости и лёг в основу всех производных значений слова *кормысло* — от рычага весов до стрекозы. Поскольку этот образ довольно рано был отвлечен от рулевого бревна, а затем и сам руль судна претерпел значительные изменения, не удивительно, что связь между резанием воды и балансирующей конструкцией затемнилась. (Впрочем, у плотогонов древняя форма *кормила* — бревно на перекладине — дожила до нашего времени.)

Полезную информацию дает пара *кормило* 'кормовое весло; буквально — то, чем кормят' и *кормыло* 'стрекоза' [СРНГ 14:363] — явно вторичное значение, производное от названия качающегося, балансирующего, находящегося в неустойчивом равновесии предмета. Тут важно еще и закономерное отражение суффикса *-dl_o* на месте ожидаемого *-sl_o*. По существу, таким же неустойчиво балансирующим предметом является и *кормило*. Пара *коромщик* < *кормщик* указывает на диалектное второе полногласие. Если допустить его и в слове *кормыло* = {кър=м=И=дл_o}, становится очевидной его полная эквивалентность слову *кормило*. На первичную мягкость [м'] (и соответственно позднейшее отвердение) указывают также слова *коромисел* и *коромисли*. Так же, как и *кормило*, *кормысло*, перекинутое через плечо, является эталоном неустойчивого

равновесия (при ношении) и погружается в воду (при зачерпывании воды из реки или колодца). Таким образом, получаем {кър=м_ъ > кърм=и=ть > кърм=и=дл_о / кърм=и=сл_о}. Оба суффикса обладают значительной древностью (до деления имени на существительное и прилагательное), что естественным образом объясняет колебания в роде. (Ср. слова сходной хронологической древности: *кърмъ* — *кърма* — *кърмо* ‘то же самое’, *раб* — *раба*, *лис* — *лиса*, *супруг* — *супруга*, и т.д.) Видимо, не случайно в науке давно уже ставится вопрос и о генетическом тождестве суффиксов *-dl_o||-sl_o*.

Слова {кър=м=и=сл_о} и {кър=м=и=дл_о} являются параллельными (и по существу — синонимичными) производными от глагола *кормити* ‘управлять (судном)’. Просматривается и дополнительная распределенность этих форм: книжная, церковнославянская *кърмилѡ* — *кръмилѡ* и народная, восточнославянская, диалектная (со «вторым полногласием») и отвердением [м] форма *коромысло*. Твердость согласного [м] указывает на то, что во многие русские диалекты эта форма попала через белорусско-украинское посредство. Диалектными особенностями может быть объяснено [у] на месте ожидаемого [i] также и в кашубском *čärměslë* < *čьrmysly [Sychta I:149].

Так снимается последнее возражение О. Н. Трубачева против реконструкции суффикса *-sl_o*: «К тому же, нельзя назвать сколько-нибудь убедительно глагол, от которого могло бы быть образовано слово *коромысл/коромысло*, праслав. **kьrmyslъ*, поэтому приходится отвергнуть мысль о наличии здесь суффикса *-slo*, который предполагает отглагольность» [Этимология-1972:40]. Такой глагол назвать можно — это глагол **kьrmiti* ‘управлять судном’ [ЭССЯ 13:225]. Ср. аналогичное близкое по семантике образование: **vez=θ=ti* ‘взести’ > *{*vez=θ=sl_o*} ‘весло’, как {кър=м=и=ту_# > кър=м=и=сл_о}. Кроме того, с участием суффикса *-sl_o* образованы русские слова: *кресло*, *масло*, *мысль*, *перевясло*, *поросль*, *прясло*, *ремесло*, *рукомесло*, *русло*, *свясло*, *смысл*, *чересло*, *число*, *чресла*, *ясли*. Простой взгляд на этот список дает основания сомневаться в обязательности мужского рода при суффиксе *-sl_o*.

В свете изложенного излишне категоричным представляется и другое высказывание О. Н. Трубачева: «Лишь готовое зна-

чение 'корм, пища' позволительно в таком случае уже прямо возводить к известному глагольному корню и значению **(s)ker-* 'резать'» [ЭССЯ 13:222]. Поскольку рулевое бревно (**кърмъ/a/o*) очевидным образом режет воду при движении судна, в слове **кърмъ/a/o* можно видеть архаичное отглагольное имя с суффиксом **-mo* от глагола **ĉьrsti* 'резать; чертить; рубить'. Ср. лит. *kirsti* 'рубить, жать' [Лиукконен 1987:77—88]. Это слово К. Лиукконен реконструирует как **krp=m* или **krt=m*: «На наш взгляд, **krmъ/*krma/*krmо* представляет собой производное на *-m-* от презентной основы **krp-* (> **kirp-* > **ĉьrp-*) или **krt-* (> **kirt-* > **ĉьrt-*)» [Лиукконен 1987:82] — на основании литовских глаголов *kirpti* 'резать' и *kirsti, kerta, kirto* 'рубить, жать'.

При ориентации на семантику литовских слов семантическое построение К. Лиукконена убедительно, но при обращении к семантике славянских слов более обоснованным представляется обращение к основе **kr=n=m-*: «Прилаг. **кърнъ* восходит к и.-е. **kr-no-* **krə-no-*, прилаг.-прич. прош. страд. от глагола с корнем **(s)ker-* 'резать'. <...> Слав. **кърнъ* довольно хорошо отражает древнее широкое значение 'обрезанный, поломанный, изуродованный', в сравнении с чем родственные лтш. *kuņns* 'глухой' обнаруживают в основном уже специализированную, вторичную семантику» [ЭССЯ 13:236].

Особого внимания заслуживает глагол **кърнqti*, рефлексы которого дают необычный спектр значений: 'ударить, уколоть, воткнуть вонзить', 'прилечь ненадолго днём и уснуть; прикорнуть', 'окунуть', 'погрузиться в воду, окунуться; нырнуть', 'повиснуть вниз (о плодах еще не сжатых злаковых, особенно овса и ячменя, когда они перестоят на корню или когда их хватит морозом)', 'перепутаться (о хлебах на корню)', 'пропасть, утратиться'. При этом говорится, что «скорее всего, справедливо мнение, что перед *-n ti* выпал какой-то согласный» [ЭССЯ 13:235]. Вероятнее всего, этим согласным является *-n-*, хотя он и не называется К. Лиукконеном среди возможных этимонов слова *корма*. Все перечисленные варианты объединены значением исчезновения из вида в результате перемещения вниз или в иную среду, иное вещество. Удар бревна по воде приводит к тому, что оно не только режет воду, но и погружается в нее, ис-

чезает в ней. Режущее также исчезает в том, что оно режет, *прикорнуть* — погрузиться в сон (как в воду), при этом человек (как живой и действующий исчезает), остается лишь его тело (оно же остается и после смерти; параллель ‘сон = смерть’ едва ли не хрестоматийна); погрузиться в воду означает ‘исчезнуть из глаз’; ‘повиснуть вниз (о злаках)’ также означает ‘перестать быть видимым’. Таким образом, погружение чего-либо в иную среду приводит к его видимому (зрительному) урезанию, укорачиванию — вплоть до полного исчезновения. Глаголы **kъr=n=a=ti* (*корнать* ‘обрезать, обрубить’) и **kъr=n=l=ti* ‘рубить, сечь ветки дерева, обрезать’, **kъr=n=n=ti* позволяют реконструировать и глагол с нулевым суффиксом: ***kr=n=∅=ti* (**корнти*) — **kъr=n=∅_q*. Более того, форма *(при)корну*, возможно, и является частью парадигмы глагола **(при)корнти*. Современный же инфинитив на *-нуть* мог быть получен в результате переосмысления (переразложения) основы инфинитива и выравнивания глагольной парадигмы (ср. аналогичное явление в глаголе *вынуть* < *вынять* {вы-(н)ьм=∅=ti}).

Именно от глагола ***kr=n=∅=ti* ‘исчезать при опускании, погружении’ и могло образоваться отглагольное имя **kr=n=∅=m_ъ/a/o* ‘рулевое весло’. В фонетическом отношении такое предположение безукоризненно: «n перед m отпадает автоматически» [Лиукконен 1987:189—190], а слоговой [r] реализуется в виде [ъr] > [or].

Различие значений ‘руль’ и ‘еда’ нейтрализуется в значении ‘исчезающее при опускании (в воду — *руль* или в рот — *еда*)’. Именно в этом смысле можно принять идею О. Н. Трубачева о «понятийном соприкосновении» «погружения в воду кормового весла» с кормлением: правильное бревно зрительно поглощается пучиной так же, как еда поглощается ртом.

Поэтому правы те, кто говорит о глубоком этимологическом тождестве *корма* и *кормы*.

Сложность интерпретации слова *коромысло* {кър=n=∅=м=й=сл_о}, помимо диалектных фонетических преобразований, объясняется тем, что в первоначальном значении — рулевого бревна — оно было вытеснено старославянизмом *кръмилло*, а удержалось в народном языке только во вторичном значении — ‘дуга для ношения вёдер’. И едва ли не

единственным прямым напоминанием о связи *кормысла* с *кормой* является значение ‘кормовая верёвка’, на которое и ссылался О. Н. Трубачев [Этимология-1972:41]. Бытовой характер слова препятствовал его ранней фиксации в памятниках — по преимуществу религиозных или официально-деловых, и только сведения о славянских топонимах XII—XVI вв. на территории современной Германии [Хинце 1972] подтверждают предположение о знакомстве славян с *кормыслами* и до XVI в.

Этимология существительных *медвежата*, *верблюжата*, *цыплята*, *свинья*

Неясно образование *медвежонок*, где *ж* указывает как будто на то, что уменьшительная форма образована не непосредственно от *медведь* (ср. *лебедёнок*, *лисёнок*).

В. И. Борковский, П. С. Кузнецов (Историческая грамматика русского языка. С. 193)

Слова *медвежата*, *верблюжата*, *цыплята* — какими бы привычными они нам ни казались — в свете известных науке закономерностей представляются «неправильными» (правильны были бы формы **медведята*, **верблюдыята*, **цыпята*) и требуют своего объяснения. Чтобы разобраться в этой загадке, слова *медвежата*, *верблюжата*, *цыплята* следует рассмотреть вместе со словом *свинья*. Причем уместнее начать именно с последнего.

Как известно (см. [Мейе 1951:396; Фасмер III:579]), и.-е. **su-s* ‘свинья’ (ср. лат. *sus*, др.-в.-нем. *su*) дало, еще на индоевропейской почве, прилагательное **su-in-* (ср. лат. *su-in-us*, гот. *sw-ein* ср. р. *свинья*, слав. **sv-in-ъ*). В морфемном и словообразовательном отношении здесь имеет место полное подобие. В семантическом отношении следует отметить в готском *swein* значение ‘свинья’, вместо ожидаемого ‘свиной’: гот. *swein* является субстантивированным прилагательным. Таким же субстантивированным прилагательным являлось и славянское **sv-in-ъ*. После того, как процесс субстантивации завершился, от уже существительного *свинь* было

образовано притяжательное прилагательное с суфф. *-ьj-*: *свинь-ьj-* (*свиний, свинья, свинье*), а затем вновь произошла субстантивация адъективной формы женского рода, которая была переосмыслена как форма существительного типа *семья, земля*, что привело к аналогическому перенесению ударения с основы на флексию: *свинья* > *свинья́*. (Весьма показательно в этом отношении сохранение в данном слове ударения на *И* в сербохорватском и словенском языках при ударении на *Я* в болгарском языке.) Таким образом, мы имеем дело с двукратной субстантивацией прилагательного. О том, что *свинья* является производным от *свин*, писали А. Мейе [1951:396] и М. Фасмер [III:579]. Но подробности этого процесса были, по-видимому, не совсем ясны не только им, но и О. Н. Трубачеву: «... в своей полной форме слав. *svinьja* представляется сугубо славянской инновацией не совсем ясного морфологического характера: и.-е. **suinos*, слав. **svinъ*, ср. русск. *свиной* + суффикс *-ья*» [Трубачев 1960:62].

Косвенным аргументом в пользу двукратной адъективности слова *свинья* может служить невозможность образования от него прилагательного: *семья* > *семейный*, *земля* > *земельный*, *земляной*, при невозможности *свинья* > **свиньяной*; **свинейный*; разве что в фамилиях: *Свинь-ин*, но тогда невозможны образования **семьин*, **землин*.

Итак, мы зафиксировали, что название животного может быть субстантивированным прилагательным. Этот пример не единичен: ср., например, *сохатый* ‘лось’, *носорог* ‘букв. Носорогий’, *лебедѣн* (?) ‘лебедь самец’. Кубан., Урал, Перм., Новг. [СРНГ 16:301].

Если рассматривать слово *свинья* как субстантивированное прилагательное, то морфологический характер славянской инновации абсолютно ясен: и.-е. **su-s* > и.-е. **su + in-(os)* > слав. **svin(ъ)* > слав. **svin + ъj-(ь, а, е)* > русск. *свинья́*. При этом *-ьj-* — унаследованный из общеиндоевропейской эпохи суффикс, соответствующий и.-е. **-jo-*, **-ьjo-*. «В древности суффикс был продуктивным и дал много новых образований. Он остался продуктивным и далее, поскольку представляет прилагательные с значением принадлежности, равнозначные греческому родительному падежу. <...> В форме на *-ьjь* прилагательное часто имеет более широкое значе-

ние: *рабии* от *рабъ* обозначает «принадлежащий рабу», а также «рабский» (свойство)...» [Мейе 1951:286—287]. «Суффикс *-j-*, продуктивный при образовании притяжательных прилагательных еще на праславянской почве, в древнерусском языке уже не выделялся как суффикс, прилагательное отличалось от существительного степенью конечного согласного морфемы, непосредственно предшествующей бывшему суффиксу, ср. *Володимиръ* или *Володимеръ* (от *Володимиръ* или *Володимеръ*), *Всеволожь* (от *Всеволодъ*); *княжь* от *князь* и т.д.; но родственный этому суффиксу более редкий суффикс *-j-* (< ij) выступал как таковой и в эпоху памятников в таких образованиях, как *вълчиц* от *вълкъ*, например, *вольчья хвоста* (Лавр. лет., л. 27); впоследствии так же образовывалось и прилагательное *медвѣжиц* (от *медвѣдь*), но в древности оно шло по типу *Всеволодъ* — *Всеволожь*, ср.: *въ образъ медвѣжи* (Лавр. лет., л. 66). <...> Суффиксы — одни и те же — могли появляться в составе как именных, так и местоименных прилагательных. <...> Местоименные формы обычны в женском роде (при именных в мужском)...» [Борковский, Кузнецов 1963:226].

Отметим, что в Лаврентьевской летописи зафиксировано притяжательное прилагательное *медвежь*, образованное посредством суффикса *-j-*.

На примере слова *свинья* мы видели, что притяжательное прилагательное могло субстантивироваться и, следовательно, из *медвежь* ‘медвежий’ могло получиться *медвежь* ‘медвежий самец, медведь’. На то, что эта субстантивация состоялась, указывают прилагательные же, образованные от данной основы: *медвеж-н(ое) плясание* (XVI в.) [СЛРЯ XI—XVII], *медвеж-н(а)* ‘медвежья шкура’ Нижегород. (субстантивированное прилагательное), *медвеж-ин(ый)* ‘медвежий’ Ряз. [СРНГ 18:68—69]. Еще более убедительно об этом говорит параллелизм производных с основами *медвед-* и *медвеж-* (слова с пометами см. в [СРНГ 18:64—69]; слова без помет см. в БАС-1):

<i>медведий</i> Том. Тобол, Вят., Новг.	—	<i>медвежий</i>
<i>медведёнок</i> Вят.	—	<i>медвежонок</i>
<i>медведята</i> Смол., Перм.	—	<i>медвежата</i>

<i>медвединый</i> Ряз.	—	<i>медвежинный</i> Ряз.
<i>медведина</i> (мясо, шкура, большой зверь)	—	<i>медвежина</i> (мясо, шкура) Краснояр., Вост.-Казах., Сиб., Свердл., Самар.
<i>медведятина</i> 'медвежатина' Вят.	—	<i>медвежатина</i>
<i>медведиха</i> Ряз.	—	<i>медвежиха</i> Ср. Урал, Свердл., Вят., Киров., Том., Сиб., Хабар.
<i>медведица</i>	—	<i>медвежица</i> Краснояр., Амур., Том., Сахалин, Пск., Твер., Приангар.
<i>медведка</i> (раст.) Уфим.	—	<i>медвежка</i> (раст.) Новосиб., Свердл.
<i>медведна</i> (шкура, постель) Нижегород.	—	<i>медвежна</i> (шкура) Сиб., Камчат., Пск.
<i>медведник</i> Зап., Смол.	—	<i>медвежник</i> Южн.-Урал., Калуж., Пск.

Наличие обоих рядов практически на одних и тех же территориях исключает объяснение их генезиса теми или иными диалектными особенностями. Ср. также пары *верблюдина* (Слов. Акад. 1847) — *верблюжина* (Соколов, Слов. 1834, доп.) [БАС-1 2:169], *верблюдина* 'трава' — *верблюжина* 'мясо' (Даль), *верблюдни́к* 'упряжь' — *верблюжник* 'погонщик' [СРНГ 4:121—122]. Форма же *медведий* образована суффиксом *-ьј-*, родственным и синонимичным суффиксу *-ј-*, отраженному в прилагательном *медвежий* (ср. аналогичные суффиксы в паре *лис(а) > лисий*, но *лес > леший*).

О производных на **ent* со значением 'незрелое живое существо' известно, что они, как правило, образовывались от существительных, обозначающих взрослую особь: *лис(а) > лис-ят(а)*, *волк > волч-ат(а)*, *гусь > гус-ят(а)*, *кот > кот-ят(а)* и т.п. Однако известны случаи, когда этот суффикс прибавлялся и к основе прилагательного: *лебедь > *лебед-н(ые)* [птенцы] *> лебед-н-ят(а)* [СРНГ 16:301]; об этом же процессе свидетельствует, на наш взгляд, и форма *медвенёнок* 'медвежонок' (Ах, и что в поле зачернелось: *Ти медведица с медвенятами*. Смол., 1890 [СРНГ 18:69]). Форму *медвенята* можно понять как производную от *медведн-ят(а)* в результате диссимилятивного упрощения группы согласных: ДН > Н; в таком случае имеется полная аналогия рассмотренному выше процессу: *медведь > медвед-н(ы)* [детёныши] *> медвед-н-ят(а)*. Промежуточное звено этой цепи не надо даже реконструировать,

так как оно зафиксировано в диалектах и памятниках языка: МЕДВЕДНА шкура или *медведна* ‘шкура медведя’ [СлРЯ XI—XVII] и [СРНГ 18:65] как прилагательное и как субстантивированное прилагательное. Поэтому форма *медвежата* могла образоваться и независимо от процесса субстантивации: *медведь* > *медвед-ј(ь)* ‘медвежий’ > *медвежи* [детёныши] > *медвеж-ат(а)*. Ряд *верблюд* > *верблюж(ий)* > *верблюж-ат(а)* образован по этой модели.

Тут надо учесть, что форма *верблюдь* зафиксирована не ранее XIV в. Более ранние формы *вельблудь* и *вельбудь* зафиксированы в X—XI вв. В это же время зафиксированы прилагательные *вельбужь* и *вельблужь* [Срезневский 1895, СлРЯ XI—XVII, СлДрЯ XI—XIV]. Эти же прилагательные есть в старославянских текстах и зафиксированы они едва ли не ранее, чем прилагательное *медвѣжь*. С верблюдами (по крайней мере, заочно) славяне познакомились никак не позднее появления первых славянских переводов Евангелия, описывающих реалии Ближнего Востока. Форма «верблюжий», зафиксированная не ранее XVI в., является лишь трансформом др.-русск. *вельблужь*, ст.-сл. *вельблѣждь*, зафиксированных в X—XI вв. Образование такого прилагательного в X в. могло опираться на четкое осознание словообразовательного значения чередования Д/Ж в конце слова, которое фактически продолжало выполнять функцию материально отсутствующего суффикса *-j-*; как писал И. А. Бодуэн де Куртенэ, произошла «семасиологизация» первоначально чисто фонетического чередования. И прилагательные *Володимерь*, *Ярославль*, *Радонежь*, образованные явно после завершения процесса преобразования согласных перед *-j-*, несомненное тому подтверждение.

На существование субстантивированного прилагательного *ве(ль/р)бл(у/ю)жь* ‘верблюд’ указывают его производные в литературном языке и диалектах: *верблюжиха*, *верблюжник* (‘погонщик’ наряду с *верблюдник* ‘упряжь’), но самым красноречивым аргументом в пользу существования субстантивированного прилагательного **верблюжь* ‘верблюд’ является прилагательное «*верблюжі́ный*, ая, ое, Верблюжий. Баз верблюжиный. Верблюжно сало и мазь продают. Теплов. Оренб., 1951. Азям, сказать, верблюжиный, а зипун — овечья

шерсть. Колпаш. Том.» [СРНГ 4:121—122]. Это прилагательное, образованное с помощью суффикса *-ин(ый)*. А с помощью этого суффикса прилагательные образуются только от существительных, следовательно, данное слово могло образоваться только от существительного **верблюжь* ‘самец верблюда; верблюд’.

Слово *цыплёнок* — *цыплята* восходит к существительному *цыпа* ‘курица’, отмеченному (с разной, но близкой семантикой) в восточнославянских, словенском, словацком и латышском (лтш. *siba* ‘курица’) языках [Фасмер IV:307]. Такая география наводит на мысль о принадлежности слов **cira* ‘курица’ и **cira-cira* общеславянскому словарю. Засвидетельствованность слова *цыплёнок* — *цыплята* только в русском языке привела В. В. Иванова к выводу о собственно русском происхождении этого слова, что, однако, вовсе не обязательно: вполне могут появиться новые источники, фиксирующие это слово в древнерусском языке или украинских, белорусских или каких-либо других славянских диалектах. Статью *цыплёнок* в указанном словаре стоит привести целиком: «Цыплёнок. Собственно русское. Образовано с помощью суф. *-енок* от *цыпля*, сохранившегося в диалектах и являющегося, вероятно, производным с суф. *-j-* от *цыпа*; сочетание П с последующим *j* изменилось в ПЛ’. *Цыпа* представляет собой образование от звукоподражательного *цып-цып*» [Шанский и др. 1961:367].

Если слово собственно русское, то оно появилось не ранее XIV в. Но «тенденция введения смягченного *l* является общеславянской» [Мейе 1951:79], значит, переход ПП > ПЛ состоялся не позднее IX в. Вторая несообразность: *цып(a) + j*, по В. В. Иванову, дает *цыпл(я)*, а уже *цыпл(я) + енок* дает *цыплёнок*. Но ведь слово *цыпля* в диалектах отмечено только в значении ‘цыплёнок’ [Даль 4:576]! Если к слову *цыпля* со значением ‘цыплёнок’ прибавляется суффикс *-енок* со значением ‘незрелое живое существо’, то получается бессмыслица вроде ‘птенец цыплёнка’, а на шаге *цып(a) ‘курица’ > цып + j(a) = цыпля* ‘цыплёнок’ суффиксу *-j-* приписывается не свойственное ему значение ‘незрелое живое существо’.

Прав В. В. Иванов лишь в том, что образование с суффиксом *-j-* имело место. Существительное *цыплята* образовано по той же модели, что и *медвежата, верблюжата* — от

прилагательного: *цыпа* ‘курица’ > **цып-j(ь)*=**цыпл(ий)* ‘куриный; свойственный курице’ > *цыпл-ят(а)*. Форму же *цыпля* ‘цыплёнок’ естественнее сблизить с формами ед. ч. на *-*ent*: *порося*, *теля* и т.п., замещенными позднее формами на *-енок*.

В таком случае сосуществование форм *цыпля* — *цыплята* — *цыплёнок* указывает на бóльшую древность этого образования, чем *медвежата*, *верблюжата*, для которых не отмечено форм **медвежа*, **верблюжа*.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что — по крайней мере, у восточных славян — существительные на *-*ent* со значением ‘невзрослое живое существо’ могли образовываться не только непосредственно от названий взрослых животных, но и опосредованно — через ступень прилагательного, образованного от последних с помощью суффиксов *-j-* или *-n-*.

Этимология существительных *обед* и *беседа*

Памяти русского лингвиста
Никиты Ильича Толстого

В отношении этимологии слова *обед* царит едва ли обоснованное единодушие³⁰, тогда как этимология существительного *беседа* спорна даже в свете последнего слова науки³¹.

Наша цель — изменить этимологическую ситуацию и не только обнаружить у слов *обед* и *беседа* нечто общее, но и вписать их в круг праиндоевропейской культуры.

Этимологические словари возводят слово *обед* к корню **ǵd* (*еда*, *едим*, *едите*, *едят*), реконструируя исконное значение ‘трапеза’ или ‘время трапезы’ [Шанский и др. 1971:296; ЭССЯ 26:183—184]. Современная семантика слова *обед*³² столь близка к идее еды, что связь *обеда* с *едой* воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

³⁰ «Сложение *ob-* и корня *ǵd-...*» [ЭССЯ 26:183].

³¹ «Это слово по-прежнему может считаться спорным по происхождению, хотя в ходе этимол. дискуссий некоторые моменты выяснились достаточно определенно» [ЭССЯ 1:211].

³² «принятие пищи, обычно в середине дня в отличие от завтрака и ужина» [БАС-1 8:69]; «основной прием пищи, *еда* (обычно в середине дня)» [БТС 1998:664].

На этом фоне из поля зрения легко ускользают «мелкие» фонетические и акцентологические неувязки.

В частности, если *обед* — производное от глагола *объесть* — *обедать* (а как иначе может появиться глагольная приставка *об-* у существительного?), то почему это не **объед*? Ср.: *объезжать* — *объезд*, а не **обезд*, *объявлять* — *объявление*, а не **объявление*, *объяснять* — *объяснение*, а не **объяснение*, *объять* — *объятие*, а не **объятие*. Да и в других словах с корнем *ед-* не находим случая взаимодействия гласного корня с конечным согласным приставки: *надъедать*, *подъедать*, *разъедать*, *изъедать*, *съедать*, *отъедать*. Во всех случаях между корнем и приставкой обнаруживаем морфонологическую прокладку {ʒ}.

В морфонологическом отношении глагол *обедать* и существительное *обед* могут быть удовлетворительно объяснены только как результат взаимодействия *б* и *в* на стыке приставки и корня. Этот процесс имел место еще в праславянскую эпоху и представлен в словах *об-(в)ет*, *об-(в)ида*, *об-(в)ертка*, *об-(в)итать*, *об-(в)язать*, а также в словах *об-(в)олочка*, *об-(в)од*, *об-(в)оз*, *об-(в)онять*, *об-(в)оротень* и др.³³ Следовательно, с фонетической (морфонологической) точки зрения слово *обед* может представлять собой только результат взаимодействия приставки *об-* с корнем — *вед(вѣд-)*.

Непонятными оказываются и отношения «однокоренных» глаголов *обедать* и *объедать*. В народном сознании они противопоставлены, как это обычно бывает с омонимами. В. И. Даль в своем словаре приводит следующие поговорки: *Объдай, да не объедай; Тебя звали объдать, а ты пришел объедать*.

Совсем иные отношения у глагола *обедать* с глаголом *ведать* и его производными: они — сопоставлены, как это бывает с близкими по значению словами: *Кабы я ведал, где ты ноне обедал, знал бы я, чью ты песенку поёшь! Кабы знать да ведать, где нынче обедать. Кабы ведал, у чужого б не обедал. Про то дедушка не ведает, где внучек обедает. Пошел проведать, да и остался обедать* [Даль 2:638].

Столь широко представленная в пословицах «рифмованность» глагола *обедать* со словами корня *ведать* не случайна.

³³ Полнее см. [Kiparsky 1975:321—325].

Она указывает на еще одно веское доказательство того, что глагол *обедать* и глагол *едать* не имеют ничего общего — на различие их акцентологических характеристик.

Рассмотрим место ударения в глаголах *едать*, *ведать* и их приставочных производных.

<i>ед-а́ть</i>	<i>отъед-а́ть</i>	<i>объед-а́ть</i>	<i>обѣд-а́ть</i>	<i>отвѣд-а́ть</i>	<i>вѣд-а́ть</i>
<i>ед-а́ю</i>	<i>отъед-а́ю</i>	<i>объед-а́ю</i>	<i>обѣд-а́ю</i>	<i>отвѣд-а́ю</i>	<i>вѣд-а́ю</i>
<i>ед-а́ешь</i>	<i>отъед-а́ешь</i>	<i>объед-а́ешь</i>	<i>обѣд-а́ешь</i>	<i>отвѣд-а́ешь</i>	<i>вѣд-а́ешь</i>
<i>ед-а́ет</i>	<i>отъед-а́ет</i>	<i>объед-а́ет</i>	<i>обѣд-а́ет</i>	<i>отвѣд-а́ет</i>	<i>вѣд-а́ет</i>
<i>ед-а́ем</i>	<i>отъед-а́ем</i>	<i>объед-а́ем</i>	<i>обѣд-а́ем</i>	<i>отвѣд-а́ем</i>	<i>вѣд-а́ем</i>
<i>ед-а́ете</i>	<i>отъед-а́ете</i>	<i>объед-а́ете</i>	<i>обѣд-а́ете</i>	<i>отвѣд-а́ете</i>	<i>вѣд-а́ете</i>
<i>ед-а́ют</i>	<i>отъед-а́ют</i>	<i>объед-а́ют</i>	<i>обѣд-а́ют</i>	<i>отвѣд-а́ют</i>	<i>вѣд-а́ют</i>
<i>ед-а́л</i>	<i>отъед-а́л</i>	<i>объед-а́л</i>	<i>обѣд-а́л</i>	<i>отвѣд-а́л</i>	<i>вѣд-а́л</i>
<i>ед-а́ла</i>	<i>отъед-а́ла</i>	<i>объед-а́ла</i>	<i>обѣд-а́ла</i>	<i>отвѣд-а́ла</i>	<i>вѣд-а́ла</i>
<i>ед-а́ло</i>	<i>отъед-а́ло</i>	<i>объед-а́ло</i>	<i>обѣд-а́ло</i>	<i>отвѣд-а́ло</i>	<i>вѣд-а́ло</i>
<i>ед-а́ли</i>	<i>отъед-а́ли</i>	<i>объед-а́ли</i>	<i>обѣд-а́ли</i>	<i>отвѣд-а́ли</i>	<i>вѣд-а́ли</i>
<i>ед-а́й</i>	<i>отъед-а́й</i>	<i>объед-а́й</i>	<i>обѣд-а́й</i>	<i>отвѣд-а́й</i>	<i>вѣд-а́й</i>
<i>ед-а́йте</i>	<i>отъед-а́йте</i>	<i>объед-а́йте</i>	<i>обѣд-а́йте</i>	<i>отвѣд-а́йте</i>	<i>вѣд-а́йте</i>

Как видим, в глаголах с корнем *ед-* ударение расположено на суффиксе *-а-*, тогда как глаголы с корнем *вед-* имеют ударение на корне. При этом глагол *обедать* имеет ударение на корне как типичный глагол с корнем *вед-*.

Этимологи, связывающие *обед* с *едой*, явно находятся под гипнозом современной семантики глагола. Если они и замечают необъяснимость формы слова, то, похоже, предпочитают игнорировать ее во избежание необъяснимости значения³⁴.

Приняв как очевидное формальную выводимость глагола *обедать* из глагола *ведать*, обратим внимание на древность фонетической трансформации *бв > б* на суффиксальном стыке. По свидетельству историков языка, этот процесс по мень-

³⁴ В связи с этим показательна позиция А. Г. Преображенского в сходной ситуации. Выбирая между возведением слова *обида* к *беда* или к *видеть*, он замечает: «На чьей стороне истина, сказать трудно. Во всяком случае, первым толкованием удобней объясняется значение» [Преображенский I:627].

шей мере современен процессу смягчения согласных перед *j*³⁵, т.е. относится к V—VIII вв. н.э. [Shevelov 1964:633].

Данное свидетельство формы необычайно важно, поскольку ориентирует нас не на современное значение слов *обед* и *обедать*, а на древнее значение, которое они имели на момент своего образования, т.е. задолго до V в. н.э. Чтобы понять исходное значение слов *обед* и *обедать*, необходимо обратиться к материальной и духовной культуре общества, находившегося на родо-племенном или даже первобытном этапе развития. Соответственно следует обратить внимание на наиболее архаичную часть их современной семантики.

Во-первых, употребление слова *обед* хорошо сохранило социальный, формальный и обрядовый характер принятия пищи.

«ОБЕД

|| Дневной прием пищи, устраиваемый как угощение, с приглашением гостей.

Званный, парадный и т.п. обед.

Давать, задавать обед, обеды» [БАС-1 8:69].

Особенно богатый материал дают народные говоры.

«ОБЕД 1. В сочетаниях.

Бирючий (волчий) обед. В дореволюционное время — а) обед, устраиваемый станичным правлением для казаков; б) обед в складчину на паях.

Красный обед. Парадный обед.

3. Угощение после похорон в память умершего; поминки.

4. В сочетаниях, обозначающих обряды.

Дружков обед. Обед у молодого на третий день после свадьбы.

Жирный обед. Праздничный обед по случаю рождения ребенка.

Званный обед. Обед через три дня после свадьбы, после которого молодая жена получает от родителей свое приданое.

Красный обед. Обряд, сопровождающий или завершающий свадьбу.

Повивальный обед. Угощение по поводу надевания головного убора на невесту.

³⁵ Ср. у А. Мейе: «Что касается *bv*, то оно редуцируется в *b*. **w* поглощается предшествующей губной согласной, точно так же, как *j* поглощается предшествующей зубной или задненёбной» [Мейе 1951:115].

В обрядах, сопровождающих крестины — сбор гостей в первое воскресенье после крестин.

Обѣдик, а, м. Поминальный обед с небольшим числом гостей» (выделено мной. — А.К.) [СРНГ 22:25—27].

Во-вторых, тесная связь *обеда* с ритуально отмеченным временем суток³⁶ — *полуднем* — не менее очевидна, чем нагруженность этого слова обрядово-ритуальной и сакральной семантикой³⁷. Приурочение обеда к другому времени представляется позднейшим и вторичным.

В-третьих, столь же не случайна и ритуально мотивированная пространственная привязка *обеда*, отразившаяся в наличии у слова значения 'юг'³⁸ или 'юго-восток'³⁹.

Обратим также внимание на то, что не семантика слов с корнем **ěd-*, а именно семантика слов с корнем **věd-* оказывается максимально нагруженной сакральными, ритуальными и шире — социальными смыслами.

Глагол *ведать* в современном русском литературном языке имеет следующие значения, характеризующиеся, с одной стороны, как торжественные, поэтические, а с другой — как устаревшие и относящиеся к социальной терминологии.

³⁶ «Подобно солнцу, но с более очевидной зависимостью от движения солнца по небосводу, сутки делятся на день и ночь, а «межевыми» временными рубежами оказываются утренняя и вечерняя заря (рассвет и закат), а также полдень и полночь. ...на рассвете или закате и одновременно на полевой меже предпочтительно колдовать и врачевать, заговаривать заговором..., а в полночь и в полдень следует опасаться действия сверхъестественных мифологических существ и бесов...» [Толстой 1997:24]. «Полдень — ...очень опасное время суток» [Толстой 1997:25].

³⁷ «Принятие пищи, обычно в середине дня в отличие от завтрака и ужина. || *Разг.* Обеденная пора, середина дня. <> К обеду, в обед, до обеда и т.п.» [БАС-1 2:110—119].

«Обед, 5. Мн. Обеденное время; полдень.

В обедах (в обеды). В полдень.

Солнце (солнышко) в обед, в обедах, в обеды. О положении солнца в 12 часов дня» (выделено мной. — А.К.) [СРНГ 22:25—26].

³⁸ **Обед**, 8. Юг. *Его хата хорошо поставлена: окнами на обед, увесь день солнце.* Бобр. Ворон., 1907; **2. Обеденник**, || Южный ветер. **Обедник**, 3. || Южный ветер. 4. || Юг. К зимовью идти на обедник. Усть-Уфим. Иркут., 1970. **Обедничный**, Южный. *Посмотри под сторону обедничцу.* Север. 1951 [СРНГ 22:26—27].

³⁹ **Обеденник**, 1. Юго-восточный ветер. 2. Юго-восток. **Обедник**, 3. Юго-восточный ветер. || Южный ветер. 4. || Юг. К зимовью идти на обедник. Усть-Уфим. Иркут., 1970 [СРНГ 22:26—27].

ВЕДАТЬ I. Знать что, иметь понятие, сведение о чем-либо (употр. с оттенком торжественности в поэт. языке, в старом и областном, чаще с отрицанием **не**).

1.0.1. *Устар.* Обладать даром предвидения, прозорливости; знать, отгадывать (о так наз. колдунах, знахарях, гадалках и т.п.). *И тогда поднялся птицеведаватель зоркий, Старец Кальхас Фесторид, из вещателей самый премудрый: Ведал от все настоящее; ведал, что было, что будет.* Жук. Отр. из Илиады, 1.

2. Испытывать, ощущать, чувствовать. *Не ведашь колебаний, покоя; ведашь любовь.*

3. Управлять, заведовать, распоряжаться чем-либо.

3.0.1. *Устар.* Ведашь кого-, что-либо — иметь в своем распоряжении или присмотре. *Ведашь город, Бог весть.*

ВЕДАТЬСЯ I. Иметь дело, общаться, знаясь с кем-либо или между собою.

1.0.1. *Юрид. Устар.* Ведаются судом — разрешать спорные дела при помощи суда.

ВЕДЕНИЕ I. Управление, наблюдение, распоряжение.

ВЕДОВСТВО *Устар.* По суеверным представлениям — сверхъестественные знания, ворожба.

ВЕДУН, ВЕДУНЯ *В просторечии.* Знахарь, колдун; знахарка, колдунья.

ВЕДОВСКИЙ и ВЕДОВСКОЙ *Устар.* *Старые архивы богаты актами по части ведовских дел.* Забелин, Русск. народ, его обычаи..., 230.

ВЕДЬМА В мифологических представлениях — женщина, имеющая общение с нечистой силой; колдунья, чародейка.

ВЕДЬМАК *Устар. и обл.* Знахарь, колдун; оборотень [БАС-1 2:110—119].

Сюда же прилагательное *объжнѣй* {об-вѣд=й=ьн_ый-} из *объжѣ* {об-вѣд=й_ь} или *объжа* {об-вѣд=й_а}, ср. *не-вежа, веж-ливый*. **Объжнѣй** *Объжнѣя* книга. В суеверных представлениях — святая книга. *Не продажна обѣжна эта книга, вот что-либо болит, вот обвечнишься, эту книгу пролистать, так и пройдет.* Пинеж., Арх., Симина, 1959 [СРНГ 22:28].

Ритуально отмечены также освоенные христианским культом производные от того же корня слова *заповедь* ‘божественный запрет’, *исповедь* ‘таинство покаяния’, *проповедь* ‘религиозно-назидательная речь, часть церковного богослужения’, а также родственные им глаголы и прилагательные с теми же приставками.

Этот факт можно рассматривать как третий — семантический — аргумент в пользу наличия в слове *обед* корня *вѣд-*.

Каким же образом семантика знания, ведения могла превратиться в семантику приема пищи?

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо реконструировать целостную семантику слова, которая складывается не только из семантики корня⁴⁰, но и из семантики префикса.

Как следует из изложенного выше, существительное *об(в)ед* мы считаем производным от глагола *об(в)едасть*, который, в свою очередь, является приставочным производным от глагола *ведать*.

Обратимся к семантике приставки *об-* в словах *обедать* и *обед*, для чего прежде всего попытаемся хотя бы приблизительно определить относительную хронологию этих слов.

Рассмотрим слова, образованные по той же модели, что и слово *обед*. Как известно, именно в производных словах обычно сохраняются древнейшие значения производящих, которые сами производящие нередко со временем утрачивают, поэтому обращение к отглагольным существительным гарантирует лучшее сохранение древнейшей семантики, чем обращение к глаголам с приставкой *об-*.

Вот эти слова: *об-(в)ет*, *об-рок* (первоначально то же, что *обет*), *об-ряд*, *об-(в)ида*, *об-ман*, *об-мен*, *об-раз*.

Как видим, ритуальная и шире — социокультурная принадлежность этих слов налицо. Очевидно, что и по семантике, и по модели образования эти слова относятся как минимум к праславянскому периоду и отражают менталитет древних индоевропейцев.

⁴⁰ Связь сфер 'ведения' и 'поглощения', представленная в глаголе *отведать* (1. Есть, пить немного для определения вкуса чего-либо; пробовать. *О. добычи, вина, штруделя*. 2. Испытывать, познавать на опыте. *О. силу просьбы, слякоть, распутицу, гололедицу, горя*) с 1731 г. — в словарях [БАС-1] — в данном случае малосущественна, поскольку отражает поздние представления о знании, а не архаичные — о сакральном сверхъестественном Ведении. Не случайно *ведать* означало не только 'знать', но и 'иметь в своей власти, управлять'. Последние значения сохранились не только в архаичных словосочетаниях типа *ведать город*, но и в семантике существительного *ведомство*, в прилагательном *подведомственный* (буквально: «находящийся под чьим-либо ведомством», ср. *под властью, под игом*) и т.п.

Обратим внимание на семантику приставки *об-* как таковой, которая в современном русском языке группируется вокруг двух основных значений: 'направить вокруг или во все, на все стороны чего-либо действие, названное мотивирующим словом' — *обежать, осмотреть, ощупать* и т.д. и 'направить мимо предмета, находящегося на пути, действие, которое названо мотивирующим словом', например, *обежать, обойти, объехать* и т.д. [Ефремова 1996:304, 306].

Нас будет интересовать тот центр семантики приставки *об-*, который организован концептом круга как символа всесторонности, всеохватности, целостности, единства.

Реконструируемая таким образом семантика всеобщего, охватывающего и объединяющего всех сакрального знания прекрасно описывает древний обряд жертвенной трапезы, жертвенного пира, связанного с очень важным концептом «причащения едой» [Бенвенист 1995:66]. Ср. реконструируемую для индоевропейского праязыка семему социального термина **t'aHr^{hl}* 'ритуальные яства, преподносимые божеству и съедаемые во время праздничных церемоний' [ГамкRELИДзе, Иванов 1984:701].

О. М. Фрейденберг, специально исследовавшая роль и семантику еды в архаичных культурах, свидетельствует: «В первобытном обществе еда совершается сообща, и главарь разделяет пойманного зверя на части, которые раздает среди присутствующих. Таковы спартанские сисситии и афинские обеды в пританее: каждый получал свою долю в общественном столе, даровом, связанном с общественной должностью» [Фрейденберг 1997:59]. В православной традиции все участники обряда евхаристии причащаются «Святых Христовых Тайн». Тем самым все они как бы становятся «со-ведающими» эти тайны. Таким образом, первоначально главное в ритуале *об-веда* не еда, а при-об-щение⁴¹ сакральному знанию. Еда же и питье — лишь способ, так сказать, «техника» этого причащения.

Семантика круга, единства, всеохватности ритуального действия и передается приставкой *об-*⁴².

⁴¹ Этимологически слово *общий* содержит морфему *об-*.

⁴² Обычай пить спиртные напитки вкруговую известен у многих народов, по-видимому, имеет архаические корни. <...> Необходимость равного при-

Аналогичную внутреннюю форму О. М. Фрейденберг находит в греческих словах «δαίωμα — ‘делить на части’, ‘растерзывать’, *δαίς — ‘пир’ (где у каждого равная порция, так называемый пир в складчину» [Фрейденберг 1997:307].

Древний протославянский **ob-vъdъ* был ритуалом, привязанным к полудню — моменту наивысшего положения солнца на небе, когда оно находится в южной стороне⁴³. Об общественной значимости обрядов жертвоприношения и участия в них для членов архаичных социумов можно судить, в частности, по римским свидетельствам о религиозной практике кельтов. «Ритуал жертвоприношения обеспечивал непрерывность времени, поддерживал его естественный ход. Поэтому «отлучение от жертвоприношений», о котором писал Цезарь, воспринималось древними кельтами как тяжелейшее наказание: выброшенный из общества, такой человек терял возможность регулярно приобщаться к божественной сути и тем самым выпадал из круга времени» (выделено мной. — А.К.) [Михайлова 1997:161].

То, что *обеда* до сих пор устраиваются по любым сколь-нибудь значительным событиям в жизни коллектива или индивидуума, неопровержимо свидетельствует о том, что перед нами не просто «прием пищи между завтраком и ужином», а именно социально значимый обряд, ритуал, призванный принести благополучие тому, кто его устраивает. Этнографам хорошо известно внутреннее родство *дара* и *пира*. *Пир* (*ob-vъdъ*) как жертвоприношение был даром, приносимым богам в обмен на их благосклонность. Таким образом, современные обеда, устраиваемые в честь кого- или чего-либо, являются, по существу, «отдарком» за дары свыше.

чащения к спиртному напитку объясняется так же, как потребность делиться пищей и угощать гостей, — представление, что пища и питье исходят от родовых богов и принадлежат всему роду в целом. В более развитых культурах питье вкруговую значительно усложняется и приобретает ритуализованный характер. <...> На Руси существовавшие серебряные сосуды специально предназначались для питья вкруговую, в XII в. их называли «чарами», в XV—XVII вв. — «братинами» (выделено мной. — А.К.) [Байбурин, Топоров 1990:149].

⁴³ Ср. у О. М. Фрейденберг, отмечающей «долгие следы в последующих бытовых и богослужебных действиях еды, которые сохраняют приурочение к определенным состояниям солнца» [Фрейденберг 1997:65].

Неотлучна от *обеда* и семантика круга, формы солнца(!), как ритуально маркированной фигуры и символа жизни, единства, соборности, сопричастности.

Следы этой семантики легко просматриваются в поэзии. Например: *На обед у бригадира мы пришли ватагой всей... Трижды чарка обходила [!! — А.К.] боевых дружков-гостей*. Грибач. Рожь. *Ковши круговые, напелясь шипят На тризне печальной Олега*. Пушкин.

Диалекты знают следующие социально отмеченные значения и контексты слова *круг*: «Собрание лиц одного возраста или общественного положения для общего занятия; *Молодецкий круг* Фольк. О друзьях, товарищах жениха; *Каличий круг*. Фольк. Собрание, сходка калик; *Круг рыбаков*. Собрание рыбаков; Устар. Группа ямщиков, устанавливающая и поддерживающая определенную цену за поездку, в которой принимает участие тот, кому выпал жребий ехать; Устар. Сбор, собрание рыбаков и скупщиков рыбы; Группа работников на сенозаготовках; *Большой круг*. Устар. Одна из трех сект старообрядческого толка; *Максин круг*. Старообрядческая секта, запрещающая присутствовать на похоронах сектанта, если он принадлежал к другому «кругу»; *Малый круг*. Одна из сект старообрядческого толка; *Слабый круг*. Старообрядческая секта, снявшая все запреты; *Сидеть в кругу*. Фольк. Пьянствовать с товарищами; *С кругу спятить*. Поступить вопреки ожиданиям [не по ритуалу. — А.К.], сделать что-либо не так, как ожидали; *Сбиться с круга*. Выбиться из обычной колеи: обеднеть; *Хоровод*; *Круги девичьи*; *круги водить*; *Ходить, играть в круг (в круги́, в круга́, в кругу)*; *На кругах ходить*; *Круги заводить, делать*; *В кругу стоять*; *Пойти во круг*; *Выходить на круг*; *Идти по кругу*; О хороводах, устраиваемых в дни храмовых праздников и в троицын день; Массовое народное гулянье; танцы; В названиях игр: *Кругом*; *Кругом со столбом*; *Играть в круг*; *круг на круг*; *круг унести*» [СРНГ 15:294—296].

Социально отмечены также и значения прилагательного *круговой*: «*Круговая* пляска, *круговые* песни; *Круговая порука* — Поручительство, взаимные обязательства каждого члена данной среды, группы в отношении других; *Круговая чаша* — Устар. Чаша, подносимая поочередно каждому из гостей» [БАС-1 5:1721—1722].

Поскольку ритуал предусматривал оделение всех едой и питьем, то нарушение его воспринималось как страшное оскорбление. Ср. у А. К. Толстого: «*Но обнёс меня ты [князь Владимир] чарой В очередь*

мою. Так иди же прочь, Чубарый, Уноси Илью [Муромца]». Ср. то же в былине [Былины 1986:219—220]:

Еще втапоре Овдотье за беду стало,
За велику обиду показалося,
Пошла Овдотьа со честна пиру,
Со честна пиру да княженецкого;
И повесея идет да буйну голову,
Потопя идет да очи ясные
И во мамушку и во сыру землю.
А настречу ей Хотенушко сын Блудович,
Он и сам говорит да таково слово:
«Уж ты мать моя, мать и государыня!
Ты що идешь со честна пира невесёла,
Со честна пира да княженецкого, —
Ты повесея идешь да буйну голову,
Потопя идешь да очи ясные
И во матушку да во сыру землю?
Але место тебе было от князя не по вотчины,
Але стольники до тебя не ласковы,
Але чашники да не приятливы,
Але пивным стаканом тя обносили,
Але чары с зеленым вином да не в доход дошли?»

Значение круга, его символики, семантики, семиотики для культуры трудно переоценить. Древнейшие бытовые (чум, юрта, вигвам, иглу) и культовые постройки имеют форму круга, которую до наших дней донесли цирк и стадион.

«Храмов в религиозном значении родовая эпоха еще не знает... 'Храм' не в одном русском языке значит, как я уже говорила, 'хорома' [так! — А.К.], покой жилище, комната. Под 'храмом' понимается 'небо'. Здесь на небе (то есть под открытым небом) бог-жертва умирает и оживает на столе-высоте, под балдахином при соучастии всего племени. Но если это еще не храм, то еще и не подмостки и не простой бытовой стол, обеденный или кухонный.

Круглое широкое место, обведенное оградой, — вот мегалитический кромлех с менгирами, вот храм, подмостки, покой в их дозрелищном, добытовом, дорелигиозном виде, вот площадь и рынок в семантическом потенциале. <...>

Круговые шествия солнца осуществляются на площадях в виде качелей, этих дохрамовых «воздухов», хороводов, круговращений, кувырканий на голове. <...>

На площадях, среди жилищ богов и людей, имеется еще одна реплика все той же образности — меновая торговля. Самое главное, на что следовало бы тут обратить внимание, — это первоначальное языковое тождество ‘площади’ и ‘рынка’ (*агора* у греков, *форум* у римлян). Площадь — это круглое место, впоследствии посреди города, связанное с произнесением слов (по-гречески ‘говорить’ значит ‘площадствовать’); площадь представляет собой впоследствии народное собрание, рынок (специально со съестными припасами) и суд, но в данную эпоху его функции еще слиты с площадью. Площадь-рынок, круглое свободное место, окруженное улицами, совпадает по образной идее с «большим домом» развитой родовой эпохи, окруженным хижинами..., с атриумом..., с орхестрой будущего театра, солесей и арками будущего храма, с ареной будущего цирка. Город, храм, театр, дом — везде повторяется единый образ солнца, круглого неба, круглой земли-преисподней. <...> ...суд происходил под открытым небом и был однозначен солнцу, ...он протекал на круглой площади, в окружении соучастников» [Фрейденберг 1978:101—102].

Так фонетический процесс, вызванный законом возрастающей звучности в слоге, преобразовавший в V — VIII вв. н.э. *обвѣдъ* в *обѣдъ*, способствовал народноэтимологическому сближению *обеда* с *едой* (для чего были основания и в самом ритуале), а тем самым — и перемещению слова из сакральной сферы ритуала в профанную сферу быта. В процессе профанизации, инициированном возникшей в результате фонетического процесса (*bv > b*) омонимией корней *вѣд-* и *ѣд-*, акцент с ритуала переместился на одну из его составляющих, сделав главным не цель — *вещую* сопричастность божественной сути, а средство — саму трапезу.

Наряду со словом *обед* социальным термином являлось первоначально и слово *беседа*. На это указывают «ст.-чеш. *beseda* ж. р. ‘развлечение’, ‘рассказ’, ‘приятное общение с друзьями’, ‘пир’, ‘садовая беседка’ (ст.-чеш., Прага), в.-луж. *bjesada* ж. р. ‘беседа, общество, компания’ (Pfulil 20), польск. *biesiada* ж. р. ‘пир’ (Dorosz. I, 514), др.-русск. *beseda* ‘седалище, место сиденья’, ‘разговор в собрании’, ‘разговор с кем-нибудь’, ‘речь, слово, слова’, ‘речь, язык’ (Срезневский I, 83—84), русск. *беседа* ж. р. ‘разговор, преимущественно деловой или задушевный’, ‘собрание, общество людей’, (обл.) ‘скамейка’, диал. *беседа* ‘деревенская вечерин-

ка, посиделка' (Куликовский 4), 'вечернее собрание молодежи в доме с работой или только для увеселения', 'пирушка', 'договор между родителями жениха и невесты о браке, сговор', 'свадьба; все участники свадьбы', 'группа пожилых крестьян, собравшихся посидеть, поговорить на завалинке перед избой или на траве', 'сидение в гостях без приглашения', 'толпа, компания', 'прием', 'сиденья для ямщика в телеге', 'место для сидения', 'постройка в виде галереи, со столом и скамейками', 'общественная изба для крестьянской работы' (Филин 2, 261—263), ст.-укр. *беседа*, *бесѣда* ж. р. 'разговор', 'компанейское веселье, с угощением' (Тимченко I, 85, 87—88), укр. *бесіда* ж. р. 'разговор, беседа, речь', 'пир, пирушка', 'общество гостей' (Гринченко I, 53), диал. *бѣс'іда* 'разговор' (Чучка 309)» [ЭССЯ 1:211].

Среди данного материала позднейшим является значение 'разговор, обсуждение, обмен мнениями', более ранним — 'пир, общество гостей', а самыми близкими к исходному этимологическому значению являются значения 'садовая беседка', 'место для сидения' и 'постройка в виде галереи, со столом и скамейками'. Особенно хорошо эти значения сохранились в производном *беседка*, в котором они преобладают.

При этимологизировании большинство авторов недооценивает древности производного, как в формальном, так и в семантическом плане.

Современная форма слова образовалась в результате переразложения и переосмысления исконной формы слова, какой мы считаем слово *оби-сѣда* с даже для русского языка редкой словообразовательной моделью на *оби-*.

По этой модели образованы старославянские, церковнославянские и древнерусские слова: *обиход* 'правило, имущество', *обиходити/ь*, *обизор* 'позор, стыд, поношение, поругание, срам', *обизыръѣти* 'осматривать', *обиступити* 'осадить', *обихыщати* 'захватывать, похищать', *обиток* (*Обиточная коса* на сев.-зап. Азовского моря и река *Обыточка* в бассейне Днепра) [Фасмер III:100—101]. Этот список может быть расширен за счет диалектного материала.

Обигорить, обыгорить '1. Сделать, построить, наладить что-либо с трудом. 2. Приобрести с трудом, с горем пополам'

[СРНГ 22:282]; *Обизор* '1. Позор, стыд; бесчестие, поношение. 2. По суеверным представлениям — действие дурного глаза, порча' [СРНГ 22:61]; *Обизорить* 3. По суеверным представлениям — напускать порчу (выделено мной. — А.К.); *Обиконный* Опрятный, аккуратный [СРНГ 22:62]. Т.е. такой, как положено испокон, обиходный. Ср. *за-кон*, *конаться*, *ставить на кон*, *быть на кону* с тем же ритуально отмеченным корнем; *Обыгонка* Борозда посередине загона; *Обыгонью* Начиная или кончая посередине загона, от борозды или до борозды обыгонки (о пахоте); *Переть обыгонью*. Говорить без перерыва, не переставая [СРНГ 22:282]. В формальном отношении важна засвидетельствованность форм *обызреть* и *обызрить* «Увидать, приметить, присмотреть, облюбовать что-либо» и др. *Не обызри я детей*. Клятва отца и матери. Южн., Даль [СРНГ 22:286]. Весьма архаичным представляются слова *обысбка* 'облава' *Сделали на волков обысоку*. Смол., 1914 и *обысочник* 'тот, кто отыскивает в лесу годные на мачты деревья и ставит на них метки'. Наумов [без указ. места], 1874 [СРНГ 22:288—289].

В диалектах же находим и ритуально отмеченное значение слова *обиход*: 6. Традиция, обряд, церемония, обычай. Кубан., 1902. *Свадебный обиход. Праздничный обиход*. Холмог. Арх. [СРНГ 22:68]. Примечательно также, что наряду со словом *обиход*, в диалектах имеется и *обиходь* в одном из значений слова *обиход*: *Посудина обиходь любит*. Шадр. Перм., 1930 [СРНГ 22:70].

Этимологи практически единогласно возводят *о-* к *об-*, а последний к и.-е. **obhi-*. Валентин Кипарский рассуждает следующим образом: «Принимая во внимание, что *об* встречается преимущественно в древнейших старославянских памятниках, а *обь*, напротив, только в Супрасельской рукописи (середина XI в.) или в древнерусском языке, вряд ли могло случиться, будь *обь* исконным, чтобы уже в Зографском, Ассеманиевом и Мариинском кодексах встречались не единичные случаи, а последовательная утрата редуцированных» [Kiparsky 1975:321].

Из этого он делает вывод, что *обь-* является вторично восстановленной формой, а формы на *оби-* привнесены в русский язык украинскими писцами, как, по мнению В. Кипарского, правильно объяснил Хенинг Андерсен (Andersen 1969a, 1969b) [Kiparsky 1975:321].

Правда, не вполне ясно, как быть с тем фактом, что тексты с формами *обь-*, *объ-* и *оби-* относятся к XI—XIII векам, т.е. к более раннему времени, чем украинский язык⁴⁴.

Таким образом, «правильное» объяснение Х. Андерсена страдает анахронизмом. И это не единственный изъян объяснения В. Кипарского — Х. Андерсена. Как известно, украинский вариант приставки *оби-* соответствует русскому *обо-* < *объ-*. Например, *обозвать* (из *объзвати*) — *обізвати*. Редуцированный же приставки *ъ* проявлялся в *о* лишь в сильной позиции (перед слогом с редуцированным; см. выше). В слабой позиции редуцированный приставки утрачивался, что отражает и украинский язык: рус. *обзывать* — укр. *обзивати*. В словах *обигражати* ‘заграждать; стеснять’; *обиждание*; *обиждати*; *обизаряти*, *обисждати*, *обисжди*, *обисияти*, *обистати*, *обистояние*, *обистояти*, *обиступати*, *обиступити*, *обитеканье*, *обитекати*, *обитечи*, *обиход*, *обиходити* и множестве родственных последнему нет условий для проявления *ъ* в *о*, а следовательно, и для появления украинского *i*, поскольку во всех приведенных случаях находим *и* перед слогом с гласным полного образования.

Показательно, что А. Мейе и в голову не приходило объяснять древнерусскую форму *оби-* из украинского языка, которому еще только предстояло возникнуть [Мейе 1951:124].

Как видим, любое предположение о хронологической разновременности приставок с консонантной и вокальной финалью приводит исследователя к патовой ситуации.

Остается одно: предположить, что оба варианта существовали независимо и параллельно. Намек на такое решение имеется уже у А. Мейе: «Наряду (!! — выделено мной. — А.К.) с *о*, *об*, соответствующим лит. *ap*, *ab*, существует в действительности форма с конечным редуцированным *объ*, *объ*, соответствующая скр. *abhi* и встречающаяся в таких случаях, как ст.-слав. *объ-стояти* и *объстояти*, *объходити*, *объ-дръжати* и т.д.; именно форму *объ-* мы находим в производных типа ст.-слав. *объць* «общий» и в сложении типа *объдо* «богатство»,

⁴⁴ Ср. *объхождааше града оуча*. Мк 6, 6 Зогр Мар [СтСл:400]; с перечислением форм и текстов.

а усиленную форму *оби-* (ср. лит. *apų-*) — в др.-русск. *оби-стоупити*, *оби-сѣсти* и т.д.» [Мейе 1951:124]⁴⁵.

Поддержку позиции А. Мейе находим у Ю. Покорного. Возводя формы *обь-*, *объ-* к праформе **ebhi-*, *obhi-*, *bhi-*, он пишет: «Форма *о-*, *об-* содержит древнее **op-* (лит. *ap*), см. **epi-*» [Pokorny 1959:287].

Совершенно определено в пользу такого решения высказался О. Н. Трубачев: «В слав. реконструкциях принимали нередко обобщенную форму *obi-* (*обь-*) (см. Miklosich 219), но едва ли не с меньшим основанием восстанавливается также *об-* с чистым исходом..., а случаи на *объ-* чаще вторичны; сказанное, разумеется, не касается архаичных примеров вроде **обь-do*, к тому же реальность сложений на **obi-* (с долготой) позволяет признавать в слав. отражение двоякого **ob(i/ī)-*» [ЭССЯ 26:73].

По-видимому, и семантическую неоднородность предлога *о*, *об* и приставки *об-*, *обь-*, *оби-* можно связать с различием в происхождении. Мы имеем в виду, с одной стороны, семантику направительности-направленности, которую можно объединить вопросом «куда?», а с другой стороны, семантику круга, всестороннего охвата объекта.

Подробности фонетической трансформации *обь* > *объ* также хорошо известны: «В связи с редукцией конечного слога происходило отверждение согласного в этом слоге. Этот процесс происходил в разных славянских языках в разное время, и в доисторическое и в их истории. Так, например, было с согласным *t'* в окончании 3 л. ед. и множ. наст. вр. (*-tb*); в одних языках раньше, в других позднее происходило это отверждение. В раннее время, до IX в., произошло отвержде-

⁴⁵ Ср. лит. *api-begti* обежать, обегать; *api-bristi* обойти (обходить) вброд; *apu-garda* округ; *api-pinti* 1. оплести, оплетать; 2. опутать, опутывать; *api-plauti* ополоскать ополаскивать; обмыть, обмывать; *ap-sesti* обсесть, обседать (кого-что); сесть (садиться) вокруг (кого-чего); *ap-stoti* обступить, обступать [Косухин, Либериц 1956:29—36]. Показательно, что в литовском языке вариант *api-* выступает только в позиции перед корнем, начинающимся с *p/b-*, во избежание ассимиляции согласного приставки с согласным корня и, как следствие, омонимии с приставкой *a-*. Глагольная приставка *ap-/api-*, как правило, безударна, а ударный вариант *api-* встречается преимущественно в именах.

ние *t'* (в *-tb*) в тех группах, которые легли в основу болгарских. В связи с таким изменением произошло и изменение гласного: *tb* → *tъ*... Старославянские памятники представляют формы 3 л. ед. и множ. наст. вр. с окончанием *-tъ*: *несет*, *несатъ*, *хвалятъ*... Рано отвердел *t'* в этих формах и в тех группах, которые легли в основу западнославянских. Позднее происходило отвердение *t'* в восточнославянских. Так севернорусские памятники письменности XI—XII вв. представляют это окончание в виде *-tь*» [Селищев 1951:229].

Таким образом, несмотря на то, что древнерусские памятники моложе, они отражают более архаичное состояние, чем старославянские, а следовательно, не остается никаких оснований видеть в *оби-* украинизм.

В свою очередь, процесс отвердения совпал по времени с выравниванием всех приставок, оканчивавшихся на согласный, по образцу приставок **vъ*, *sъ*, *kъ*, утративших к тому времени конечный *n*. Выравнивание это (как и утрата конечного согласного предлогами-приставками **vъn*, *kъn*, *sъn*) было связано с действием закона возрастающей звучности в слоге. Вокализация финалей приставок, оканчивавшихся на согласный, позволяла устранить его нарушения на приставочном стыке. Таким образом, в форме *объ-* совпали ранние (протославянские) приставки из *объ-* и поздние (праславянские) из *об-*, возникшие в результате аналогического выравнивания приставок в период действия закона возрастающей звучности в слоге.

Поскольку предлог и приставку *об-* единодушно возводят к и.-е. *obhi-*, отметим, что именно *объ-* представляет собой закономерный рефлекс индоевропейской праформы. Следует принять во внимание, что в праязыке кроме *ebhi-*, *obhi-* и *bhi-* имелось также слово *epi-*, *opi-*, *pi-*; оба «частично совпадали по значению» [Рокорну 1959:323]. Принимая точку зрения Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова, согласно которой придыхательность не была фонологически значимым признаком [Гамкрелидзе, Иванов 1984], мы получаем ситуацию, при которой признак звонкости-глухости «частично» не выполняет смысловозначительной функции, а следовательно, появляется основание видеть в двух разных словах индоевропейского праязыка «частичные» варианты одного слова.

Вслед за А. Мейе, все дружно указывают на то, что в славянском *об-* совпали *ebhi-*, *obhi-*, *bhi-* и *epi-*, *opi-*, *pi-*, семантика которых со временем унифицировалась⁴⁶.

Говоря о семантике, отметим, что префиксальная семантика круга, охвата, столь важная и яркая в славянских языках, наличествует лишь в рефлексах архаичной латыни, германских и балтийских языков. Предположение же о совпадении в славянском **obi-* и-е. **obhi-* и **ambhi-* [ЭССЯ 26:73—74], несмотря на некоторые фонетические затруднения (бесследное исчезновение *m*), решает все семантические проблемы.

Таким образом, есть основания видеть в слове *беседа* искаженный вариант весьма архаичного имени **оби-сѣда*, производного от исторически засвидетельствованного глагола *обисѣсти* ‘осадить, окружить’ [СлРЯ XI—XVII 12:55]. Первоначальная семантика этого глагола хорошо сохранилась в литовском языке. Ср. *ap-sesti* ‘обсесть, обседать (кого-что); сесть (садиться) вокруг (кого-чего)’ [Косухин, Либерис 1956:34]. Древнерусские тексты дают и употребления глагола *обсѣсти*, *объсѣсти* — в том числе и с древним значением ‘сесть, расположиться вокруг’: «*Обсядутъ бо ны и друзи наши, совѣты творяще, кое убо былие ключается на оздравление наше*». Посл. Ив. Гр., 189. XVII в. ~ 1573 г. [СлРЯ XI—XVII, 12:168].

Рассмотрим возможные причины и механизм превращения *обисѣды* в *беседу*. Как известно, предлоги *вън*, *кън*, *сън* отсутствуют в старославянских памятниках: «уже задолго до IX в. произошло в славянских языковых группах обобщение этих предлогов в виде *въ*, *къ*, *съ*» [Селищев 1951:329]. Это привело к тому, что на стыке предлога и существительного возникла позиция нейтрализации, представление о которой дает строка из песни «Вдоль по Питерской»: «*Во пиру я была, во беседушке*»⁴⁷. Эта строка может с равным успехом передавать

⁴⁶ Последний по времени обзор важнейшей литературы вопроса см. у О. Н. Трубачева [ЭССЯ 26:73—74].

⁴⁷ Ср. другие позиции нейтрализации: *ω бесѣдъливѣ и глаголивѣ*. Гр. Наз. XI в. 294 [Срезневский 1:85]. Реальность нейтрализации и переразложения в данной позиции подтверждается, в частности, написанием *ω кааниі* в Зографском Евангелии на месте *о окааниі законъникъ* — в Маринском [СтСл: 408]. *Наслаждаетъ бо съ Богъ съ бесѣдованиѣмъ сватыхъ*. ПС. СIII. 34. по сп. XI в. [Срезневский 1:84].

как предположительно исконную предложно-падежную конструкцию «*въ обиседушке*», так и ее современную, полученную в результате переразложения, версию: «*во беседушке*». Поскольку главной семантикой предлога-приставки **obhi* была направительная, то, естественно, наиболее употребительным предлогом, предшествовавшим слову **обисѣда*, был именно предлог *въ* (из **ън*), что постоянно создавало условия для осмысления начального гласного как принадлежащего предлогу: **въ обисѣду*, **въ обисѣде*. Поскольку это было одно фонетическое слово, то звучало оно как [въб'э'с'ѣду], [въб'э'с'ѣд'ь]. Механизм переразложения представляется следующим: 1-й этап — соположение, приводившее к стечению двух одинаковых гласных: [въ_ѣб'э'с'ѣд'ь]⁴⁸; 2-й этап — стяжение гласных: ѣ > ѣ [въб'э'с'ѣд'ь]; 3-й этап — переразложение: осмысление *въ* как предлога, а остатка существительного *бесѣд-* (в силу неинтерпретируемости сегмента *би-/бе-* в начале русского слова) — в качестве самостоятельного корня [въ_б'э'с'ѣд'ь].

Как и в случае со словом *обед*, утрата словом внутренней формы (в данном случае — связи с глаголом *сидеть* и приставкой *оби-*) сопровождалась его переосмыслением: на первое место вышел наиболее актуальный в новое время и в новой ситуации аспект ритуала — ‘разговор, обмен мнениями’. Многообразие семантики указывает, что ведущими могли представляться и другие аспекты ситуации: ‘пир’, ‘развлечение’, ‘компанейское веселье с угощением’, ‘вечернее собрание’ и т.д. [ЭССЯ 1:211].

⁴⁸ Ср. в древнерусском: *Брате аще кде боудоу изъгроубил или оу тоузь или въ печали. или въ бесѣдѣ коли съ другом. а вы Бога дѣла исправляюще чтѣте*. Ев. 1307 г. зап. (Срезневский, 1, 83—84); *трезвѣща не въ многословии. и глаумѣща. другъ друга оуничтожающе. въ бесѣдахъ и в смѣхъ*. ПНЧ 1296, 128 об.; *до поздн(а)го сидѣши в бесѣдѣ всѣхъ преосужая*. ЗЦ к. XIV, 1166 [СлРЯ XI—XIV, I:155—156]. Ср. более поздние примеры употребления слова *беседа* с предлогом *въ*, который после переразложения закономерно утратил редуцированный гласный *ѣ* в слабой позиции: *Там сошедшись на праздничное пириество градоначальники и граждане в любовной бесѣдѣ воспоминают труды Петровы*. Лом. СС I 188. *Когда присутствующие в бесѣдѣ развѣзжаться стали, тогда чрез служителя дала мнѣ знать, что желает на ѣдине говорить со мною*. Маркиз V 13. *Я всечасно в бесѣдѣхъ набожных людей находилъся*. Маркиз I 112. *Манштейн занимался в ученых тогда заведенных бесѣдахъ*. РМ I 301 [СлРЯ XVIII, 1:206—207].

Если во втором предупредном слоге происходила нейтрализация оппозиции *ъ:о*, то в первом предупредном — оппозиции *и:е*. Написания *обѣ-* наряду с *оби-*⁴⁹ свидетельствуют о том, что имела место также фонетическая нейтрализация оппозиции *и:ѣ*. Показательно также наличие вариантов *обсѣсти* — *обьсѣсти* — *обисѣсти*; *обсияти* — *обьсияти* — *обисияти*; *обступити* — *обьступити* — *обиступити*; *обстояти* — *обьстояти* — *обистояти* в древнерусских текстах [СлРЯ XI—XVII, 12].

Двойственность семантики приставки *оби-/об-* проявляется в оппозиции: ‘замкнутый круг’ ↔ ‘разомкнутый круг’. Замкнутый круг является символом целостности, единства, абсолюта, а разомкнутый круг утрачивает все эти свойства, вступая в невыгодную для себя оппозицию с прямой линией. В итоге две оппозиции, имеющие общий член, составляют триаду: ‘замкнутый круг’ ↔ ‘разомкнутый круг’ = ‘кривая’ ↔ ‘прямая’. С аксиологической точки зрения эта триада имеет вид «[+] ↔ [–] ↔ [+]»: крайние члены триады составляют позитивные ценностные концепты, а средний — негативные.

К первой из оппозиций приставочных значений восходят такие оппозиции глагольных ЛСВ, как *обойти всех (каждого)* ↔ *обойти (миновать) кого-л. одного, обнести всех (каждого)* ↔ *обнести (миновать) кого-л. одного*.

К семантике ‘разомкнутого круга’ = ‘кривой’ как раз и восходит значение приставки *об-* ‘миновать кого-что-л. по окружности, по кривой’⁵⁰.

Именно это значение и позволяет объяснить происхождение глагола *обидеть* (<*об-видеть*>), неочевидность связи значения которого со значением глагола *видеть* ставила в тупик А. Г. Пре-

⁴⁹ *Обистояние* ↔ *обѣстояние* [СлРЯ XI—XVII, 12:55].

⁵⁰ Ср. у З. Д. Поповой и Г. А. Волохиной: «Пространственная сема Д1 приставки *об-* может быть определена как «окончание перемещения субъекта/объекта по окружности относительно пространственного ориентира». Окружность может быть замкнутая и незамкнутая» [Волохина, Попова 1993:106]. «Обнаруживаются в связанных основах такие семы приставки *об-*, которые в свободном употреблении не отмечены: <...> «обойти стороной» в статусе К1 может быть обозначено как «причинить ущерб другому или себе, т.е. ошибиться»: *обделить ролью, обсчитать покупателя, обознаться, ослышаться, ослушаться, оговориться, обыграть в карты, обхитрить, оступиться*» [Волохина, Попова 1993:109].

ображенского [1914:627], да и по сей день не имеет внятного объяснения в этимологических словарях.

Речь идет о ситуации, по существу, хорошо нам известной: «В одно собрание Он едет; лишь вошел... ему Она навстречу. Как сурова! Его не видят, с ним ни слова; У! как теперь окружена Крещенским холодом она!» (Пушкин, Евгений Онегин, гл. VIII, XXXIII). Всё дело в том, что Онегина намеренно, демонстративно не видят, потому что обходят, минуют взглядом. Когда тебя нарочно не замечают, это, действительно, обидно, поэтому развитие значения 'обидеть' из значения 'обойти видением' представляется вполне прозрачным (ср. [Цейтлин 1996:87]).

Обизор 'позор, стыд, поношение, поругание, срам' — производное от глагола *обизрети*, как и *позор*, при котором виновник «выставляется на позор», т.е. на всеобщее обозрение и поругание (ср. современный армейский ритуал разжалования перед строем или гражданской казни в России XIX в.), принципиально отличается от *обиды*. Тут тебя не обходят вниманием, а напротив — за какую-то провинность помещают в центр всеобщего внимания, что не обидно, а позорно.

Тем самым есть основание для соотнесения первоначального значения приставки *об-* с семантикой разомкнутого круга (на это указывает и семантика слов *озор* из *об-зорь*, *озорной*, *озорник*, тот, кто *озирается*, *осматривается*, *оглядывается*⁵¹, собираясь сделать нечто опасное, предосудительное)⁵², а приставки *оби-* (*обь-*) с семантикой замкнутого круга.

Что касается семантики глаголов *зазирать*, *завидовать* и их производных (*ззорный*, *зависть*), то семантика приставки *за-* в качестве одного из вариантов прямого значения предполагает направленность действия внутрь пространственного ориентира, мыслимого как замкнутое пространство (Волохина, Попова 1993:56—57, 59). Сле-

⁵¹ Ср. свидетельство исследователей семантики глагольных приставок в современном русском языке: «Приставка *об-*, очень древняя и фонетически сильно разрушенная, входит в большое число связанных основ, сохраняя в них свои семы: <...> «полуокружность, по дуге»: ... *оглянуться*» [Волохина, Попова 1993:108].

⁵² Отражение этого значения приставки (семантики разомкнутого круга) можно видеть в ворон., донск. *обеды* 'движение воздуха в жаркий полдень, маревы' [СРНГ 22:26] — то, что заставляється об-ведаться, обознаться, ошнбиться в восприятии или интерпретации видимого.

дует уточнить — речь идет о том, пространстве, вне которого находится субъект действия, т.е. о «чужом» для него пространстве. Таким образом, *зависть* — это постоянное смотрение на «других», постоянное сравнение себя с другими, проистекающее из того, что человек «считает себя обделенным в каком-либо отношении». Если человек так не считает (не завидует), он интересуется своими, а не чужими делами, *присматривает, приглядывает, призирает* за своим, держит под *присмотром, приглядом, призором* своё, а не за чужое.

Рассмотрим теперь семантику слов *оби-сести*, **оби-седа* и попробуем разобраться, почему «сесть кругом, вокруг чего-либо» первоначально имело сакрально-ритуальный смысл. Для этого необходимо доказать, что *круг* и *сидение* были ритуально маркированы, отягощены сакральной символикой. Поскольку относительно концепта «круг» это уже установлено, обратимся к анализу концепта «сидеть».

Начнем с того, что язык, особенно в своих истоках, построен на бинарных оппозициях. Это справедливо и относительно глаголов положения в пространстве. Для обозначения положения в пространстве предметов и живых существ, как правило, используются два глагола. Один из них обозначает нормальное (а значит — немаркированное) положение предмета или существа в пространстве, а другой — аномальное и маркированное. Например, *стакан, бочка, стул, автомобиль, жито, подсолнух, дерево, животное, человек* может *стоять* (норма) или *лежать* (аномалия). *Корова, лошадь пала* — «умерла»; *человек пал* — «погиб», *слёг* — «заболел», и напротив, *на ногах* — «жив, здоров». Ничего не меняет и употребление глагола *сидеть* для обозначения нормального положения в пространстве: *воробей, пчела, муха, комар сидят* (норма) или *лежат* (аномалия); *морковь сидит в земле* (норма) или *лежит на земле* (аномалия); ничего не меняется и с появлением в оппозиции глагола *висеть*: *яблоко, груша, шишка, вишня, слива висит* (норма) или *лежит* (аномалия) — пара «норма ↔ аномалия» остается неизменной. Тюркские языки вообще имеют исконно специализированные корни для выражения только двух положений в пространстве — нормального и аномального.

Таким образом, столь привычная нам триада *стоять* ↔ *сидеть* ↔ *лежать* отнюдь не является чем-то само собой разумеющимся, а напротив, заслуживает всяческого удивления. Начнем с того, что круг субъектов, способных занимать все три положения, весьма узок: человек и человекоподобные (обезьяны, медведи) или очеловеченные (одомашненные) животные.

Обратим внимание и на другое: наиболее древней семантикой глагола *сидеть* является отнюдь не 'занимать определенное положение в пространстве', а 'покоиться, находиться в одном месте' в отличие от 'двигаться, перемещаться, менять место пребывания и обитания'. Это древнее значение хорошо сохранилось в семантике прилагательного *оседлый* и глагола *осесть* в противоположность прилагательному *кочевой* и глаголу *кочевать*, как частному случаю движения. *Сидеть* первоначально входило в оппозицию «перемещаться ↔ покоиться; двигаться ↔ не двигаться» и обозначало именно неподвижность. В свете этой оппозиции вполне понятно, почему птицы и летучие насекомые *сидят*: они либо 'двигаются' (*летают*), либо 'покоются, не летают' (*сидят*)⁵³.

Показательно, что даже те птицы, которые не *сидят*, а *стоят* (как, например, *цапля*), всё же *сидятся* на землю, а не *становятся* или *останавливаются*. Между *стать* и *сесть*, в равной мере противопоставленных как статальные глаголы глаголам динамическим, налицо противопоставление по признаку 'временный (*стать*) ↔ окончательный (*сесть*) перерыв в движении'. И то, что птица, *сев*, может снова взлететь, ничего не меняет: это будет уже новый полет. Точно так же и люди, *о-сев*, *по-селившись* в одном месте, могут *пере-селиться* в другое — и это будет уже не *по-*, а *пере-селение*.

Подтверждения значения неподвижности у слов с корнем *сѣд-/сид-* находим в чешск. *sidlo* 'местонахождение, сидение' [Фасмер III:596], в русских словосочетаниях *сидеть без дела*; *сидеть, сложа руки* 'бездействовать', в семантике самого глагола *сидеть*: «Находиться в **неподвижном** [!! — А.К.] положе-

⁵³ Ср. «Птица (ворона, пчела ...) **сидит** где-л. — птица, пчела и т.п. находится на каком-л. месте, поверхности, не передвигаясь, не перемещаясь» (выделено мной. — А.К.) [СлСочСРЯ 1983:505].

нии, при котором туловище опирается на что-л. нижней своей частью, а ноги согнуты или вытянуты; **находиться где-л.**, занимая место для сидения. 3. **находиться, пребывать где-л.**, проводить время где-л.; **находиться, пребывать** в каком-л. состоянии» (выделено мной. — А.К.) [РЯСС:505].

Не менее красноречивы и показания латинского языка: лат. *sedeo* '1) сидеть, восседать; 3) оставаться, находиться; сидеть без дела; (замкнуто) жить, пребывать; воен. стоять; 8) оседать, садиться, опускаться; 10) утихать, улечься' [Дворецкий 1976:912—913]; *sedus* 1) сиденье, седалище, кресло; 2) место жительства, жилище, обиталище, местопребывание; местонахождение; 3) место отдохновения; место успокоения; 4) почва, основание, устой; 5) *pitop.* остановка (во фразе), пауза [Дворецкий 1976:913].

В старославянском языке *сѣсти* означает не только 'сесть', но и 'взойти на престол', а также 'осесть, поселиться' [СтСл: 678]. Соответственно глагол *сѣдѣти* означает не только 'сидеть', но и 'править, сидеть (на престоле)', а также 'находиться, пребывать, жить' [СтСл:678].

Итак, первоначальное значение глагола *сидеть* 'не двигаться; пребывать в неподвижности' мы выявили. Теперь обратим внимание на то, как этот глагол вошел в отношения с глаголами положения в пространстве. Очень важным оказывается его промежуточная, срединная, медиальная роль между нормальным (*стоять*) и аномальным (*лежать*) положением человека в пространстве. Срединное положение является в культуре отмеченным положением. Главный герой мифов и сказок — медиатор, посредник между мирами.

О. М. Фрейденберг отмечает «священный характер акта сиденья» и его семантику как «преодоление смерти», «сидящий» аналогичен богу, 'сиденье' — это тот же стол типа ложа, «вместилище божества или человека». Вспомним древние ритуалы — *сидят цари*, а подданные *стоят* (или простираются ниц) перед ними. Вспомним колоссальные каменные изваяния сидящих египетских (божественных и обожествляемых) фараонов⁵⁴.

⁵⁴ «Когда мы говорим о сиденье, нам кажется, что это искони предназначенный для своей цели предмет; когда же мы видим, лингвистически и

В этом свете предстает совершенно очевидным, что **обисѣда* так же, как и *об-вѣдь*, была ритуалом жертвоприношения, который сопровождался трапезой, возлияниями, песнями, плясками. *Обисѣда* была одновременно и храмом, и общественным собранием, и судом.

«Стол — сперва камень, дерево или просто насыпь; на нем едят еду не потому, что он искони создан для этого; первоначально вещь ничего не означает и могла бы вовсе и не бытовать; но стол — божество, стол — небо-земля, позднее — местопребывание божества; стол имеет свой культ, и ему воздаются божеские почести. Так же священен и алтарь (жертвенник), его позднейшая разновидность, выполняющая функции священной плиты; жертвенник, алтарь, стол — варианты божества. Пребывание на столе означает обожествление, победу жизни над смертью... Со столом как с победой над смертью связывается и представление о власти; так носитель божественной идеи, царь или князь, получает власть в акте сидения на столе. Как небо, стол — святыня храма, святая святых, престол, где совершается евхаристия и где лежит божество в виде вина и хлеба» [Фрейденберг 1997:184].

Ср. также продолжение этого явления культуры в средневековье: «Пир, празднество, на значение которого указывают Мосс и другие этнологи, играл, как видим, огромную роль и в жизни средневековых скандинавов.

Пиршественная горница была центром дома знатного человека. Пир и тинг — важнейшие узлы социальной жизни германской знати, из которых первый едва ли не был главным. Особое значение

культуво, что сиденье неотделимо от понятий стола и шкафа, нам приходится изменять взгляд на его семантику. Сиденье — такое же вместилище божества, как ниша и эдикула: это такое углубленное место, та же яма в дереве или в камне, полуприкрытое, на столбах или колоннах, что в эдикуле и нише; скамейка, тот же дубликат стула, стоит в ногах в виде ступени. Итак 'сиденье' — это тот же стол типа ложа, если и в ложе и в стуле мы имеем полуприкрытое вместилище божества или человека. Особенно нагляден этот образ в 'троне', сиденье на возвышении, со скамейкой в виде ступени, переходящем в кафедру позднейшего значения. Священный характер акта сиденья и его семантика преодоления смерти обнаруживается в том, что при посвящении в мистерии одним из его основных моментов было действие сажания посвящаемого на особый стул; сажали его в определенной позе, покрывали голову материей и над ней поднимали священную корзину с плодами и фаллом. ...вспомним, что ниша была обычным местопребыванием бога, статуарно изображенного, — и нам станет ясна аналогия 'сидящего' с 'богом'» [Фрейденберг 1997:186—187].

пира в жизни скандинавов подчеркивается и в постановлении «Законов Фростатинга», гласящем: «В трех местах — в церкви, на тинге и на пиру — все люди одинаково должны пользоваться неприкосновенностью». Пир оказывается здесь в одном ряду с двумя другими важнейшими центрами социального общения, причем с такими, как церковь — место общения с богом и тинг — орган поддержания правопорядка и осуществления правосудия.

Пиры, празднества, обмен дарами в варварском обществе — неотъемлемая часть системы общественной коммуникации. Все эти акты носили подчеркнуто, демонстративно формальный характер, регламентируя поведение человека в обществе. При посредстве этих актов утверждалось и в наглядной форме реализовалось социально-психологическое единство общественных коллективов» [Гуревич 1970:77–78, 82].

«Управление племенем или союзом племен — конунги, ярлы — осуществляли во время поездок по подчиненной им области и участвуя в пирах, которые устраивали для них местные жители. На пирах обсуждались все дела, совершались жертвоприношения и возлияния в честь языческих богов.

Исландские саги подробно описывают эти пиры. В больших пиришественных горницах норвежских конунгов собирались их приближенные и наиболее влиятельные из бондов. Хозяин восседал на возвышении, во главе трапезы; хозяйское сиденье опиралось на деревянные столбы, украшенные резными изображениями языческих богов, под защитой которых находился дом. По стенам на скамьях сидели гости и приближенные. В центре горницы горел очаг. Пир длился по многу часов, а то и несколько дней. На пиру конунг узнавал все местные новости, принимал решения, отдавал приказания. Восседая на почетном сиденье, государь раздавал свои милости дружинникам и союзникам, даровал кольца и оружие, разрешал конфликты и определял виры» [Гуревич 1984:240]. Хотя данная характеристика формально относится не к славянам, она отражает общую для индоевропейских народов культурную традицию, как о том свидетельствуют, в частности, русские былины [Липец, 1969].

Подведем предварительные итоги. Мы обнаружили два древних славянских ритуальных термина, в равной мере входящих к обряду жертвоприношения: **об-вѣдь* и **оби-сѣда*. Оба ритуала связаны с семантикой и символикой замкнутого круга как сакральной, магической, ритуально отмеченной

фигуры. Наличие этой семантики и символики в других древних культурных терминах (*об-вѣтъ*, *об-рок*, *об-ряд*, *об-мен*, *об-ман*, *об-вида*, *оби-зор*, *хоровод*) свидетельствует о той важной роли, которую играл круг в культуре и ритуалах древних славян.

Оба термина, хотя и по-своему, обозначают ту же реальность, которую обозначает и еще один древний культурный термин — *пир*. Поскольку наука знает ритуалы, состоявшие в жертвенных возлияниях в честь богов, то предположение Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова о том, что первоначально корень **p^hloH(i)*- означал не просто ‘пить’, а ‘пить опьяняющие напитки’ [Гамкрелидзе, Иванов II:702—803], кстати, наиболее уместные в магическом ритуале, представляется вполне оправданным⁵⁵. На это указывает и слово *пиво*, обозначающее хмельной напиток, и однокоренное ему слово *пир*, обозначавшее, таким образом, ритуал, главной частью которого было жертвенное возлияние⁵⁶.

Следовательно, в обиходе древних славян различались как минимум два ритуала: полуденный (и летний) — **обвѣдъ*, вечерне-ночной (и осенне-зимний) — **оби-сѣда*⁵⁷. Учитывая весьма архаичную форму существительного *пир* и то, что

⁵⁵ Ср. диалектное **Пиры** пить. Пировать. *Отдали дочку замуж, пиры пьют, гуляют*, Казаки-некрасовцы, 1969 [СРНГ 27:38].

⁵⁶ «Самый яркий пример — это Дионис, бог лозы и виноградного сока, соединяющийся в таинствах с женой архонта-царя, и Зевс Сотер, бог-вино, связанный с трапезой, призываемый перед браком. В отличие от антропоморфного Диониса, Зевс Сотер сохраняет природу вина как напитка и является его именем, его персонификацией; однако имя-то это Сотер, значит, «спаситель». Сочетание образов вина, брака и спасения далеко, конечно, не случайно. Вино — позднейшая стадияльная замена крови, и крови разрываемого на части тотема — жертвенного животного; как эта ‘кровь’, имеющая евхаристическое значение, связана с образом исчезновения-появления, смерти-жизни, так и ‘вино’ сохраняет значение смерти-воскресения и смерти-рождения. Земледельческий эквивалент крови, ‘вино’ означает в фольклоре плодородие, избавление от смерти, производительность. Питье крови — древнейший акт спасения и исцеления, и вино, становясь на его место, вбирает в себя его семантику, лишь обновленную тем, что ‘спасение’ и ‘исцеление’ уже носят земледельческий характер, характер оплодотворения и рождения» [Фрейденберг 1997:76—77].

⁵⁷ Ср. у В. И. Даля: «Бесѣда — Собрание, общество, **кружок** [?! — А.К.], сход или съезд для беседования; праздничные вечерние собрания у крестьян: **Бесѣдка**, **бесѣдки**, **бесѣдушка**: вечеринка, вечерница, вечорки; светки; сбор

оно сохранилось лишь в южнославянских языках (в русском — из старо- и церковнославянского), а также принимая во внимание регулярное соседство *пир* и *беседы*⁵⁸ (которая представлена во всех славянских языках), можно предположить, что в севернославянских языках архаичный термин *пир* был вытеснен относительно более новым термином **оби-сѣда*.

В. Н. Топоров [1996:7—89], справедливо отмечая системные связи глаголов положения в пространстве с глаголами движения и друг с другом, на наш взгляд, чрезмерно акцентирует фазу вхождения в вертикальное положение (**въz-stati*) в ущерб фазе движения (например, хождения), которая предшествует фазе неподвижности в том же самом положении (стояния). Такое смещение акцентов вполне понятно и уместно при исследовании «сверхэмпирического» смысла глагола *стоять*, но приводит к искажению общей картины (в том числе и для мифопоэтического сознания) при расширении круга исследования. Поскольку безусловной нормой жизни является движение, а безусловной аномалией — неподвижность, стояние, действительно, предстает как культурно отмеченное парадоксальное состояние — как аномалия (непод-

девок с веретеном и куделью в один дом, обычно в круговую, на всю ночь; сходбища осенние и зимние, взамен летних хороводов, начиная от конца уборки хлеба, когда уже жгут по избам огонь... На *беседки* приходят и парни, лапти плесть, а больше дурить, и поются безумолчно песни; замужним и женатым обычно тут не место. Потчиванья не бывает... *Беседками* наз. и праздничные зимние сборища, о святках» [Даль].

⁵⁸ «Как при пире, при беседе — много друзей; как при горе, при кручине — нет никого» [Даль 3:283]; «В<опрос>. Чему должен научиться служай трапезь? О<твет>... Съ бесѣдники, или пиршебники в бесѣду не влятися. «Гражд. об. дет., 44. XVII в. [СлРЯ XI—XVII, 15:50]; архимандриту въ кельѣ бесѣды не дѣлати, и пировъ не чинити... АЮБ III, 27. 1584 г. [СлРЯ XI—XVII, 1:149]; Пир-беседушка, пир-беседа. Дорога, сударь да хозяин, Пир-беседа со гостями. Ветл. Костром., Истомин, Пир-беседушка стоит. Идет пир, застолье. У батюшки пир-беседушка стоит, все друзья-братья по лавочкам сидят. Казаки-некрасовцы, 1969. Собрать, созвать пир-беседушку; собраться пир-беседушке. Устроить пир, застолье; собраться на пир, на застолье. Соберу, созову пир-беседушку. Терск., Пск. [СРНГ 27:38]; При том пиру, при беседушке Тут сидел да посидел Добрынюшка [Былины, 1986:102]; Юношѣ красну идущу на пир бесѣдовати, сице рече <Диоген>: узриши яко безобразен оттуду возвратишися. Апофегм. 33 [СлРЯ XVIII, 1:207].

вижность) в норме (стоянии). Прими исследователь во внимание это соображение, может быть, ему не потребовалось бы возвышать ритуальную значимость «стояния» за счет в значительно большей степени аномального и маркированного «сидения», что прекрасно показано самим же исследователем (см. ниже).

Замечание В. Н. Топорова о большом богатстве аномальных членов оппозиции безусловно справедливо именно потому, что в языке (и вообще — в культуре) в маркировании нуждается — и всегда маркируется (!) — именно аномалия, а маркирование — это всегда дополнительная (по сравнению с нормой) информация.

Далее В. Н. Топоров пишет: «Действие «сидение» промежуточно-связующего характера между двумя «абсолютными» крайностями, выражающимися в соответствующих им положениях-позах, — стоянием и лежанием, исключительной вертикальностью и исключительной горизонтальностью. Сидение предполагает или одну вертикаль (туловище и голова, например, в ситуации сидения на земле) или две вертикали (туловище и голова, ноги ниже колен, например, в ситуации сидения на стуле), соединенные горизонталью (опора верхней части тела при сидении), и, следовательно, оно в одном отношении разделяет общие черты со стоянием, в другом — с лежанием. Исключительность «сидения», отличающая его и от «стояния» и от «лежания», состоит в том, что оно ориентировано прежде всего на человека, в гораздо меньшей мере на животных (достаточно крупных обычно и относящихся к млекопитающим, а из мелких — к птицам)⁵⁹ и вовсе не свойственно ни вещам (если только это не «игрушечное» изображение человека и животных), ни объектам неживой (включая сюда и растения) природы, хотя они могут кодироваться (в разгадке) через мотив «сидения» [Топоров 1996:49].

Тут исследователь, справедливо отметив вхождение «сидения» в оппозицию «движение — неподвижность», не отрицает

⁵⁹ «Впрочем, следует вспомнить об употреблении глагола «сесть», «садиться» в значении 'приземлиться', 'найти точку опоры после полета'. Ср. *Черен, да не бык, шесть ног без копыт, летит — воет, а сядет... землю роет. — Жук* (№ 731), ср. №№736, 741, 749...» [Топоров 1996:84].

использования глагола *сидеть* применительно в предметам и растениям (ибо тут же приводит примеры: *плеть гороха, капуста, лук, морковь, редька (в земле), сучки (в бревнах), очки (на носу), помело (на палке)* — «сидят», и это их нормальное положение), а подчеркивает, что *сидят* они не так, как люди, что лишь людям и человекоподобным свойственна триада положений в пространстве.

В свете сказанного представляется небесспорным разделяемое В. Н. Топоровым мнение о том, что первоначально индоевропейский корень **sed-* обозначал перемещение в сидячем положении, т.е. верхом или в повозке, на носилках...⁶⁰

Первоначально данный корень мог обозначать только окончательное прекращение движения (по горизонтали — ср. *осадить коня*), связанное с понижением в пространстве. Поэтому понятна аналогия между прекращением движения птицы, которая, садясь, снижается, и прекращением пути всадника или возницы, которые, переходя к оседлому образу жизни, спешиваются, т.е. в известном смысле также снижаются.

Именно в наличии концепта «снижения, понижения» («сверху вниз») можно видеть ритуальную «слабость» концепта «сидения» по сравнению с концептом «стояния». Но ритуальная «приниженность» «сидения» компенсируется тем, что в «сидячих» ритуалах также имеется концепт «снизу вверх»: их участники не сидят, а «*воз-седают, пред-седают*», а перед этим «восходят» на специально предназначенные для них возвышения (стол, пре-стол, трон, кафедру и т.д.).

Впрочем, ритуальной значимости «сидения» не отрицает и В. Н. Топоров, говоря о кинемах «ложения-лежания» (горизонтальное положение, низ) и «сажания-сидения» (горизонтально-вертикальное положение, ни верх, ни низ) как «отчасти также ритуализуемых» [Топоров 1996:33].

Если принять во внимание реконструируемое для древних индоевропейцев «проецирование отношений между 'свободным' и 'несвободным' на отношения между 'богом' и 'чело-

⁶⁰ «С основанием полагают, что исконно **sed-* могло обозначать передвижение путника в сидячем положении» [Топоров 1996:84].

веком' и представление о 'человеке' как 'несвободном' по отношению к 'богу'» [Гамкрелидзе, Иванов II:440, 480]⁶¹, то зная, что «человек» стоит перед «богами» и сидит перед «несвободными» по отношению к нему людьми, нельзя не согласиться с О. М. Фрейденберг в том, что «сидящий аналогичен богу», а «сидение» — это божественная поза, «сильная» в ситуации одновременного сидения и стояния участников ритуала: стоит — проситель, сидит — даритель, податель благ. Таким образом, в ритуале магично само «вз-ставание — воз-стание» обращающегося к богам, как кинема, свидетельствующая о направленности, так сказать, «устремленности» ритуала, а стояние, обладая необходимой для ритуальной позы амбивалентностью (*аномальная*, ибо неподвижная, *нормальность*, ибо стояние), кроме того, является позой просящего: жрец в ритуале *стоит* не потому, что это самая «сильная» поза, как полагает В. Н. Топоров, а потому, что он верит в то, что боги, которых он молит о ниспослании благ, в этот момент внимают ему *сидя* на своем небесном *престоле* ⁶².

⁶¹ Ср. также реконструируемый там же термин для обозначения 'зависимых' по отношению к 'свободным', состоящий из сочетания преверба **up^hlo-* 'под' с глаголом **st^hl* — 'стоять': «др.-инд. *Ṛpa-si-* 'подчиненный', 'слуга'..., ср. *upasth^hnam* 'служба', отождествляемое со ср.-ирл. *foss* 'слуга', валл., брет. *gwaz*, корн. *guas* (отсюда средневеково-латинское заимствование *vassus*, *vassalus* 'вассал'» [Гамкрелидзе, Иванов II:480]. Ср. в санскрите: преверб *upa* в сочетании с глаголами имеет значение «к, ближе к», а в сочетании с именами имеет специфическое дополнительное значение «под-, второстепенный» [Зализняк 1996:925—926]. Учитывая этимологическое тождество санскритского *upo-* [Рокоту I:1106—1107] с лат. *sub-* 'под; близ, у, к, при, до: под властью, в царствование' [Дворецкий 1976:960—961]. Семантика данного индоевропейского термина как бы специально собрала все значения, входящие в ситуацию эмпирического и сверхэмпирического стояния во время магического ритуала. Тут одновременно и подчиненное положение стоящего, и его приближенность и устремленность к подателю благ как кудесника, «любимца богов», посредника между ними и людьми, а также — главное и очень важное для концепции В. Н. Топорова — «тайное, незаметное, постепенное действие».

⁶² Лицо с **высоким** социальным (ритуальным) статусом должно было **сидеть**, а с **низким** — **стоять**. Социальная значимость этих поз возвращает нас к фигуре священного царя. <> Неподвижность и должна была символизировать **устойчивость как незыблемость** царской власти, так и самого государства. Этим требованиям соответствовала **поза сидения**, в то время как **положение стоя ассоциировалось с неустойчивой зыбкостью и неопределенностью** статуса человека [Байбурин, Топоров 1990:72].

Следовательно, *беседа* является несомненным первоначальным именовани­ем архаичного ритуала, маркированным самой сильной⁶³ и самой амбивалентной⁶⁴ из человеческих поз — позой сидения.

Таким образом, *об-вѣдъ* и *оби-сѣда* (обозначающие два архаичных и почти тождественных по содержанию ритуала с круговым размещением его участников и с застольем-жертвоприношением богам, обеспечивающим единение социума, причащение его членов кругу времен через совместное вкушение пищи) находятся в отношении дополнительного распределения, будучи противопоставлены по следующим оппозициям: ‘подвижность’ (*обед*) ↔ ‘неподвижность’ (*беседа*); ‘под богом, вне дома’ (*обед*) ↔ ‘под крышей, в доме’ (*беседа*); ‘юг’ (*обед*) ↔ ‘север’ (*беседа*); ‘солнце’ (*обед*) ↔ ‘луна’ (*беседа*); ‘полдень’ (*обед*) ↔ ‘полночь’ (*беседа*); ‘лето’ (*обед*) ↔ ‘зима’ (*беседа*), ‘молчание’ (*обед*) ↔ ‘речь’ (*беседа*); ‘сдержанность’ (*обед*) ↔ ‘веселье’ (*беседа*); ‘еда’ (*обед*) ↔ ‘питье’ (*беседа*); ‘слабая (стоя)’⁶⁵

⁶³ Стандартная и до сих пор нормативная поза сидения у европейцев — на подставке (сидении), с опущенными ногами. Это **очень архаичная поза первоначально сакрального характера**. Для ее семантики важны следующие детали. Прежде всего, в ней акцентируется противопоставление верх — низ. **Сидеть** на возвышении — **привилегия божества** или его земного заместителя (**царя**) [Байбурин, Топорков 1990:72—73].

⁶⁴ Важно и другое: само сидение трона нередко представляло собой углубление, вместилище для божества или человека. Такое несколько **парадоксальное соединение возвышения и углубления** имело символический смысл. Именно здесь находится **начало всех начал, но здесь же и конец: жизнь переходит в смерть** и в их чередовании кроется высший смысл и порядок. <...> Другая важная особенность этой позы заключается в том, что туловище и ноги сохраняют вертикальное положение. Подошвы, как им и положено, ориентированы к земле. Это поза, в которой столь существенная для архаического сознания связь с землей не только не прерывается, но и подчеркивается. Другими словами, при всей искусственности это одна из наиболее естественных поз сидения, ближайшая к положению стоя и вместе с тем **обладающая несравненно большей устойчивостью**. Она как бы сочетает в себе покой и вертикальное положение [Байбурин, Топорков 1990:73].

⁶⁵ Ср. обряд евхаристии, совершаемый стоя. «У многих древних народов поза «стоя» считалась молитвенной. Так молились, например, древние иудеи (Марк, XI, 25). Обычай молиться стоя сохранился в православной церкви <...> ...в ритуализованных ситуациях адресатом вставания/стояния была либо сакральная, либо социальная величина. В этикете эта поза адресуется партнеру по общению, который как бы приравнивается к «первоначальным»

позиция участников' (*обед*) ↔ 'сильная (сидя) позиция участников' (*беседа*)⁶⁶.

Первоначально ни еда (*обед*), ни речь (*беседа*) не составляли главного содержания ритуала, хотя и являлись его неотъемлемыми составляющими.

Этимология существительных *обечайка*, *обечка*, *обечье* 'обод, обруч'

Обечайка {об-вѣк=ѣй=ѣк_a} 'обод сита, лукошка, решета и т.п.' — явно диалектное слово — неотделимо от родственных ему *обечек*, *обечка*, *обечко* 'то же' и *обечье* 'обручи верши, на которые натягивается сеть' [СРНГ 22:40—41]. Пример уточняет дефиницию словаря: «*обечье* — обруч такой в вершах, на решетках». Пинеж. Арх., 1971 [СРНГ 22:41]. Сюда же слово *обец* (в *обец* — 'в обхват (о толщине дерева)'. Пск. Черныш., 1927 [СРНГ 22:40]). Параллельно диалекты дают формы, в которых приставка *объ-* имеет более позднюю вокалическую финаль и в силу этого не искажает формы корня: *обвечая* 'загородка вокруг жернова, чтобы не рассыпалась мука' [СРНГ 21:360] наряду с *обечье*, *обвечка* 'ободок' наряду с *обечка* 'обод', а также наряду с *обечко* 'обод' — *обвечко* 'ободок'. Последние два слова сохраняют и внутреннюю форму (в частности, деминутивную семантику суффикса -ѣк), указывая на производящее **обечь* (ср. *обец* < *обвец* [ц] вместо ожидаемого [ч] отражает псковское цоканье).

Ключ к этимологии всех перечисленных слов содержится в примере, сопровождающем слово *обвечко* — «*заплечник закрывают веком, веко надевают на обвечко заплечника*». Пинеж. Арх., 1974. Ср. также «*наверху-то у заплечника деревянна обвечка из осины*. Пинеж., Арх., 1974» [СРНГ 21:360]. В свою

адресатам. Именно на этой аналогии основан эффект почтения, присущий позе «стоя» [Байбурин, Топорков 1990:77].

⁶⁶ Эту оппозицию можно связать с предыдущими: стоя летом в полдень под открытым небом, земледельцы смиренно в благоговейном молчании молили высшие силы об урожае, а зимними вечерами, сидя в своем доме, они весело потребляли полученный урожай, благодаря вслух и творя возлияния богам за дарованные ими блага.

очередь, слово *веко* в данном случае используется в своем древнейшем значении ‘крышка’ [СРНГ 4:100—101]. О его древности свидетельствуют показания балтийских языков: лит. *voka* ‘крышка’, лтш. *vaks* ‘крышка’. Значение *веко* — ‘кожаная складка, прикрывающая глаз’ вторично и производно от значения ‘крышка’, равно как и другие значения: ‘лукошко’, ‘обод решета’, ‘корзина для торговли вразнос’, ‘место для торговли мелочным товаром’, ‘футляр для жерновов’, ‘чашка, в которой валяют хлеб перед выпечкой’, ‘полка над лавками вокруг избы’ [СРНГ 4:101].

Таким образом, мы имеем дело с реализацией довольно архаичной словообразовательной модели: *веко* > **об-веч* ‘то, что охватывает веко’ (ср. *рука* > *об-руч* ‘то, что охватывает руку’). Что касается слова *обвичка* ‘то же, что *обечка*’ [СРНГ 22:9], то это северорусское диалектное отражение [ѣ]. Глагол *обвичить* ‘перевить, переплести вицами’. Перм., 1930 [СРНГ 22:9] либо произведен от слова *вица*, либо вторично народноэтимологически сближен с ним. То же можно сказать и о принимаемой М. Фасмером [III:99] (вопреки несоответствию корневого вокализма) этимологии А. Г. Преображенского [1914:626—627] о производности *обечайки* от глагола *вить*: из **обвитьчайка* {об-вить=ък=ѣй=ък_a}.

Производящим слова *обечайка* является существительное **обечай* (ср. *навык*, *обвыкать*, *обыкнуть*; *обыкать* > *обычай*, а также *случай*, *невзначай*, *молочай*, *лишай*, образованные также посредством суффикса *-ѣй*).

Этимология существительного *пескарь*

Первая словарная фиксация этого слова в форме *пискарь*. Относится к XVIII в. (1731 г.). Ср. также укр. *пискар*. В. И. Даль считает ошибочным сближение с *писком*, Н. М. Шанский с соавт. и М. Фасмер — сближение с *песком*.

Заслуживает внимания одновременное наличие в основе двух италийских морфем: корня *pisc-* и суффикса *-āri(us)*. Этого слишком много, чтобы быть случайностью, и достаточно, чтобы видеть италийскую производную основу *piscāri-* с первоначальным значением ‘рыбный’. Из сочетания прилагатель-

ного 'рыбный' с каким-либо характеризующим существительным (например, *рыбный лежень* — одно из названий пескаря у Даля — или чем-либо иным, в настоящее время, возможно, вообще невозможным) в результате стяжения могло образоваться субстантивированное прилагательное *пискарь* с тем же значением 'рыбный кто-то'.

Примеры аналогичного стяжения иных существительных с прилагательным *piscāri(us/a)* находим в латыни: *piscāria platea/area* > *piscāria* 'рыбный рынок'; *piscārius nundiator/negotiator* > *piscārius* 'рыботорговец, рыбак' [Дворецкий 1976:772].

Впрочем, славянский материал, кажется, дает основания для некоторого оптимизма: ср. сербохорв. *núskop* 'мурена', словен. *piskór, -rja* 'минога (речная)', чешск. *piskoř*, словц. *piskor*, польск. *piskorz*, в.-луж., н.-луж. *piskor', -rja*, всё — со значением 'речной вьюн'. Показательно, что и мурена, и минога, и вьюн имеют общий признак — являются извивающимися рыбами, что позволяет осторожно реконструировать производящее словосочетание со значением 'рыбный вьюн'. Значение 'пескарь, *Syrpinus gobio*' у слова — вторичное и сравнительно позднее: оно известно лишь восточнославянским языкам.

Такую возможность допускал и П. Я. Черных [II:26], правда, видя в слове не италийское заимствование, восходящее, по-видимому, к протославянской эпохе, а собственно славянское образование от индоевропейского корня **pisk-*, что, действительно, невероятно: вокализм суффикса варьируется главным образом в тех языках, где ударение переходит на корень.

О возможности переноса наименования с вьюна на пескаря свидетельствуют лит. *ruply~s* 'вьюн, пескарь' [Фасмер III:267] и лтш. *pika* 'речной вьюн, пескарь' [Фасмер III:260h]. Еще красноречивее показания русских диалектов. Словом *пескарь* называют рыб *Gobitis taenia*, щиповка; *Gobio uranoscopus*; *Gobio fluviatilis*, голец.

Словом *пескозоб* называют и пескаря, и вьюна (*Misgurnus tossilis*), и щиповку (*Gobitis taenia*), и бычка-подкаменщика (*Cottus gobio*) [СРНГ 26:302—303]. Словом *вьюн* называют не только миногу и ручьевую миногу, речного угря и налима, но и щиповку (*Gobitis taenia*, *Gobitis possilis*, *Gobitis caucasica*),

и «небольшую рыбку черного цвета, похожую на налима или миногу. Она называется еще **пискуном** (выделено мной. — А.К.), потому что если взять эту рыбу живую в руки и сжать, то она громко пискнет, что и пугает детей, хватающих вьюна в руки. Новг. Соловьев, 1904 [СРНГ 6:65].

Итак, словами *пескарь* и *вьюн* называют практически одних и тех же рыб. Вьюна называют *пискуном*, а *пескозобом* — пескаря и вьюна. А словом *пискун* называют пескаря и вьюна, а также угря и щиповку [СРНГ 27:49].

Восточнославянское слово *пискарь* воспродуцирует италийскую основу с удивительной точностью — вплоть до места удара, долготы ударного гласного и мягкости конечного *P*!. Затемненность внутренней формы заимствования компенсируется народноэтимологическими сближениями с основами *писк-* и *песѣк-*.

Этимология прилагательного *присный*

Известны следующие этимологии прилагательного *присный* ‘постоянный, вечный’:

При-ист=н_ый (< *ис=т_ый* < **es-* ‘быть’).

При-ст=н_ый (< *стоять*).

При=ск=н_ый от лат. *priskus* ‘матерый’, ‘достойный’, *prior* ‘раньше’ [Фасмер III:366].

При-с=ьн_ый < *при-с_ый* ‘прибывший (и как следствие — находящийся около)’ (причастие от *прибыти* *‘находиться, быть около’; по аналогии с *сущий* > *сущный* [Марков 1997:52].

Если не игнорировать показаний старославянского языка (в частности, *приспѣ* (Супр. 375, 23) наряду с *приспѣ* [СтСл:510]), можно предложить еще одну этимологию: {*при-сп=н_ый* < *при-сп_ъ* < *при-спѣ=Ѡ=ти*} *приспѣти* ‘прийти, настать’.

В таком случае исходное значение прилагательного *присный* ‘наставший, теперешний, настоящий’. Тем самым мы получаем образ вечности как ‘непреходящего настоящего’.

Если учесть, что одним из слов, обозначающих вечность в древнерусском языке, было слово *безначалие*, то представление о вечности как о чем-то не имеющем ограничений, вечно

присущем, пришедшем и непреходящем, т.е. *присно сущем*, представляется вполне правдоподобным. Тем самым формула ‘И ныне, и присно, и во веки веков’ наполняется новым смыслом: *присно* как ‘непреходящее *ныне*’ = ‘вечное настоящее’. *Присно* оказывается словом-медиатором между *ныне* (‘сейчас’) и *во веки веков* = вечно (‘всегда’). Эфемерное настоящее оказывается не противопоставлено вечному, а соприуще ему, включено в вечность через утверждение его непреходящести и неизбывности.

Тем самым формула оказывается семантически единой и построенной по принципу нарастания эксплицитности выражения идеи — принцип, характерный для сакральных формул, в частности для заклинаний. В противном случае *ныне* как мимолетность оказалось бы асимметрично противопоставленным двум синонимичным обозначениям вечности: *присно* и *во веки веков*, что не находит подтверждения в структуре ритуальных формул.

Что значит *ревновать* {рѣв=ьн=ов(А)=тї_#}?

Ревновать сближают с *реву* (Э. Бернекер, А. Маценауэр), что смехотворно [Фасмер III:455]. Ключевыми являются формы русск.-цслав. *рѣвнь* ‘рвение, усердие, зависть’, сербск.-цслав. *рвение*, *рѣвновати*, ст.-слав. *рѣвнивѣ*. *Ревность* — это рвение. *Ревновать* — значит быть *рѣвным*, проявлять рвение, рваться. Ср. *ревнитель* — тот, кто проявляет *рвение*, а не *ревет* во время течки, как следует из сближения с *рюен* ‘сентябрь’ — якобы ‘время течки’ [Фасмер III:455].

Варьирование вокализма корня (*рѣв=/рѣв=*) воспроизводит (на ступени редукции) ПИЕ-апофонию корня *e||o*.

В семантическом отношении ср. исп. *celo* ‘рвение, усердие, старание; ... боязнь, подозрение’; множ. *celos* ‘ревность’ [Калво 1997:229].

Особенно показателен материал древнегреческого языка, к которому в конечном итоге восходят обозначения ревности значительной части романских и германских языков: *ζηλοσι* ‘1) рвение, соревнование; 2) предмет соревнования,

счастье, слава; 3) ревность, зависть; 4) гнев, негодование' [Вейсман, 1991:577].

Ср. с этим семантику прилагательного *ревнивый*: '1) мучительно сомневающийся в чьей-то верности, любви; 2) завидующий, тяжело переживающий чьи-то успехи; 3) устар. усердный, ревностный', а также широкую представленность значения 'рвение, усердие' в родственных славянских словах [Черных II:104].

Соответственно *со-ревнование* (< *со-ревновать* < *ревновать* < **рѣвѣн_ѣ/ѣ*) является проявлением не совместной *ревности*, а совместного *рвения* к чему-либо. Таким образом, *ревность* первоначально — рвение, стремление к кому- или чему-либо, соревнование в борьбе за обретение и удержание кого- или чего-либо. Ср. вывод П. Я. Черных: «Т.о., знач. 'ревнивый (в любви)' развилось из значения 'ревностный', 'соревнующийся', 'соперничающий'. Знач. 'ревнивый (в любви)' — более позднее, но к началу XVIII в., конечно, уже установившееся» [Черных II:104]. Новый материал по древнерусскому языку позволяет значительно уточнить этот вывод исследователя (см. ниже).

Материал «Словаря русского языка XI—XVII вв.» подтверждает нашу этимологию, как формально, так и семантически.

Во-первых, древнерусский язык знал слова *ревный* (*рѣвѣн-*) 1) 'Относящийся к ревности, рвению': *Рѣвѣный тѣзѣ нареченыи Симоне... рѣвениемъ рѣвѣни Гу Бу*. Мин. Пут. XI в., 44; 2) 'Не терпящий соперничества' и *ревнь* (*рѣвѣнь, рѣвѣнь, рѣвень*) '1) Ревность, пыл, горячее стремление; 2) Зависть' [СлРЯ XI—XVII, 22:130].

Во-вторых морфы *рѣв=* и *рѣв=* являются алломорфами. Подтверждением этому могут быть варианты слова *рвение*: *рѣвѣнии, рвение* и особенно *рѣвение — рѣвение*: «*И жены бо не жѣдааху кътому, рѣвениемъ укрѣпѣвъшия*». Гр. Наз., 55. XI в. [СлРЯ XI—XVII, 22:124].

Сходное наблюдаем в словарной статье *ревенство* 'усердие, рвение; желание, стремление': *рѣвѣньство, рѣвен-, равньство* [СлРЯ XI—XVII, 22:127].

Показательно также и полное семантическое тождество слов *рвеник* (*рѣв*), *ровник* 'ров, колодец, цистерна', с одной стороны, и *ревение-3* (*рѣв*)- с другой [СлРЯ XI—XVII, 22:124, 126].

В-третьих, семантика 'рвения' и 'ревности' является смежной в семантическом пространстве. Об этом свидетельствует способность одного и того же слова передавать оба значения. Например, слово *рвение* в древнерусском языке имело значения: '1) Рвение, усердие; 2) Соперничество, зависть; вражда; 3) Ревность; 4) Гнев, раздражение'. Слово *ревность* имело следующие значения: '1) Рвение, пылкое усердие; горячее стремление (к чему-л. великому); 2) Стремление брать пример с кого-л., подражать, соревноваться; || Дух соперничества; 3) Зависть; 4) Ревность (примеры 11 и 17 вв.); 5) Гнев, злоба, ярость, вражда; 6) Ссора, распря; 7) Подозрительность, недоверчивость, сомнение в чьей-то верности; 8) Бодрость, живость, резвость; 9) вм. равенство в знач. 'равенство, справедливость' [СлРЯ XI—XVII, 22:129—130]. Весьма показательна в этимологическом плане дефиниция наречия *ревнительно*: '**С ревностью, т.е. горячим рвением, усердием**' [СлРЯ XI—XVII, 22:128] и существительного *ревнствие* (*рьвьньствие*): '**Пылкое рвение, ревнивое отношение к чему-л.**' [СлРЯ XI—XVII, 22:127].

Ср. также *ревнование* (*рьвьн-*) '1) Рвение, усердие, пыл; 2) Воодушевление, решимость; 3) Подражание, следование примеру; 4) Зависть, злоба; 5) Ревность; 6) Ссора, распря' [СлРЯ XI—XVII, 22:128—129]; *ревновать* '3) Проявлять пылкое усердие, рвение, заботу в отношении кого-, чего-л.' [СлРЯ XI—XVII, 22:129]; *ревнивый* (*рьвьн-*) '1) Усердный, ревностный; 2) Склонный к спору, ссорам; сварливый; 3) Завистливый, злобный; 4) Не терпящий соперничества, ревнивый' [СлРЯ XI—XVII, 22:127].

В-четвертых, обозначения 'рвения' и 'ревности' могут соседствовать в одном контексте: «*И члкъ, емуже аще наидет дхъ рвенна, възревнуеть женъ своеи, да поставит жену свою пред Гмь* (Чис. V, 30) Библ. Генн. 1499 г.» [СлРЯ XI—XVII, 22:124].

Этимологическая история: **рьв_ъ/ь* > *рьв=ьн_ый* (*рьв=ьн_ь*) > *рьв=ьн=ов(а)=ть*. Слово *ревнитель* указывает на существование в системе языка также глагола *ревнить* (ср. *ревнити* 'подражать' в тексте XI в. [СлРЯ XI—XVII, 22:128]), который вытеснен из употребления (т.е. речи, но не из языка!) синонимичным ему глаголом *ревновать*.

Указывая на вторичность значения ‘ревность (к предмету любви)’, П. Я. Черных не замечает связи с корнем и семантикой глагола *рвать* и преждевременно (без необходимости для объяснения семантики ‘ревности’) выходит на индоевропейский уровень [Черных II:104]. Сближая корень *рѡв-* со словами *ринуть(ся)*, *реять*, П. Я. Черных фактически воспроизводит старое сближение с *рюнем* и ‘течкой’.

В плане же дальней реконструкции возведение корня **рѡв-* / *рѡв-* к и.-е. **er-* : **or-* : **r-* представляется перспективным.

Этимология существительного *ряшка* {рЕнд=х=йѣк_а}

Слово *ряшка* образовано от отсутствующего в словарях слова *ряха*. БАС-1 дает только ‘лицо’. О слове в этом значении и идет речь. Словарь Ушакова вряд ли правомерно дает как два значения одного слова ‘шайка, ведро’ и ‘лицо’. Первое — *ряжа, ряжка* (укр.), поэтому должно рассматриваться отдельно. Что касается *ряшки—ряхи*, то тут достаточно сравнить *ряха—неряха*, чтобы прояснить этимологию. Подтверждение у В. И. Даля: «*ряха* — рядиха, шеголиха, *ряжуха* пск. твр. [*ряхий: ряхая, нарядная, баба или девка, шеголиха, тамб. Опд.*]» [Даль 3:1782]. Следовательно, *ряшка* — это не просто ‘лицо’ (плюс экспрессия и стилистические пометы), а, так сказать, «нарядное» (не-за-у-рядное) лицо — большое, круглое, красное. Примеры употребления это предположение подтверждают: «— ...*вон ряшку* какую наел, скоро в дверь не пролезешь!» Сок.-Микит. На тепл. земле. «...у *фельдфебеля ряшка* всем на удивление, — красная да толстая». Степан. Порт-Артур, I, 6 [БАС-1 12:1676].

Этимология существительного *стрела*

Слово можно сравнить со стрелой, летящей из мглы времен в будущее, из одного языка — в другой (родственный или неродственный). Применительно к происхождению слова *стрела* такое сравнение оправдано вдвойне.

Слово *стрела* представляет своего рода загадку. Родственные ему слова известны только в германских и балтийских языках. Причем и относительно последних у лингвистов нет единогласия. Так, автор этимологического словаря польского языка А. Брюкнер полагал, что в балтийских языках нет соответствий славянскому слову *стрела*. Автор этимологического словаря русского языка М. Фасмер не только приводит латышские и литовские соответствия, но и считает, что они не заимствованы из русского языка. Большинство авторитетных ученых (Траутман, Стендер-Петерсен, В. Кипарский и М. Фасмер) считают, что заимствование славянского слова из германского невероятно. Относительно происхождения германского слова мнения расходятся: польский лингвист К. Мошинский считает его древним заимствованием с Востока, а чешский этимолог В. Махек объясняет все родственные слова как заимствования из «праевропейского» субстрата [Фасмер III:774].

Последней по времени является этимология В. В. Мартынова: праслав. **strĕla* ← **ostrĕti* ← **ostrъ* (ср. др.-инд. *asri* ‘лезвие’, др.-иран. *ašti*, др.-греч. ἄκων ‘метательное копье’, ‘дротик’), предполагающая в слове *стрела* (видимо, из **ostrĕla*) производное от глагола **ostrъti* и прилагательного *ostr(ыi)* [Мартынов 1996:83—88; 1998:22—23; 2000:161]. В данном случае мы фактически имеем дело с возвращением (разумеется, на новом витке научного развития) к этимологии А. Пикте: «От корня *as — jacere, lucere* образовались санскр. *astra, asanā, astā — sagitta* (стрела), греч. ἀστήρ, ἄστρον, лат. *astrum*, зенд. *ačtar*, перс. *āstar* — светило, бросающее свои лучи, как стрелы, и рус. *острый*; а с утратой начального *a* — ведаическое *star*, лат. *stella*, гот. *stairnô* — звезда, слав. *strĕla*, англос. *strael*, др.-нем. *strāla*» (цит. по: [Дьяченко 1993:677]).

С формальной стороны этимология А. Пикте—В. В. Мартынова вполне благополучна: трансформация **ostrĕla* > *стрела* весьма вероятна и имеет аналоги в других словах: *острѣха* → *стрѣха* ‘крыша’, *обисъти* → **обисъда* → *бесъда* и т.д.

К сожалению, того же нельзя сказать о семантической стороне данной этимологии. Предполагаемый производящим инхотативным глаголом **ostrĕti* процесс ‘становиться острым’

никак не может быть приложен к неорганическому артефакту, каким является *стрела*. Трудно представить, чтобы праславяне мыслили стрелу как самозатачивающуюся или самозаостряющуюся — ‘становящуюся острой’. Сама возможность существования инхоативного глагола **ostrěti* (в отличие от каузативного — *ostrumiti*) весьма проблематична. Кроме того, признак остроты для стрелы не является специфичным: остры и нож, и топор, и меч, и копьё. Бесспорные свидетельства древних языков указывают, что для древнего сознания важнейшим признаком стрелы было *метание*. *Стрела* — это то, что мечут (не важно даже, как). Ср. санскр. *ásana* ‘метание, бросание’, *asanā* ‘стрела; метательный снаряд’, *ástā* ‘метательный снаряд; стрела’ [Кочергина 1996:84, 86]; др.-греч. *βέλος* ‘всякое метательное оружие, ос. стрела; ... копьё; вооб. оружие’, *βολή* ‘кидание, метание’, *βολίς* ‘метательное оружие, дротик’, *jaculum* ‘1) бросок, метание; 3) метательное копьё, дротик’ [Вейсман 1991:248, 253].

Таким образом, по семантическим причинам этимология А. Пикте—В. В. Мартынова не может быть принята, и вопрос о происхождении слова *стрела* не может считаться решённым, что не только позволяет, но и обязывает продолжить поиски в указанном направлении.

Вслед за многими исследователями мы считаем слово *стрела* исконно славянским. Заимствованный характер германского слова д.-в.-нем. *Strāla* > нем. *Strahl* виден из смены рода и связанной с этим сменой семантики. Кроме того, древнейшее германское (готское) название стрелы *arhwazna* (родственные ему слова засвидетельствованы в английском и северогерманских языках) считается родственным лат. *arcus* ‘лук’, видимо, с первичным значением ‘лучный (дротик)’, ‘лучное (копьё)’. На фоне латинской лексики этот корень лучше всего семантизируется: *arcus* — ‘лук’ и ‘изгиб’. Аналогично в германских — нем. *Bogen* ‘лук’ и *biegen* ‘гнуть’; в славянских — *лук* ‘орудие для метания стрел’ и *лукавый* ‘кривой’, *излучина* ‘изгиб’.

В современном немецком названии стрелы — *Pfeil* также склонны видеть латинизм [Kluge 1975:542], хотя и без особых на то оснований. Во-первых, стрела в латинском обозначалась словом *sagitta*, словом же *pīlum* обозначалось метательное

копьё, дротик. Неясно, зачем было называть стрелу не стрелой (*sagitta*), а копьём или дротиком (*pilum*). Во-вторых, слишком уж красноречива формальная и смысловая близость немецкого глагола *pfeifen* ‘свистеть’ и существительного *Pfeil* ‘стрела; буквально «свистящая»’ (возможно, из синкопированного в **Pfeifl* диминутива *Pfeifel* ‘свистушка’⁶⁷). Такое понимание внутренней формы немецкого слова объясняет необходимость нового слова, вызванную появлением нового типа стрелы — стрелы, издававшей свист благодаря отверстиям в наконечнике или свистулькам, надетым на черенок. От «старых» бесшумных стрел надо было отличить новые «свистящие» стрелы, принесенные в Европу азиатскими кочевниками. В Европе появление таких стрел (начиная с VI в. н.э.) связано с эпохой «великого переселения народов», вызванной вторжением гуннов, контакты с которыми для германцев были особенно интенсивными и памятными. Ср. «хиновьская стрелка» из «Слова о полку Игореве» [Кретов 2000:20—27].

Что касается бесшумных стрел, то следует обратить внимание на тождество рода славянского *strěla* и д.-в.-нем. *Strāla*. Явно вторичное значение ‘луч’ у германцев развилось из значения ‘божья стрела’. Молнии же и прочие небесные лучи издревле считались у индоевропейцев стрелами богов: Зевса, Аполлона, Перуна, Тора и др. После того, как значение слова *Pfail* у германцев расширилось до значения ‘стрела вообще’, за более древним словом *Strahl* сохранилось лишь вторичное значение «небесной стрелы — луча».

Само же слово *стрела* германцы (как и балты) заимствовали у славян. Это слово родственно глаголу *сърѣтити* (ср. его церковнославянское производное *сърѣтienie* ‘встреча’). В свою очередь, основа глагола *сърѣтити* состоит из приставки *сър-* и корня *рѣт-*. Глагол *рѣтити* является производным от имени *рѣтъ* ‘встреча’, отмеченного в древнерусском языке. Этот факт говорит в пользу этимологии И. А. Бодуэна де Куртенэ, видевшего в слове *сър-рѣтъ* сложение со значением ‘хорошая встреча’ (ср. *с-мерть* — «хорошая, т.е. естественная, ненасильственная смерть»). От этого же существительно-

⁶⁷ Это слово зафиксировано в словаре братьев Grimm [Grimm J. und W. 1889:1645].

го *съ-рѣтъ*, с помощью суффикса *-л* и могло быть образовано прилагательное (или причастие⁶⁸), ставшее затем (в результате субстантивации) существительным *съ-рѣтъ-л_а* с первоначальным значением ‘встречающая (цель)’. Полную семантическую аналогию имеем в немецком глаголе *treffen* ‘встречать и попадать в цель’. Это первоначальное значение могло характеризовать любые метательные снаряды — как земные, так и «небесные». В этом отношении показательна семантика лтш. *strēla* ‘стрела, метательный снаряд, полоса, порыв ветра, струя’ [Фасмер III:774].

Предложенная этимология предполагает метатезу *съ-рѣтъ-ла* → *съ-трѣ-ла*. Единообразия отражения этой формы в славянских и сопредельных им языках свидетельствует о ее раннем характере. Закону восходящей звучности последовательность *lta* не противоречила, так что процессами праславянского периода ее нельзя объяснить. Тем более — позднейшими процессами: *tl* → *l* (*мела*, *-о*, *-и* ← **метла*, *-о*, *-и*; *мету*, *метет*, *метут*), *dl* → *l* (*вела*, *-о*, *-и* ← **ведла*, *-о*, *-и*; *веду*, *ведет*, *ведут*), имевшими место только в южно- и восточнославянских языках, т.е. уже после распада славянской общности.

Следовательно, процесс метатезы относится к более раннему — протославянскому — периоду и может быть объяснен воздействием италийского ингредиента, в котором протекал очень близкий процесс: *dl* → *ll* → *l* (*sella* ‘сиденье, седло’ → **sedla*; *sedeō* ‘сизу’) [Нидерман 1949:135, 123]. Типологически сходный случай устранения недопустимого стечения согласных посредством метатезы находим в славянском слове *камень*: **ak-men-* → **ka-men-* (ср. лит. *ak-miū*, *-eĩs* ‘камень’). Объяснение этому процессу также находим в италийском ингредиенте, в котором имело место устранение смычных перед носовыми [Нидерман 1949:131—133]:

	N	M
P	pn > bn > mn > nn > n	pm > bm > mm > m
T	tn > dn > nn > n	tm > dm > mm > m
K	cn > gn > њn > n	*cm > *gm > *mm > *m

⁶⁸ Точнее, причастие на *-л* могло быть образовано от глагола **сърѣсти* {*съ-рѣтъ=Ø=ти* → *съ-рѣтъ=Ø=л_ъ*}.

Относительно трансформации группы *-tm-* М. Нидерман пишет: «Для *-tm-* примеров нет, но несомненно, что и эта группа трактовалась бы так же» [Нидерман 1949:133]. Думается, у нас есть основания сказать то же и о группе **km*⁶⁹.

Итак, в протославянский период действовал свойственный италийскому ингредиенту процесс устранения смычных согласных перед носовыми. В балтийском же ингредиенте ни до, ни после не обнаруживается ничего подобного. Именно системный характер фонетических законов, охватывающих не отдельные фонемы, а целые классы фонем, дает нам право под астериском (*) в таблице предположить еще один процесс, восстанавливающий симметрию преобразований перед *n* и *m*.

Как было сказано, предложенная этимология ставит под сомнение исконность балтийских слов и в первую очередь лит. *strėlá* ‘стрела’, ибо литовский язык в отличие от славянских, германских и италийских не знал ни трансформации *te > l*, ни *sr > str*.

Главный недостаток предложенной этимологии — в отсутствии каких бы то ни было следов *ъ* в предполагаемой приставке *съ* ‘хороший, благой’ как в славянских языках, так и в древнейших старославянских памятниках (ср. сохранность *съ* в ст.-слав. *съ-мръть*, *съ-дравь*). Правда, в Синайской псалтыри есть вариант *рѣла* (без приставки), но там же есть вариант и *стѣла* — без *р*.

Еще одним путем собственно славянской этимологизации может быть сближение слова *стрела* со старославянским глаголом *стрѣкати* ‘колоть, жалить’. От этого глагола образовано существительное *стрѣкало* ‘острие, жало’. Слово *стрела* могло бы быть производным от глагола **strēkti*, который в старославянском должен был бы совпасть в форме *стрѣщи* ‘стеречь, сторожить’ с глаголом **stergti* (русск. *стеречь*). Этим, видимо, и объясняется его незасвидетельствованность в старославянских текстах. В таком случае исходное значение слова *стрела* восстанавливается, как ‘колющая, жалящая’. С формальной стороны эта этимология предполагает упрощение *кл > л*, не предусмот-

⁶⁹ Ср. признаваемую Ж. Ж. Варбот «достаточно вероятным толкованием» этимологию К. Лиукконена русск. диал. *затым* ‘способ соединения бревен, брусев, при котором одно входит в другое’: **zatyk-mъ* от **zatykati* [Этимология. 1988—1990:194—195].

ренное известными фонетическими процессами в старославянском языке. Если предположить суффикс *-dl*, упрощение *кдл > дл > л* примет более правдоподобный вид, а раннее единообразие славянских рефлексов может быть объяснено влиянием того же италийского ингредиента в протославянскую эпоху.

Еще более привлекательным в семантическом отношении является обращение к другому значению глагола *стрекать* — ‘прыгать, прядать’, ср. выражение *дать стречка* или *задать стрекача*. Ср. у В. И. Даля: ‘*Стрекач, -чка, стрекала*. | Бег, побег, бегство. *Дать стрекача*, умыкнуть, улизнуть, приснуть, дать тягу. *Стречок* м. то же; скачок, прыжок, или спешное бегство. *Дать стречка*.’

Стрекозить или *стрекозничать*, соваться, носиться туда и сюда стрекозою; егозить, юлить; | ветреничать.

Стрелки {стрѣк=л=ьк_и}. Одно из названий стрекоз. Аргумент в пользу корня {стрѣк=} в слове *стрела*. Ведь предполагается, что это тот же корень, что и в слове *стрекоза*.

Ср. сходные значения в *стрелить*, сев. ринуться, кинуться опрометью, побежать. *Он *стрелил*, как заяц в сторону. Конь *стрелил* в лес, ушел [Даль].

Выстрекать корову, влад. выдоить. Прут *выстрекнул* у меня из рук, выскочил упругостью своею. *Стрекать* перемет, перм. ставить. Прыскать, брызгать, обдавать струей. | *Стрекать* корову, твер. пск. доить, тешить, тренькать, сиб. дергать. *Стрекатся*, ... млрск. стыкаться, встречаться; едва ли это не древнейшее значенье [Даль 4:337—338].

Можно было бы предположить, что *стрекало* относится к *стрекать*, как *стрѣла* (**стрекла*) относится к глаголу *стрѣчи* [Даль] и словообразовательное обоснование данной этимологии видеть в существительном «СТРЕКАЛО ср. бодец, острие, жало; стрекала, бодцы, остроги, шпоры. *Яко же юница стрекалом стречема, рассвирепел Израиль, Осия*. Известно прозвание *Стрекалов*. *Стрекалка, -лочка, погонялка, хлыст, кнутик*» [Даль 4:338].

Действительно, *стрела* и прядает с тетивы, и колет (жалит) того, в кого попадает. Но суффикс *-дл_о* предполагает образование слова среднего рода — **стрѣло* (ср. шило, мыло). Женский род слова при таком взгляде на его происхождение представляется загадочным. Потребность объяснить

эту загадку заставляет предполагать в слове *стрела* субстантивированную форму краткого прилагательного, возникшую в результате стяжения словосочетания этого прилагательного с каким-то существительным женского рода.

В. И. Даль указывает одно из таких существительных: «СТРЕЛА ж. скандинавск. копейцо, пускаемое с лука; прямая, облая деревянная СПИЦА (выделено мной. — А.К.), со стальным (у дикарей с кремневым) жалом и с перённым комлем для прямизны полета; в самой пятке зарубочка, которая кладется на тетиву» [Даль 4:344]. Следовательно, *стрела* может быть стяжением словосочетания СТРЕ(К)Л_А(я) СПИЦА ‘стрекающая (с тетивы) спица’.

В таком случае перенесение ударения с основы на окончание является результатом и свидетельством субстантивации краткого прилагательного (явление, едва ли не регулярное).

В свете данной этимологии *стрела* должна была означать ‘прядающая, прыгивающая, соскакивающая, срывающаяся (с тетивы)’ (ср. у В. И. Даля: как *стрела* с лука *спрянула*). Типологически это наиболее правдоподобная внутренняя форма для обозначаемого словом артефакта.

К сожалению, выигрыш в семантике сопровождается проигрышем в фонетике. С формальной стороны эта этимология предполагает упрощение *кл* > *л*, не предусмотренное известными фонетическими процессами в праславянском языке. Надо либо предположить такой процесс, либо допустить раннее преобразование на суффиксальном стыке *кл* > *мл*, а единообразии славянских рефлексов может быть объяснено влиянием того же италийского ингредиента в протославянскую эпоху.

Можно сказать, что *стрела* «летит» из праславянского в балтийские и германские языки, а изучение ее траектории в праславянском должно быть продолжено.

Этимология слов *ужинать*, *ужин*

Свидетельство в глаголе *ужинать* суффикса *-а-*, присоединяющегося к первичным глагольным основам, находится в противоречии с этимологией, трактующей основу *ужин* как производную от слова *юг* [Brückner 1970; Фасмер 1964—1973; Шанский и др. 1961].

Естественнее все объясняется отвержением исконной этимологии, освященной полуторавековой традицией, и предположением корня *гън-/гин-* и приставки *у-*. В таком случае слово *ужин* — нормальное отглагольное существительное.

Акцентуационная противопоставленность слов *ужин* и *ужин* может свидетельствовать о семантическом расхождении слов.

По В. И. Далю, «*Ужинанье* или *ужин*, действие по глаг. [Ужинать]». Чередование в *ужина* — *ужна* (при принятии традиционной этимологии) требует предположения о двух суффиксах *-ин_a* и *-ьн_a*, что маловероятно. Как производные от *ужинать* (>*ужина*) и *ужать* (>*ужна*) эти слова толкуются органичнее.

Семантически обосновать связь *ужина* с глаголом *ужинать* помогают архаичные значения северных говоров: «*Ужина*, арх. сиб. | Пай, доля, часть добычи на каждого, на звериных промыслах. *Отпустить ужину*, *ужну*, арх. покрутить (снабдить и снарядить) работника на морской промысел, из *части добычи*, по условию. *Ужина покружена*, пай, доля пропита, ничего нет. *Ужинник* арх. или покрученник, нанятый и снаряженный на морской промысел. *Ужин*, *ужинать*, напоминает: *вжинать*, малорос. жадно есть, уплетать...» [Даль 4:478]. Далево сравнение с украинским *вжинати* ‘жадно есть, уплетать’ указывает на фонетическую неприемлемость сближения *ужина* с *югом*.

Следует обратить внимание на следующие значения слов *ужина* и *ужин*, представляющиеся приближенными к первичному: *Ужина*, арх. сиб. съестное, харч, запас в дорогу или на промыслы. *Ужина* ж. новг. пск. твер., *ужна* перм. ужин, вечерний стол, еда. *Ужин* и самый стол, яства, блюда, еда, пища, коею ужинают [Даль 4:478].

Так *ужин* этимологически предстает как *делёж съестной добычи*, когда каждому участнику отрезается («ужинается») его доля, часть, пай и сама пища, еда как результат дележа.

Данная этимология предполагает глубокую индоевропейскую древность слова, ибо отражает отношения первобытно-общинного строя. На глубокую древность слова *ужин* указывает и архаичность его отыменного производного *паужин* — *паужна*. Сближение со словом *юг* возможно только как позднейший народноэтимологический процесс.

Что касается синонимизации *ужина* с полдником у южных славян, то это, по-видимому, поздний процесс, связанный с вытеснением слова *ужин* более новым и более прозрачным словом *вечеря*. Именно временная немаркированность (наряду с затемненностью внутренней формы и народноэтимологическим сближением со словом *юг*) и позволила слову *ужин* при этом сохраниться, переместившись в промежуточную позицию «полдника».

«Полуденная» семантика слова *ужин* в древнерусском языке — под большим вопросом. Интерпретация примеров, данная И. И. Срезневским, во-первых, предвзята, во-вторых, противоречива: «полдничать, закусывать после полудня». Во-первых, этимологически *полдничать* может означать только одно: «закусывать в полдень (*поль дни*)», следовательно, надо определиться: либо это «закусывать в полдень», либо — «закусывать после полудня». Во-вторых, большая часть контекстов не позволяет различить *полдник* и *ужин*, а некоторые указывают скорее на *ужин*, чем на *полдник*: *И полетѣ соколомъ подѣ мѣглами, избивая гуси и лебеди завтраку, и обѣду, и ужинѣ*. Сл. плк. Игор.; *Ужины ночь воскресенье в лѣс не носити*. Запов. Тавр. вол. 1590 [Срезневский 4:1166].

Неоднозначен и единственный пример, который можно интерпретировать в пользу этимологии И. И. Срезневского: «*Иде поклотитя къ стму Михаилу в манастырь и оужина ту, а товары своя (постави) на Рудници; вечеру же бывшую, приде в товарѣ свои*. Пов. вр. л. 6605 г.» [Срезневский 4:1166]. Вполне правдоподобно, что человек разместил свой товар, пошел в монастырь, поужинал там и вечером возвратился. И менее правдоподобно (далеко уйти от своего товара — рискованно), что человек пополдничал в монастыре, а вернулся пешком (*приде*) лишь вечером. Маловероятно и то, чтобы богатый человек отправился пешком на большое расстояние.

Таким образом, древнерусских примеров, бесспорно подтверждающих значение «полдник» у слова *ужин*, И. И. Срезневский не дает. Примеры же, подтверждающие значение ‘ужин’, имеются.

На вторичность связи *ужина* с полуднем указывает тот факт, что более древнее и менее прозрачное этимологически слово *обед* имеет множество значений, указывающих на пол-

день и на юг, тогда как у ужина в Словаре Даля таких связей нет. (Единичная связь такого рода со временем и пространством отмечается лишь у слова *паужна*: «*Паужинная* пора. *Паужник* м. арх. юго-запад, где солнце стоит, когда паужинают: | ветер оттуда, он же шелоник» [Даль].)

Особого разговора заслуживают слова *паобед* и *паужна*. В значении слова *паужин* 'перекуса промеж обеда и ужина' (до ужина. — А.К.) П. Я. Черных видит «память о старшем значении слова *ужин*» [Черных II:286]. Тем самым предполагается, что семантика *па-* равна семантике *по-* 'после'. Ход рассуждения при этом такой: если слово *паужна* обозначает время между обедом и ужином и одновременно указывает на значение 'принятие пищи в полдень', то старшее значение слова *ужин* — 'обед', а приставка *па-* имеет значение 'после'. Таким способом можно доказать, что «старшее» значение слова *обед* — 'завтрак', поскольку слово *паобед* означает 'второй завтрак; время, близкое к полудню' (т.е. обеду. — А.К.) [СРНГ 25:203].

Хотя значение 'утренний завтрак' у слова *обед* действительно имеется, причиной тому не этимологические, не словообразовательные, а лексико-семантические процессы, связанные с выпадением слова *завтрак* из лексико-семантической парадигмы приемов пищи: «*Утром — обед, так все ранее, вечером-то ужин*. Карпогор. Арх., 1959. Костром. *Раньше обед утром назывался, а в двенадцать — полдни*. Ряз. Казаки-некрасовцы, Свердл., Ишим Тобол.» [СРНГ 22:25—26]. Так парадигма «*завтрак — обед — ужин*» сменялась парадигмой «*обед — полдни(к) / паужна — ужин*» (ср. у В. И. Даля: «В арх. олон. перм. новг. крестьяне в 9 часов обедают (в работе, со светом завтракают), в 2 ч. паужинают, в 8 ужинают») или усложнялась: «*завтрак — паобед — обед — паужна — ужин*» [Даль 3:25].

Семантика же приставки *па-*, как это следует из большей части диалектного материала, — «как бы, около, недо»: *дорога — падорога* «бездорожье», *сынok — паcынок*. Во временной плоскости это значение чаще интерпретируется как «пред, до», и значительно реже — как «после». Поэтому *паобед* — время перед обедом, *паужна, паужин* — время перед ужином. Диалектный материал это подтверждает, в подавляющем боль-

шинстве случаев располагая *паужну* перед *ужином* — в интервале от 12 до 17 часов [СРНГ 25:276—281].

Примечательно, что (по свидетельству слова *паужинать*) *ужин* может свободно перемещаться по временной шкале: «*Паужинать* 1. Принимать пищу между обедом и ужином; полдничать; 2. Ужинать; 3. Обедать; 4. Есть между завтраком и обедом; 5) Завтракать» [СРНГ 25:278]. Этот факт свидетельствует прежде всего об исконной непривязанности слова *ужин* ко времени, а значит, и к югу. Такая хронологическая индифферентность была бы совершенно необъяснима, будь это слово этимологически связано с югом и полуднем. Как показал М. М. Покровский, связь между действием и темпоральностью регулярна и вторична: «Всюду, где условия жизни или внешняя природа связывают предметы и действия с определенным временем, имена, соответствующие этим предметам и действиям, или употребляются в качестве темпоральных имен, или даже переходят в чисто темпоральные слова» [Покровский 1959:30].

В словообразовательном отношении *у-ужин* сближается со словами *у-лов*, *у-дой*, *у-кос*, *у-молот*. Учитывая тесную связь со срезанием злаков, можно предположить, что первоначально имелось в виду подведение дневных итогов не только охоты (мужчины), но и собирательства (женщины) с дележом добытого между членами племени. Исследуя неславянские связи корня, обнаруживаем, что семантика «резать» через ступень «сечь» связана с «бить». Следовательно, *у-ужин* мог означать и *у-бой* (пойманного животного для вечерней трапезы племени). Учитывая, что ранние значения глагола *гнать* ‘гнать, защищать’ закономерно выводятся из значения ‘бить’ (гнать — бить, погоняя, отгоняя; защищать, отгоняя ударами), нетрудно заметить формальную и семантическую сводимость глаголов *жну* и *гоню* (ст.-сл. *жену*) [Фасмер II:60].

Итак, имеются веские основания усомниться в традиционной этимологии, производящей слово *ужин* от слова *юг*.

Во-первых, почти во всех славянских языках представлены формы *юг*, а не *уг*. Следы этой формы (видимо, аналогического происхождения) не без труда находят лишь в древнерусском языке (*угъ*) и севернорусских говорах (*ужный*).

Во-вторых, формы на *ju-* и на *i-* для слов *юг* и *ужин* в славянских языках распределяются по-разному, что совершенно непонятно, если они родственны. Более того, в сербохорватском языке имеется оппозиция: *ужина* 'полдник, закуска днем' (от *у-жать*) и *јужина* 'оттепель' (от *юг*). Необъяснимо отсутствие начального йота в болгарских, македонских и сербохорватских словах *ужина* 'полдник или обед'. Йот представлен только в словенском и устаревшем польском словах со вторичным (как результат вытеснения словом **večerja*) значением 'полдник' [Черных II:285]. Единственный способ попытаться спасти традиционную этимологию в этом аспекте — допустить, что болгарские, македонские и сербохорватские *ужины* заимствованы из русского языка.

В-третьих, номинативная модель «сторона света» → «действие (прием пищи)» оказывается изолированной (нет производных **запад-ин-ать*, **восточ-ин-ать*, **север-ин-ать*) и в высшей степени проблематичной, поскольку установленная на массовом индоевропейском материале модель номинации прямо противоположна: «действие → время совершения действия → местоположение солнца в это время».

В-четвертых, в славянских языках суффикс *-а-* указывает на непроемную глагольную основу, а производные именны основы оформляются суффиксами *-и-* и *-ов(а)-*. Из этого следует, что первичным является глагол *ужинать*, а не существительное *ужин*, как это получается при выведении *ужина* из *юга*. От *ужин* следовало бы ожидать глагольных форм **ужинить*, **ужиновать* (ср. *вечерить*, *вечерять*, *дневать*, *ночевать*, *полудновать*).

В-пятых, от *юг* должно было бы получиться словосочетание **южна еда (трапеза)*, которое могло стянуться в прилагательное **(j)ужна*, **(j)ужень*, но не в *(j)ужин*, *(j)ужина*.

В-шестых, непонятно, какое значение можно приписать суффиксу *-ин(а)* в слове *ужин(а)*. Возможные варианты известны [Sławski 1974:120—123; Kiparsky 1975:215—217].

• Притяжательного прилагательного типа *кошка — кошкин?* Нельзя: в *кошкин* нет 1-й палатализации, как в *юг — ужин*, а кроме того, такие суффиксы присоединяются только к существительным на *_а*: *папа — папин*, *мама — мамин*, но не *сын — *сынин*.

• Единичности, как в *господа* — *господин*, *литва* — *литвин*, *турки* — *турчин* или как в *горох* — *горошина*, *лёд* — *льдина*, *рыба* — *рыбина*? Тоже не подходит: *юг* — не собирательное, а *ужин* — не единичное существительное.

• Может, увеличительное, как в *дом* — *доми́на*, *дурак* — *дурачина*? И это невозможно: *ужин* — это не ‘большой *уг’, а *ужина́* означало бы ‘большой уж’, а не ‘ужин’.

• Может, абстрактное, как *глубь* — *глубина* или конкретное, как *дуб* — *дуби́на*, *друг* — *дружи́на*? Тоже нет: *ужина́* будет существительным по значению прилагательного *узкий*. Ср. фольклорное «...Испекли мы каравай вот такой вышины, вот такой низины, вот такой ширины, вот такой ужины́». Снова получаем не *ужин*.

• Остается предположить «суффикс, встречающийся в единичных образованиях» типа **melti mel'q* > *mlinъ* **kolti kol'q* > *kъlinъ* [Sławski 1974:120]. Но и это предположение принять нельзя: (*j*)*уг* — не глагол, а существительное, а по этой модели *ужин* мог бы образоваться только от никогда не существовавшего глагола **учи* {уг=Ø=тí_#}. Таким образом, если держаться известных науке фактов, в славянских языках слово (*j*)*ужин* не могло образоваться с помощью суффикса *-ин* от существительного (*j*)*уг*.

Указанных соображений достаточно для того, чтобы усомниться в истинности традиционной этимологии и обсудить научную состоятельность этимологии слова *ужин* как отглагольного имени, соотносимого с глаголом *ужать*—*ужина́ть*, с исходным значением ‘процесс и результат нарезания долей дневной добычи’. Производящим для приставочного глагола *ужать* — *ужинать* является бесприставочный глагол *жать* — *жну* в древнейшем значении «бью, секу, режу».

Этимология существительного *упражнение*

В целом М. Фасмер напрасно отказывает *упражнению* в родстве со словом *порожений*. Причем — всего одним словом «недостовечно» [Фасмер IV:164]. Порой лучше быть методичным, чем лаконичным.

Во-первых, церковнославянское происхождение несомненно: неполногласие и йотация через сонант [Н]: *знь > жн'* (ср. *весна > вешний*). Ср. *испражнение — опорожнение* желудка, а также *оупразнити, оупражню, упразниши* 'опорожнить; освободить 2. упразднить, устранить; уничтожить' [СтСл:743].

Во-вторых, древний суффикс *-н-* (без *ь*), благодаря чему и возможна йотация. Ср. *упразднить*, от *праздный {-ьн_ый}*. Глагол *упразднить* — или позднее параллельное образование, или позднее аналогическое преобразование по продуктивным моделям. Ср. оппозицию *упражнять — упразднять*. Имеется и семантическое расхождение. Тут неправ В. В. Иванов [Шанский и др. 1971], говорящий о суффиксе *-ьн* и выводящий *упражнение* и *порожний* из *праздь* 'свобода'. Ряд *праздь > праздьнь > праздьнити, пражняти > упражняти* неверен в силу фонетической невозможности процесса *зд > ж*. Скорее отношения иные: **пороз(д)ный > *порознь > порожний* (как результат йотации через [н]). *Празный > празнити > упразнити > упражнение*. Прав В. В. Иванов в том, что приставка *у-* имеет «отрицательное», т.е. удалительное (от *праздности*), значение: *упражнение* — то, что 'удаляет от праздности; отрицает, устраняет праздность (пустоту жизни)'. В свою очередь, *праздность* — 'не заполненность (жизни) деятельностью; безделье'.

В-третьих, слово есть в старославянском: *оупражнѣнїе* 'занятие' [СтСл:743].

В-четвертых, показательна представленная уже в старославянском утрата (еще в протославянский период) *д* перед *н*. Ср. *глядят — глянут, кидают — кинут*.

В-пятых, с семантической точки зрения все объясняет древнерусский глагол *упражнять* 'упразднять, уничтожать' и 'занимать (место)'. Особенно показателен возвратный вариант глагола — *упражнятися*: 'освобождаться (от работы); быть незанятым, пустовать; находить время, удосуживаться; заниматься чем-либо, предаваться чему-либо: *В книгахъ оупражнятися*. Никон. Панд. сл. 29 [Срезневский 3:1247—1248], который показывает, каким образом значение пустоты преобразовалось в значение занятости.

По-видимому, есть основание связать это с разными приставками *у-* или с разными значениями приставки *у-*.

Без сделанных пояснений связь *упражнений* с *порожним*, действительно, может вызывать сомнения в достоверности.

Вполне естественное предположение в слове *упражнение* {у-порзд=н=и=ѐ=н=ій_e} корня **porg-* (польск. и чешск. *praga*) неприемлемо по семантическим причинам ‘треск (при лопанье и огне)’ > ‘пустота’ (??) и потому, что *упражнения* формально, семантически и словообразовательно неотделимы от *праздности*.

Этимология слова *чахнуть*

В науке имеется несколько этимологий глагола *чахнуть*. Его сближали с нем. *hager* ‘тощий’ [Бернекер I:133] с глаголом *исчезнуть* [Фасмер IV:319—320], с южно- и западнославянскими глаголами, продолжающими прасл. *čaknǫti* ‘ударить’ [ЭССЯ 4:14].

При этом трансформацию *к* > *х* объясняли экспрессией. Относительно глагола **čakati* заметим, что собственно корень и.-е. **koHk-* тут не только и не столько экспрессивный, сколько звукоподражательный, чем и объясняется его морфологическая аномальность.

Мы же предлагаем сблизить глагол *чахнуть* со словом *кашель* и.-е. **k̑ās-l-i-o* суффиксальным производным «от звукоподражательного глагольного корня **k̑ās-* ‘кашлять’ [ЭССЯ 9:161]. Наличие балтийских, германских, албанских, кимрских и древнеиндийских параллелей позволяет говорить об апофонии **k̑ās-* || **k̑ēs-*. При таком подходе есть возможность примирить идею Э. Бернекера о *х* < *ks* с идеей О. Н. Трубачева об экспрессивности, если допустить расширение корня глагольным интенсивом *-sk* > *-ks*: **kēs-ks-a-ti* — **kēs-ks-non-ti*.

В семантическом отношении такая этимология безукоризненна: *чахотка* — болезнь, при которой *кашляют* (ср. *сухотка* — болезнь, при которой *сохнут*), а в формальном — вполне благополучна. Не грешит она и против морфологии.

Фонетическая история глагола *чахнуть* представляется следующим образом: **kēs-sk-non-ti* > **kēs-ks-non-ti* > **kēs-x-non-ti* > **kē-x-non-ti* > **kē-x-no₃-ti* > **čē-x-no₃-ti* > **ča-x-no₃-ti* (*чах=ну=ть*).

О слове человек и его «этимологическом остатке»

Ариадне Ивановне Кузнецовой —
в честь ее юбилея

Следует принять как наиболее взвешенное мнение О. Н. Трубачева о том, что «наиболее правдоподобную этимологию слав. **čelověkъ* выдвинул сто лет назад [Г.] Циммер, кот.[орый] увидел в этом слове сложение **čelo-věkъ* и сблизил его компоненты с **čel'adъ* и лит. *vaikas* 'дитя'» [ЭССЯ 4:49—50]. Вместе с тем этимологом отмечается и тот факт, что при формальной ясности этимологии в ней «по причине отсутствия живых продолжений **čelo* и **věkъ* в слав. языках в подходящих значениях» сохраняется «... неясный этимологический остаток» (выделено мной. — А.К.) [ЭССЯ 4:49—50].

Не удивительно, что этот «до конца не выясненный проблематичный этимологический остаток... заставляет отдельных авторов до настоящего времени предпринимать новые попытки его [слова **čelověkъ*. — А.К.] этимологизации» [ЭССЯ 4:50].

Наша цель — по возможности, уменьшить указанный «этимологический остаток». Сделать это помогает материал ... малагасийского языка, сохранивший в первоизданной прозрачности внутреннюю форму, затемненную в славянских языках.

Дело в том, что в малагасийском языке «особую организацию (начиная с 4-го поколения) имеют наименования потомков: *zafin-dohalika* 'потомок 4-го поколения (праправнук/праправнучка)', *zafin-kitrokely* 'потомок 5-го поколения', *zafin-paladia* 'потомок 6-го поколения'..., образуемые сочетанием слова *zafy* 'потомок 2-го или последующих поколений' со словами *lohalika* 'колени', *kitrokely* 'лодыжка', *faladia* 'подошва'...» [Кретов 1985:16—18].

Колени — ближайшее телесное сочленение при движении от гениталий (туловища) вниз. Малагасийский материал ориентирован именно на такие естественные телесные границы и недвусмысленно указывает: чем ниже сочленение, тем отдаленнее родство. Как видим, малаг. *zafin-dohalika* = *zafy* 'потомок...' + *lohalika* 'колени' является полным аналогом славянскому **čelo-věkъ* = **čelo* 'колени' + *věkъ* 'потомок'. В дан-

ном случае (как и всегда при анализе семантики — особенно на значительной хронологической глубине) мы вполне можем положиться на типологическое свидетельство, поскольку оно касается наиболее древнего и наиболее структурированного фрагмента лексики — терминов родства. Семантика *колена* неотрывна от семантики *рода*, что находит подтверждение не только в показаниях ст.-слав. *колѣно* ‘колени’ и ‘племя, поколение’, русск. *поколение* и других индоевропейских языков, но и в свидетельствах малагасийского языка.

Первичное значение сложения **čelo-věkъ* реконструируется как ‘потомок рода’. Ср. у О. Н. Трубачева: «Основой **čel-* обозначался младший член рода, семьи» [ЭССЯ 45:41]. Малагасийский язык помогает понять, что якобы возникающая при этом семантическая тавтология — ‘младший в роде’ + ‘потомок’ — является мнимой: первоначально слово **čelo-věkъ* обозначало потомка определенного (старшего из наличных или — что то же самое — ближайшего к взрослым) поколения. При этом **věkъ* было определяемым, а **čel_o* — определением: что-то вроде ‘коленный (т.е. старший) потомок’ с явной и первоначально осознаваемой референцией к *колени* (не к *челу*), что предполагало существование также «лодыжечных» и «подошвенных» потомков. Ср. этимологическую близость слов *член* {кел=н_ъ} и *колени* {кол=ѣн_o} [Фасмер IV:369], содержащих ту же корневую морфему {кел=}, что и *челядь*, *чело*, только осложненную формантом *-н-*.

Вообще, следует обратить внимание на систематическое совпадение значений ‘член тела’ и ‘член рода’. Возможно возвести их к образу цепи — последовательности поколений или костей. Однако более плодотворной представляется мысль о весьма архаичном уподоблении рода телу, а каждого из поколений — одному из членов этого тела. При этом старшие совершенно закономерно представляют высшие члены (чело), а младшие — те, что ниже туловища — колени, лодыжку и подошву. При этом опять-таки не случайно и *чело*, и *колени*, и *лодыжку* объединяет то, что они являются *членами* тела: ср. сербохорв. *чланак* ‘лодыжка’, словен. *člènek* ‘сустав’, ‘запястье’, ‘лодыжка’, н.-луж. *člonk* ‘член (тела)’, ‘член (общества)’, польск. *członek* ‘то же’. В этих словах с их деминутивом просматривается одно из

древнейших значений слова **kel_o* 'колено', равно как и в словен. *člên* 'сустав; член (тела); лодыжка (! — А.К.)', 'степень родства', русск. *челенó* 'три ряда нижних бревен срубá' (выделено мной. — А.К.) [ЭССЯ 4:44].

Тут уместно вспомнить о Пуруше — первочеловеке древнеиндийской (а значит, и индоевропейской) мифологии. «Он приносится в жертву богам путем расчленения на составные части, из которых возникают основные элементы социальной и космической организации: рот → брахманы — жрецы, руки → раджаньи или кшатрии — воины, бёдра → вайшьи — земледельцы, ноги > шудры — низшее сословие; дух → луна, глаз → солнце, уста > Индра и Агни, дыхание → ветер, пуп → воздушное пространство, голова → небо, ноги → земля, ухо → стороны света и т.д.» [Топоров 1988:351].

У славян очень близкие мотивы, просвечивающие сквозь позднейшую христианизацию, встречаем в «Голубиной книге» [Федотов 1991:126]:

У нас белый свет начинается от Свята Духа,
 Самого Христа, царя небесного;
 Солнце красное *от лица Божия*.
 Млад-светёл месяц *от грудей Божьих*,
 Зори ясныя от риз Божьих,
 Звезды частыя *от очес Божьих*,
 Дожди сильные от мыслей Божьих,
 Ветры буйные от Свята Духа,
 Самого Христа, царя небесного.

Разумеется, социальная организация общества, отраженная в мифе о Пуруше, — относительно позднее явление. В более архаичных традиционных обществах социальный статус человека тесно связан и в конечном итоге произведен от его возраста. Поэтому вполне допустимо думать, что четыре варны могут восходить к более ранней стратификации общества по четырем поколениям — отцов, детей, внуков и правнуков, для которой также в силе оставалось тождество рода и (перво)человека. Показательно, что и в древнеиндийской мифологии *ноги* обозначают принадлежность к низшей (4-й) касте, и в малагасийском языке *колено* (часть ноги) указывает на потомков 4-го (заведомо не прошедшего обряда инициации

и в силу этого — социально неполноценного) поколения. В этом перекрестном свидетельстве мы видим еще одно доказательство состоятельности предлагаемой этимологии.

Хотя (производное от «невзрослости») значение социальной неполноценности и сохранилось в русском слове *человек*, этот факт пока по достоинству не оценен этимологами как один из весомых аргументов в пользу этимологии Циммера: «2. *Устар.* Дворовый; вообще слуга мужского пола, лакей. <> Крепостной, дворовый человек. <> Чей-нибудь человек. || Слуга в трактире, ресторане» [БАС-1 17:826—827]. Удивительным образом эти значения русского слова отсутствуют и у О. Н. Трубачева [ЭССЯ 4:49]. Показательно, что семантика социальной неполноценности, подчиненности составляет все содержание и русского слова *челядь*: «1. В древней и Московской Руси — население феодальной вотчины, находившееся в разных формах зависимости от феодала (холопы, закупы, смерды и др.); 2. Дворовые люди, прислуга (в помещичьем доме). || О слугах вообще. || Перен. О домочадцах, приживальщиках (в богатом, помещичьем доме). || Перен. О людях, занимающих невысокое служебное или общественное положение. || Перен. О тех, кто лакейски прислуживает кому-нибудь, угодничает перед кем-нибудь» [БАС-1 17:838—839].

Оба эти слова сохранили в себе следы древнейшего значения ‘колено’, последовательно выводимого из значения социальной неполноценности. Ср. также греч. *κέλιος* ‘сын, потомок’ [ЭССЯ 4:50].

Совершенно очевидно, что слово со значением ‘лоб, чело’ не могло дать таких производных. Ср., например, словен. *načelnik* и польск. *naczelnik* ‘налобная повязка’ и ‘начальник, предводитель, глава’ [ЭССЯ 21:224].

Слово *человек* невозможно понять и до конца объяснить вне его отношений со словом *люди* (древнее значение — собирательное: *людь, людь*).

Во-первых, оппозиция *людь* || *человек* воспроизводит оппозицию *целое* || *часть (тело || член)*.

Во-вторых, в оппозиции *людь* || *человек* просматривается и другая оппозиция — ‘свободный’ || ‘зависимый’ как вариант оппозиции ‘социально полноценный’ || ‘социально неполноценный’.

В-третьих, слово *людь* выводят из индоевропейского корня **leudh-* 'расти': «...образ завершённого процесса роста, результатом которого является телосложение человека, в иных местностях мог давать собирательное понятие, такое, как родство, корень, происхождение, и переходил на обозначение этнической группы, совокупности людей, совместно родившихся и развившихся [т.е. людей одного поколения. — А.К.]. <...> Таким образом, понятие «свобода» формируется на основе социализованного понятия «роста» — роста определенной социальной [а первоначально — возрастной. — А.К.] категории людей, развития определенного коллектива» [Бенвенист 1995:213].

Тем самым мы получаем еще одну оппозицию: 'поколения взрослых' || 'поколения детей'.

Главный вывод, который позволяет сделать сопоставление слов *люд* и *человек*, состоит в том, что тут мы имеем дело со своеобразным проявлением категории 'инклюзивности' || 'эксклюзивности' или 'неотчуждаемой || отчуждаемой принадлежности', характерных для индоевропейского языка.

Человек свободен и социально полнопредан как часть *люда* (рода, социума) и в то же время *человек* неполноценен и неполнопредан сам по себе, вне социума — совсем как часть тела вместе с телом и отдельно от него. Думается, эту категорию *человек* и *люд* позаимствовали у тела и его членов, которым в индоевропейском языке и была свойственна категория 'неотчуждаемой — отчуждаемой принадлежности'. Важность этой оппозиции естественным образом привела к формированию супплетивизма: *человек* (вне рода, сам по себе, социально неполноценный), но *люди* (человек как часть рода, социума, человечества — социально полноценный и свободный).

Относительно семантической трансформации 'коленный потомок' > 'человек'. По существу, правы были звери Р. Киплинга, называвшие *человека* (Маугли) «человеческим детёнышем». Тут следует вспомнить и словосочетание «сын человеческий» («наименование, придаваемое Иисусом Христом себе самому» [Срезневский 1903, 3:873]) как синоним слова *человек*. По существу, мы имеем дело с архаической этимологической номинацией, при которой порожденное характеризуется через порождающее. Ср. ее отражение в пословице «Яблоко от яблони недалеко падает» или в «Голубиной книге»:

«Отчего зачался у нас белый свет, Отчего зачалось солнце красное, Отчего зачался светёл месяц, Отчего зачались зори ясныя, Отчего зачались звезды частыя, Отчего зачались дожди сильныя, Отчего зачались ветры буйныя?» [Федотов 1991:125—126], или в былинах: первый вопрос, задаваемый встречному человеку, — «какого ты роду-племени?». Ср. сходное диалектное: «Ты чей?»⁷⁰.

Современное значение слова *человек* ‘представитель вида *Homo Sapiens*’ могло проявиться и возникнуть только благодаря оппозиции ‘человеческий || звериный детёныш’, обобщенной в оппозицию ‘общественное || природное существо’.

Этимология существительных *шест* и *шестерня*

Слово *шест* встречается только в русском и белорусском (*шост*) языках. В памятниках — впервые в Новгородской первой летописи по Синодальному списку в описании событий X в., связанных с крещением Руси.

В этимологизации слова *шест* сложилась следующая ситуация.

Н. М. Шанский и др. повторяют М. Фасмера. П. Я. Черных связывает с *чесать*, приписывая ему семантику ‘сечь’ [Черных II:410]: *шест* < *x=es=t < kx=es=t < ks=es=t; при *kes- ‘скрести, скоблить’ и греч. ζέω ‘строгаю, обтачиваю’, αλοζέω ‘отрубаю, соскабливаю’, ζέσσι ‘оскребок, стружка’. Этимология П. Я. Черных красива и во всех отношениях приемлема, если забыть о существовании свидетельств балтийских языков. *Шест* вместо *шѣст* = *шост* М. Фасмер вслед за А. И. Соболевским объясняет словом *шестик* аналогическим выравниванием *шеста* по *шестику* (сомнительное объяснение).

Если восточнославянские и балтийские языки имеют лексические соответствия, это может быть результатом двух процессов: либо древним восточнославянским диалектизмом, восходящим к общему с прабалтийским языковым состоянием

⁷⁰ Фактическое подтверждение эта часть нашей этимологии находит в статье В. В. Иванова (1973).

предку; либо это заимствование из балтийских языков в правосточнославянский.

Реконструкция М. Фасмера не выдерживает критики. Из балтийских слов лит. *šiekštas* ‘ствол дерева, очищенный от корней; колода для пленных’, лтш. *siēksta* ‘часть срубленного дерева, колода, валежник’ [Фасмер IV:432], закономерно предполагая для них и славянского общий этимон-предок, никак не вывести славянского **šstь*, предполагаемого М. Фасмером: должно получиться *{*šьk=st_ь*} = **шасть*.

Ясно, что семантика должна восходить к ‘сечь’, но примирить эту семантику и форму слова можно, лишь предположив балтийское заимствование. Только тогда получает объяснение *шек-* на месте *ськ-*.

С учетом географии слова (Новгород и Белоруссия, т.е. области сопредельные с ареалом балтийских языков), предположение о слове *шест* как о заимствовании из балтийских языков представляется наиболее правдоподобным.

О *шестерне*. Для нее семантика ‘ходить’ органична {хд=т=ер=ьнй_а}. Вокализм корня может объясняться изменением до неузнаваемости в случае утраты и как следствие — восстановлением гласного по аналогии: *шестерня* должна бы дать **шстерня* > *стерня*. Тут, по-видимому, включились морфологические и лексико-семантические механизмы, не допустившие закономерного фонетического рефлекса, ведущего к нежелательной омонимии. (Хотя омонимия никогда не бывает желательной, она может быть терпимой, если допускает народноэтимологическую интерпретацию.)

Не исключено также происхождение *шестерни* от слова *шесть* — по числу зубьев.

Этимология слов *шур*, *шурить*, *шука*

Достоверной этимологии слово *шур* не имеет [Фасмер III:356, IV:510—511]. Р. Якобсон высказал предположение о *шур* как о первоначальном обозначении хтонических существ. Это обозначение само вторично и нуждается в этимологии.

Решение подсказывает латинское слово *ob-scurus*, родственное греч. *skoteinōs*, санскр. *skauti*, *skutāh*, лит. *skuurā* и греч.

skutos, kūtos. В таком случае родственно лат. *cutis* и герм. *huut* ‘кож(ур)а’ [Ernout, Meillet 1951:456].

Отсылка к *cutis* ‘оболочка, внешнее покрытие’ указывает на связь со значениями ‘кожа, кожа’: прусск. *keuto* ‘кожа’, лит. *kiāutas*, мн. *kiautōs* ‘оболочка’. Литовский указывает на ступень вокализма варддхи **keeut-*, как и греч. *eg-kutī* [Ernout, Meillet 1951:161].

Семантическая цепь: ‘кожа, покров > покрывать, закрывать (кожей) > покрывать, закрывать глаза (кожаными складками-веками) > темнить > обитатель тьмы = хтоническое существо > конкретный представитель хтонических существ’.

Через значение ‘прикрывать глаза (кожей, кожаной складкой)’ становится понятна связь со словом *щур* ‘покойник’ (ср. *жмурить глаза* > русск. жарг. *жмурик* ‘покойник’; *жмур* ‘умерший человек, покойник’. *Ещё одного жмура несут*. Хакас. Краснояр., Городецкий [с пометой «вульг.»] [СРНГ 9:206]; *жмурки* ‘умершие люди, покойники’ Росл. Смол., Слов. Карт ИРЯЗ [СРНГ 9:207]; *жмурчок* ‘умерший человек, покойник’. Пск., 1904—1918 [СРНГ 9:207]) и *пращур* ‘далёкий (умерший) предок’. Ср. *Смежить глаза (очи)*. Умереть, почить [БАС-1 13:1335]; *Закрывать (свои) глаза*. Умереть [БАС-2 V—VI:412]. Связь *щура* с хтоническими существами могла установиться в связи с распространением обычая захоронения в земле.

А. Брюкнер прямо объединяет значения ‘бритья, удобы, мышей-скорпионов-сверчков и прадедов-правнуков’, фактически указывая на индоевропейский корень **sku-/skou-/skeu-* с различными расширениями: *-b*, *-r*, *-p*, *-t*. Из литовского языка добавляет *skutum* ‘брею (= шкуру. — А.К.)’, *skutos* ‘опилки’ из лтш. *-sku-t*, *skuwu* ‘брить’ [Brückner 1970:545].

Через слово *щура* просматривается также связь со *скорняком* и *корой*.

В таком случае *щур* и *чур* — одно и то же: ‘покойник, умерший предок’; фонетическое различие объясняется наличием—отсутствием *s-mobile* (**skeurь* — **keurь*). Такое объяснение предложено И. М. Желтовым и отвергнуто без мотивации М. Фасмером. Отождествление *щура* и *чура* в значении ‘дух почитаемого предка в славянской мифологии’ воспроизведено В. Н. Басиловым в энциклопедии «Мифы народов мира» [1988, II:654].

Сближение *щур* и *щурина* неблагополучно не столько формально, сколько семантически: *щур* означает умершего кровного родственника, *щурина* — живого и не кровного.

О. Н. Трубачев *щур* возводит к корню **čьrt-* фактически на одном семантическом основании, списывая формальное неблагополучие этимологии на экспрессивность [ЭССЯ 4:134].

Сюда же *щука-щурёнок* как хтоническое существо, обитающее в нижнем мире.

Щурята, *щурёнок*. *Щурий* детёнышъ [Даль 4:1512—1513].

Традиционная этимология, возводящая *щуку* к глаголу *щупать* и опирающаяся преимущественно на польск. *szczupak*, *szczubiel*, не выдерживает критики. А. Брюкнер сам пишет, что праславянская форма — только *щука*, а *szczupak* засвидетельствовано не ранее XVIII в. Следовательно, польское слово может быть поздним народноэтимологическим образованием и при решении вопроса о праславянской этимологии не должно приниматься во внимание. Обоснованное сомнение в традиционной этимологии выразил и П. Я. Черных, правда, не предложивший альтернативы [Черных II:437].

В Словаре Даля много материала, подтверждающего сакрально-ритальную отмеченность *щуки*:

«*Щурь* — влгд. Какая-то рыба, которой не едят, щучка?

Если щука плеснёт хвостом перед рыбаком, то ему недолго жить» [Даль 4:1512—1513].

Щука под яйцами, кушанье [Даль 4:1512].

Объяснение последнему свидетельству находим у В. В. Похлёбкина: «... у финно-угров, питающихся в повседневной жизни лучшими сортами сиговых, лососевых и осетровых, *щука* сохранила лишь ритуальное значение, связанное с древнейшей мифологией и верой в переселение душ (*щука* — **бывший человек**) (курсив мой. — А.К.), и, таким образом, уважение к ней у этих народов связано не с кулинарной высокой оценкой, а с историко-религиозной» [Похлёбкин 2003:952].

В свете сказанного понятно, отчего в русском фольклоре *щука* разговаривает с героем сказки и тот не удивляется, а выполняет ее просьбу — пускает в море (единственное море, в котором может жить *щука*, благодаря пониженной концен-

трации соли за счет впадающих в него рек, как раз Балтийское — регион обитания прибалтийско-финских и балтийских народов).

Соседство *працура-щуки* и яйца — символа обновления, круговорота жизни символически мотивировано.

Описание приготовления *щуки* в финно-угорской кухне, содержащееся у В. В. Похлёбкина, дает представление о том, какое именно блюдо может называться у В. И. Даля «щукой под яйцами». Древние ностратические связи уральцев и индоевропейцев, а также длительное сосуществование финно-угорских народов и славян (ср. фонетически сомнительное предположение В. Н. Топорова и О. Н. Трубачева о финно-угорском происхождении слова [Фасмер IV]) требуют отнести к этому свидетельству с особым вниманием, независимо от того, что перед нами — общее наследие или культурное заимствование: *«щука, нарезанная кусками, перемешивается с большим количеством лука, солится, помещается в глиняный горшок и заливается смесью молока с яйцом, а затем ставится на 30—40 минут в сильно разогретую духовку. Яйца, всплывая и застывая наверху горшка, создают полную герметизацию, а молоко, будучи плотно закрыто, буквально выжигает при своем кипении из щуки все запахи и сильно размягчает ее мясо, поскольку кипит без доступа воздуха, под давлением. После этого остатки горького и загрязненного перекипевшего молока сливаются, и щучье мясо в преобразованном виде приобретает приятный вкус и нежную консистенцию»* [Похлёбкин 2003:952].

По моему прошению, по щучьему велению сказочн.

Щука, как и положено *щуру-чуру*, обладает сверхъестественными возможностями по исполнению желаний. Сама семантическая связь *щура-рыбы* и *щура-человека* должна толковаться в духе дологического синкретизма. Отождествление предков с существом нижнего мира прекрасно согласуется с индоевропейскими представлениями древних греков об Аиде как подземном царстве мертвых.

Связь рыбы и *чура* представлена в тексте заговора: *«Обереж: как первую рыбу добудешь и с остроги снимешь и говорить в рот ей трижды и плюнуть: чур моей рыбы и чур мо-*

его промыслу, чур моей думы, крови, чур меня р.Б. (имя рек), промышленника, чур моего коршика (кормщика, рулевого. — А.К.). И положить рыбу в лодку и поезжай. Бог в помощь». (В труды Этно. Отд. 1878. От г.Хромцова) [Забылин 1880:251—252].

Что касается слова *щурка*, приводимого там же, то оно, в отличие от слова *щур*, не подтверждено ни географически, ни примерами-речениями и представляет собой скорее этимологическую реконструкцию, чем реально засвидетельствованное слово.

Единственное документированное *ряз. щурка* имеет значение ‘крюк, кочерга’ и вполне может трактоваться как вариант слова *чурка* с *s-mobile*. В этих словах присутствует поздний суффикс *-ък*, а не *-к* — детерминатив (расширитель) корня, как в слове *щука*, чем и объясняется утрата сонорного [Р] перед менее звучным [К] (по закону восходящей звучности).

IV. ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

О вторичности значения 'дерево' в индоевропейском праязыке

Происхождение слова, обозначавшего дерево в индоевропейском праязыке, давно интересует этимологов. Несмотря на то, что наукой уже накоплена критическая масса знаний для решения данной проблемы, нельзя утверждать, что эта масса востребована и использована.

Одним из свидетельств тому может служить последнее по времени фундаментальное исследование проблем индоевропистики Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова [1984:613], в котором немало внимания уделено семантике индоевропейской лексемы **t'e/oru-*, **t're/ou-*⁷¹. Для индоевропейского праязыка исследователи реконструируют значения 'дуб' и 'дерево' (как 'растение' и 'древесина'). Из значения 'дуб' выводится значение 'прочность, надежность, верность'.

На первый взгляд всё благополучно: из видового значения 'дуб', являющегося своего рода эталоном дерева по прочности, твердости, верности, — тут исследователи, фактически следуют за Г. Остгофом [Osthoff 1901:169f] — развивается родовое понятие 'дерево вообще'.

Правда, непроемкая основа, точнее основа с детерминативом *-(e/o)u-⁷², обозначает 'дуб' только в кельтских язы-

⁷¹ Имея в виду концепцию Т. В. Гамкрелидзе и В. В. Иванова, мы пользуемся символикой, представленной в их монографии. В остальных случаях — традиционной формой представления индоевропейских реконструкций.

⁷² Ср. детальный анализ формальной стороны этимологии этого слова у О. Н. Трубачева [ЭССЯ 4:211—213], Г. Нады [Nady 1970:117—118], К. Г. Красухина [1998:34].

ках. В древнегреческом языке, на который ссылаются авторы, древнейшими являются значения 'дерево', 'древесина'. Гомеровское *τα δρυα* 'дубовый лес' является производным словом и в греческом ареале оказывается в изоляции, учитывая, что македонское *δαρυλλος* 'дуб' имеет полное галльское соответствие и может быть результатом греко-кельтских контактов. При этом, как доказал Э. Бенвенист, «*δρυς* не всегда имело в греческом значение 'дуб': древние комментаторы Гомера писали, что первоначально словом *δρυς* называли любое дерево, о чем свидетельствует, в частности, словосочетание *δρυς πιερα* 'смолистое дерево, сосна' у Софокла (Трах. 766)» [Бенвенист 1995:86]. Албанский язык, также привлекаемый авторами для реконструкции значения 'дуб', в непроизводной форме (*dru*) дает значение 'древесина, дерево'; значение же 'дуб' имеет лишь производное слово *drush-k*. Кроме того, балтийские рефлекс лексемы **t'e/oru-*, **t're/ou-* обозначают не дуб, а 'сосну, смолу', следовательно, с одинаковым основанием можно считать «первичным» как значение 'дуб', так и значение 'сосна'. Если же учесть лат. *larix* 'лиственница' (с нерегулярным, хотя и нередким *l* вместо *d*), то у 'сосны' как хвойного дерева будет даже преимущество⁷³.

Вторая странность предлагаемой реконструкции состоит в том, что лексема **t'e/oru-*, **t're/ou-* относится к неактивному классу, тогда как любая другая лексема, обозначающая дерево, включая и сам дуб (лексема **p^(h)erk^(h)u-*), относится к активному классу и «никогда не обозначает 'древесины' [Гамк-релидзе, Иванов 1984:613—614]. Ср. утверждение тех же авторов в другом месте: «К именам активного класса относятся именные образования, обозначающие людей, животных, *деревья*, растения, то есть имена, денотаты которых характеризуются наличием у них жизненной активности, в противовес именам неактивного класса, денотаты которых являются

⁷³ Ср. мнение Э. Бенвениста: «...если вывод, к которому приходит Г. Остгоф, правилен, то реконструируемое название дуба должно быть общеиндоевропейским и присутствовать во всех языках в данном значении. <...> В случае с реконструкцией Г. Остгофа дело обстоит совершенно иначе: слово со значением «дуб» представлено только в одном языке и даже только в один определенный период существования языка» [Бенвенист 1995:85—86]. Ср. также критику этимологии Г. Остгофа в [Бенвенист 1974:340—343].

объектами, лишенными жизненного цикла... Поэтому **имена, обозначающие деревья в индоевропейском, относятся к активному именному классу...** (выделено мной. — А.К.)» [Гамкрелдзе, Иванов 1984:273].

Третье сомнение связано с особенностями того типа мышления, который был присущ носителям индоевропейского праязыка. Этот тип мышления был конкретным, и ему вначале не требовались, а затем долго «не давались» отвлеченные, общие, родовые понятия. В. Н. Топоров, анализируя семантику движения, пишет об этом так: «Разумеется, были языковые средства выражения значений разного типа, так или иначе отражающие эмпирические различия в характере движений, но сама (общая. — А.К.) идея движения лишь неясно и очень предварительно и приблизительно мерцала в обозначениях конкретных действий, которые и были первичными (*идти, бежать, ехать, лететь, плыть, ползти, шевелиться* и т.п.), и не собиралась, так сказать, «отчуждать» своих смысловых потенций для формирования общего понятия движения» [Топоров 1996:14].

Таким образом, реконструкция для индоевропейского древнейшего слова с общим родовым понятием ‘дерево’ противоречит всему, что нам известно о типе мышления, отраженном в индоевропейском праязыке. При этом исследователями, по существу, игнорируется результат, полученный другими этимологами: «Значение ‘дуб’ является позднейшим и завершает эволюцию смысла этого слова, промежуточным этапом которой было значение ‘дерево’ и которая начиналась с исконного значения ‘быть крепким, твердым’» [Бенвенист 1995:87].

Как видим, по мнению Э. Бенвениста⁷⁴, ни значение ‘дуб’, ни значение ‘дерево’ не являются первичными для индоевропейского праязыка. Правда, ни Ф. Шпехт, ни Э. Бенвенист ничего не говорят о происхождении значения ‘твер-

⁷⁴ Тут он следует за Ф. Шпехтом [Specht F. KZ LXXV:198 и др.; LXVI:58 и др.], считавшим первичным субстантивированное прилагательное среднего рода **dōru* ‘нечто твердое’, откуда ‘дерево’ и ‘дуб’.

дое; быть крепким, твердым', признаваемого ими наиболее древним.

Метод, примененный Э. Бенвенистом к реконструкции индоевропейских древностей, доказал свою продуктивность, и нет причин не воспользоваться им и в данном случае. Суть его состоит, во-первых, в принципиальном различии языкового значения слова (сигнификата) и его конкретного речевого употребления применительно к данному предмету (десигната, обозначения), а во-вторых, в том, что, находя «позицию нейтрализации» между старым и новым значением, мы получаем возможность реконструировать древнейшее значение слова [Бенвенист 1974:8; 1995:12]. «Речь идет о том, чтобы с помощью сравнения и диахронического анализа выявить значение там, где вначале мы имеем лишь обозначение. Таким образом, временной параметр становится параметром объяснения» [Бенвенист 1995:29].

Следовательно, в данном случае необходимо найти ту вещь, в которой различие между породами деревьев оказалось бы несущественным и которая одновременно имела бы отношение к глаголу **der-* 'драть', — связь, давно предполагаемая этимологами (Kuhn A. KZ IV:84—86).

В таком поиске способно помочь наблюдение В. Н. Топорова: «Коллективное сознание мифопоэтической эпохи (и не только ее), исходя из общего и розного в стоянии и лежании, нередко склонно к еще большей поляризации смыслов этих двух состояний и к резкому противопоставлению их в оценочном плане по шкале «хорошо — плохо». <...> Этому разведению «стояния» и «лежания» по разным полюсам оценочного (аксиологического) пространства соответствует четкое разграничение наиболее интенсивных смыслов этих двух действий-состояний и соответствующих им пространств, на которые, между прочим, эти действия-состояния могут и проецироваться... Всё это дает известные основания предполагать, что современное употребление этих пар глаголов «стоять» — «лежать», «ставить» — «полагать» является результатом некоей профанизации, обытовления, снижающего смешения исходной ситуации; что первоначально эти лексико-семантические различия... имели статус *категориальных* различий и (помимо всего другого) определялись связью с категориями «ан-

тропности» или «вещности», если говорить опять-таки о наиболее далеко разведенных друг от друга и потому наиболее интенсивных смыслах. Именно такое понимание более всего соответствует *различению активности-инактивности*, отражающейся, в частности, и в структуре категориального пространства целого ряда языков, *захватывая при этом и имя существительное, и глагол, и их синтаксические связи* (выделено мной. — А.К.)» [Топоров 1975:44—45]. Таким образом, оппозиция «стоять-лежать» соответствует оппозиции «антропность-вещность», и обе они восходят к оппозиции «активность-инактивность», пронизывающей и организующей весь строй индоевропейского праязыка как языка активной типологии⁷⁵.

Если деревья конкретных пород относились к активному классу и обслуживались активным глаголом ‘стоять’, то относившееся к инактивному классу слово **t'e/oru-*, **t're/ou-* с обобщенным значением ‘древесина, дерево’ должно было обслуживаться инактивным глаголом ‘лежать’. Следовательно, данная лексема должна была обозначать не стоящее, а лежащее дерево. Действительно, лежат уже те деревья, которые выпали из жизненного цикла, а тем самым перестали относиться к активному классу. Умирая, дерево теряет сначала листья или хвою, затем — кору и ветки, по которым, собственно, мы и различаем породы, — остается голый ствол, обладающий минимумом породоразличительных признаков. Остается древесина — мертвое тело дерева, твердое, плохо поддающееся обработке, но годящееся для создания надежных изделий, например, таких, как копье. Лежащее, мертвое дерево без листьев, коры и веток — вот та «позиция нейтрализации», в которой различие пород становится несущественным. Впрочем, только на глаз: в обработке древесины дуба отлична от древесины липы или сосны. Поэтому мы хотя и приблизились к позиции нейтрализации, но еще не дошли до нее.

⁷⁵ Ср.: «Семантической доминантой языка активной типологии является именная классификация бинарного типа (актив-инактив), определяющая, в сущности, всю структуру языка — как систему склонения, так и систему спряжения. Морфологические и синтаксические потенции глагола зависят от данной бинарной классификации имен» [Гамкрелидзе, Иванов 1984:312].

Начиная с А. Куна [Kuhn A. KZ IV:84—86] и по сей день этимологи связывают корень **t'e/oru-*, **t're/ou-* с корнем **t'e/or-*, **t'r-* 'драть', объясняя 'дерево' как 'ободранное от коры' (ср. у В. В. Левицкого: «Развитие значения: 'драть, обдирать (кору)' > 'дерево' > 'твердый, надежный'» [Левицкий 1994:215]. В. Мажюлис также следует за А. Куном, возводя 'дерево' к и.-е. **der-* 'драть', не отказываясь при этом и от концепции Шпехта—Бенвениста [Mažiulis 1:224—226; Аникин 1994:201].

В этимологии А. Куна ошибочно лишь понимание значения 'драть' как 'обдирать, ошкуривать'⁷⁶. Всё становится на свои места, если понять 'драть' на фоне материальной культуры древних индоевропейцев как технический термин архаичного (до-подсечного) земледелия, т.е. как 'выдирать (из земли)'. Техника эта состояла в том, что корни дерева поочередно подрывались, под них подводились лаги (бревна), которыми как рычагами и выдирались, вырывались из земли корни. Затем драли другой корень, и так до тех пор, пока дерево не лишалось опоры и не падало. При отсутствии возможности срубить дерево (а она, по крайней мере теоретически, появилась лишь в бронзовом веке) это едва ли не единственный способ повалить его. Разумеется, первоначально деревья драли не ради древесины, а расчищая место под деревню и пашню. Расчистка земли от деревьев была частью подсечно-огневой системы земледелия в лесной местности, а тем самым — экономической основой земледельческого образа жизни. Славянские языки прекрасно сохранили эту архаичную семантику в отглагольном существительном **dorь*, соотносимом с глаголом **dbrati*: др.-русск. *дорь* 'земля, расчищенная под пашню и под угодь', русск., арх., волог. *дор* 'вновь расчищенное место', сев.-двинск. 'пустота под древесными корнями', в которую и вставлялся рычаг для выдирания корня из земли, арх. 'нора' по семантике соответствует др.-инд. *dara-* 'отверстие в земле', 'нора, яма', т.е. именно то, что и получается после выдирания дерева из земли [ЭССЯ 5:79].

⁷⁶ Независимо от автора статьи к аналогичному выводу пришел К. Г. Кра-
сунин (устное сообщение 13 мая 1999 г.).

Первоначальная семантика лексемы *t'e/or-u-*, **t'r-e/ou-* реконструируется нами как 'выбранное (из земли)'; именно это значение является позицией абсолютной нейтрализации различий между деревьями различных пород (ср. *выворотень*, *выворот* 'дерево, вывороченное с корнем' — порода дерева в данном случае безразлична). Представление о *семантических* отношениях (и только о них!) глагола и отглагольного существительного могут дать, как это ни неожиданно, факты современного русского языка: *молоть* — *мелево*, *варить* — *варево*, *жарить* — *жарево*, *зарить* — *зарев*, *морить* — *марев*, *курить* — *курево*, *печь* — *печево*, *крошить* — *крошево*, *месить* — *месиво*, *сочить* — *сочиво*, *драть* — *дерево*.

Естественно, что выбранное дерево было мертвым и относилось к инактивному классу, практический интерес могла представлять лишь его древесина⁷⁷.

Таким образом, индоевропейская лексема **t'e/or-u-*, **t'r-e/ou-* является весьма архаичным именем инактивного класса, производным от глагольного корня **t'e/or-*, **t'r-* 'драть, рвать, выдирать' с первоначальным значением 'то, что выдрано (из земли)'; из этого значения развилось значение 'древесина'. Впоследствии значение могло развиваться в утилитарном направлении, намеченном Г. Остгофом, а также Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Ивановым: «Очевидно, форма среднего рода (древнего инактивного класса) *t'oru-* и обозначала первоначально именно 'дуб' как 'древесину', 'материал для изготовления различных предметов и сооружений', тогда как само растущее дерево 'дуб' выражалось словом несреднего рода (древнего активного класса) **p^(h)erk^{(h)°u-}* s» [Гамкрелидзе, Иванов 1984:617].

Данное предположение можно принять с одной поправкой: значение 'древесина дуба' не было «первоначальным», оно могло развиваться в результате конкретизации значения: 'древесина (вообще)' > 'древесина (по преимуществу)', т.е. 'древесина дуба' как наиболее прочного, «эталонного» материала. Из значения 'древесина дуба' и развилось, по-видимому,

⁷⁷ Хотелось бы обратить внимание на слово *дровосек* и его структурные эквиваленты в других индоевропейских языках. В свете предложенной реконструкции первоначально *дрово-секи секли* именно упавшие, сухие, мертвые деревья.

значение 'прочный, твердый, верный'. Отметим, что этот семантический процесс вряд ли мог иметь место до эпохи бронзы, поскольку каменные орудия едва ли позволяли обрабатывать дуб.

После смены активного строя индоевропейского языка номинативной конструкцией, повлекшей утрату оппозиции «активный — инактивный класс», появилась возможность для метонимического формирования на базе значения 'древесина (вообще)' обобщенного значения 'дерево (вообще)', а затем — вследствие специализации семантики — семемы 'дерево по преимуществу', что в различных географических районах дало семемы: 'дуб' (кельты, албанцы, греки), 'сосна' (балты), 'лиственница' (италики) и т.д. При этом следует подчеркнуть, что значение 'дерево вообще' было востребовано обществом с принципиально иным⁷⁸ типом мышления, чем у того, в котором появилась лексема **t'e/or-u-*, **t'r-e/ou-* 'нечто выдранное'.

Следовательно, мы получаем возможность непротиворечивым образом объединить едва ли не все мнения о семантической эволюции индоевропейского обозначения дерева в следующей схеме:

⁷⁸ Уже логическим и в этом смысле современным.

Рефлексы индоевропейского корня *geul-/goul-/gul- в русских диалектах

Данная статья посвящена аргументации принадлежности к данному корню слов *разгильдяй*, *гиль*, *гулять*, *жулить* и некоторых других, а также рассмотрению гипотезы о родстве с данным корнем также слов *жилить*, *галдеть*, *глагол* и слов, родственных последним.

Этимология А. И. Попова для русского слова *разгильдяй* — из татарск. *уразгильдей* не дает ответа на вопрос о причинах появления под ударением [á] вместо ожидаемого [é]. Кроме того, предполагать заимствование следует лишь тогда, когда все возможности этимологической интерпретации слова на исконной почве исчерпаны. В данном случае это не так. Поиски же исконной этимологии велись, как нам кажется, не совсем в том направлении.

Ближайшим родственником *разгильдяя* может быть *гультай* (из *гулять*; как *лень* — *лентяй* — так считал уже М. Фасмер [I:473]). Если глаголу *разгулять(ся)* сопутствует *разгуляй*, а глаголу *гулять* — *гультай*, то возможен и даже системно необходим **разгультай*. К такому выводу склонялся и В. В. Виноградов: «К глаголу *изгиляться* примыкает производное — *изгиляй* м. вл. ‘висляй, шатун, лентяй, повеса, огуряла’. Быть может, в этот ряд входит и *разгильдяй*» [Виноградов 1994:123].

Озвончение [т > д] носит, скорее всего, экспрессивный характер, хотя нельзя исключать и дистантную прогрессивную ассимиляцию по звонкости, а чередование у||и объясняется как апофония корня. Ср. *Гиль* — ‘смута, мятеж, вздор’ [Фасмер I:406].

По поводу последнего. Сибирский глагол *гилдить* «повторять одно и то же» Енис., 1865 [СРНГ 6:170] подсказывает этимологию: то же, что *галдеть* {гълд=ѣ=ть}, но с удлиненным вокализмом. Ср. тот же вокализм корня (без детерминатива -д-). Именно этим объясняется отсутствие перехода [г > ж] в корне: [и] появился уже после того, как прекратила свое действие в корне 1-я палатализация. Польск. *galda* — явное заимствование из русского. В таком случае не остается никаких оснований для реконструкции **gal=ъd_ъ* [Фасмер

I:385] и никаких препятствий для интерпретации *галдеть* как {гъл=д=ѣ=mi_#}. Приблизился к истине В. В. Иванов [Шанский и др. 1971:101], видящий тут корень *голд-*, но слишком прямолинейно сближающий его с корнем *гол-* (глагол < *гол.гол_ѡ) и для этого предполагающий суффикс {-ѡд_а}, тогда как корень {гъл-} имеет скорее древний индоевропейский детерминатив (расширитель корня) -д-, а сам корень гъл- (в отвлечении от расширителя), хотя и может быть соотнесен с корнем *гол-* в слове *глагол*, но не непосредственно, а как нулевая ступень корневого вокализма с тембровой.

Слово *гил* — диалектный вариант (с удлинением, как и положено имени, вокализмом ъ > ы) исконного {гъл=д_ѡ}, представленного в глаголе *галдеть*, существительном *галдѣж*. Фонетически вариант корня *гил-* естественно объясняется как ступень удлинения редукции при образовании отглагольного существительного: гъл > гыл > гил (ср. *гибель* > *гиль*).

Семантическая близость слов с корнем *гил-* упорно подталкивает к тому, чтобы увидеть их генетическую близость: авторы СРНГ напрасно считают омонимами 1 *гил* '1. Молва, толки, слух; 2. Намек. и 2 *гил* шутник, балагур. *Гил-баба*. О бойкой женщине, шутнице; бой-баба. *Ну уж только она и гил-баба!* Г. Пинега, Арх., 1850' [СРНГ 6:170]. Устойчивое словосочетание указывает на эквивалентность *гил-бой*.

Это значение подкрепляется глаголом *гилить* и *гылить* (!!)' 'в игре в мяч — подбрасывать мяч, чтобы другой игрок его бил; вообще водить в какой-либо игре (в мяч, свайку и др.)'. *Ты гыли, а я буду бить*. Курск., 1858 [СРНГ 6:171].

Сюда же *гилка* '2. В игре — палка, которой бьют мяч. Курск. *Гилка хорошая, да мяч мал.*' Курск, Орл., Ейск, Кубан. (ср. укр. *гилка* 'лапта') [СРНГ 6:171].

Гилы мн. '1. Игра в мяч, похожая на лапту. «Игра в мяч, в которой одна сторона бьет с кону мяч, а другая, находясь в поле, бьет мячом в поставленную на кону цель, пока или попадает в оную, или поймает мяч на лету, и тогда стороны меняются между собою: первая идет в поле, а вторая заступает ее место». Дон., 1874 [СРНГ 6:171].

Гильщик 'тот, кто водит в игре (обычно в мяч)'.

Гиля '1. Игра в мяч. Курск. 2. Палка, которой бьют мяч в игре'. Курск. [СРНГ 6:172].

Гыля '1. Игра в мяч. Обоян. Курск., Машкин. 2. Палка, которой бьют мяч при игре'. Обоян. Курск., Машкин [СРНГ 7:252].

Игра в мяч несомненно является пережитком древнего священного ритуала. Вырождение в развлечение — судьба всех ритуалов. Ср. корриду в Испании или древнюю игру в мяч у басков и грузин [Покровский 1959]. Ее культурная ценность заставляет особенно внимательно отнестись к ней. При этом культурная укорененность ритуала предоставляет этимологу уникальные возможности, отсутствующие при анализе других слов: он может идти от семантики к фонетике, не опасаясь подводных камней, подстерегающих его в остальных случаях.

Ср. также *гиреть* 'играть в мяч'. Смол., 1956 [СРНГ 6:174].

Голеть 'в игре — бросать мяч'. *Поканаются на палке, кому голеть, а кому водить; если гольнешь, а голок поймаю, то отводил.* Новосиб., 1964—1965 [СРНГ 6:292].

Голить '1. Конаться, считаться (в игре). *Голят* — считают: «колок за колок голят». Тобол., 1896. 2. [знач.?] Забавы. В мяч: *голить, поймал голенку* (поднял мяч)'. Тобол., 1896. Ср. 4. *Галить* [СРНГ 6:294].

Гал, *на галу* 'на лету, не на земле'; *в гал* 'вверх (обычно высоко)': *бросить мячик, камешек в гал.* Арх. — Ср. *Галом* [СРНГ 6:103].

Гала '1. Род игры. Новг., 1898. 2. Палка, которой играют дети'. Новг., 1898 [СРНГ 6:103].

Галевой 'тот, кто подает шар, мяч в игре; кто отыскивает играющих в прятки; вообще ведущий игру'. Ср. Урал., 1964. 'Тот, кто бегаёт за шаром (в играх)'. Перм., 1930 [СРНГ 6:109].

Галель 'то же, что *галельщик*'. Перм., 1859.

Галельщик 'тот, кто водит в игре'. Урал., 1924. — Ср. *галильщик*.

Галёнка, голёнка '1. Мн. Подвижная игра в шар или в мяч; «принимают участие в ней как мальчики, так и взрослые люди». Том., 1913. 2. Мяч в игре. *Поймал голёнку* — поймал мяч'. Тобол., 1896 [СРНГ 6:109].

Гали 'игра в прятки'. Олон., 1885—1898. «Из названий увеселений». Новг., 1898 || 'слово в считалке (при игре в прятки)'. *Гали, гали! Палочку украли.* Петерб., 1865.

Галильщик 'тот, кто водит в игре'. Перм., 1899 [СРНГ 6:111].

Галазеюшки мн. 'детская игра в мяч'. «Брошенный мяч на крышу погреба (или об стенку) ловят с различными условиями». Дон., Миртов, 1929 [СРНГ 6:104].

Галашелка 'игра'. «Игры: в городки, мяч, бучень, галашелка ... и др». Ворон., Зеленин [СРНГ 6:106].

Галить '1. Водить в игре (обычно при игре в мяч). Перм., 1853. *Давайте метаться, кому галить, кому бегать*. Перм. <> вести игру в прятки, быть в роли ведущего. 2. Бросать, подбрасывать что-либо вверх (обычно о мяче в игре). Сев.-Двин., 1928, Арх. 1895, Онеж. КАССР, Волог., Новосиб. || бить по мячу (в игре). Новосиб., 1966. <> подавать мяч или шар в игре'. Сиб. Даль [СРНГ 6:112].

Галиться '1. С помощью считалки устанавливать перед началом игры, кому первому галить (быть водящим). Ср. Урал, 1964. 2. Начать партию при игре в мяч'. Южн.-сиб., 1847. <> 'бросаться (мячиком)'. *Не гались мячиком*. Онеж. КАССР, 1933 [СРНГ 6:113].

Голом 'игра в мяч голом. «Игра в мяч голом заключается в том, что мячик подбрасывают небольшой дощечкой так, чтобы он полетел вверх возможно выше; пока он летает, все, кроме одного, убегают за известную черту: оставшийся ловит мяч и должен кого-нибудь попечь, когда играющие побегут к лунке»'. Онеж. КАССР, Калинин, 1933 [СРНГ 6:117].

Сюда же *галка* — *галька*.

Галя '1. Игра в прятки. Олон., 1898. Род игры. Новг., 1897. 2. Деревянная бита для игры в бабки. Новосиб., 1965. 3. Тот, кто водит в игре. Арх., 1961. «Тот, кто подает шар, мяч в игре; кто отыскивает играющих в прятки; вообще ведущий игру»'. Ср. Урал, 1964 [СРНГ 6:123].

Галять '2. Играть в мяч. Новосиб., 1966 || бить по мячу (в игре). 3. Бросить камнем, мячом и т.п. в кого-либо'. Енис., 1865 || 'бросить (мяч)'. *Галяли в мячик, палки наделаешь, гальнешь мячик, он летит*. Новосиб., 1966 [СРНГ 6:125].

Гулять '5. Неперех. играть (в карты, в горелки, в шахматы, в жмурки и т.п.). В куклы. В горелки, в снежки. *В чего будем гулять (во что будем играть)?* Ейск, Кубан.

15. Трунить, потешаться, насмехаться над кем-либо, дурачить кого-либо'. Даль [СРНГ 6:224—225].

Гуляться '2. Играть (в куклы, в мячик и т.п.)'. Курск., 1926 [СРНГ 6:224—225].

Наличие синонимичных слов с корнем *гил-/жил-* и *гул-/жул-* ставит вопрос о причинах этой синонимичности и объяснении ее.

Жила '1. Упрямец; спорщик. Казан., 1847. Астрах., Твер., Арх. <> в языке детей. Цивил. Казан., 1897. *Жила на правду выведет*. «Говорят, уступая задорному». Ворон., 1892. 3. Тот, кто жульничает в игре'. Дон., 1929. *Жилу на вилу*. 'Разоблачить, уличить кого-либо'. Дон., 1929.

Жилак в языке детей 'тот, кто жульничает в игре'. Дон., 1929.

Жилда и *жилда* '1. Любитель присваивать чужое. Нижегород., 1853. 2. Спорщик. Нижегород., 1853. 3. Тот, кто жульничает в игре'. Нижегород., 1853 [СРНГ 9:173].

Жилдочка '1. Детская игра, по правилам которой нужно поймать одного из играющих. «Игра, называемая в других местах *сыркою* или *ведьмочкою*, а в Москве — *салкою*. В этой игре все дети бегают, а *жилдочка* ловит их, и кого поймает, тот становится *жилдочкой* и так же ловит других, а бывшая *жилдочка* перестает быть ею и присоединяется к прочим». Обоян., Курск., Машкин, 1862. 2. Один из участников игры, который ловит других играющих'. Обоян., Курск., 1862 [СРНГ 9:173—174].

Жильма 'игра в мяч. «(мяч) высоко подбрасывается, и кто поймает, тот старается сильно ударить — *жилнуть* — любого из играющих, тот подхватывает мяч и «жиляет» других. *Вечером в жильму играли*». Петров., Саратов., 1960—1961 [СРНГ 9:177].

Жилать '2. Больно ударять, стегать чем-либо'. *Раз меня так жилнули, что с тех пор я в жильму перестал играть*. Петров., Саратов., 1960—1961 [СРНГ 9:178].

Жулить 'плутовать, обманывать'. *Всё жулишь, тебя не примешь играть*. Покр., Влад., 1910.

Жуль 'Бранно. Мошенник, вор'. *Он такой жуль, что с ним лучше не связываться*. Мещов., Калуж., 1892 [СРНГ 9:225].

Жулькать '7. Перех. Бить, ударять'. Перм., 1930. <> 'тяжело ударять'. <> *Жулькнуть* 'стукнуть, хлопнуть, ушибить'. Алт., 1858 [СРНГ 9:226].

Таким образом, можно констатировать следующий вокализм корня: /o/-/a/-/ы/-/и/ (*голить* — *галить* — *гилить* — *жилить*) и, возможно, /ou/-/eu/ (*гулять* — *жулить*).

Родство слов *жилить* и *жулить* допускал М. Фасмер [II:55, 65].

Наличие синонимичных слов с корнем *гил-/жил-* ставит вопрос о причинах этой синонимичности и ее объяснении.

Надо сказать, что (если не иметь в виду редкий и нерегулярный результат позднего фонетического изменения типа *любо—либо*), перед нами довольно сильное допущение, которое, хотя и высказывалось в науке [Откупщиков 1967], но вряд ли может уже считаться общепринятым. Фактически утверждение родства слов *жил=ить* и *жул=ить* равносильно утверждению родства индоевропейских корней *geil- и *geul-. За этим утверждением стоит импликация, в соответствии с которой для (по-видимому, раннего состояния) индоевропейского языка различие *i—u* не было фонологичным, что можно понять только как утверждение об их принадлежности одной древней фонеме, гиперфонеме или даже протофонеме [Кацнельсон 1958].

Вокализм /ы/ предполагает существование (в системе) варианта с /ь/, а /и/ — с /ь/. В противном случае нечему было бы удлиняться в /ы/—/и/. Именно вариант /ь/ и представлен в корне с расширением -d- — *голда*, *голдить* 'галдеть' [СРНГ 6:288—289]. Этот пример свидетельствует о неправоте М. Фасмера, стремящегося под влиянием орфографии видеть в глаголе *галдеть* /а/. Неправота же В. В. Иванова, видящего здесь вокализм /о/ основы *гол-эд-*, на первый взгляд, фонетическими средствами недоказуема: одинаково допустимы {гьл=д=ъ=тi_#} и {гол=эд=ъ=тi_#}. Однако первый вариант позволяет объяснить появление в корне вокализма {ы} удлинением {ь}, а второй — не позволяет: удлинённый {о} может дать только {а}.

Сходный вокализм {ь-ы-ou}, широко признанный научной общественностью, мы встречаем в корне *ржавый* (*рдяный*) — *рыжий* — *русый* {рэд=йав_ый} — {рэд=ън_ый} — {руд=й_ый} — {roud=с_ый}. При этом дефектность апофонического ряда,

связанная с отсутствием ступени {eu}, как бы компенсируется ступенью удлинения нулевой ступени вокализма: {u > ū} = {ъ > ы}.

**Стандартное
индоевропейское
чередование**

Нормальная ступень вокализма корня *gel-	е	о	∅ (*] > ъл > ол)
	<i>желить</i>	<i>голить</i>	<i>гылить</i>
Ступень удлинения вокализма корня *gel-	ē > а	ō > а	ъ > ы
	<i>жалить</i>	<i>галить</i>	<i>гылить, гилить</i>
Нормальная ступень вокализма корня *geul-	eu > 'у	ou > у	∅ u > ъ
	<i>жулить</i>	<i>гулить</i>	<i>голить</i>
Ступень удлинения вокализма корня *geul-	—	—	ū > ы
			<i>гылить, гилить</i>
Нормальная ступень вокализма корня *geil-	eī > и	oi > ѓ	∅ i > ъ
	<i>жилить</i>	<i>жалить</i>	<i>желить</i>
Ступень удлинения вокализма корня *geil-	—	—	ī > и
			<i>жилить</i>

Первичная семантика корня восстанавливается как 'бить, ударять'. При этом сам удар и шум от удара выступают в первичном синкретизме. Не исключено, что мы имеем дело со звукоподражанием индоевропейской древности. Именно из значения шума возникают значения 'хохот, смута, толпа, гуляние, разгул'. Значения удара и игры порождают пространственные значения: 'простор, свободное место' и т.д.

Многие фонетические вопросы может снять диалектное ёлочь—ёлчь 'желчь животного'. Пск., Петерб., Тарт. Эст. ССР [СРНГ 8:348] из *желчь*.

Отсутствие [д] в конце слова можно интерпретировать как параллельное функционирование вариантов корня с детерминативом -d и без него. Синонимичность же корней с детерминативом и без него — слишком распространенное и известное явление, чтобы его требовалось доказывать специально.

Гилить 'повторять одно и то же' (ср. *галдеть*).

Гилевать 'обсуждать что-либо публично', т.е. опять же — *галдеть* [СРНГ 6:170].

Сюда же *гиль* ‘толпа; скопище народа’.

Гиль народу. Костром., Даль.

Гиль гнать. ‘Постоянно сердясь, делать кому-либо неприятности’. Курск., 1926 [СРНГ 6:171—172].

Гилять ‘кричать’ [СРНГ 6:172].

Гул ‘крик, плач’. *В гул говорить* ‘говорить всем вместе, шумно, наперебой’. Пск., 1952 [СРНГ 6:212].

Гулей ‘гуляка, гулёна’. Нижегород., 1852.

Гулень ‘праздник человек, гуляка’. Арх., 1858 [СРНГ 6:214].

Гули ‘гулянье; праздное времяпрепровождение’. *По гулям гулять* ‘ходить на гулянье’ [СРНГ 6:214—215]. Ср. *Гулы*, 1. *Гуля*.

Гулить ‘шутить; смешить, веселить’. 7. Тщеславиться [СРНГ 6:216].

Гуль ‘весёлый шум, шум подгулявшей компании’. *Такой гуль пошел*. Смол., 1914.

Гульба ‘охота’. Дон., 1878, Урал [СРНГ 6:217].

Гульдить ‘1. Мешать кому-либо, отвлекать от дела’. Арх., 1849 [СРНГ 6:218].

Гуля ‘гулянье; гуляка’ [СРНГ 6:221].

Гулян ‘гуляка’; *гуляна* ‘гулянье, гульба’ [СРНГ 6:222].

Галать ‘шутить, смеяться, смешить’ [СРНГ 6:104].

Галда, *голда*, *галта* ‘крик, громкие разговоры’ [СРНГ 6:106—107].

Галё ‘многолюдно’. Костром. [СРНГ 6:109].

Гальба ‘1. Шутка, забава. Яросл., 1649. 2. Насмешка, издевательство’. Якут., 1913 [СРНГ 6:122].

Голда ‘крик, шум, галдёж’ || ‘ругань, брань’.

Голдить ‘1. Галдеть. 4. Браниться. 5. Громко кричать, звать, призывать кого-либо’ [СРНГ 6:289].

Рефлексы и.-е. *(s)kr̥k- в русских диалектах

Восточнославянские рефлексы и.-е. *(s)kr̥k- в русской этимологии относятся к числу темных. Некоторые из них вообще не интерпретированы. Иные имеют этимологии не во всем убедительные. Предпримем попытку на основании семантики

слов и известных фонетических процессов предложить новый взгляд на происхождение некоторых славянских слов, восходящих к индоевропейскому корню **(s)krk*.

Начнем с глагола *кочевряться*, не имеющего этимологии. Обратим внимание на его вариант *корчеваться* ‘не соглашаться, упрямиться, кочевряться’ [СРНГ 9:354], производящим которого могло послужить слово *корчевяга* ‘большой выкорчеванный пень’. Оба глагола тождественны по семантике и *кочевряться* отличается от *корчеваться* лишь метатезой. Первоначальное значение глагола — ‘вести себя подобно *корчевяге*: ‘не поддаваться, гнуться, ломаться’ (ср. ‘ломаться’ > ‘упрямиться’). Ср. *кочевряга* ‘о спесивом, чванливом человеке || об упрямом человеке’ [СРНГ 15:124].

Особого внимания заслуживают причины метатезы. Сравним последовательности *рче-вя* и *че-вя*. Если вслед за Г. А. Хабургаевым [1974:106—107] принять формулировку закона восходящей звучности, согласно которой выделяются 5 классов фонем: S-T-N-R-O, что соответствует весовой последовательности 1-2-3-4-5, то в последовательности РЧЕ мы наблюдаем убывание звучности в слове 425. С учетом того, что аффриката Ч, состоящая из ТШ’, сама представляет аномалию, вопиющая аномальность слога РТШ’Е с точки зрения закона восходящей звучности становится еще очевидней: 4215. Эту аномалию и устраняет метатеза РЧЕВ > ЧЕВР (425-3 > 25-34), обеспечивающая максимальное выполнение закона восходящей звучности в слове при неизменном составе звуков. Противоречивший закону (и потому «неудобный») слог РЧЕ заменен на ЧЕ, а новый слог ВРЯ (345) не противоречит закону восходящей звучности. Кроме того, метатеза носит отчетливо экспрессивный характер. Ср. чисто экспрессивное варьирование: *кочевряться* и *кочевряться*. Ср. народно-этимологический вариант *кочер-важиться* (к *важный*, *важить*) и его экспрессивную версию *кочер-вяжиться* (м.б. также к *вяжу*) [СРНГ 15:128].

Следующей стадией экономии произностительных усилий могло стать упрощение ВРЯ > РЯ: *кочевряга* > *кочеряга* ‘кочерга’, откуда *кочеряжка* ‘кривая палка; кривая нога’ [СРНГ 15:128].

В свою очередь, *корчевьяга* является производным от *корчев* ‘корчевание; место, корчевания; корень дерева, валяющийся на земле’ [СРНГ 15:31]. Ср. также прилагательное *корчавый* ‘кривой, изогнутый’ [СРНГ 15:29], ярко демонстрирующее исходную семантику производящей основы *корч-*, несколько затемненную в засвидетельствованных словах *корч(ь)* ‘пень, корень дерева, коряга, выкорчеванные пни’, *корча* ‘выкорчеванный пенёк; место, где происходит корчевание’ и слегка просвечивающую лишь в значении *корч* ‘дерево, вывороченное с корнем’. Ср. также *корча* ‘упавшее (в том числе подмытое водой) дерево; выкорчеванное дерево, пенёк; дерево, непригодное для построек (из-за кривизны. — А.К.); завал в лесу; перестойный (и оттого падающий. — А.К.) лес’ [СРНГ 13:109].

Таким образом, первоначальное значение слова *корч(ь, а)* реконструируется как ‘выворот, выворотень, нечто вывернутое (из земли)’. Значение ‘верчения’, ‘кривизны’ — весьма древнее и уже сильно затемненное — еще просвечивает в некоторых словах (ср. *карчаревый* ‘кривой, изогнутый’, *карчарева дуга*. Астахова, Былины Севера, 1951) [СРНГ 13:109].

По-видимому, существительное *корчь* (**кърць*) образовано от **kr̥k-* посредством суффикса *-j*, ибо на производно-именной характер этой основы совершенно однозначно указывает суффикс *-ова* глагола *корчевать*.

Следовательно, морфонологическая транскрипция глагола *кочевряться*, отражающая его не затемненную метатезой деривационную историю, а тем самым — и исконную морфемную структуру, выглядит так: {кърк=й=ов=ѣг=и=тї_# се}.

Понимание причин метатезы дает ключ к целому ряду слов. Ср.: *кливоногий*, *косоногий* [СРНГ 15:66], *корченогий* ‘колченогий’ [СРНГ 15:32], *коченогий* ‘имеющий одну ногу короче другой, хромой’ [СРНГ 15:32]. В слове *корче-ногий* условий для метатезы не было и сонорный был просто утрачен: *корче-* дало *коче-*. В отличие от принятой М. Фасмером (и многими вслед за ним) труднообъяснимой (и не объясняемой) интерпретации *ко-че-* как последовательности префиксов, предлагаемое понимание комплекса *коче-* (как упрощения из *корч-е-*) ‘кливо-, косо-’ позволяет объяснить слова *коче-ногий* и *корче-ногий* как ‘кливоногий’, *корче-носый* как

‘кривоносый’ (в словаре зафиксировано вторичное значение ‘курносый’) [СРНГ 15:32], *ко(р)че-бениться* как ‘косо-бениться’ (ср. *ко(р)че-белиться* и *ко(р)че-бяниться* как экспрессивные и народноэтимологические варианты к *ко(р)че-бениться*). Слово *кочемаз(а)* ‘неряха’ [СРНГ 15:125] трактуется как ‘кривомаз, косомаз’. Слова *кочерука* ‘о человеке со сломанной рукой’ и *кочерукий* ‘криворукий, со сломанной рукой’ [СРНГ 15:127] являются сложениями и означали первоначально ‘криворукий’, ср. *косорукий* ‘поврежденный (о руке); однорукий; неловкий’ [СРНГ 15:68]. Сюда же *коче-ляба* ‘растение сарсапарели’ [СРНГ 15:125].

Наконец проясняется и этимология слова *кочедык* (*коточик, коточиг*), *кочетыг(а)* ‘инструмент в виде плоского изогнутого шила (выделено мной. — А.К.) для плетения лаптей’ [СРНГ 15:131]. Если *ко(точ)иг* образован метатезой из *ко(чет)ыг*, то, следовательно, *ко(точ)ик* однозначно указывает на *ко(чет)ык* ‘широкое загнутое шило’: «Въ нижнем ящикѣ двѣ коробочки съ кровелки кругленкие... **кочетыкъ** серебряной, зубочистка серебряная». Заб. Дом. быт, I, 678. 1686 г. [СлРЯ XI—XVII, 7:389]. В свою очередь, *коче-тык* образовано из сложения *корч-е-тык* (**kъrč̣-e-tykъ*), буквально ‘криво-тык’, что прекрасно объясняет и форму, и функцию инструмента. В свете сказанного понятно, откуда могло появиться Р в глаголе *кочетыржиться* ‘упрямиться, упорствовать, долго отказываться от чего-либо, кочевряжиться’ [СРНГ 15:131]. Этот глагол указывает на производящее *кочетырг*, а оно, в свою очередь, — на *корче-тыг* с экспрессивно озвонченным конечным согласным. Из этого следует, что метатеза происходила уже после образования сложения, следовательно, слово образовалось до начала действия закона восходящей звучности, т.е. до середины I тыс. н.э. Тем самым слово несомненно относится к праславянскому лексическому фонду. В соседстве с сонорным проще объясняются аномальные озвончения соседних согласных, так как это не единственная фонетическая нерегулярность, наблюдаемая в соседстве с плавным Р (ср., например, наблюдение О. Н. Трубачева, согласно которому сатэм-кентумная дублетность типа **gordъ* — **zordъ* наблюдается преимущественно в соседстве с плавными). Утрата сонорного вызвана всё тем же законом восходящей звучности в сло-

ге, а озвончение Т > Д в *кочеДык* или К > Г в *кочетыГ* объяснимо как компенсация утраченной (вместе с Р) звучности.

Новую этимологию можно предложить и для слова *кочегар*. Традиционная этимология этого слова, предложенная воронежцем И. М. Желтовым [Филологические записки. 1879], выглядит так: «*Кочегар* мы сближаем с *кочерга*: ‘орудующий кочергой’; по нашему мнению, оно искажено из *кочергарь*».

Эта этимология, безоговорочно принятая всеми, включая М. Фасмера, и бытующая в науке уже второе столетие, неудовлетворительна по следующим причинам. Во-первых, слово *кочегар* по своему происхождению явно русское, диалектное. Во-вторых, заимствованный в праславянскую эпоху при возможном германском посредстве романский суффикс *-арь*, который видят, производя *кочегар* из **кочерг-арь*, имеет книжный характер и практически не известен русским говорам. В-третьих, в русских говорах отвердения согласного в конце слова не происходило, а форма **кочегарь* не засвидетельствована (так, Г. П. Цыганенко вынуждена «подтверждать» наличие суффикса *-арь* в слове *кочегар* словами *овчар*, *столяр*, пришедшими в русский из других славянских языков) [Цыганенко 1970:222]. В-четвертых, в тех славянских языках, в которых употребителен суффикс *-арь* и произошло отвердение конечного РЬ, значение ‘кочегар’ передается другими словами. В-пятых, уникальна предполагаемая внутренняя форма слова — ‘орудующий кочергой’: в болгарском это *огняр*, в чешском — *topič*, в польском — *palacz* (на паровозе) или *kotlowu* (на заводе), в сербохорватском — *лежач*. Как видим, в славянских языках *кочегар* — это ‘истопник, тот, кто топит, кто при огне, кто подкладывает в огонь дрова или находится при паровом котле’. Орудовать же *кочергой* под стать не *кочегару*, а скорее английскому лорду, задумчиво сидящему перед камином; но такое занятие вряд ли может считаться профессией, требующей для номинации особого слова.

Взамен этимологии И. М. Желтова предлагается этимология, свободная от указанных выше недостатков и имеющая с ней лишь то общее, что также предполагает утрату первого Р: *кочегар* — из сложения *корче-гар*; первоначально, вероятно, сам ‘процесс сожжения (горения) вывороченных пней’, затем

сам 'процесс сожжения (горения) вывороченных пней', затем — 'тот, кто жжет корчи (коряги, пни-выворотни)', затем — 'тот, кто вообще жжет что-либо, поддерживая горение, огонь'. Ср. воспроизведение подобной модели в значительно более позднем образовании *костро-жог*, отсутствующем, как ни странно, даже в самых полных сводах литературных и диалектных слов. Тем не менее сомневаться в его реальности не приходится. «*Кострожоги*» — название стихотворения поэта-воронежца А. В. Жигулина [1989:81]. Кто такие *кострожоги*, сказано в первой же строфе стихотворения:

*В оцеплении, не смолкая,
Целый день стучат топоры.
А у нас работа другая:
Мы солдатам палим костры.*

Предполагаемый нашей этимологией семантический перенос типа «процесс > деятель» в данном случае вполне правдоподобен. Об этом свидетельствуют приставочные производные с корнем *гар*: **Загар** 1. Пьяница; 2. Мот; **1. Загара** Яма в овине, где устраивают печь; **2. Загара** Бойкий, удалой молодец, удалец [СРНГ 9:354]. **2. Прогар** 1. Выгорание; 5. Хитрый человек. *Мишка прогар-от не топерешной, знает, как надуть*. Кудуйск. Волог., Слов. карт. ИРЯЗ. **Угар** 4. Простореч. О лихом, отчаянном человеке, удалце и забияке. — *Не командующий, а угар. Рождественского японцы могли взять только мертвым*. Нов.-Прибой, Цусима, II, 2 [БАС-1 16:179].

Появление слова **корчегар* можно связать с известным в лесоводстве огненным способом корчевания, заключающимся в выжигании пней. «С этой целью пень подкапывают, освобождая большую его часть из земли, и после высыхания в течение лета поджигают, используя хворост и порубочные остатки» [Лесная энциклопедия I:463].

Первоначально практика подсечно-огневого земледелия предъявляла к «*корчегару*» весьма серьезные требования. «Сжигание палового материала нуждалось в соблюдении многих правил и требовало значительного опыта. Большую роль играло направление ветра. Часто при первом пожоге весь материал не сгорал. Остатки обугленных головней, опаленные стволы, недо-сожженные сучки складывались в кучи и прожигались снова. Это была трудная («черная») часть работы. Приходилось иметь дело

с горячей или тлеющей древесиной, в дыму и копоти, действуя жердями, как рычагами» [Семенов 1974:150; ср. Петров 1968:134—135].

Ср. диалектные слова и значения: *кочегарить* ‘топить печь; сушить рожь в овине’, *кочегарка* ‘углублень в русской печи выше устья’ [СРНГ 15:124].

Кроме того, есть значение, не выводимое из значения ‘поддерживающий горение’, но хорошо объясняемое из сложения *косо-гар*, *криво-гар*, т.е. ‘неровно загоревший, обгоревший, закопченный’: *кочегар* ‘1. Плотник или каменщик, пришедший на заработки в Пермскую губернию. *Кочегары кладут здесь каменный дом.* Перм. 1856., Слов. Акад. 1914 (с примеч. «собственно: сильно загоревший от южного солнца?») [СРНГ 15:124]. Аналогично можно объяснить и применение этого слова к *извозчику*, *кучеру*. Колог. Костром., 1852, а также *котлу* и *чугуну*, неровно покрытым сажей. Калуж., Зотов, 1972 [ЭССЯ 10:105—106].

Слово *кочерга* также нуждается в новой этимологии. Оно бытует только в восточнославянских языках. Его засвидетельствованность в старом польском и диалектах лишь в специализированном значении ‘кочерга’ свидетельствует в пользу того, что это восточнославянское заимствование. Только в русских диалектах представлены древние значения ‘палка с загнутым нижним концом; клюка, палка, посох; все виды ухватов; о ногах; прозвище хромого; о хороводе: *девки выстроились кочергой*’. Все приведенные значения охватываются одним: ‘кривуля’. Кроме того, внутреннее членение {коч=ер=г_a}, предлагаемое ЭССЯ [10:105], вызывает сомнения своей нерегулярностью, если не сказать — уникальностью. Сомнителен и предполагаемый — явно архаичный суффикс -г, известный в индоевропейском только как расширитель корня. Он находится в позиции после также проблематичного суффикса -ер, имеющего более современный — уже не праязыковой, а праславянский — фонетический облик.

Следует обратить внимание и на то, что семантика слов *кочёр*, *кочеря*, *качур*, *к(а/о)чуриться*, возводимых к **kočer(a/ь)*, организована концептами ‘кривизны, кручения, сгибания; дерева’, которых нет ни в предполагаемом производящем **koča*, ни в форманте *-er, семантика и реальность которого

под вопросом. Весь материал на данное гнездо — восточнославянский. Единичное сербохорв. *košerin*, приводимое в словаре, по свидетельству самого автора, характеризуется «отсутствием четкой апеллятивной базы в ю.-слав. языках» [СРНГ 15:33]. Объяснить семантику данного гнезда можно, предложив иную реконструкцию и предположив все ту же метатезу *кърчь > *кърчь (> *кърчь).

Если *кочеряга* можно объяснить из *кочевряга*, а последнее — из *корчевяга*, то *кочега* ‘валек для выколачивания белья при полоскании; кочерга’ [СРНГ 15:124] можно аналогично объяснить из *кочерга*, а *кочерга* из *корчега* (ср. *коршага* ‘валик для выколачивания белья при стирке’ [СРНГ 15:33]; *корчага*, *корчега* ‘корень в земле; часть сука или корня с изгибом, отро-стком, похожая на кочергу; о скрюченной, поджатой ноге; выкорчеванный участок’; (*быть*) *корчагой* — ‘согнуться, искривиться, скрючиться’) [СРНГ 15:30].

Само слово *корчега* и процесс его трансформации в *кочергу* документально зафиксированы в истории русского языка: «**Корчага** (Корчега), ж. Кочерга. ... **Корчегою** же образъ ми еси сотворилъ, яко мнѣ обдержати весь миръ, **корчегою** [вар.: *кочергою!* — А.К.] яко кругом зацепив вся, пожену въ работу. Хроногр. 1512 г., 195. *Блаженнаго Прокопия, иже Ха ради уродиваго устюжскаго чуд<отворца>, средний... риза багоръ, с плеча с праваго спустилъ, в рукѣ три **корчеги**, испод празелень, на ногахъ сапоги, колѣни голы.* Подлинник ик., 118. XVII в.» [СлРЯ XI—XVII, 7:347]. Обращает на себя внимание не только вариантность отношений *корчега* — *кочерга* в первом контексте, но и близость контекстов, приводимых в словарных статьях **Корчага** (Корчега) и **Кочерга**: «**Кочергою** же акы крюкомъ зацѣпевъ, вся прожени в работу. Там же [т.е. Александрия, XV в.–XII в.], 162» [СлРЯ XI—XVII, 7:389]. Очевидно, что в Хронографе цитируется то же место из Александрии и оба варианта восходят к общему тексту; следовательно, разнесение их в словаре по разным значениям: ‘кочерга’ и ‘кожаная плеть(?)’, багор(?)’ [СлРЯ XI—XVII, 7:389] нельзя признать оправданным.

Ср. также диалектные производные: *корчежки* ‘смолистые сосновые пни, на которых стоит изба’ и *корчежки* ‘за *корчежками* (нести); за плечами, на спине’ [СРНГ 15:32]. В первом случае мы имеем дело с производным от *кърчь/а*, а во втором

— от *къркъ* (ср. *за-корки*, посадить на *за-корки*, нести на *за-корках*). То же и с двумя *корчагами*: сосудом и пнем. *Корчага-сосуд* образовано от значения ‘шея’ — сосуд с шейкой (ср. *горло* > *горлач*). Оба слова восходят к общему индоевропейскому корню *(s)kr-ek-, значение которого на фоне славянского материала реконструируется как ‘вертеть, крутить, гнуть, кривить, крючить’. В одном случае корень дает **къркъ* ‘шея’, в другом — **кърчь*, *кърча*. Варьирование по роду указывает, что первоначально это было прилагательное, и заставляет предположить адъективный суффикс -j в качестве его словообразовательного форманта. С данным прилагательным соотносим глагол **кърчити* ‘вертеть, крутить, гнуть, крючить (как дерево, так и человека)’.

Впоследствии прилагательные субстантивировались либо грамматически, либо посредством суффиксов -*аг(a)*, -*иг(a)*, -*ег(a)*. А из них суффиксально и метатезно образовались рассмотренные выше слова.

Налицо парадокс: мы имеем дело с очевидно архаичными словами, обладающими индоевропейской этимологической перспективой, и в то же время они представлены преимущественно в восточнославянском ареале, что обычно трактуется как свидетельство позднего образования слов. Объяснение этому видится в том, что значительная часть рефлексов данного корня является техническими терминами подсечно-огневого земледелия, долее всего сохранявшегося именно у восточных славян. Лишь восточные славяне надолго сохранили традиционный образ жизни, а с ним — и древнейшую терминологию. Западные и южные славяне в силу географических условий вынуждены были намного раньше перейти к другому типу хозяйствования, что и привело к уходу в пассив, а затем — и утрате технической части рефлексов корня *(s)kr-ek-. В этих славянских языках лучше сохранились вторичные названия «скручивающих, сгибающих, ломающих» недугов, а также обозначения, восходящие к значению ‘шея’, которые не имели отношения к подсечно-огневному земледелию. Наличие этих вторичных значений трудно переоценить: они не только свидетельствуют об общеславянском характере архаичных восточнославянских слов, но и препятствуют интерпретации последних как восточнославянских диалектизмов праславянского периода.

V. VARIA

Финское *ori* ‘жеребец’ — восточно-славянское заимствование?

История изучения слова *ori* ‘жеребец’ насчитывает более двух веков. За это время высказано множество различных взглядов, обзор которых мы и предпосылаем изложению собственных.

Не исключено, что изучение происхождения слова *ori* началось задолго до 7 июня 1716 г., когда Элиас Бреннер в своем докладе сравнил фин. *ori*, точнее — его диалектный вариант *oris* со средневерхне- и средненижненемецким *ors* ‘лошадь, конь’. Список Э. Бреннера содержал более двух десятков слов и был призван подтвердить мысль, что финский язык сохранил некоторые корни, впоследствии утраченные шведским языком. Таким образом, Э. Бреннер предполагал, что слово *ori* заимствовано из германских языков [Setälä 1892:260].

Вслед за ним в 1756 г. Арвид Моллер сравнил фин. *ori* со шв. *örs* [Moller 1756:157].

В 1774 г. Нильс Идман в поисках свидетельств об истории финского языка обратился к древнегреческому и сравнил фин. *ori*, *ohri* с греч. *ορεός* ‘мул’ [Idman 1774:81]. Четыре года спустя книга Н. Идмана была опубликована во французском переводе [Idman 1778:138].

В 1786—1787 гг. Кристоффрид Ганандер в своем рукописном словаре воспроизвел сопоставление Н. Идмана [Ganander 1938:296a].

В 1849 г. Вильгельм Скотт в работе, посвященной «алтайской или финно-татарской языковой семье», высказал мнение, что финское слово *orhi* могло произойти от *ohir*, равного

западнотюркскому *aighyr* 'лошадь'. При этом указывалось, что монгольские и манчжурские названия жеребца обозначают также самца других домашних животных, а одно из дикорастущих растений называется 'жеребец-травой' [Schott 1849:94].

В 1853 г. к мнению В. Скотта присоединился Йохан Адольф Линдстрём, который, изучая родство финского языка с уральскими, алтайскими и кавказскими языками, сопоставил фин. *oris*, *orhi* 'жеребец' с морд. *aiger*, чуваш. *irja*, *yir*, турецк. *aighyr*, татар. *aiger*, якут. *atyr*, тунгус. (= эвенк.) *adsarga*, монг. *adsirga*, манчжур. *adsirgan* [Lindström 1853:67].

В 1869 г. Й. Буденц объединил в одной словарной статье слова *oras* 'хряк' и *ori* 'жеребец' и соотнес их с венг. *ürü*, *úrü* [Budenz 1869:36].

В 1871 г. Август Алквист высказал мнение, что слово *orih* (*oris*, *orit*) 'жеребец' является, наряду со словом *tamma* 'кобыла', собственно финским словом в отличие от *hevonen* 'жеребец' и *hebo* (первоначально — 'кобыла', ср. вепс. *hebo* 'кобыла'), вероятно, восходящими, по мнению автора, к тому же корню, что и слав. 'кобыла', а также греч. *ἵππος* 'лошадь, конь' [Ahlqvist 1871:8—9]. Впоследствии исследование А. Алквиста было опубликовано в немецком переводе [Ahlqvist 1875:9—10].

В 1874 г. этимология Й. Буденца нашла отражение в Словаре Г. Чучора и Я. Фогараши: «*ürü* Кастрированный баран. <...> По-монгольски *irge* (mouton chatré). По Вамбери, в чагатайском языке тоже *üru*. Й. Буденц сравнивает со следующими словами: саам. *varjes*, финско-саам. *vares*, фин. *oraha* (им. *oras*), *orasa*, *oro-*, всё — 'какой-то самец', *orih* (им. *oris*), *ori* 'жеребец', ливск. *vorki* 'боров'; морд. *uris*, *urış* 'дикий кабан, вепрь' и т.д. Если вообще согласиться с сопоставлением со словами, обозначающими самца, тогда еще ближе к слову *ürü* стоит монг. *ere* 'самец' и лат. *ari-es*. Всё-таки более вероятным кажется, что это слово происходит от основы глагола *ir-t*, *or-t*, в котором есть значение 'резать (отрезать)'. Таким же образом объясняет Аделунг по Вахтеру и немецкие слова *Hammel* и *Schöpps*; возводя от *hammen*, *hammeln* англосакс. *hamelan* 'увечить, обрезать' и нем. *kappen*, *schneiden*» [Czuczor, Fogarasi 1874:679—680].

В 1875 г. по материалам А. Алквиста был опубликован словарь вепсского языка, в котором фин. *ori* сопоставлено с вепс. *orh*, *-ed* ‘жеребец’ [Ujfalvy 1875:103].

В 1879 г., сравнивая пару *oris* — *ori* с другими аналогичными парами (*karsas* — *karsa*, *karmias* — *karmia*, *turmias* — *turmia*, *petäjäs* — *petäjä*, *parmas* — *parma*, *pellawas* — *pellawa*, *apilas* — *apila*, *kahilas* — *kahila* и др.), Н. Андерсон сделал следующее наблюдение: «Хотя финно-угорские языки, как правило, стремятся сохранить конечные согласные и особенно — фрикативные, западнофинскому *-s* не находится никаких соответствий в родственных языках, даже в таком близкородственном, как мордовский, в котором *-s* в конце слова встречается довольно часто. Поэтому весьма вероятно, что здесь мы имеем дело с особым суффиксом, тем более что слова на *-as*, *-es*, *-is* в большинстве своем имеют формы с аналогичным или чуть измененным значением, оканчивающиеся просто гласным» [Anderson 1879:71].

В 1881 г. Й. Буденц в собственном словаре помещает фин. *ori* уже в словарную статью венг. *úr* (вин. *ura-t*) ‘господин’: «фин. *uroh* (им. *uros*) ‘взрослый мужчина’, ‘сильный мужчина’, ‘герой’; *urokse* (им. *uros*) ‘мужчина’, ‘мужской’ <...>; — *oraha* (им. *oras*) ‘самец (кабан)’, *orihi* (им. *oris*, *orit*) ‘жеребец’|| эст. *ori* (род. *ori*) ‘жеребец’. Морд. *uris* ‘кастрированный кабан’, *ruzej* ‘кабан’. Коми *verös* ‘человек, муж, мужчина’» [Budenz 1881:867].

Отметим, что Й. Буденц в своих поисках соответствий не выходит за пределы финно-угорских языков. Г. Чучор же и Я. Фогараша добавляют к этому монгольские и латинские соответствия, допуская, видимо, либо заимствование из того или другого, либо давнее монголо-латино-финно-угорское родство.

В 1871 г., приводя слова, содержащие в конце слова после *-h* не *-e*, а другие гласные, Э. Н. Сэтяля, как бы развивая идею А. Алквиста об исконности слова *ori*, сопоставил его со следующими словами: «*ori*, *orhi* (< *orih*; Рукопись унив. Библиот. D:Ö I:13 содержит саволакскую форму *orih*), Южн. Похьянмаа *oris*, Рenv. *oris*, *orit*, *orhi*; карел. *orih*, мн. *orihet*; олон. *orih*, мн. *orihet*, вепс. *orih*, мн. *orihed* или *orh*, мн. *orihed* ‘мерин’ (с этим словом, между прочим, связаны эст.

orikas, вост.-эст. *orik*, род. *orika* или *oriko* 'кастрированный кабан', зап.-лив. *vořk*, южн.-лив. *vořki* в том же знач.)» [Setälä 1891:315].

Как видим, Э. Н. Сэтяля считал слово *ori* общеприбалтийско-финским; он также полагал, что форма *ori* восходит к форме *orih*, а та, в свою очередь, — к форме *oris*. Из этого следует, что слово появилось в прибалтийско-финских языках до перехода *s* в *h*. Кстати сказать, в то же время усвоено этими языками и название Пскова: ср. фин. *Pihkov* из др.-русск. Пльсковъ, позднее — Пьсковъ (1389 г.).

В 1898 г., рассматривая языковые свидетельства о материальной культуре «пре- и протоисторических» финно-угров, Джон Аберкромби, видимо, вслед за А. Алквистом, назвал фин. *orih* (равно как и *tamma*) исконным словом, отметив при этом, что оно не имеет соответствий в восточных (т.е. угорских) ветвях [Abercromby 1898:216—218].

Интенсивный поиск индоевропейских соответствий начинается в 1894 г. серией работ Б. Мункачи, полагавшего, что венгры шли со своей прародины в Европу через Кавказ, и для подтверждения этой гипотезы искавшего лексические соответствия венгерским словам не только в финно-угорских, но и в кавказских языках. В наборе фактов и аргументов, которыми он оперировал с 1894 по 1913 г., изменений не происходило, но многократное повторение их произвело на научную общественность известное впечатление [Munkácsi 1894:177—178; Munkácsi 1900a:373; Munkácsi 1900б:151; Munkácsi 1900в:124; Munkácsi 1901:445, 616, 649; Munkácsi 1904a:326; Munkácsi 1904б:17; Munkácsi 1905a:210; Munkácsi 1905б:78; Munkácsi 1906:310; Munkácsi 1913:219—220].

Представление о материале, привлекаемом Б. Мункачи, и интерпретации его дает следующий фрагмент:

«Кавказские соответствия могут быть доказаны следующими названиями лошадей в родственных (финно-угорских) языках: <...> — фин. *orhi*, *orihi*, *orii*, *oris* 'жеребец', саам. *orries* и т.д. 'самец (животных)' = коми-зыр. и удм. *už*, марийск. *ožo*, *oža* 'жеребец' = ачушк., чюркилинск. *urči*, кайтахск. *urči*, *irči*, варкунск. *urči*, *uči*, кубачск. *uča*, *uče* 'лошадь' (кайтахск. *burchar-urči*, чюркилинск. *burçan urči* 'жеребец'; Эрк.: 82, 88) из осет., в котором тагаурск. *urs*, южн. *wurs*,

vurs ‘жеребец’ закономерно соответствует ав. основе *vršan-* ‘мужской, мужчина’ и *varšni-* ‘мужской член’, равно как и санскр. *vr̥ṣṇi-* ‘мужество; баран’ (Hübschmann. Osset. Etym. 32). Фин. *orhi* объяснимо на фоне кавк. *urči* (< **urši*) и марийск. *oža* из кубачск. *uča* < **urša*, **uša*. Естественно, возможно и такое предположение, что кавказские формы отражают древние формы осетинского языка и близкие соответствия прибалтийско-финских и марийско-пермских слов объясняются тем, что одни и те же осетинские слова были заимствованы параллельно и независимо, а затем преобразованы в разных направлениях.

Во всяком случае, весьма вероятно, что в коневодстве и использовании этих животных учителями венгров были народы Кавказа» [Munkácsi 1900в:124—125].

Те же примеры автор приводит в доказательство того, что территория кочевания финно-угорских народов простиралась до Кавказа [Munkácsi 1905б:78].

Вклад Б. Мункачи в этимологическое осмысление фин. *ori* состоит в том, что за исходную форму он принял *orhi* и возвел ее — через реконструированную по показаниям кавказских языков ступень **urši* — к осет. *urs* (*wurz*), а от него — к древнеиранским и древнеиндийским соответствиям. Во всех случаях он исходил лишь из слов с семантикой ‘жеребец’ или ‘самец’, игнорируя слова с другой семантикой.

В 1907 г. вышла большая статья Хольгера Педерсена, в которой автор, в частности, полемизировал с мнением Б. Мункачи о сильном влиянии турецкого языка на финно-угорские, противопоставляя ему тезис о влиянии армян на другие народы, в том числе и на финно-угорские: «В своей статье, — писал Х. Педерсен, — я дал обзор гипотез заимствования в чем-либо созвучных моей (влияние на турок с других сторон, влияние армян на другие народы). Прежде всего меня, естественно, должно было очень заинтересовать то, что многие превосходные и последовательные лингвисты (среди них Сэтяля и Вильг. Томсен) считают возможным и вероятным наличие в финно-угорских языках очень древних заимствований из армянского. Мункачи оспаривает это мнение. Не знаю, впрочем, как Мункачи воспримет сближение фин. *nuori* ‘молодой’ — арм. *nor* ‘новый, молодой’ или фин. *oris*

'жеребец' — арм. *orj* ($j=z$) 'самец (животных)'. Я же не хотел и пока что не хочу высказывать самостоятельного мнения по этому вопросу» [Pedersen 1907:184].

В 1913—1918 гг. вышел 30-й том Журнала Финно-угорского общества со статьей М. Фасмера «Фин. *varsa* 'жеребёнок' — иранское заимствование?» [Vasmer 1913:1—3], в которой осет. *urs*, *wurz* 'жеребец' и его авест. и др.-инд. соответствия сближаются с фин. *varsa* 'жеребёнок' и его карельским и эстонским эквивалентами; сюда же автор относит лит. *veršis* 'телёнок', лтш. *versis* 'крупный рогатый скот; бык, вол', лат. *verrēs* 'кабан'. Относительно фин. *ori* говорится: «Для фин. *ori(h)* 'жеребец' <...> сближение Педерсена (Pedersen 1907:184) с арм. *orj* 'самец (у животных)', по-моему, убедительнее, чем сближение с др.-инд. *vršan-* в (Munkásci 1901:445) из-за иначе непостижимого исчезновения *v-* в финском (ср. фин. *vasa*) и, с другой стороны, из-за родственного арм. слову лит. *ėržilas* 'жеребец'. Суффикс последнего соответствует суффиксу *-ьль* в слав. *kozьль* 'козёл', *orьль* 'орёл' и т.д. К (объяснению) фин. *ori(h)* в любом случае должно быть привлечено прасл. *orь* 'лошадь'. Возможно, финское слово прямо или непрямо заимствовано из общеславянского (в праславянской звуковой форме) и славянское слово каким-то образом восходит к армянскому. Возможно, и наоборот. В любом случае предыдущие объяснения славянского слова, не учитывавшие финского слова, никого не могут удовлетворить: объяснение Соболевского (Соболевский 1911:416) (из **arja*) — из-за значения, а объяснение Ильинского (Ильинский 1911:269—271) (к др.-инд. *arvant* 'скаковая лошадь, конь') — по морфологическим причинам». (В сноске говорится: «К фин. *ori(h)* притягивает Мункачи ... коми-зыр., удм. *už* 'жеребец', марийск. *ožo*, *oža*, саамск. *orries* 'самец (у животных)', *ojres*, *vioires* 'самец, мужской'. Однако это этимологически разные слова. Что касается коми-зыр.-удм. *už*, то естественно предпочесть объяснение Сэтяля = *uve(h)* 'жеребец'».)

В 1921 г. появилась работа Хейкки Оянсуу, посвященная финско-балтийским контактам, в которой как бы в развитие идеи Х. Педерсена и М. Фасмера была предложена балтийская этимология слова *ori*: лит. *eržilas* 'жеребец' → **oržis*, *oržiš* → *orhih* → *orhi*. При этом вокализм первого слога

объяснялся ссылкой на литовские говоры, в которых предполагался вариант с начальным *o-*, а также указанием на арм. *orji* ‘некастрированный’ и греч. *ὄρχις* ‘яйцо’, в которых начальное *o-* засвидетельствовано и к которым возводится компаративистами лит. *eřžilas* [Ojansuu 1921:29].

В 1922 г. увидела свет книга Германа Яacobсона «Арийцы и угрофинны», в которой, в частности, говорилось: «Следующим словом, которое Мункачи ошибочно относит к числу алано-осетинских заимствований, является финское *orih*, *orhi* ‘жеребец’, саамское *orries*, коми-зыр. и удм. *už*, марийск. *ožo*, *oža* с тем же значением. Мункачи производит их от осетинского *urs*, *vurs* ‘жеребец’, соотносящегося с авест. *varšniš* ‘баран’, новоиранск. *gušn* ‘мужской, самец’, др.-инд. *vṛṣnīṣ* ‘мужской; баран-самец’. Ведь в конце слова *n*, следующий за *s*, *z*, *r*, исчезает... Аргумент же, почерпнутый из значения, недостаточно весом, ибо группе слов, представленной древнеинд. *vṛṣni-* и др. присуще обобщенное значение ‘самец’. Так, ведийское *vṛṣan* ‘самец’ употребляется применительно к людям, животным и непосредственно к лошадям, оно имеет и значение ‘бык, вол’; относящееся сюда же *vṛṣabhá-* обозначает как самца, так и быка. Ср. греч. *ξάρρην* ‘самец’ (др.-инд. *vṛṣaṇa-* ‘яичко, мужская половая железа’), лат. *verres* ‘кабан’, латв. *versis* ‘самец или самка коровы любого возраста’, лит. *veřszis* ‘телёнок, тёлка’. Показательнее звуковые соответствия, но в данном случае имеется существенное отклонение от осетинского. Слово *už* показывает, что *h* в финском и *s* в саамском восходят к *š*. Форма *oris* из южной Похьянмаа может быть образованием по аналогии. <...> Однако в осетинском арийское *š* изменилось в *s*, и, похоже, это касается и аланских заимствований в западнофинских языках» [Jacobsohn 1922:226–227].

В сноске 2 Г. Яacobсон говорит: «Происхождение (*orih*) из праприбалтийско-финского **oriž*, соответственно **orži*, было бы, конечно, не столь убедительным, если отделить коми-зыр. и удм. *už* и марийск. *ožo*, *oža* и вместе с Сэтяля ... связать их с *uve(h)* ‘жеребец’, ибо только на основании *ž* в пермских языках может идти речь о *ž* в финно-угорской группе. Конечный *-h* в фин. *orih* может происходить от прафор-

мы **oris* (= проприбалт.-фин. **oriz*), равно как и *-h* в *orhi* — от **orssi* (= **orzi*), если эта форма древнейшая.

Далее в сноске автор отвергает сближение М. Фасмером и Х. Педерсенем фин. *orhi* с арм. *orj* 'самец (у животных)', поскольку это «в любом отношении невозможно», а также возражает М. Фасмеру, что при сближении фин. *orhi* с др.-инд. *vṛṣan-* исчезновение начального *v-* не является невероятным и имеет аналогии в других словах [Jacobsohn 1922:227].

Затем (уже в основном тексте) автор возражает Э. Н. Сэ-тяля, считавшему, что форма *orhi* произошла из формы *orih*, полагая, что возможно и обратное соотношение, объясняемое метатезой. В заключение данной темы Г. Якобсон пишет: «Можно сближать финно-угорские слова с иранским словом, соответствующим др.-инд. *vṛṣa* или с группой слов, состоящей из лат. *verres*, лит. *veřszis* 'дитя коровы', латв. *versis* 'бык, корова или телёнок' и из нее выводить др.-иранск. **vurši-*, но главное здесь то, что применительно к данным словам нельзя вести речь об алано-осетинском заимствовании. Они взяты из определенного круга языков, к которому аланы стояли весьма близко, но заимствованы финно-угорскими языками в давние времена, когда алано-осетинские племена не имели непосредственного соприкосновения с финно-уграми» [Jacobsohn 1922:228].

В 1925 г. А. Сааресте в своей работе обратился к этимологии Х. Оянуу и высказал мнение, что форма *orhi*, как и форма *ori*, произошла из формы *orih*. При этом он опять привлек к осмыслению слова *ori* слова, обозначающие кабана или борова: эст. *orikkas*, *orik* 'боров, кастрированный кабан', фин. *oras*, *ora(i)sa*, *orrikas*, *oro* 'кабан или боров', ливск.-салатск. диал. *or̥k* 'боров', морд. *ur̥ś* 'боров'. При этом мордовское слово он вновь соотнес, как Й. Буденц, с фин. *uros* 'самец' и *uros*, *uro* 'взрослый мужчина' и др. [Saareste 1925:48].

В 1928 г., рассматривая саамско-финские лексические соответствия, Т. И. Итконен соотнес саам. *vjäreġ*, род. *-ege* (< *oareġ*) 'самец северного оленя на втором году жизни' прежде всего со словом *orakka*, имеющим то же значение и относящимся к тому же словообразовательному гнезду, что и *ori*,

ora ‘жеребец’, *orainen* ‘присущий жеребцу’, *oro* ‘жеребец’ [Itkonen 1928:50].

В том же году по-фински, а в 1932 г. — по-немецки Бьёрн Коллиндер опубликовал одну и ту же мысль, относящуюся к слову *ori*: по мнению Б. Коллиндера, это слово «могло относиться к прафинскому склонению на *is~eh-*; в таком случае в карельском языке сохранилось чередование гласных, тогда как чередование согласных, напротив, подверглось отмене». Интересующихся этимологией автор отсылает к работам Б. Мункачи, М. Фасмера, Х. Оянсуу и Х. Педерсена [Collinder 1928:244; 1932:28].

В 1928 г. В. Брёндаль опубликовал работу, посвященную «скифским» заимствованиям в древнескандинавском языке (*nordique primitif*), в которой не только принял этимологию Б. Мункачи и отклонил сомнения Г. Якобсона, сказав, что осетинский язык является потомком аланского и что, видимо, в аланском и были формы **urš(i)*, *urž(i)*, на которые указывают финно-угорские языки, но и более того — в один ряд поставил исл. *hross*, фр. *rosse*, ит. *rozza*, лат. *runcinus* и фин. *orhi* ‘жеребец’, полагая, что все эти слова объединены своим сарматским (иранским) происхождением [Brøndal 1928:15, 26].

В 1929 г. в работе, посвященной эстонскому диминутивному суффиксу *-ss-*, Ю. Мягисте усмотрел этот суффикс в карел.-олон. *oršoi* ‘жеребёнок-самец’ [Mägiste 1929:74].

В 1932 г. М. Фасмер впервые коснулся географических названий с корнем *ori-*. Правый приток реки Луги Оредеж (в «Книге большому чертежу», с. 184 — Уредежь) он произвел от фин. *Oritjoki*, часть *orit-* соотнес с *ori* ‘жеребец’, предположив, что такое название река получила оттого, что скачет, как молодой жеребец. Сюда же он отнес фин. *Oritselkä*, *Oritniemi* и *Oritsaari*, обозначавшие географические объекты в окрестностях Выборга [Vasmer 1932:41]. Каким образом *Oritjoki* могло превратиться в Оредеж, М. Фасмер, к сожалению, не указал.

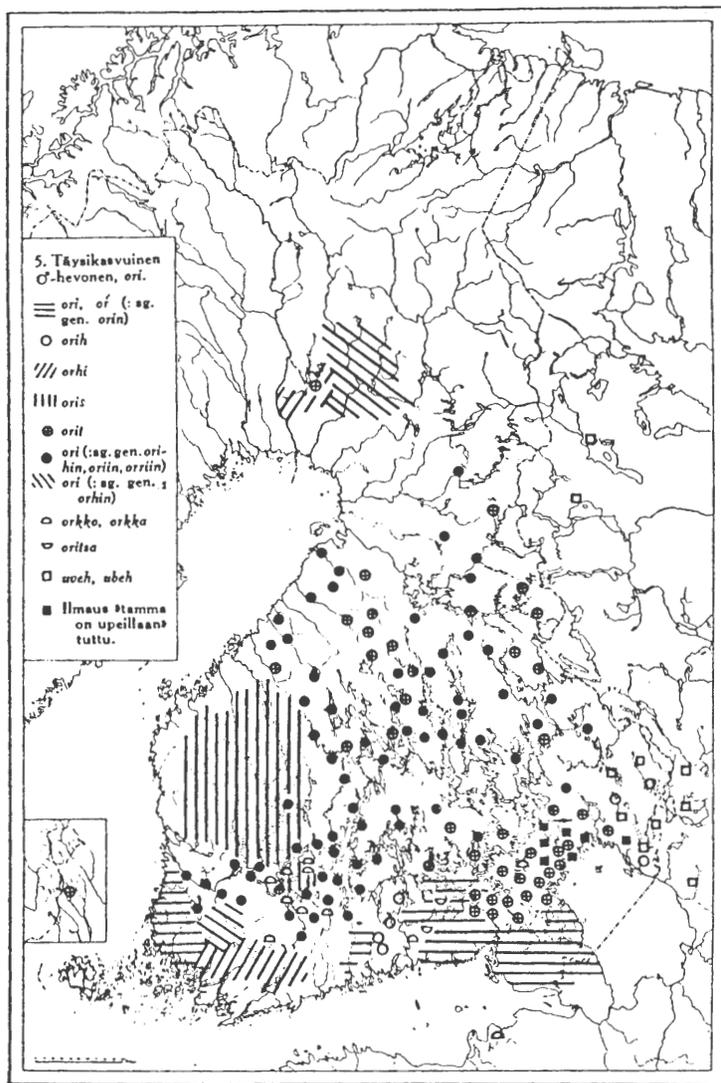
В 1935 г. И. Вестман продолжил изыскания М. Фасмера, рассмотрев фин. *Orismala* (также — *Orisberg*) как отражение шв. *Orregrund* с первой частью *or-* шв. диал. ‘каменистая почва’ [Westman 1935:272].

Т. Лехтисало в статье 1936 г. вновь указал, что древнейшей формой является *orih*, от которой произошли формы *ori* и *orhi*, сослался, как и Э. Н. Сэтяля, на рукопись (D:Ö I:13), хранящуюся в Библиотеке Хельсинского ун-та, в которой зафиксирована саволакская форма *orih*. Конечное *-h* он вслед за Э. Н. Сэтяля интерпретирует как финский рефлекс финно-угорского суффикса *š, ср. *vene*, *vehne* < **venen*, *perhe* < **pereh*. При этом форма *orit* возникла из вторичного партитива *-tta*: *-t* был перенесен в номинатив. Равным образом и формы типа *oris* толкуются как возникшие по аналогии [Lehtisalo 1936:223].

В 1937 г. Н. Модеер исследовал географические названия и топонимы в *Kung Valdemars jordebok* (ориентировочно — начало XIV в.) и обратил внимание на интересное место: «*horinsaroe guod danice dicitur hestø*». Первое слово он реконструировал как **Oriinsaari*, а последнее — как **Hæstø*. В данном случае мы имеем датский эквивалент финского названия, на этом основании И. Модеер отклоняет сближение И. Вестмана, который идентифицировал *horinsaræ* со шв. *Horsholm* [Modéer 1937:97]. В данном случае первая часть **oriin-* является формой генетива, сохранившейся в финских диалектах, локализованных не очень далеко от Ботнического залива [см. Ruoppila 1943:39]. Такую же форму генетива дает и К. Ганандер [Ganander 1938:269a].

В 1938 г. вышел в свет словарь ливского языка Л. Кеттунена, в котором слово *võrkki* 'боров' сближается с эст. *orikas*, *orik*, фин. *ori* 'жеребец' и *oraisa* 'самец'. О происхождении же этих слов сказано: «вероятно, восходят к **ora*» [Kettunen 1938:505].

В 1943 г. произошло событие, пожалуй, самое важное в истории изучения слова *ori*: была опубликована докторская диссертация Вейкко Руоппила «Названия домашних животных в финских диалектах». Одна из глав этой работы посвящена названиям лошади и среди них — названиям жеребца. Особую ценность представляет карта 5 [Ruoppila 1943:39], отражающая употребление различных форм для передачи этого значения в различных территориальных диалектах финского языка.

Эта карта содержит богатую информацию, и мы еще будем к ней обращаться по ходу изложения. Слово *ori* в формах *orhita*, *orhit*, а также *ori* (sg. nom.), *orihit* (pl. nom.), *orichten*, *oricten* (pl. gen.) встречаются у М. Агриколы уже в середине XVI в. Позднее это слово фиксируется в словарях Д. Юсле-

ниуса [Jusleniuss 1745], К. Ганандера [Ganander 1938 — рукопись словаря написана в 1786—1787 гг.], Г. Г. Ренвалла [Renvall 1826]: *ori* или *orhi* 'жеребец' (Юсл. 1745); *orhi* или *ori*, *-riin* или *oris* или *orit*, *-rihin* или *oroinen*, *-sen* карел. 'жеребец' (Ган. 1787); *oris* или *orit* или *orhi* 'жеребец', а также *ori*, *-in* или *ora*, *-an* или савол. *oro*, *-on* встречаются и в старинных ижорских рунах, содержащих наряду с ней формы *uro*, *uroine*. Восточнокарельским диалектам известны формы: *orih* 'мерин', *orih* 'жеребец', *or'eh* 'мерин', *orih* 'жеребец', *or'ih* 'мерин', в народных рунах встречаются также *oroj* и *oroñi*. Южновепские диалекты знают формы *orih* 'жеребец', *orivarzane* 'жеребёнок-самец', *orih*, *oreh* 'мерин'. В водском языке слова типа *ori* отсутствуют, за исключением восточных диалектов, в которых они являются заимствованиями из ижорского. В эстонском языке *ori* в значении 'жеребец' зафиксировано только на острове Сааренмаа. В ливском языке семантических соответствий слову *ori* не отмечено.

Обращаясь к этимологии, В. Руоппила ссылается на Э. Н. Сэтяля, который объединял финское *ori* с эст. *orikas*, *orik* (род. ед. *orika*, *oriko*) 'боров, кастрированный хряк'; ливск. *võrkki*, *wõrkki* [Setälä 1891:315]. Мы помним, что первым, кто сопоставил эти слова, был Й. Буденц [Budenz 1869:36; 1881:867], вряд ли Э. Н. Сэтяля не был знаком с его работами. Далее В. Руоппила говорит, что А. Саресте и Л. Кеттунен присоединились к этому мнению Э. Н. Сэтяля [Ruoppila 1943:42]. Кто повлиял на мнение Л. Кеттунена, сказать трудно; но А. Саресте, обсуждая слово *ori*, на Э. Н. Сэтяля не ссылается, зато цитирует в сноске (правда, тоже не ссылаясь) материал из [Budenz 1881:867]. Так что, видимо, точнее было бы сказать, что, по крайней мере, А. Саресте следовал непосредственно за Й. Буденцем.

Соотношение рефлексов слова *ori* В. Руоппила представляет следующим образом: *ora*~*ori* (род. ед. *orin*)~*oro(nen)*~*orih*(>*oris*? *orit*, *orhi*, *ori*: род. *oriin*~*oritsa*(>*oritta*? *orih*t)~*orikka*~*orikko* (> фин. *orkko*, эст. *orik*, ливск. *or'k*, *võr'kki*). При этом суффикс *-h* не был десемантизированным, а нес значение отыменного производного (прилагательного). Поскольку производные одного корня могут обозначать кастрированного или некастрированного самца не только лошади, но и свиньи,

В. Руоппила предполагает существование первоначально общего значения 'самец'. Это значение развилось, по мнению исследователя, из *ora* 'колючка, шип (у растений)', из которого затем образовалось эфмеистическое обозначение мужского полового члена, а из этого значения с помощью суффикса *-h* образовалось существительное со значением 'обладающий половым членом; самец'. Далее происходит конкретизация значения: самец лошади или самец свиньи и специализация его: некастрированный или кастрированный.

В рецензии на книгу В. Руоппилы Л. Кеттунен дополнил этимологию слова *ori* сопоставлением: *oraisa*, *uroisa* 'кабан; самец свиньи', *uros* 'самец, мужчина' и *urho* возв. 'богатырь, герой' [Kettunen 1944:69], тем самым полностью воспроизведя сопоставления Й. Буденца, которые А. Саресте в 1924 г. приводил в сноске. Объяснение В. Руоппилой формы *orhi(n)* как «метатезной» Л. Кеттунену представляется устаревшим. Главный вопрос, по мнению последнего, заключен в причинах этой метатезы, связанных с *-h*.

В 1955 г. вышло первое издание этимологического словаря уральских языков Б. Коллиндера, в котором для фин. *ori* была повторена этимология Х. Оянсуу, правда, со знаком ? [Collinder 1955:134].

В том же году Р. Пелтола повторяет мнения Л. Кеттунена и В. Руоппилы о происхождении *ori(h)* от *ora* и видит в конечном *-h* < **š* несомненный суффикс с посессивным значением [Peltola 1955:368].

В 1956—1958 гг. появилось три рецензии на словарь Б. Коллиндера. Т. И. Итконен об интересующем нас слове писал: «Конечно, фин. *oras(a)* 'кастрированный или некастрированный самец свиньи' выглядит очень хорошим соответствием морд. *urõs*, *urosi* '(кастрированный) самец свиньи, боров', однако все же следовало бы упомянуть, что, по мнению некоторых исследователей, как *oras(a)*, так и *ori* 'жеребец' являются производными от слова *ora* 'шип, колючка, игла и т.д.', см., например, Руоппила... Однако Коллиндер в своем словаре представляет все три слова как индоевропейские заимствования, восходящие к разным источникам» [Itkonen 1956:78].

Х. Кронассер упрекает Б. Коллиндера за то, что он (по недосмотру?) не указал иранские эквиваленты фин. *ori* 'жеребец': авест. *arazi*, др.-иранск. *-rjīka-* 'яйцо (яички)' [Kronasser 1957:260].

Р. Пелтола также указывает на то, что, согласно этимологии В. Руоппилы, фин. *oras, orasa, oraisa* и *ori* являются производными от *ora*, а их связь с морд. *urāš* и индоевропейское происхождение сомнительны. Что же касается корневого слова *ora*, то оно, действительно, может быть индоевропейским заимствованием [Peltola 1958:228].

В 1956 г. была опубликована статья Д. Немета, в которой он отверг финно-угорскую этимологию венг. *úr* 'господин', предложенную Й. Буденцем, и выдвинул гипотезу о тюркском происхождении этого слова [Németh 1956:358—364]. Для нас это особого интереса не представляет, поскольку вопрос об этимологии слова *ori* решается независимо от этимологии слова *úr*.

В 1958 г. вышел второй том этимологического словаря финского языка, в котором Аулису Й. Йоки принадлежит словарная статья *ori* [Joki 1958:437]. В этой словарной статье приведен богатейший материал по формам слова *ori* и значениям этих форм в прибалтийско-финских языках. Показательно, что в финских диалектах, южновепских и ижорских (в рунах) *ori* и его варианты обозначают исключительно 'жеребца', в карельском языке и его олонекском наречии, а также в северновепских диалектах они обозначают и 'жеребца', и 'мерина', а в людиковском диалекте — только 'мерина'. Обращает на себя внимание и следующее: как только в лексеме появляется суффикс *-k-, -kk-, -ik-, -ikk-*, в семеме появляется сема 'свинья': фин. *orkko* 'жеребец' или 'боров', эст. южн. *orik, orikkas* 'боров' или 'хряк', ливск. *võrkkki, ork* 'боров'. Исключение составляет фин. *orikka* 'жеребёнок' (Валкъярви) и эстонское заимствование в финский из Тютарсаари: *orikkas* 'жеребец'. (Видимо, эст. *ori* 'жеребец' на Сааренмаа следует рассматривать как встречное заимствование из финского в эстонский.) Употребление *ori* и его производных в составе сложных слов как будто бы позволяет выявить в нем семантику 'самец': карел. *oriheboñi* 'мерин, букв. самец-лошадь', карел., олон. *orihhebo* 'то же', *orihkimaleh* 'трутень, букв.

самец-пчела’, карел. людик. *orihvarz* ‘жеребёнок, букв. самец-дитя лошади’; сопоставление карел., олон. *orissälgü* ‘кастрированный жеребёнок’ и карел. людик. *orihsälgü* ‘некастрированный жеребёнок’, позволяет и в этих словах восстановить первичное значение ‘самец-дитя лошади’. Как известно, фольклорные тексты весьма консервативны, поэтому есть основание рассматривать формы, зафиксированные в рунах: *ora*, *oro*, *uro*, *uroine*, *oroi* и *oroni* как наиболее древние, тем более что в современных говорах они уже отсутствуют. Нетрудно заметить, что эти формы ближе всего к слову *ora*, которое, по Л. Кеттунену—В. Руоппиле, и является производящим для слова *ori*. Вместе с тем показательно и то, что в рунах эти формы употребляются исключительно в значении ‘жеребец’.

Что же касается этимологии слова *ori*, то словарь не дает ничего нового: «Едва ли объяснимо как древнее индоевропейское заимствование..., скорее — как производное от слова *ora*, которое, например, по Ганандеру, означает также и ‘жеребец’ наряду с другими производными этого слова: *orasa*, *ora(i)nen* и др. (см. *oras*²)» [Joki 1958:437].

В 1976 г. второй том словаря был переиздан без каких-либо изменений в словарной статье *ori*.

В словарной же статье *oras*² ‘боров’ допускается и возможность индоевропейского заимствования, а исконная этимология дается как альтернативная [Joki 1958:436].

Завершая разговор о трактовке слова *ori* в этимологическом словаре, отметим, что слово *ori* (*orih*, *or’h*) в значении ‘жеребец’ отмечено только в финских, карельских (кроме людик.) и вепсских диалектах. Так что по своему распространению это слово не может считаться общеприбалтийско-финским, что — наряду с малым числом производных слов — указывает на сравнительную молодость этого слова. На молодость его указывают также и его фонетические особенности, например, отсутствие следов конечного *-e*, как в исконных, древних словах: *joki* — *joen*, *vesi* — *veden*, *käsi* — *käden*, *järvi* — *järven*. В слове *ori* конечный *-i* представлен во всех формах: *orih* (ген. ед.), *oritta* (парт. ед.), *oriina* (ессив. ед.), *oriiseen* (иллат. ед.), *oriiden*, *oriaten* (ген. мн.), *oriita* (парт. мн.), *oriisiin*, *orihin* (иллат. мн.). Поскольку в раннепрафинском

языке слово не могло оканчиваться на *-i*, постольку слово *ori* не могло появиться до перехода конечного *-e* в *-i*, имевшего место в эпоху прибалтийско-финского единства, а тем более — быть ранним индоевропейским заимствованием. И еще один факт примечателен: в финских говорах формы с *-i* и с *-a*, *-o* семантически противопоставлены: формы с *-i* связаны со значением 'лошадь' [Ruoppila 1943:39, карта 5], а формы на *-a*, *-o* — со значением 'свинья': *oraisa*, *orainen*, *oras*, *oroporsas*, *oroinen*, *oroisa*, *oruinen*, а также формы с начальным *u-*: *uroisa*, *uroinen*, *urokki*, *uros-porsas*, *urottšu* — все эти слова имеют значение 'самец свиньи'. Примечательны также и ряды *oraisa* — *oroisa* — *uroisa*; *orainen* — *oroinen* — *oruinen* — *uroinen*; *oro-porsas* — *uros-porsas*. Наиболее выпукло оппозиция *-i:-a* (а вернее *-i:* не *-i*) и соответственно 'лошадь': 'свинья' представлена в словах *oris* 'самец лошади', *oras* 'самец свиньи'. Думается, эта оппозиция — относительно позднее явление, поскольку имеются созвучные параллельные ряды форм, обозначающих жеребца и хряка: *oro* 'жеребец' и *oroporsas* 'хряк', *oroi* 'жеребец' и *oroi-nen* 'хряк', *oroinen* 'жеребец' и *oroinen* 'хряк', *uro* 'жеребец' и *uro-kki* 'хряк', *uroine* 'жеребец' и *uroinen* 'хряк'.

Все эти параллели наталкивают на предположение о первичном значении 'самец', что не противоречит этимологии Л. Кеттунена—В. Руоппилы. Справедливость данной реконструкции подтверждается ещё и тем, что формы *oraisa*, *orainen*, *oroisa*, *uroisa*, *uroinen*, *uros-koira*, *urottšu* в говорах употребляются в значении 'самец собаки' [Ruoppila 1943:85, карта 11].

Тот факт, что форма *orhi* встречается только в финских диалектах, тогда как в других (карел., веппск.) имеются лишь формы *orih* или *orh* (людик., а также сев. веппск.), наводит на мысль о возможности следующей цепочки форм: *orih* → *orh* → *orhi*. При этом форма *orhi* представляется заимствованной из карельского или (что менее вероятно) из веппского, поскольку формы *orh* в финских говорах не отмечено.

В 1961 г. Ян де Фрис опубликовал древнескандинавский этимологический словарь, в котором при слове *hross* 'лошадь' фактически повторил этимологию Э. Бреннера, воспроизведя под заголовком «всего лишь ненадежные предположения» гипотезу Б. Мункачи в варианте В. Брёндаля о том, что

«фин. *orhi*, *orih*, *oris* и его финно-угорские эквиваленты (звуковое соответствие которых германским словам заслуживает внимания) были вместе с германскими словами заимствованы из «сарматского». Хотя это только ненадежные предположения, кажется возможным думать о каком-то восточном заимствовании, поскольку коневодство пришло оттуда» [Vries 1961:260].

Последняя фраза очень напоминает соответствующее высказывание Б. Мункачи, приводившееся выше.

В 1964 г. в книге «Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология» в двух статьях обсуждается один и тот же факт: в Новгородской берестяной грамоте № 249, относимой к началу XIII в., упоминаются «Коневы воды», в которых лингвисты и археологи вслед за А. И. Поповым видят кальку с фин. *Orivesi* [Мещерский 1964:200], причем в грамоте говорится о том, что там жили саами. В другой статье уточняется, что *Коневы воды* в грамоте — это плёс *Ori-vesi* на Сайме [Попов 1964:206].

В 1965 г. вышел немецкий вариант статьи Р. Пелтолы, в которой еще раз была повторена этимология слова *ori(h)* по Л. Кеттунену—В. Руоппиле [Peltola 1965:40—41].

В [Joki 1973:77, 148] слово *ori* упоминается дважды в связи с работами Б. Мункачи и Г. Якобсона, при этом излагаются их взгляды и дается отсылка к [Ruoppila 1943] и [Joki 1958].

В 1982 г. был опубликован этимологический словарь эстонского языка Ю. Мягисте; в нем в словарной статье *orikas*, сделанной с явным учетом финского аналога, приведен материал из прибалтийско-финских языков, а также как возможное соответствие морд. *urās* ‘боров’, а далее следует фраза, отражающая состояние этимологии слова *ori*: «Предложенная в свое время индоевропейская этимология (ср. арм. *orji* необрезанный, некастрированный и т.п.) этой прибалтийско-финской группы слов в настоящее время отброшена, и предполагается их производность от корня *ora* (хотя семантическая сторона этого объяснения не вполне ясна)» [Mägiste 1982:1844—1845].

Семантическая сторона этого объяснения предполагает три шага семантической деривации: ‘колючка, шип’ → ‘пенис’, ‘пенис’ → ‘самец’ и ‘самец’ → ‘жеребец’. Первый шаг переноса весьма правдоподобен и широко распространен [Buck

1949:258], третий шаг также имеет многочисленные аналогии [ср. Jacobsohn 1922:226—227] и легко выводится из сходных обозначений самцов различных животных. Перенос же ‘пенис → самец’, столь очевидный на первый взгляд, представляется маловероятным. Как показывает индоевропейский материал, важнейшим признаком самца является его способность быть производителем: древнейшие названия самца др.-греч. *ἀρσῆν*, санскр. *vṛṣan-*, авест. *aršan-* происходят от указания на семяизвержение при оплодотворении [Buck 1949:84, 139] и могут быть реконструированы как ‘семяизвергающий’. От и.-е. корня *org̃hi-* ‘яйцо, половая железа’ произошло немало слов, обозначающих самца вообще или самца конкретного животного, причем всегда это самец-производитель, оплодотворяющий и похотливый: ср. греч. *ἐνώρχης* ‘с яйцами, некастрированный, полноценный; козёл; титул Диониса — бога плодородия’; арм. *orj* ‘самец (у животных)’; лит. *eržilas* (*aržilas*) ‘жеребец’ и *eržus*, *aržus* ‘похотливый’, *aršus* ‘злой, ярый, ожесточённый’; др.-русск. *кѣнорозъ* ‘некастрированный кабан’. По той же модели образованы ирл. *ech-cullach* и брет. *marc'h-kalloc'h* ‘жеребец’, производные от слов со значением ‘яйцо, половая железа’: ср. валл. *caill*, брет. *kell* ‘яичко, половая железа’; первоначальное значение — ‘с яйцами, некастрированный’.

Примеры же переноса ‘пенис’ → ‘самец’ единичны: др.-англ. *wæpned* ‘представитель мужского пола’ от *wæpen* ‘оружие, пенис’ и брет. *marc'h-kalc'h* ‘жеребец’ от *kalc'h* ‘пенис’ [Buck 1949:85, 169].

Но даже не это представляется самым неясным в этимологии Л. Кеттунена—В. Руoppiлы, а появление гласного *i* на месте *a*. Действительно, если *ori(h)* — производное от *ora* с посессивным суффиксом *-h*, то почему это не **ora-h*? С таким объяснением слова *ori* уже совсем не согласуется тот факт, что слово *ora* (по Ганандеру) могло обозначать жеребца и без всякого суффикса, в котором, следовательно, с точки зрения номинации, не было и нужды. Одним словом, видимо, рано ставить точку в этимологии слова *ori*.

Как показал обзор, этимологии слова *ori* можно подразделить на исконные и неисконные. Среди исконных этимологий выделяются общефинно-угорские и общеприбалтийские,

причем родство слова *ori* со словами угорской группы в настоящее время отрицается, саамский эквивалент признается заимствованием из финского, из оставшихся языков слово *ori* ‘жеребец’ зафиксировано только в диалектах финского, карельского и вепсского. Как видим, логика познания в данном случае направлена на сужение круга привлекаемых языков и соответственно — на уменьшение древности слова, которая ранее явно преувеличивалась.

Неисконные этимологии можно подразделить на индоевропейские и неиндоевропейские. К последним относится предположение о заимствовании из турецкого языка, не получившее развития и молчаливо отклоненное без обсуждения, если не считать таковым высказывание Х. Педерсена (см. выше). Также молчаливо и без обсуждения была отклонена греческая этимология Э. Бреннера, дожившая в несколько завуалированном виде до настоящего времени и нашедшая себе место в древнескандинавском словаре Ян де Фриса (1961).

Остальные индоевропейские этимологии возводят фин. *ori* к двум корням: представленному др.-инд. *vṛṣṇī* (через алано-осетинское посредство) (Б. Мункачи, Г. Якобсон, В. Брэндаль) или др.-греч. *ὄρχις*, арм. *orj*, лит. *eržilas*, прасл. **кнь-орзь* (русск. *кн-ороз* ‘кабан, хряк’). Первая этимология подверглась наиболее резкой, всесторонней и справедливой критике, вторая этимология имела более сложную судьбу: армянская этимология отклонена вполне обоснованно, поскольку контакты предков финского народа с предками армян могли иметь место только в глубокой древности, слово же *ori* никак не может относиться к тому периоду, позднее же контактов между финнами и армянами не было, следовательно, и заимствование невозможно. Про литовскую этимологию этого сказать нельзя: в географическом и временном аспектах она вполне вероятна, но малоубедительна с фонетической точки зрения. Единственным откликом на статью Х. Оянсуу явилась статья А. Саресте, в целом не содержащая серьезной критики данной этимологии. В дальнейшем литовская этимология просто не обсуждалась.

Столь же вероятной в историко-географическом отношении является и славянская этимология, намеченная М. Фасмером, повторенная (без ссылки на него) К. Мошинским

[Moszyński 1957:238—239], В. Махеком [Machek 1968:418], а затем изложенная как общеизвестный факт (без ссылок и доказательств) Б. В. Кобылянским [Кобылянский 1967:44].

Свою дальнейшую задачу мы видим в том, чтобы рассмотреть отношения, в которых могут находиться фин. *ori* и др.-русск. *орь* 'жеребец'.

Когда в двух соседних неродственных языках встречаются два слова, сходных по звучанию и значению, то это может быть либо заимствование, либо случайное совпадение.

Рассмотрим первую возможность — заимствование. Тут также возможны два варианта: предположим заимствование из финского в русский. Учтем, что слово *орь* встречается уже в памятниках XI в., а в это время финское *o* передавалось русским *y* [Колесов 1980:25]: должно было бы получиться **урь*. Кроме того, слово *орь* имеет соответствия в украинском, древнепольском, древнечешском и современном чешском языках, отмечено в современных гуцульских говорах в Карпатах [Одинцов 1980:40—45], что делает версию о заимствовании слова *орь* из финского еще менее правдоподобной. В этом случае заимствование надо отнести к тому времени, когда славянский мир распался на две части, — чтобы объяснить отсутствие этого слова в южнославянских языках и наличие в западно- и восточнославянских. Но, как утверждает Ф. П. Филин, ссылаясь на языковые данные, «в общеславянскую эпоху южными соседями прибалтийских финноугров были балтийские племена, которые отделяли славян от финноугров... Действительные заимствования в финские языки начались поздно, после распада общеславянского языка. Обратные заимствования происходили в ту же позднюю эпоху и обычно не распространялись далее северных диалектов древнерусского языка» [Филин 1962:132].

Итак, с гипотезой о заимствовании слова *орь* из финского в русский мы должны расстаться. Рассмотрим теперь возможность заимствования в противоположном направлении.

Поскольку распад общеславянского языка датируется обычно VI в. н.э., а его завершение — VIII—IX вв., то, следовательно, и слово *орь* не могло попасть в финский язык ранее этого времени. Кстати говоря, серединой I тыс. н.э. датирует самые ранние славянские заимствования в западно-

финские языки и большинство финно-угроведов [Laanest 1982:338]. К этому времени уже произошел распад прибалтийско-финской общности и современные западнофинские народы жили примерно на той же территории, что и сейчас.

Факт «встречи» финского *ori* и русского *орь* засвидетельствован документально: «Орияри, Ори-ярви, Орьезеро, Орь «озеро в бассейне Тумчи», <> уезд Кемь, губ. Архангельская» [Eisold, Kernd'l 1965:517].

Ори-ярви и *Орь-езеро* — полные структурно-семантические эквиваленты, зафиксированные как раз в районе карельско-русских контактов.

Этому вроде бы противоречит отмеченное в Новгородской грамоте XIII в. название *Коневы воды*, истолкованное как калька с *Orivesi*. Но с одной стороны перед нами факт, а с другой — только предположение.

Против предложенной гипотезы говорит фонетика: в заимствованиях раннего периода русское, славянское *o* регулярно передавалось финским *a*: *окъно* — *akkuna*, *кожухъ* — *kasukka*, *бобъ* — *rapi*, *нопъ* — *rappi*, *топоръ* — *tappara* и др.

Соответствие *o* — *o* наблюдается лишь в так называемых «поздних» заимствованиях: *бокъ* — карел. *bokka*, *вор* — *voro*, *обод* — *opotta*, *род* — *rotu* 'порода', *конейка* — *kopeekka*, *конь* — *koni* [Mikkola 1894:36—38]. Следовательно, если *орь* является заимствованием из русского, он должен относиться к поздним заимствованиям. В первой половине XV в. *ori* уже встречается у М. Агриколы, следовательно, оно не могло быть заимствовано позднее XV в.

Понятие «поздние заимствования» хронологически весьма неопределенно. Нас в данном случае интересует время, начиная с которого восточнославянское *o* стало передаваться финским *o*. Это стало возможным после перехода славянского [a] в [o], который принято датировать VIII—IX вв. н.э. Таким образом, слово *орь* могло быть заимствовано финнами в IX—XV или даже (учитывая время фиксации топонимов с частью *ori-*) в IX—XIII вв. н.э.

Теперь ответим на вопрос, могли ли финны заимствовать слово со значением 'жеребец'. Для этого вспомним, что финны заимствовали из русского слово *конь*, очень близкое по семантике к слову *орь* 'жеребец'. Поскольку в финском к

моменту заимствования имелось (также заимствованное) слово *hevonen* с той же семантикой, семантика заимствования *koni* закономерно сузилась, специализировалась: ‘конь, лошадь вообще’ → ‘старая, плохая лошадь, кляча’. Среди других русских слов с семой *конь, лошадь*, упоминаемых в [SKES], встречаем следующие: *буланный* (с. 2255), *гнедой* (с. 2257), *дышло* (с. 2258), *каура* (с. 2258), *коновал* (с. 2259), *повод* (с. 2262), *подуза, попона, приуз, прив(у)за* (с. 2262), *ропуски* (с. 2263), *соха* (с. 2264), *тарантас, таратайка, телега, тройка* (с. 2265), *шарабан, шора* (с. 2267). Как видим, слово с семантикой ‘жеребец’ не одиноко среди русских заимствований в финском языке, в связи с чем приходится признать, что заимствование финским языком слова с семантикой ‘жеребец’, по меньшей мере, не является невозможным⁷⁹.

Вообще, среди финских названий домашних животных немало заимствований. Это и *hevonen* из диал. *hero* ‘лошадь, кобыла’ — заимствование из какого-то азиатского источника независимо от индоевропейских слов [Трубачев 1960:52–53], и *märä* ‘кобыла’ — заимствование из германских языков, и *porsas* — древнее индоевропейское заимствование, и *raavas* ‘скотина, животное (о крупном рогатом скоте)’, и *valakka* ‘мерин’. На этом фоне вероятность заимствования слова *орь* также выглядит немалой.

Как мы помним, слово *ori* в значении ‘жеребец’ встречается лишь в финских, карельских и веппских говорах. Слово же *koni* ‘кляча’, заимствованное явно позднее, отмечено также в трех прибалтийско-финских языках: в финском, карельском, олон. *koñi*, и эстонском, диал. *koni* — все со значением ‘кляча’.

Но совместимо ли предположение о заимствованном характере слова *ori* с утверждением финно-угроведов о том, что древнейшей, первоначальной формой была форма *orih*, на которую и указывает парадигма слова *ori* в современном литературном языке (о чем уже говорилось выше)?

⁷⁹ Ср. также другие заимствования из русского: *jäärä* ‘некастрированный баран’ — ярка, *pekuna* ‘бегун’, *rusakko (jänis)* ‘(заяц-)русак’, *hurtta* ‘большая свирепая собака’ — *хорт* и др. [Lallukka 1985:91].

В принципе, совместимо. В. Руoppiла (см. карту) различает три слова *ori*: *ori* — род. ед. *orin*, *ori* — род. ед. *orihin*, *oriin*, *orriin* и *ori* — род. ед. *orhin*. Вторая и третья формы показывают, что *ori* могло образоваться из *orih* и *orhi*. В современный литературный язык вошло *ori*, образованное из *orih*. Но было еще и первое *ori* (род. ед. *orin*), в парадигме которого нет никаких намеков на существование *-h*. Важно и то, что эта форма отмечена на Карельском перешейке и западнее его, а также на юго-восточном побережье Ботнического залива в окрестностях города Турку, название которого происходит из др.-русск. *тѣръгъ* [SKES]. Иными словами, эта форма встречается как раз там, где имели место контакты финнов (др.-русск. *сумь*) и карелов с русскими. Можно предположить, что первичной является форма *ori* — *orin*⁸⁰, которая затем получает посессивный суффикс *-h*, в финских и карельских диалектах чередующийся с *-s*, а в вепских — с *-z*, причем используется он для образования существительных и прилагательных чаще всего от неизвестных слов [Laanest 1982:216]. Такая характеристика суффикса больше соответствует предполагаемому заимствованию, чем исконному слову, которое не могло попасть в разряд неизвестных. Не исключено, что форма *ori-h* образовалась под влиянием форм **uro-h* (ср. *uro-s*), **oro-h* (ср. *oro-s*), затем уже из формы *orih* образовалась форма *ori* (род. ед. *oriin*), воспринятая литературным языком [Ruoppila 1943:43].

Не исключено, что именно с появлением заимствования *ori* начала формироваться отмеченная выше семантическая оппозиция ‘самец лошади’ — ‘самец не-лошади’, связанная с фонетической оппозицией *-i*: не *-i*. Например, *oris* ‘жеребец’: *oras* ‘хряк, самец свиньи’, *oraisa* ‘хряк, кабан’ и ‘самец собаки’.

В таком случае, формы на *-i* следует отделить от остальных форм со значением ‘жеребец’. Эстонское *orikas* в данном случае не может рассматриваться как контраргумент, поскольку

⁸⁰ Форма *or* — *orin*, также указанная на карте, может толковаться двояко: как точное отражение русской формы после падения редуцированных, когда *-ь* уже не произносится, или как особенности некоторых диалектов, утративших конечный гласный *-i*.

ку *-i* в нем, согласно [Mägiste 1982:1844], относится к уменьшительному суффиксу *-(i)kas* (вероятно, из *ikka* + вторичн. *-s*) и *-(i)k* (из *ikkoi*), который был присоединен к исконной основе *or-* со значением 'самец'. Что же касается фин. диал. (Тютарсаари) *orikkas*, заимствованного из эстонского, но имеющего значение 'жеребец', то, видимо, Ю. Мягисте справедливо ставит в своем словаре знак вопроса против этого значения. Оно, действительно, нуждается в уточнении; хотя, если оно было заимствовано в значении 'самец', то вполне могло под влиянием финских диалектов специализироваться в значении 'жеребец'. Если же оно было заимствовано в значении 'боров', то переход 'боров' → 'жеребец' представляется неправдоподобным.

Выше мы отмечали, что функционирование слова *ori* в составе сложных слов — карел. *oriheboñi*, олон. *orihhebo* 'мерин', *orissälgü* 'кастрированный жеребёнок', *orihkmaleh* 'трутень', людик. *orihvarz*, *orihsälgü* 'жеребёнок', а также фин. *orihevonen* 'жеребец' — указывает на первичное значение 'самец', что также может служить аргументом против предлагаемой этимологии.

Следует отметить, что подавляющее большинство этих слов не выходит за пределы «лошадиной» семантики, поэтому эти слова могут рассматриваться двояко. К примеру, фин. *orihevonen* может толковаться и как 'самец-лошадь', и как 'жеребец-лошадь'.

Единственным словом, в котором невозможно второе объяснение, является *orihkmaleh* 'трутень'. Впрочем, и тут нельзя отвергать возможность развития значения 'трутень' из первичного *'жеребец-пчела'. Кроме того, следует принять во внимание, что значение 'жеребец' у слова *орь* развилось из значения 'самец' [Соболевский 1911:416], о чем свидетельствует слово *оревина* диал. черепов. 'бык нехолощенный', также др.-польск. *(h)orz* — не только 'жеребец', но и 'одногорбый верблюд' [Karłowicz и др. 1902:56], не исключено, что в *orihkmaleh* нашло отражение это более древнее значение слова *орь*.

Таким образом, на вопрос, чем объяснить пару *ori* — *орь*: восточнославянским заимствованием или совпадением, мы склонны ответить так: заимствованием, совпавшим с искон-

ной основой *or-* ‘самец’ и *oro, ora, uro* ‘жеребец’. Что касается происхождения этой основы от *ora* ‘острие, шип’, то эта этимология нуждается в серьезном подкреплении и дополнительной аргументации. В то же время наличие в финском языке большого ряда семантически идентичных параллельных форм с основами *or-* и *ur-* (*oro* — *uro*, *oroisa* — *uroisa* и др.) заставляет продолжить поиски генетического родства этих форм, которое в случае успеха сделает совершенно излишним сближение форм на *or-* ‘самец’ с, видимо, омонимичной ей формой *ora* ‘острие, шип, колючка’.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В своё время Н. А. Некрасов сказал:

Умрешь не даром — дело прочно,
Пока под ним струится кровь.

Как заметил А. С. Пушкин, хотя и по другому поводу, «плохая физика; но зато какая смелая поэзия!»

Вовсе не обязательно понимать некрасовские строки буквально и воображать потоки крови, на которых колышется «прочное дело». Вполне достаточно понять «кровь» как кровную заинтересованность.

Применительно к этимологии это означает, что ее здание «прочно» лишь до тех пор, пока «под ним, как под балконом, струится» кровно заинтересованная мысль все новых поколений исследователей, пока результаты, полученные предшествующими поколениями, осмысляются, уточняются, корректируются, критикуются последующими. Главное в науке — непрестанная работа мысли.

Единственная цель данной книги состоит в том, чтобы поддержать традицию. Автор в полной мере сознает, что его соображения — лишь одно из мнений, лишь одна (а порой и не одна) из возможных точек зрения. Но даже ошибки, «вкравшиеся» и в эту книгу, могут сослужить службу науке — если побудят кого-то их исправить и уже своей собственной мыслью «упрочить дело» русской этимологии.

Закончить это краткое предисловие автор хотел бы словами своего тезки — А. К. Толстого:

Что аз же многогрешный
На бранных сих листах
Недописах поспешно
Или переписах,
То, спереди и сзади
Читая во все дни,
Исправи правды ради,
Писанья ж не кляни.
Составил от былинки
Рассказ немудрый сей
Худый смиренный инок
Раб божий *Алексей*.

Волохина Г. А., Попова З. Д. Русские глагольные приставки : семантическое устройство, системные отношения. Воронеж, 1993.

Вопросы финно-угорского языкознания : грамматика и лексикология. М., 1964.

Ворон. словарь — Словарь воронежских говоров. Вып. 1.— Воронеж, 2004—.

Ворт Д. С. О роли абстрактных единиц в русской морфологии // Развитие современного русского языка. Словообразование. Членимость слова. М., 1975.

Гамкрелидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы : реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры : в 2 т. Тбилиси, 1984.

Георгиев В. И. Исследование по сравнительно-историческому языкознанию : родственные отношения индоевропейских языков. М., 1958.

Гёте И. В. Избранные сочинения по естествознанию. Л., 1957.

Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики : сб. неизд. текстов, подгот. под руководством Рока Валена; пер. с фр. П. А. Скредина. М., 1992 (Языковеды мира).

Грамматика русского языка. М., 1963.

Гудков В. П., Иванович С. Сербско-русский и русско-сербский словарь. 5-е изд., стереотип. М., 2006.

Гуревич А. Я. Проблемы генезиса феодализма в Западной Европе. М., 1970.

Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М., 1984.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М., 1978—1980.

Даль-Бодуэн — Толковый словарь живого великорусского языка Владимира Даля. 3-е изд., испр. и значительно дополненное / под ред. проф. И. А. Бодуэна де-Куртенэ. СПб. ; М., 1905. Т. 2.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : репринтное воспроизведение издания 1903—1909 гг., осуществленного под ред. профессора И. А. Бодуэна де Куртенэ. М., 1994.

Дворецкий И. Х. Латинско-русский словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1976.

Дзензелевский И. А. Традиционная лексика в рукописном «Словаре малорусского наречия» Я. Ф. Головацкого 1857—

1859 г. // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1957. Т. 16, вып. 2.

Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Добродомов И. Г. Почта «Русской речи» // Русская речь. 1968. № 5.

Дьяченко Г. Полный церковнославянский словарь. М., 1993.

Елизаровский И. А. Лексика Беломорских актов XVI—XVII вв. Архангельск, 1958.

Еремина В. И. Свадебный обряд в его исторической взаимосвязи с погребальным // Ритуал и фольклор. Л., 1991.

Есенин С. Собр. соч. : в 3 т. М., 1970.

ЕСУМ — Етимологічний словник української мови : у 7 т. Київ, 1985. Т. 2.

Ефремова Т. Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М., 1996.

Желеховский Е. Малорусско-німецкий словарь. Т. 1 (А—О). Львів, 1886 (Nachdruck von O. Horbatsch (in 3 Teilen). Teil 1 (А—К). München, 1982).

Жигулин А. В. Летящие дни : стихи. М., 1989.

Журавлёв В. К. Понятие лингвистического времени // VI Международный съезд балтистов 2—4 октября 1991 г. : тезисы докладов. Вильнюс, 1991.

Забылин М. Русский народ : его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880.

Зализняк А. А. Грамматический очерк санскрита // Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь / под ред. В. И. Кальянова. С приложением «Грамматического очерка санскрита» А. А. Зализняка. 3-е изд., испр. и доп. М., 1996.

Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М., 1973.

Иванов Вяч. Вс. К типологическому анализу внутренней формы праслав. *čělověкъ // Этимология. 1973. М., 1975.

Ильина Н. Е. Морфонология глагола в современном русском языке. М., 1980.

Ильинский Г. А. Славянские этимологии. Т. XXXI. Праслав. Огъ 'конь' // Русский филологический вестник. Варшава, 1911. Т. 66.

Ильинский Г. А. Славянские этимологии // Известия ОРЯС. Т. XXIII, кн. 2. Пг., 1921.

Калво Лаврентий М. Большой испанско-русский словарь. 2-е изд., стереотип. М., 1997.

Карт. Сл. РГКСО — Картотека Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей (Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Мурманской). Хранится на кафедре русского языка Санкт-Петербургского университета.

Касевич В. Б. Морфонология. Л., 1986.

Касьнярович М. І. Віцебські краёвы слоўнік : (матарўялы). Віцебск, 1927.

Кацнельсон С. Д. К фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой системы // Вопросы языкознания. 1958. № 3.

Кобилянський Б. В. Деякі східнокарпатські архаїзми та історизми української мови // Мовознавство. Київ, 1967. № 6.

Ковалев Г. Ф. Общеславянский этноним Нъмьць // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1977.

Ковалев Г. Ф. История русских этнических названий. Воронеж, 1982.

Ковалев Г. Ф. Этнонимия славянских языков : номинация и словообразование. Воронеж, 1991.

Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.

Косухин В., Либерис А. Литовско-русский словарь для школ. Вильнюс, 1956.

Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь / под ред. В. И. Кальянова. 3-е изд., испр. и доп. М., 1996.

Красухин К. Г. Акцентология в предыстории индоевропейских языков // Вопросы языкознания. 1998. № 6.

Кретов А. А. Термины родства в русском и малагасийском языках // Семантическая специфика национальных языковых систем. Воронеж, 1985.

Кретов А. А. Финское *ORI* 'жеребец' — восточнославянское заимствование? // *Studia Slavica Finlandensia*. Т. IV. Helsinki, 1987.

Кретов А. А. Проблема существования лексических единиц // Филологические записки: Вестник литературоведения и языкознания. Воронеж, 1994. Вып. 2.

Кретов А. А. Студенческий этюд // Русская речь. 1997. № 1.

Кретов А. А. *Хинова* и *Деремела* : (по поводу статьи Г. Ф. Ковалева «Этнонимия “Слова о полку Игореве”») // Вестник ВГУ. Сер. 1, Гуманитарные науки. 2000. № 2 (Воронеж).

Кретов А. А., Матыцина Л. Н. Морфемно-морфонологический словарь языка А. С. Пушкина. Воронеж, 1999.

Кубрякова Е. С., Панкрац Ю. Морфонология в описании языков. М., 1983.

Кузнецов П. С. Чередования в общеславянском «языке-основе» // Вопросы славянского языкознания. 1954. № 1.

Кузнецова А. И. Параметрическое исследование периферийных явлений в области морфемики : (на материале русского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1988.

Лебедева 1985 — Повесть о Варлааме и Иоасафе : памятник древнерусской переводной литературы XI—XII вв. / подг. текста, исследование и комментарий И. Н. Лебедевой ; отв. ред. О. В. Творогов. Л., 1985.

Лебедева 1988 — Словоуказатель к тексту «Повести о Варлааме и Иоасафе», памятника древнерусской переводной литературы XI—XII вв. / сост. И. Н. Лебедева ; отв. ред. О. В. Творогов. Л., 1988.

Левецкий В. В. Сравнительно-этимологический словарь германских языков. Черновцы, 1994.

Лесная энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. Г. И. Воробьев. М., 1985. Т. 1.

Липец Р. С. Эпос и древняя Русь. М., 1969.

Лиукконен К. Восточнославянские отглагольные существительные на -М-. Существительные на *-МЪ / *-МА / *-МО. Хельсинки, 1987. Т. 1 (Slavica Helsingensia, 5).

Львов А. С. [Рецензия] Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. Изд. Моск. ун-та, 1956. 243 с. // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1957. Т. 16, вып. 2.

Макаев Э. А., Кубрякова Е. С. О статусе морфонологии и единицах ее описания // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.

Максимов Е. В. Зарубинецкая культура. Поселения // Славяне и их соседи в конце I тысячелетия до н.э. — первой половине I тысячелетия н.э. М., 1993.

Марков В. М. Этимология слова *присный* // Актуальные проблемы истории русского языка : тезисы докладов научной конференции, посвященной 70-летию проф. Маркова Виталия Михайловича. Казань, 8—10 апреля 1997 г. Казань, 1997.

Мароевич Р. Еще раз о прилагательном *студенческий* // Русская речь. 1998. № 6.

Мароевич Р. Словообразовательный этюд (*студенческий — садоводческий, студенческий — ребяческий*) // Научные доклады высшей школы. Филологические науки. 1999. № 4.

Мартынов В. В. Славянская и индоевропейская аккомодация. Минск, 1968.

Мартынов В. В. Славянизмы в древнеанглийском языке // Славяногерманские языковые параллели. Минск, 1996.

Мартынаў В. У. Прападзіма славян. Лінгвістычная верыфікацыя. Мінск, 1998.

Мартынов В. В. Ложная декомпозиция в славянском словообразовании // *Studia etymologica Brunensia*. 2000. № 1. Praha. МАС-1 — Словарь русского языка : в 4 т. М., 1957—1961.

МАС-2 — Словарь русского языка : в 4 т. 2-е изд., испр. и доп. М., 1981—1984.

Мейе А. Общеславянский язык. М., 1951.

Мельников Г. П. Морфологический строй языка и средства словоразграничения // Исследования по фонологии. М., 1966.

Мельников Г. П. Детерминанта — ведущая грамматическая тенденция языка // Фонетика, фонология, грамматика. М., 1971.

Мельников Г. П. Принципы и методы системной типологии языков : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 1989.

Мещерский И. А. Новгородские грамоты на бересте как источник исторического изучения прибалтийско-финских языков // Вопросы финно-угорского языкознания : грамматика и лексикология. М., 1964.

Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1988.

Михайлова Т. Друиды и религия древних кельтов // Энциклопедия для детей. Т. 6, ч. 1 : Религии мира. 3-е изд., перераб. и доп. / гл. ред. М. Д. Аксенова. М., 1997.

Младенов С. Сравнительно и индоевропейско езикознание. София, 1936.

МСБГ — Матеріали до словника Буковинських говірок. Вип. 4 : Навчальний посібник. Чернівці, 1976.

Нидерман М. Историческая фонетика латинского языка. М., 1949.

Новгородские былины / изд. подготовили Ю. И. Смирнов и В. Г. Смолицкий. М., 1978. Серия «Литературные памятники».

Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.

Огольцев В. М. Словарь устойчивых сравнений русского языка : (синонимо-антонимический). М., 2001.

Одинцов Г. Ф. Из истории гиппологической лексики в русском языке. М., 1980.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 2-е изд. М., 1952.

Ожегов С. И. Словарь русского языка. 23-е изд., испр. / под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1991.

Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.

ОЛА — Общеславянский лингвистический атлас : материалы и исследования. М., 1965.

Оливериус Зденек Ф. Основы описания морфонемных альтернатив в современном русском языке // *Československá rusistika*. XV. 1970. № 2.

ОСРЯ — Обратный словарь русского языка. М., 1974.

Откупщиков Ю. В. Из истории индоевропейского словообразования. Л., 1967.

Панов М. В. Русская фонетика. М., 1967.

Панькевич И. [Рецензия]. *Филин Ф. П.* Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи : (по материалам летописей) // *Slavia, Časopis pro slovanskou filologii*. Ročník 25. 1956.

Петлева И. П. Этимологические заметки по славянской лексике. XVII // *Этимология*. 1988—1990. М., 1993.

Петров В. П. Подсечное земледелие. Киев, 1968.

Покровский М. М. Избранные работы по языкознанию. М., 1959.

Попов А. И. Основные задачи исследования финно-угорской и самодийской топонимики СССР // *Вопросы финно-угорского языкознания : грамматика и лексикология*. М., 1964.

Потебня А. А. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Эстетика и поэтика. М., 1976.

Похлёбкин В. Большая энциклопедия кулинарного искусства : все рецепты В. В. Похлёбкина. М., 2003.

Преображенский А. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. М., 1910—1914 (1959 — 2-е изд.).

Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960.

Пушкин А. С. Собр. соч. : в 10 т. М., 1975. Т. 4.

Рапановіч Я. Н. Слоўнік назваў населеных пунктаў Брэсцкай вобласці. Мінск, 1980.

Реформатский А. А. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии) // Вопросы грамматического строя. М., 1955.

Романовская В. Л. Словообразование прилагательных в древнерусском языке : (на материале Радзивиловской летописи) : автореф. ... канд. филол. наук. М., 1953.

Русская грамматика : в 2 т. М., 1980.

РФВ — Русский филологический вестник : в 78 т. Варшава, 1879—1918.

РЯСС — Словарь синонимов русского языка. Л., 1975.

РЯЭ — Русский язык : энциклопедия. М., 1979.

СБГ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча : у пяці тамах. Т. 2 (Д—Л). Мінск, 1980.

СГУ — Словник гідронімів України. Київ, 1979.

Селищев А. М. Славянское языкознание. Т. 1 : Западнославянские языки. М., 1941.

Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. 1 : Введение. Фонетика. М., 1951.

Семенов С. А. Происхождение земледелия. Л., 1974.

Семереньи О. Введение в сравнительное языкознание. М., 1980.

СлДрЯ — Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Т. 1—М., 1988—.

СлРЯ XI—XVII — Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 1—М., 1975—.

СлРЯ XVIII — Словарь русского языка XVIII в. Т. 1—Л., 1984—.

СлСочСРЯ — Словарь сочетаемости слов русского языка / под ред. П. Н. Денисова, В. В. Морковкина. 2-е изд., испр. М., 1983.

Слов. 1847 — Словарь церковнославянского и русского языка : в 4 т. СПб., 1847.

Слов. син. — Словарь синонимов : справочное пособие / ред. А. П. Евгеньева. М., 1975.

Словарь Нордстета — Российский с немецким и французским переводом словарь, сочиненный Иваном Нордстетом. Ч. I, А—Н. СПб., 1780; ч. II, О—Я. СПб., 1782.

Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская старина» / ред. с добавл. собственных материалов Б. Д. Гринченко. Киев, 1907. Т. I.

Смирнов Ю. И. Былины о Садке : (примечания) // Новгородские былины. М., 1978.

Смирнов Ю. И., Смолицкий В. Г. Новгород и русская эпическая традиция // Новгородские былины. М., 1978.

Соболевский А. Из истории словарного материала // Русский филологический вестник. 1911. Т. 65, вып. 2.

Соколова В. К. Об историко-этнографическом значении народной поэтической образности : образ «свадьбы-смерти» в славянском фольклоре // Фольклор и этнография : связи фольклора с древними представлениями и обрядами. Л., 1977.

Сорокин Ю. С. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30—90-е годы XIX века. М., 1965.

Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка : в 3 т. СПб., 1903 [Репринт. М., 1958].

Срезневский И. И. Словарь древнерусского языка : в 4 т. М., 1989. СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1—1. Л., 1965—.

СтСл — Старославянский словарь (по рукописям X—XI веков) : ок. 10 000 слов / Э. Благова, Р. М. Цейтлин, С. Геродес и др. ; под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М., 1994.

СУМ — Словник української мови. Т. 1—11. Київ, 1970—1980.

Сцяшковіч Т. Ф. Матэрыялы да слоўніка Гродзенскай вобласці. Мінск, 1972.

СЭС — Советский энциклопедический словарь. М., 1980.

Тихонов А. Н. Школьный словообразовательный словарь русского языка. 2-е изд., перераб. М., 1991.

Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М., 1935—1940.

Толстой Н. И. Времени магический круг (по представлениям славян) // Логический анализ языка. Язык и время / отв. ред. Н. Д. Арутюнова, Т. Е. Янко. М., 1997.

Топоров В. Н. Прусский язык : словарь. Т. I (А—Д). М., 1975.

Топоров В. Н. ПУРУША // Мифы народов мира : энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. М., 1988.

Топоров В. Н. Об одном из парадоксов движения : несколько замечаний о сверхэмпирическом смысле глагола «стоять», преимущественно в специализированных текстах // Концепт движения в языке и культуре / отв. ред. Т. А. Агапкина. М., 1996.

Тронский И. М. Общеиндоевропейское языкознание. М., 1967.

Трофимович К. К. Верхнелужицко-русский словарь / под ред. Ф. Михалка и П. Фёлькеля. М., 1974.

Трубачев О. Н. [Рецензия]. Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии. Древнерусский период. Издательство Московского университета, 1956 // Краткие сообщения Института славяноведения. Т. 25. М., 1958.

Трубачев О. Н. Происхождение названий домашних животных в славянских языках : (этимологические исследования). М., 1960.

Трубачев О. Н. Ранние славянские этнонимы — свидетели миграции славян // Вопросы языкознания. 1974. № 6.

Трубачев О. Н. [Рецензия]. Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Svazek 1. Predložky. Koncové partikule / Tento svazek sestavil F. Kopečný. Praha, 1973 // Этимология. 1974. М., 1976.

Трубецкой Н. С. Некоторые соображения относительно морфонологии // Пражский лингвистический кружок. М., 1967.

Трубецкой Н. С. Морфонологическая система русского языка // Избранные труды по филологии. М., 1987.

ТС — Тураўскі слоўнік. Т. 1—4. Мінск, 1982—1985.

Тучков С. А. Военный словарь. М., 1818. Ч. 1—2.

Унбегаун Б.-О. Русские фамилии. 2-е изд. М., 1995.

УРС — Украинско-русский словарь / гл. ред. И. Н. Кириченко : в 6 т. Киев, 1953—1963.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина : в 4 т. М., 1964—1973.

Федотов Г. П. Стихи духовные : (русская вера по духовным стихам). М., 1991.

Филин Ф. П. Исследование о лексике русских говоров : по материалам сельскохозяйственной терминологии // Труды Ин-

ститута языка и мышления имени Н. Я. Марра. VI. М., 1936. Серия SLAVICA, № 1.

Филин Ф. П. Образование языка восточных славян. М. ; Л., 1962.

Филологические записки. Воронеж, 1879. Вып. 4.

Фрейденберг О. М. Введение в теорию античного фольклора // Миф и литература древности. М., 1978.

Фрейденберг О. М. Поэтика сюжета и жанра / подготовка текста, справочно-научный аппарат, предварение, послесловие Н. В. Брагинской. М., 1997.

Хабургаев Г. А. Старославянский язык : учеб. пособие для студентов пед. ин-та по спец. № 2101 «Русский язык и литература». М., 1974.

Цейтлин Р. М. Сравнительная лексикология славянских языков. М., 1996.

Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка. Киев, 1970.

Чекман В. Н. О рефлексах индоевропейских *k̑, *g̑ в балто-славянском языковом ареале // Балто-славянские исследования. М., 1974.

Ченнаккадан Вариатх Джеймс. Внутренняя форма и грамматический статус русских сложных слов : автореф. дис. ... канд. филол. наук (расширенный вариант). М., 1991.

Черных П. Я. Очерк русской исторической лексикологии : древнерусский период. М., 1956.

Черных П. Я. Историко-этимологический словарь русского языка : в 2 т. М., 1993.

Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка : пособие для учителя / под ред. С. Г. Бархударова. М., 1961 (1971 — 2-е изд.).

Шатернік М. В. Краёвы слоўнік Червеншчыны. Менск, 1929.

Шаур В. Л. Заметки по славянской этимологии // Zeitschrift für Slawistik. Bd 24, h. 1. Berlin, 1979.

Широков О. С. Албано-балто-славянское единство : (обоснование гипотезы данными фонетики) // Научный ежегодник за 1959 г. Черновцы, 1959.

Эндзелін І. Исследования в области кашубского языка // Русский филологический вестник. Варшава, 1903. Т. 50.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд. Вып. 1— / под ред. О. Н. Трубачева. М., 1974—.

Этимологический словарь русского языка. Т. 1, вып. 2 / автор-составитель Н. М. Шанский. М., 1965.

Этимология. 1972. М., 1974.

Этимология. 1974. М., 1976.

Этимология. 1988—1990. М., 1993.

Abercromby John. The Pre- and Proto-historic Finns both eastern and western with the magic songs of the west finns : In two volumes. Vol. 1. London, 1898.

Adelung I. C. Grammatisch-kritisches wörterbuch der hochdeutschen mundarten, besonders aber der oberdeutschen : zweiter vermehrte und verbesserte ausgabe. Dritter Theil, von m-scr. Leipzig, 1798.

Ahlqvist August. Forsknigar på de Ural-Altiska Språkens omrede. Andra delen. De Vest-finska Språkens kulturord. Helsingfors, 1871.

Ahlqvist August. Forschungen auf dem Gebiete der Ural-Altischen Sprachen. Zweiter Theil. Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen. Deutsche, umgearbeitete Ausgabe. Helsingfors, 1875.

Anderson Nikolai. Studien zur vergleichung der ugrofinnischen und indogermanischen Sprachen. I. Dorpat, 1879.

Bañkowski Andrzej. Slavic **kъnorъ* as a relic of primitive indo-european adjective-building class // *Lingua Poznaniensis*. 1987. T. XXX.

Berka A. Słownik kaszubski porównawczy // *Prace filologiczne*. Warszawa, 1891. T. 3. 4 éd.

Berneker E. Slavische Wortdeutungen. 6. Slav. **kъnorъ* // *Jagic-Festschrift : zbornik u slavu Vatroslava Jagica*. Berlin, 1908.

Berneker E. Slavisches etymologisches Wörterbuch. Bd 1 (A—L). Heidelberg, 1913—.

Bezlai F. Esseji o slovenskem jeziku. Ljubljana, 1967.

Brückner A. Preussisch und Polnisch // *Archiv für slavische Philologie*. Bd 20. Berlin, 1898.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 1927.

Brückner A. Etymologien. *Knur* und *Knoroz* 'Eber' // *Slavia. Časopis pro slovanskou filologii*. Ročník 13. Praha (1934—1935), 1935.

Brückner A. Słownik etymologiczny języka polskiego. Warszawa, 1970.

Brøndal Viggo. Mots «Scythes» en nordique primitive // Acta Philologica Scandinavica. B. 3. København, 1898.

Buck Carl Darling. A dictionary of selected synonyms in the principal indo-european languages : a contribution to the history of ideas. Chicago, 1949.

Budenz József. A magyar és finn-ugor nyelve szögevezések // Nyelvtudományi Közlemények. 7. Budapest, 1869.

Budenz József. Magyar-ugor összehasonlító szótár. Budapest, 1881.

Budziszewska Wanda. Słowiańskie słownictwo dotyczące przyrody zyczej (=Monografie sławistyczne 6). Wrocław ; Warszawa ; Kraków, 1965.

Collinder Björn. Kantasuomen s~h : kantalapi s~š toisen tavun vokaalin jäljessä // Viritt. Uusi jakso. Kahdesneljäntä vuosikerta. Helsinki, 1928.

Collinder Björn. Die urgermanischen Lehnwörter im Finnischen // Skrifter utgivna av K. Humanistiska Vetenskaps-Samfundet i Uppsala. 28:1. Uppsala ; Leipzig, 1932.

Collinder Björn. Fenno-Ugric Vocabulary // An Etymological Dictionary of the Uralic Languages. Uppsala, 1955.

Czuczor Gergely, Fogarasi János. A magyar nyelv szótára. VI. Budapest, 1874.

Eisold W., Kernd'l A. Wörterbuch der russischen Gewässernamen. Bd 3. Berlin ; Wiesbaden, 1965.

Ernout A., Meillet A. Dictionnaire étymologique de la langue latine. Paris, 1979.

Etymologische Miscellen. III. Niedersächsisches. 3. And. Falhôn // Zeitschrift für Ostnamenforschung. Bd 5. München ; Berlin, 1929.

Fraenkel E. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Bd I. Heidelberg ; Göttingen, 1962.

Ganander Christfrid. Nytt Finskt Lexicon (Käsikirjoitus 1786—87). Porvoo ; Helsinki. 2 (L—R), 1938.

Georgiew V. I. Introduction to the History of the Indo-european Languages. Sofia, 1981.

Grimm J. und W. Deutsches Wörterbuch. Bd 7. Leipzig, 1889.

Harasymczuk R. W., Tabor W. Etnografia polonin huculskich // Lud : organ polskiego towarzystwa ludoznawczego we Lwowie. Założony w roku 1895 / redaktor Adam Fischer. Serja II. T. XV. Ogólnego zbioru T. XXXV. Lwów ; Kraków ; Poznań ; Wilno, 1937.

Hinze F. Die Namen *Scharmützel, Schermützel, Zermützel, Schermeisel* und ihre Deutung. Zugleich ein Beitrag zur Etymologie von ostslaw. *Коромысло* 'Wassertrage' // *ZfS.* 1972. XVII.

Hirt H. Bezzenbergers Beiträge. 1900. Vol. 24.

Holub J. Stručný slovník etymologický jazyka československého. Druhé, zcela přepracované a doplněné vydání, 1937.

Holub J., Kopečný F. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1952.

Idman Nils. Försök ut wisa gemenskap Emellar Finska och Grekiska Språken. Åbo, 1774.

Idman Nils. Recherches sur l'ancien peuple finois d'après les rapports de la langue finoise avec la langue grecque. Strasbourg, 1778.

Itkonen Erkki. [Рец. на Collinder Björn. Fenno-Ugric Vocabulary // An Ethymological Dictionary of the Uralic Languages] // *Ural-Altäische Jahrbücher.* Bd 28. Wiesbaden, 1956.

Itkonen T. I. Lappalais-suomalaisia sanavertailuja // *Suomalais-ugrilaisen Seuran Toimituksia.* LVIII. Helsinki, 1928.

Jacobsohn Hermann. Arier und Ugrofinnen. Göttingen, 1922.

Jagić Vatroslav. Bibliografischer Bericht // *Archiv für slavische Philologie.* Bd 18. Berlin, 1896.

Joki Aulis J. Suomen kielen etymologinen sanakirja. 2. Helsinki, 1958.

Joki Aulis. J. et al. Uralier und Indogermanen. Helsinki, 1973.

Jungmann J. Slovník česko-nemecký. Díl 1—5. Praha, 1835—1839.

Justenius Daniel. Suomalaisen Sana-Lugun Coetus... Stockholm, 1745.

Karłowicz J. Słownik gwar polskich. T. I (a—e). Kraków, 1900.

Kettunen Lauri. Lõunavepsa häälik — ajalugu. I. Konsonandid. Tartu, 1922.

Kettunen Lauri. Livisches Wörterbuch mit grammatischer Einleitung. Helsinki, 1938.

Kiparsky Valentin. Russische historische Grammatik. Bd III. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975.

Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. 21. unveränderte Auflage. Berlin ; New York, 1975.

Kopečný 1973 — Etymologický slovník slovanských jazyků. Slova gramatická a zájmena. Svazek 1 / Tento slavek sestavil F. Kopečný. Praha, 1973.

Kronasser H. [Рец. на Collinder Björn. Fenno-Ugric Vocabulary // An Ethymological Dictionary of the Uralic Languages] // Die Sprache. Bd 3. Wien, 1957.

Kurilowicz J. L'apophonie en indo-européen. Wrocław, 1956.

Kurschat A. Litauisch-Deutsches Wörterbuch. Bd 2. Göttingen, 1970.

KZ — Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indo-germanischen Sprachen / benründet von A. Kuhn. Berlin ; Göttingen, 1852 —.

Laanest Arvo. Einführung in die ostsee-finnischen Sprachen. Hamburg, 1982.

Lallukka Gabriella. Сопоставление славянских заимствований в венгерском и финском языках // Studia Slavica Finlandensia. T. 2. Helsinki, 1985.

Lehtisalo T. Über die primären uralischen Ableitungssuffixe // Mémoires de la Société Finno-ougrienne. 72. Helsinki, 1936.

Leskien A. Die bildung der nomina im litauischen. Leipzig, 1891.

Linde — Słownik języka polskiego / przez M. Samuela Bogumiła Linde. T. I—VI. Lwów, 1854—1860.

Lindström Johan Adolf. Samling af med Finskan beslågade ord från de Uralska, Altaiska och Kaukasiska språken // Suomi, Tidskrift i fosterländska ämnen. 1852. Tofte årgången. Helsingfors, 1853.

Loewenthal J. Zur baltisch-slavischen Wortkunde // Archiv für slavische Philologie. Bd 37. Berlin, 1920.

Lorentz F. Zum Heisternester Dialekt // Archiv für slavische Philologie. Bd 23. Berlin, 1901.

Lorentz F. Das gegenseitige Verhältniss der sogenannten lechischen Sprachen // Archiv für slavische Philologie. Bd 24. Berlin, 1902.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Druho, opravené a doplněné vydání. Praha, 1968.

Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.

Mägiste Julius. Eesti — ss-aineselisest deminutiivsuffiksist // Eesti keel. 8. № 3/4. Tartu, 1929.

Mägiste Julius. Estnisches etymologisches Wörterbuch. Bd 5. Helsinki, 1982.

Mann S. E. An Indo-European comparative dictionary. Fasc. 6 (mitsos — pati). Hamburg, 1986.

Matzenauer Ant. Cizi slova ve slovanských řečech. Brno, 1870 (Replint. Leipzig, 1973).

Matzenauer A. Příspěvky ve slovanskému jazykozpytu // Listy filologické a paedagogické, r. 12. Praha, 1885.

Mažiulis V. Prūsų kalbos etimologijos žodynas. Vilnius, 1988. T. 1 (A—H).

Meillet A. Etymologies slaves: 1. *su* // Memoires de la societe de linguistique de Paris. T. 9. Paris, 1896.

Meillet A. Les gutturals et le tokharien. Hirt-Festschrift. 2. Heidelberg, 1936.

Mikkola Joos. J. Berührungen zwischen den westfinnischen und slavischen Sprachen. I. Slavische Lehnwörter in den westfinnischen Sprachen. Helsingfors, 1894.

Miklosich Fr. Lexicon paleoslovenico-graeco-latinum emendatum auctum. Vindobonae, 1862—1865.

Miklosich Fr. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Milewski T. Dwie notatki etymologiczne // Sprawozdania z czynności i Posiedzeń polskiej Akademji Umiejętności. T. 37, № 10. Warszawa, 1932.

Modéer Ivar. Något om namformerna i seglingsbeskrivningen i Kung Valdemars jordebok // Namn och Bygd. 25. H. 6—7. Uppsala, 1937.

Moller Arvid. Kort Beskriftning öfwer Estoch Lifland, jemte undersökning om Dessa Länders Inbyggares i synnerhet det Estniska och Finska Folkslagetets ursprung. Vesterås, 1756.

Moszyński K. Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław ; Kraków, 1957.

MSS — *Belić Jaromir, Kamiš Adolf, Kučera Karel.* Malý staročeský slovník. Praha, 1978.

Munkácsi Bernhard. Ethnographia nebst der Beilage // Értésítő. 5. Budapest, 1894.

Munkácsi Bernát. A vogul nép ősi hitvilága // Nyelvtudományi Közlemények. 30. Budapest, 1900a.

Munkácsi Bernát. Kaukázusi hatás a finn-magyar nyelvekben // Magyar Nyelvőr. 29. IV. Budapest, 1900b.

Munkácsi Bernhard. Kaukasischer Einfluss in der finn-magyar Sprachen // Keleti Szemle. I. Budapest, 1900b.

Munkácsi Bernát. Árja és kaukázusi elemek a finn-magyar nyelvekben. I. Budapest, 1901.

Munkácsi Bernard. Alanische Sprachdenkmäler im ungarischen Wortschatze // Keleti Szemle. 5. Budapest, 1904a.

Munkácsi Bernát. Alán nyelvemlékek szókincsünkben // Ethnographia. 15. 1—2. Budapest, 1904b.

Munkácsi Bernard. Die Urheimat der Ungarn // Keleti Szemle. 6. Budapest, 1905a.

Munkácsi Bernát. A magyar őshaza kérdése // Ethnographia. 16. Budapest, 1905b.

Munkácsi Bernard. Die Weltgottheiten der wogulischen Mythologie // Keleti Szemle. 7. Budapest, 1906.

Munkácsi Bernhard. Kisebb Közlések : Mélanges // Keleti Szemle. 13. Budapest, 1913.

Nagy G. Greek Dialekts as the transformation of an Indo-European process. Cambridge (MASS), 1970.

Németh Gyula. Nem török eredetű -e úr szavunk? // Emlékkönyv Pais Dezső hetvenedik születésnapjára. Budapest, 1956.

Ojansuu Heikki. Lisiä suomalais-balttilaisiin kosketuksiin // Vähäisiä kirjemiä. Suomalaisen kirjallisuuden Seuran julkaisuja. 49. Helsinki, 1921.

OSN — Ottáv slovník naučný. Ilustrovaná encyclopædie obecných vědomostí. Dvacátýprvý díl. Praha, 1904.

Osthoff H. Etymologische parerga. Leipzig, 1901.

Otrębski Jan. Gramatyka języka litewskiego. T. 3 : Nauka o formach. Warszawa, 1956.

Otrębski Jan. Gramatyka języka litewskiego. T. 2 : Nauka o budowie wyrazów. Warszawa, 1965.

Pedersen Holger. Neues und nachträgliches. II. Gelegentliche bemerkungen zur lautgeschichte und wortgeschichte // Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen / begründet von A. Kuhn. Bd XL. Neue folge. Bd XX. Gütersloh, 1907.

Peltola Reino. Kantasuomalaisten purjeen ja sen nimen alkuperästä // Virittäjä. Helsinki, 1955.

Peltola Reino [Рец. на Collinder Björn. Fenno-Ugric Vocabulary // An Ethymological Dictionary of the Uralic Languages] // Virittäjä. Helsinki, 1958.

Peltola Reino. Ursprung des Segels und seine Benennung bei den Urfinnen // Studia Fennica. Revue de linguistique et d'ethnologie finnoises. 12. Helsinki, 1965.

Pokorny Julius. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bd I. Bern ; München, 1959.

Renvall Gustavus. Suomalainen Sana-Kirja. Turku, 1826.

RGN — Russisches geografisches Namenbuch / begründet von Max Fasmer ; herausgegeben von Herbert Brauer. Bd 2 (Вассакара — Держановка). Wiesbaden, 1966.

Rudnicki Mikołaj. Suffixy ze spółgłoską -g- // *Slavia Occidentalis*. T. 10. Poznan, 1931.

Rudničkyj J. B. An Etymological Dictionary of the Ukrainian Language. Part 1—5. Winnipeg, 1962—1966.

Ruoppila Veikko. Kotieläinten nimitykset suomen murteissa. I. Hevonen. Nauta. Lammas. Vuohi. Helsinki, 1943.

Saareste Albert. Leksikaalseist vahekordadest eesti murretes // *Eesti Vabariigi Tartu Ülikooli Toimetused*. B. Humaniora. 6. 1. Tartu, 1925.

Safarewicz J. Pochodzenie trzech szeregów spółgłosek tylnojęzykowych w prąjindoeuropejskim, 1945 (= *Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności*. T. XLVI).

Schmidt Iohannes. Die germanischen präpositionen und das auslautsgesetz // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der indogermanischen Sprachen* / begründet von A. Kuhn. Bd 26. Neue folge. Bd. 6. Berlin, 1885.

Schott Wilhelm. Über das Altai'sche oder Finnisch-Tatarische Sprachengeschlecht. Berlin, 1849.

Schuster-Šewc H. Slawische Etymologien // *Zeitschrift für Slawistik*. Bd 16, h. 3. Berlin, 1971.

Schuster-Šewc H. Historisch-etymologisches Wörterbuch der ober- und niedersorbischen Sprache. Bd. 10 (*kruzic—lhac*). Bautzen, 1982.

Schutz Jozeph. Das präfigierende Element *ka-/ko-/k-* in der Wortbildung des Slavischen // *Die Welt der Slaven*. Vierteljahrschrift für Slavistik. Jahrgang X. Wiesbaden, 1965.

Setälä E. N. Yhteissuomalainen Äännehistoria. Toinen vihko. Spirantit. Nasaalit. Likvidat ja puolivokaalit. Helsinki, 1891.

Setälä E. N. Lisiä suomalais-ugrilaisen kielentutkimuksen historiaan // *Suomi*. 3 jakso. 5 osa. Helsinki, 1892.

Shevelov George Y. A prehistory of Slavic : the historical phonology of common slavic. Heidelberg, 1964.

SJP — Słownik etymologiczny języka polskiego. T. 3 (h—k). Warszawa, 1961.

SJS — Slovník jazyka staroslověnského. 23 (огнь — осыпати). Praha, 1972.

SKES — Suomen kielen etymologinen sanakirja. 1—7. Helsinki, 1955—1981.

Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. 2 (k—kot). Kraków, 1965.

Sławski F. Zarys słowotwórstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański. T. I. Wrocław ; Warszawa ; Kraków ; Gdańsk, 1974.

Sł. Warszawsky — Słownik języka polskiego / pod red. J. Karłowicza, A. Kryńskiego, W. Niedźwiedzkiego. T. I—VIII. Warszawa, 1900—1927.

Sychta B. Słownik gwar kaszubskich na the kultury ludowej. T. I—VII. Wrocław ; Warszawa ; Kraków, 1967—1976.

Torbjornsson Tore. Die gemeinslavische Liquidametathese. II // Uppsala Universitets Arsskrift. Filosofi, Spraketenskap och historiska Vetenskaper. Uppsala, 1904.

Ujfalvy Ch. E. de. Vocabulaire vèpse ou tchoude du nord. D'après les données de m. Ahlqvist // Essai de grammaire vèpse ou tchoude du nord d'après les données de mm. Ahlqvist et Lönnrot par Ch. E. de Ujfalvy. Paris, 1943.

Vaillant Andre. [Рец. на Milewski 1932] // Revue des etudes slaves. T. 13. Paris, 1933.

Vaillant Andre. Grammaire comparee des langues slaves. T. 3. Le verb. Premier partie. Paris, 1966.

Vasmer Max. Fi. *varsa* 'füllen' ein iranisches Lehnwort? // Suomalais-ugrilaisen Seuran Aikakauskirja. XXX, 15. Helsinki, 1913.

Vasmer Max. Beiträge zur historischen Völkerkunde Osteuropas. I. Die Ostgrenze der baltischen Stämme. Berlin, 1932.

Vries Jan de. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden, 1961.

Watkins Calvert. The Indo-European family of Greek *orkhis* : linguistics, poetics and mythology // Indo-European Studies. II / ed. by C. Watkins. Cambridge, 1975.

Westman Ivar. Nyländska önamn // Folkmålsstudier. 3. Helsingfors, 1935.

Указатель этимологически интерпретированных слов

- аистовина 53
аистовый 53
анекдотичный 63
артист 33
артистка 33
атаман 24
атаманец 24
атаманский 24
- баранина 39, 58
барсовина 43
барсуковина 52
барсуковый 52
бахарь 95
бахорить 95
башка 123
башковитый 123
беда 160, 192
бедокур 135
безлепица 86
безначалие 225
белко 136
белобровый 136
белобрыска 136
белобрысый 136
белобрыська 136
белоголовик 136
белоголовый 136
белокудренник 136
белокудрый 136—140
белокуровата 140
бело(ш)куровата 140
белокуроватый 134, 139, 141
белокурый 134—141
белоусый 137
белуга 48
белужий 48
белужина 48, 136
- белуха 136
белый 136, 137
белыш 136
белышка 136
белышко 136
белявый 136
беляк 136
беляна 136
белянка 136
белянчик 136
белячок 136
беляшка 136
беляюшка 136
бёрце 138
берцо 138
берцовый 138
беседа 190, 201, 202, 207, 208,
221, 222
бесѣда 202, 208, 216, 230
бесѣдка 216
бесѣдки 216, 217
бесѣдованиѣ 207
бесѣдушка 216
беседы 217
бесѣды 208
бесѣдливие 207
бесида 202
би-/бе- 208
білокурый 134
благоговеть 71
блестеть 68
блистать 70
блондин 139
бобровина 38, 41, 58
бобровый 41
бобь 300
бокь 300
борчит 91

- боршадь 90
 боршить 90
 боршутка 90
 борща 91
 боршить 91
 бочар 34
 браниться 90
 братъ 144
 буйволовина 52
 буйволоный 52
 буланый 301
 бунт 34
 бунтарка 34
 бунтарь 34
 буркать 90, 91
 бурковать 91
 буркотать 91
 бурчать 90, 92
 бурша 91
 буршить 91
 бык 45
 бычата 40, 45
 бычатина 39, 40, 45, 58
 бычатник 40
 бычачий 40
 бычёнок 40
 бычина 37, 43

 валёк 36
 ведать 191, 192, 194—196
 ведаться 195
 ведение 195
 ведовский(ой) 195
 ведовство 195
 ведомство 196
 ведун 195
 ведунья 195
 ведьма 195
 ведьмак 195
 везти 181
 веко 222, 223
 вельблудъ 188, 121
 вельблужъ 188
 вельбудъ 188
 вельблждъ 188
 вельбужъ 188
 вепрь 121
 верблюд 41, 47, 49, 188
 верблюдина 187
 верблютник 187
 верблюдь 188
 верблюжата 39, 47, 184, 188—190
 верблюжати́на 37—40, 47, 58
 верблюжий 41, 48, 49, 188
 верблюжина 38, 39, 43, 58, 187
 верблюжиха 188
 верблюжник 187, 188
 верблюжьный 188
 верзила 147
 верста 147
 весло 181
 весна 243
 вечерить 241
 вечера 238
 вечерять 241
 вешний 243
 вешати 76
 вжинати 237
 вжинать 237
 видеть 192, 209
 видишь 138
 вирь 128, 129
 вір(ь) 128, 129
 висеть 211
 вихрь 121
 вица 223
 владычица 86
 во веки веков 226
 вождь 119, 121
 возседать 219
 волк 187
 воловина 38, 43
 Володимеръ 186
 Володимеръ 186, 188
 Володимирь(ь) 186
 волчата 187
 вольчья 186
 вор 129, 131, 300
 ворій 129
 Воржа 106
 ворза 132
 Ворзенка 106
 Ворзна 106
 Ворзогоры 106
 ворзогубый 106
 Ворзовка 106

- Ворзово 106
 Ворзы 106
 ворчать 90
 восьмерик 62
 восьмерицею 61
 восьмеричный 62
 врать 77, 95
 врач 95
 Всеволодь 186
 вскарабкаться 171
 вскара(п/б)киваться 171
 вспыхнуть 68
 вторица 61, 62
 вторичная 61
 вторичный 61—63
 второй 62
 вур 126, 127
 вурь 126, 127, 129
 въ(н)-, съ(н)-, къ(н)- 109
 взревнуеть 228
 вълкъ 186
 вълчи 186
 выворот 262
 выворотень 262
 выдровина 53
 выдровый 53
 вынуть 183
 вынять 183
 высокие 148
 выстрекать 235
 Всеволодь 186
 Всеволожь 186
 вьюн 224, 225
 вьюновина 52
 вьюновый 52

 гавкать 75
 гагаровина 52
 гагаровый 52
 гадать 76
 гайда 75
 гал 266
 гала 266
 галазеюшки 267
 галать 271
 галашелка 267
 галда 271
 галдеть 96, 264, 265, 269, 270

 галевой 266
 галель 266
 галельщик 266
 галё 271
 галёнка 266
 гали 266
 галильщик 267
 галить 267, 269, 270
 галиться 267
 галка 267
 галоши 70
 галта 271
 гальба 271
 галька 267
 галя 267
 галять 267
 гардабачить 80
 гарь 121
 гвоздик 36
 гибкий 72
 гикнуть 73, 78
 гил 265
 гил-баба 265
 гилдить 264
 гилевать 270
 гилить 265, 269, 270
 гилка 265
 гилы 265
 гиль 264, 271
 гильщик 265
 гия 265
 гиять 271
 гиреть 266
 гичать 72, 73
 глагол 264, 265
 глотуха 72
 глубина 242
 глубь 242
 глухарятина 58
 гля 72
 глядеть 243
 гмыза 74
 гмызить 74
 гмырить 74
 гмырять 74
 гнать 240
 гнедой 301
 гнѣсти 75, 76

- гнетить 75
 гнетья 75
 гнётья 75
 гнить 76
 гнобить 73
 гной 76
 гнудея 75
 гобзить 74
 говор 71
 говеть 71
 Говка 71
 говкунуть 71
 говорить 71
 говядина 39, 49, 58
 говяжий 49
 годно 74
 гожд(о)е 74
 гойкать 73
 гойнуть 73
 голда 269, 271
 голдить 269, 271
 голеть 266
 голёнка 266
 голить 266, 269
 голландец 26
 голландский 26
 голодрай 79
 голом 267
 голубиный 41
 голубята 39, 41, 45
 голубятина 39—41, 45
 голубь 45
 гольцовина 53
 гольцовый 53
 гончар 34
 горд 153
 гордить 151, 161
 гордиться 151, 152, 158—161
 гордкий 147
 гордой обед, стол, ужин 157
 гордокняжая 157
 гордость 152
 гордь 145, 154
 горды 157
 гордыбака 80, 81
 гордыбан 80
 гордыбач 80
 гордыбачить 80, 81
 гордые 148
 гордые гости 157
 гордый 141, 147—151, 153
 горебедный 80
 горевать 123
 горети 121
 гореть 67, 68, 70, 76
 горлач 279
 горло 279
 горлодёр 79
 горлодёристый 79
 горлодрай 79
 горлодраниц 79
 горлопай 79
 горлопан 79
 горлопастый 79
 горлопенить 79
 горлопуня 79
 горлопял 79
 горлопят 79
 горлопятина 79
 город 143, 147
 городить огород 145
 городище 147
 городок 147
 горох 242
 горошина 242
 господа 242
 господин 242
 гоудьць 164
 градус 55
 градусник 55
 градусный измеритель 55
 грачовый 53
 грд 153, 156
 грдан 154
 грдити 155, 156
 гребло 170
 гребу 170
 грецкий 26, 29
 греческий 29
 груда 155
 грусть 155
 гърд, грьд 153
 грьдъ 149
 грьдый 153
 грьдь 157
 губзить 74

- гуга 75
 гугать 75
 гудение(ье) 71
 гудеть 71, 78
 гудец 164, 165
 гудно 74
 гудок 36
 гук 73
 гукать 73
 гул 271
 гулей 271
 гулень 271
 гули 271
 гулить 270, 271
 гуль 271
 гульба 271
 гульдить 271
 гультай 264
 гуля 271
 гулян 271
 гулять 264, 267, 269
 гуляться 268
 гург 72
 гургаться 72
 гуркать 72
 гуркнуть 72
 гурнуть 73
 гусельник 164, 165
 гусельные 164
 гусельный 165
 гусельский 165
 гусельщик 165
 гусельщина 165
 гусельщикек 165
 гусиный 41
 гусла 163
 гуслар 163, 164
 гусли 163
 гуслист 162, 165
 гусль 163
 гусяр 162—165
 гусята 39, 41, 187
 гусятина 39—41, 47, 58
 гусь 187
 гучать 73
 гылить 270
 гърды 149
 гъсла 163
 гыбать 72
 гыбка 72
 гыкать 72
 гылить 265, 270
 гыля 266
 дар 123, 198
 даровитый 123
 двадцатерик 62
 двадцатеричный 62
 двое 62
 двоица 62
 двоицею 61
 двоичный 62
 девятерик 62
 девятерицею 61
 девятеричный 62
 дедок 36
 десна 165
 деспотичный 63
 десятерик 62
 десятерики 62
 десятерицею 61
 десятеричный 62
 дети 123
 детина 53, 123
 джейранина 58
 дикарка 33
 дикарь 33, 34
 дикобразовина 52
 дикобразовый 52
 дикой 34
 дичина 38, 48
 дичь 48
 дневать 241
 дождик 36
 доилица 34
 доильница 34
 доильщик 34
 доильщица 34
 доитель 34
 доить 34, 35
 долбак 166
 долбач 166
 долбить 165
 дом 33, 123, 242
 домик 33
 домина 53, 242

- домовина 123
донести 159
доносить 159
дор 261
дорога 239
дорь 261
дояр 33—35, 37
доярка 33—35, 37
драка 81
драть 81
дроздовина 52
дроздовый 52
друг 242
дружина 242
дуб 242
дубина 242
дурак 242
дурачина 242
дыбать 81
дыбом 80
дыбором 81
дыбошки 81
дылда 147
дышло 301
дясна 165
дятел 165, 166
дятлина 166
дятловина 52
дятловый 52
- евір 129
еда 190, 192, 201
едать 192
единица 62
единичный 62
ежовина 52
ежовый 52
енотовина 53
енотовый 53
ерзун 107
ерзунья 107
ерос 84
еросовый 84
ероха 86
ероховый 83, 85
ершовина 53
ершовый 53
ёра 133
- ёрга 106, 133
ёргать 106, 107
ёрза 132, 133
ёрзать 106, 107
- жаворонок 93
жагало 166, 169, 170
жагло 166, 169, 170
жагло 170
жаголить 170
жагр 169
жагрити 169
жагрить 169
жадло 169
жалить 270
жало 165, 166, 169, 170
жар 67
жардины 145
жать 242
жгало 166, 170
жегало 166
жегло 170
жегъл 170
желить 270
желтуха 46
желчь 71
жеравь 67
жерд 147
жердак 147
жердан 147
жердей 145
жерди 145
жердила(о) 147
жердина 145, 147
жердинина 145
жердь 143—147
жердьё 145
жердйяй 147
жеребец 131
жеребцевать 131
жеребя 45
жеребята 45
жеребятина 39, 40, 45, 48
жёрдочки 145
жигало 166, 170
жигати 170
жиглу 166
жигь 170

- жигль 170
 жидло 170
 жила 268
 жилак 268
 жилда 268
 жилдочка 268
 жилить 264, 269, 270
 жило 170
 жильма 268
 жилиять 268
 жмур 252
 жмурик 252
 жмурить 252
 жмурки 252
 жмурчок 252
 жну 242
 жулить 264, 268, 269
 жуль 268
 жулькать 269
 журавлёвина 52
 журавлёвый 52

 забор 144
 забрать 144
 завидовать 210
 зависть 210, 211
 завтрак 239
 загар 276
 загнета 75
 загнётка 75
 загореться 68
 загородка 145
 задирать 81
 задирать нос 151
 задираться 81
 задок 36
 задор 81
 задрать 81
 зажечься 68
 зазирать 210
 зазорный 210
 зайда 75
 зайчата 39, 47
 зайчатина 38—40, 47, 58
 зайчина 43
 закон 203
 закорки 279
 заноситься 152

 заповедь 195
 заружина 145
 заря 67
 засветить 69
 застолица 86, 87
 застольник 86
 застольница 87
 затеплиться 68
 заяц 47, 49
 заяц-русак 301
 заячий 49
 заячина 38, 43, 49, 58
 звать 71
 зверина 44
 зверьна 44
 зверь 121
 звон 163
 звонарь 163
 здравица 86, 87
 здравница 87
 зебровина 53
 зебровый 53
 земельный 185
 земляца 86
 земля 185
 земляной 185
 зендик 36
 зеремя 143
 злотуха 72
 зльчь 71
 зля 72
 змеёвина 52
 змеёвый 52
 змыза 74
 змыркнуть 74
 знаха 34
 знахарка 34
 знахарь 34
 знеть 75
 знеять 75
 знобить 73
 зной 76
 знудить 75
 зныдеть 75
 зобзун 74
 зов 71
 зовучка 71
 зодко 74, 75

- зоевать 73
 зоза 75
 зозуля 75
 зойть 73
 зойкать 73
 зойный 73
 зондек 35, 36
 зондик 36
 зонт 33, 35—37
 зонтик 33, 35—37
 зарод 145
 зреть 67, 68
 зород 143
 зуб 165
 зубить 165
 зубр 121
 зубрить 165
 зубровина 53
 зубровый 53
 зудение 71
 зуденье 72
 зудеть 71, 78
 зук 73
 зукнуть 73
 зукъ 73
 зуркать 72
 зуркаться 72
 зучить 73
 зыбать 72
 зыбка 72
 зыбкий 72
 зыкать 72
 зыкнуть 78
 зырнуть 73
 зычать 72, 73
 зяблик 166
 зявкать 75
 зятёк 36
- ивасёвина 52
 ивасёвый 52
 идиотичный 62
 изгилай 264
 изгиляться 264
 излучина 231
 измайловец 24
 изъедать 191
 изюбровина 52
- изюбровый 52
 изюбровина 53
 изюбровый 53
 ингерманландец 24
 индейка 45
 индейская курица 45
 индейский петух 45
 индык 45
 индычка 46
 индюк 45, 46
 индюшата 45, 46
 индюшатица 45, 46, 58
 индюшинный 45
 индюшка 45, 46
 индюк 45, 46
 исландец 26
 исландский 26
 исповедь 195
 испражнение 243
 исчезнуть 244
 итальянец 26
 итальянский 26
 ишь 138
- ка-, ска-, ща-, ша- и ча- 93
 кабанина 58
 кабарговина 52
 кабарговый 52
 каверза 93
 казуаровина 53
 казуаровый 53
 каймановина 52
 каймановый 52
 каланча 147
 калатки 94, 95
 калоши 70
 камнеломка козлиная 49
 караб 173, 174, 176
 карабать 172, 174, 176
 карабаться 173
 карабить 174, 175
 карабание 171
 карабать 176
 карабаться 171—173, 175, 176
 карабки 173, 176
 караб(п)ки 175
 карабча 174, 175
 карабчить 175

- карабчун 174, 175
 карамбаться 174
 карамкаться 174
 карап 173
 карапать 174
 карапча 175
 карапчить 175
 карасёвина 52
 карасёвый 52
 карзубый 102, 350
 каропчить 175
 карповина 52
 карповый 52
 карчарева дуга 273
 карчаревый 273
 каряб 173, 174, 176
 карябать 172, 175
 карябаться 172, 173
 карябка 172, 174
 карябкать 172
 карябкаться 172, 173
 карябки 173
 каряп 173
 каура 301
 каурый 135
 качур 277
 качуриться 277
 кашевар 33
 кашеварка 33
 кашель 244
 кашлять 244
 кенгуровина 53
 кенгуровый 53
 керноз(с) 130
 кетовина 53
 кетовый 53
 кидать 243
 кика 151
 кинуть 243
 кит 46
 китовина 38, 41, 58
 китовый 41
 китята 46
 китятина 46, 58
 кичиться 151, 152
 клювач 166
 клюйдрево 166
 клюкарец 166
 клюкодревец 166
 ключидерво 166
 книйр 116, 117
 кнор 116, 126, 128—130, 132, 133
 кноръзъ 100, 103
 кнороз 98—100, 105, 114—117, 298
 кнорозъ 116, 126
 кнорос 105
 кнорось 100
 кноруз(ыз) 105
 кнорус 131
 кноръ 128, 130
 кнур 98, 114—117, 126, 127, 129—
 131, 133
 кнураващ 131
 кнуравень 116
 кнурить 131
 кнуруя 116
 кнуръ 116, 126, 127, 129, 131
 кныр 116, 126, 128, 129
 кнюр 128
 княжь 186
 князь 186
 кобылята 40
 кобылятина 40
 кобылячий 40
 кормига 177
 корноріг 102
 коромысло 177
 корчебелиться 274
 корчебениться 274
 корчебяниться 274
 коточиг 274
 кочетыг 274
 кочетык 274
 кожемяка 140
 кожухъ 300
 козвонок 113
 козёл 49
 козлий 49
 козлина 43, 44, 49, 59
 козлище 44
 козлье(я) 49
 козлята 39
 козлятина 39, 40, 43, 58
 козулята 40
 козулятина 39, 40, 59
 козьлий 49

- козюля 40
 козюлята 40
 колдашка 95
 колдоба 96
 колдобина 94
 колдовать 95
 колдун 94, 95
 колено 246, 247
 кольно 246
 колода 94
 колом 98
 колома 97
 коломель 97
 коломеницы 97
 коломень 180
 коломище 98
 коломка(и) 98
 коломцы 98
 коломыка 177
 коломысло 177
 коломыть 177, 178
 колот 95
 колотить 95
 колотки 93
 колотовка 94
 колотовня 94
 колоть 15, 94
 колт 93, 94
 колтай 94
 колтать 94, 95
 колтач 166
 колтень 94
 колтовка 94
 колтун 93—95
 колтык 95
 кон 203
 конаться 203
 конев 123
 конина 39, 59
 коновал 301
 конь 123, 129, 300
 копейка 300
 кор(о)мысла 179
 корконосный 100
 корм 177, 179, 183, 184
 кормило 179, 180
 кормити 181
 кормить 179, 180
 кормщик 180
 кормысло 180
 корнать 98, 104, 183
 корноз 130
 корнокрылый 102
 корнолапый 102
 корнонересь 100
 корнонорось 100
 корноносый 102
 корноръзь 100
 корнорукий 100, 103
 корносый 100, 102, 104
 корнось 100
 корноухий 100
 корнохвостый 100
 коробить 175
 корова 55
 коровник 55
 коровный двор 55
 коровный хлев 55
 кора 252
 коромисли 180
 коромщик 180
 коромыло 180
 коромыл 181
 коромысло 177—181, 183, 184
 коса 34
 косарка 34
 косарь 34
 корч(ь, а) 273
 корчавый 273
 корчага 278
 корчев 273
 корчевать 273
 корчевяга 272, 273, 278
 корчеваяжиться 272
 корчега 278
 корчегар 275
 корчежки 278
 корченогий 273
 корченосный 273
 корчмарка 34
 корчмарь 34
 корчетыг(к) 274
 коршага 278
 коряб 173
 корябать 172—174
 корябить 173, 174

- корявый 175
 коряп 173
 косоногий 273
 косорукий 274
 кострожок 276
 кот 46, 47, 187
 котовый 47
 коточиг 274
 коточик 274
 котька 47
 котята 46, 47, 187
 котятник 47
 коулок 113
 кочебряджиться 272
 кочевать 212
 кочевой 212
 кочеврыжиться 272
 кочевряга 272, 278
 кочевряжиться 272, 273
 кочега 278
 кочегар 275, 277
 кочегарить 277
 кочегарка 277
 кочедык 274, 275
 кочеляба 274
 кочемаз(а) 274
 коченогий 273
 кочерважиться 272
 кочервяжиться 272
 кочерга 275, 277, 278
 кочергарь 275
 кочерука 274
 кочерукий 274
 кочеря 277
 кочеряга 272, 278
 кочеряжка 272
 кочетыг(а) 274, 275
 кочетык 274
 кочетырг 274
 кочетыржиться 274
 кочёр 277
 кочуриться 277
 коша 47
 кошата 47
 кошатина 59
 кошатник 47
 кошачий 47
 кошёнок 47
 кошиный 47
 кошка 46, 47, 241
 кошкин 241
 крабовина 52
 крабовый 52
 краснуха 46
 кресло 181
 кривоногий 273
 кричать 71
 крьозуб 102
 крьокрилац 102
 крьорук 103
 крокодилятина 59
 кролик 45
 крольчата 45
 крольчатина 39, 40, 45, 59
 хронолог 102
 кротовина 43
 круг 199, 211
 круговой 199
 крьмило 181, 183
 кудри 136, 138, 140
 кулёк 36
 кулинар 33
 кулинарка 33
 куп 31
 купец 14, 28
 купецкий 29
 купеческий 14, 28, 29, 31
 кур 135
 кура 135
 курёнок 39, 40
 куриный 41, 102
 курносый 100, 102
 куропатковина 52
 куропатковый 52
 куры 138
 курь 135, 138
 курята 39—41
 курятина 39—41, 59
 кухарка 33, 34
 кухарь 33, 34
 кучка 77
 къркъ 279
 кърчь(а) 278
 кьн- 98
 кьнорозь 111, 132
 кърма 177, 179, 181

- кърмило 179, 181
 кърмити 177
 кърмо 181
 кърмь 181
 кърмысло 178
 кърмысль 178
 кърнь 103, 114
 кярноз 130
 кярнос 130
- лайка 90
 лаять 90
 лебедёнок 48
 лебедин 185
 лебединый 42
 лебеднята 187
 лебедь 41, 42, 46, 49, 187
 лебедята 39, 42, 46
 лебедятина 38—40, 46, 59
 лебѣдка 49
 лебядь 49
 лебяжий 41, 42, 49
 лебяжина 41, 42, 49, 59
 лед 131
 ледовитый 131
 лежать 211, 212, 213
 лежачь 275
 лентяй 264
 лень 264
 леопардовина 52
 леопардовый 52
 лес 187
 летать 212
 леший 187
 лёд 242
 лис(а) 187
 лисёнок 48
 лисий 187
 лисица 86
 листик 35
 лисята 187
 литва 242
 литвин 242
 лишай 223
 лишенец 24
 лишенческий 20, 22
 лосёвый 42
 лосий 42, 49
- лосина 37, 38, 42, 43, 49, 59
 лосиный 42
 лососий 49
 лососина 49, 59
 лосось 49
 лось 49
 лосята 39, 42
 лосятина 38—40, 42, 47, 59
 лук 231
 лукавый 231
 льдина 53, 242
 люд 249
 люди 248, 249
 людь 248, 249
 людь 248
- макрелевина 52
 макрелевый 52
 малѣк 36
 мама 241
 мамин 241
 маралятина 59
 масло 181
 Маша 47
 медведёнок 186, 187
 медведий 49, 186
 медведина 49, 59, 187
 медвединый 187
 медведиха 187
 медведица 187
 медведна 187, 188
 медведник 187
 медведны 187
 медведнята 187
 медведь 41, 47, 49, 187, 188
 медвѣдь 48, 186
 медведята 186
 медведятина 187
 медвежата 39, 47, 184, 186, 188,
 190
 медвешатина 38—40, 47, 59, 187
 медвежи 188
 медвѣжии 186
 медвежий 41, 48, 49, 187
 медвежина 38, 39, 41, 43, 49, 59,
 187
 медвежиный 187
 медвежиха 187

- медвежица 187
 медвежка 187
 медвежна 187
 медвежник 187
 медвежонок 48, 186
 медвежь 186
 медвѣжь 188
 медвенята 187
 мертвец 49
 мертвечина 49, 59
 мертвяк 48
 мертвячий 48
 мертвячина 48, 59
 миноговина 52
 миноговый 52
 Мишутка 90
 младенец 22, 24
 младенческий 20, 22
 младенчество 30
 молодуха 46
 молот 95
 молотить 95
 молочай 223
 моржовина 52
 моржовый 52
 мостик 35
 мужик 123
 мужичина 123
 мысль 181
- навык 223
 надъедать 191
 накарять 175
 нарядное 229
 наохлиться 151
 невзначай 223
 незаурядное 229
 нельмовина 52
 нельмовый 52
 немет 27
 неметьский 27
 немец 26
 немецкий 26, 27
 немой 26
 нѣмьць 25
 ненецкий 26, 27
 нерповина 52
 нерповый 52
- неряха 229
 нести 159
 не уметь 34
 неумеха 34
 ноги 247
 норвежец 26
 норвежский 26
 норковина 52
 норковый 52
 ноі 129
 носить 159
 носорог 109, 185
 носороговина 52
 носороговый 52
 ночевать 241
 ныне 226
- об- 205—207, 210
 обвѣд 198
 обведа 197
 об(в)едаť 196
 обвѣдь 201, 214, 221
 об(в)ертка 191
 об(в)ет 191, 196
 обвѣтъ 216
 обвечея 222
 обвечка(о) 222
 обвида 216
 об(в)ида 191, 196, 216
 об(в)итать 191
 обвичка 223
 об(в)од 191
 об(в)оз 191
 об(в)олочка 191
 об(в)онять 191
 об(в)оротень 191
 обвыкать 223
 об(в)язать 191
 обделить 209
 обѣ- 209
 обед 190—194, 196, 199, 201, 208,
 221, 222, 238, 239
 обедать 191, 192, 193, 196
 обеденник 194
 обедник 194
 обедничный 194
 обѣдь 201
 обеды 198, 210

- обежать 197
 объжный 195
 обец 222
 обечайка 222, 223
 обечек 222
 обечка(о) 222
 обечье 222
 обещание 76
 обжиг 169
 обзывать 204
 оби- 204—206, 208—210
 оби-/об- 209
 обі- 204
 обигорить 202
 обигражати 204
 обида 192
 обидеть 209
 обиды 210
 обиѣдание 204
 обиѣхати 204
 обизаряти 204
 обизвати 204
 обізвати 204
 обизор 202, 203, 210, 216
 обизорить 203
 обизрети 210
 обизърѣти 202
 обиседа 214
 обисѣда 202, 221
 обисѣдати 204
 обисести 211
 обисѣсти 204, 205, 209, 230
 обисияти 204, 209
 обистати 204
 обистоупити 205
 обистояние 204
 обистояти 204, 209
 обиступати 204
 обиступити 202, 204, 209
 обитекание 204
 обитекати 204
 обитечи 204
 обиток 202
 обиточная 202
 обиход 202—204
 обиходити(ь) 202, 204
 обихыщати 202
 обман 196, 216
 обмен 196, 216
 обнести 209
 обо- 204
 обод 300
 обозвать 204
 обознаться 209
 обойти 197, 209
 образ 123
 образина 123
 оброк 196, 216
 обруч 223
 обряд 196, 216
 обсьѣсти 207, 209
 обсияти 209
 обстояти 209
 обступити 209
 обсчитать 209
 обхитрить 209
 обший 197
 обь 204
 обь- 204—206, 222
 обьедать 191, 192
 обьезд 191
 обьезжать 191
 обьехать 197
 обьстояти 204
 обьходить 204
 обьявление 191
 обьявлять 191
 обьяснение 191
 обьяснять 191
 обьятие 191
 обьять 191
 обыгонка 203
 обыгонья 203
 обыгорить 202
 обыграть 209
 обызреть 203
 обызрить 203
 обыкать 223
 обыкнуть 223
 обысока 203
 обысочник 203
 обыточка 202
 обычай 223
 обь- 204—206, 210
 обьдръжати 204
 обьсьѣсти 207, 209

- обьсияти 209
 обьстояти 204, 209
 обьступити 209
 овечий 49
 овца 49
 овчар 34, 275
 овчий 49
 овчина 37, 43, 49
 оглядывать 210
 оглянуться 210
 огняр 275
 оговориться 209
 ограда 145
 одиннадцатерик 62
 ожог 169
 озираться 210
 озор 210
 озорник 210
 озорной 210
 окарябать 172
 окуневина 52
 окуневый 52
 окъно 300
 ол- 123
 оленина 59
 оловина 123
 омулёвина 52
 омулёвый 52
 опорожнение 243
 ор 128
 Ор (IP) 129
 ораль 120
 оральщик 120
 орамица 119, 120
 оранина 119, 120
 орань 120
 оратай 120, 121
 оратай-оратаюшко 119
 оратель 120
 орати 120
 орать 119, 120
 орач 120
 орев 123
 оревати 122, 123, 131
 оревина 122, 123, 303
 оревитый 122, 123
 Оредеж 288
 орец 120
 орёл 166
 Ориярви 300
 Орияри 300
 орити 123, 131
 орлица 86
 Орскі 129
 оружаться 122, 130
 орь 98, 117—123, 125, 126, 128,
 129, 131, 132, 299, 300, 303
 Орь 300
 Орьезеро 300
 орю 123
 оря 128
 орясина 147
 осадить 219
 оседлый 212
 осесть 212
 осёл 41
 ослиный 41
 ослушаться 209
 ослышаться 209
 ослята 39, 41
 ослятина 39, 40, 41, 59
 осматриваться 210
 осмотреть 197
 осокорь 121
 останавливаться 212
 отецкий(е) 29
 острый 230
 остреха 230
 острити 231
 острый 230
 оступиться 209
 осетрина 59
 осьминог 48
 осьминожина 48, 59
 отведать 192, 196
 отъедасть 191, 192
 ощупать 197
 па- 239
 падорога 239
 пала 211
 палтус 49
 палтусина 49
 паобед 239
 папа 241
 папин 241

- пар 76
 пасынки 93
 пасынок 239
 паужин 237, 239
 паужинать 240
 паужинная 239
 паужна 239, 240
 паужник 239
 пахарь 120
 пашня 120
 папоротник 92
 папортник 92
 первица 61, 62
 первичная 61
 первичный 61—63
 первый 61, 62
 перевясло 181
 перенести 159
 переносить 159, 160
 перерожденческий 20, 22
 переселенец 30
 переселение 30, 31, 212
 переселенский 20
 переселенцы 30
 переселенческий 20, 22, 30
 переселиться 212
 пескарь 224, 225
 пескозоб 224, 225
 песцовина 53
 песцовый 53
 печь 76
 пёс(ий) 49
 пиво 216
 пир 198, 214—217
 пир-беседа 217
 пир-беседушка 217
 пиры 215, 216
 пискарь 223, 225
 піскар 223
 пискор 224
 пискун 225
 пламенеть 68
 по- 239
 победа 160
 повод 301
 подведомственный 196
 подуза 301
 подъедать 191
 позор 210
 покарябать 175
 поколение 246
 полдник 238, 239
 полдничать 238
 полковод 31
 полководец 28
 полководческий 28, 31
 полудень 194
 полудновать 241
 понос 160, 161
 поносан 153
 поносить 159, 161
 поноситься 161
 поношение 160
 поорати 119
 попона 301
 погы 300
 порожний 242—244
 поросль 181
 поросья 190
 поросьятина 39, 40, 47, 59
 поругание 82
 послать 10
 посмешище 82
 посмеяние 82
 поспевать 68
 постошь 88
 по-студентски 18, 19
 пот 76
 пражняти 243
 праздность 243, 244
 праздный 243
 праздь 243
 празднители 243
 праздень 243
 празнители 243
 празный 243
 пращур 252, 254
 председатель 219
 преображенец 24
 пресмыкаться 152
 престол 220
 преть 76
 прив(у)за 301
 пригляд 211
 приглядывать 211
 призирать 211

- призор 211
 приуз 301
 присматривать 211
 присмотр 211
 приснѣ 225
 присно 226
 присный 225
 приспѣ 225
 приспѣти 225
 приспособленческий 20
 пристолица 86, 87
 проволка 92
 проволока 92
 прогар 276
 проповедь 195
 просвещенец 22
 просвещенский 20, 22
 прудик 36
 прутик 36
 прясло 181
 прясть 34
 пряха 34
 псина 37, 44, 49, 59
 псовина 43
 пудик 36
 пустельговина 52
 пустельговый 52
 пустой 88
 путник 55
 пылать 67, 68
 пятерик 62
 пятерицею 61
 пятеричный 62
 пятеро 62

 рабии 186
 рабъ 186
 Радонежь 188
 разгильдяй 264
 разгуляй 264
 разгуляться 264
 раздор 81
 разодрать 81
 разъедать 191
 рак 53
 раковина 53
 раковый 53
 рало 120

 ральник 119, 120
 распутица 86
 ребята 31
 ребяческий 27, 31
 ребячий 32
 рвать 229
 рвение 226, 228
 рвеник 227
 ревение 227
 ревенство 227
 ревет 226
 ревнивый 227, 228
 ревнитель 226, 228
 ревнительно 228
 ревнити 228
 ревнить 228
 ревнование 228
 ревновать 226, 227, 228
 ревность 226, 227, 228
 ревный 227
 ревнь 227
 рейд 36
 рѣла 234
 ремесло 181
 рѣтить 232
 рѣть 232
 реять 229
 ржавый 269
 рѣ- 207
 ринуться 229
 ровник 227
 род 246, 300
 роилия 119
 ролья 119, 120
 роппуски 301
 ржгочъ 82
 ржгь(ь) 82
 рукомесло 181
 русло 181
 русый 269
 рвьение 227
 рыба 242
 рыбаина 242
 рыжий 269
 рыжух(а) 46
 рвьение 226, 227
 рвьновати 226
 рвьнннвѣ 226

- рвьвьнь 226
 рюен 226, 229
 рябуха 46
 рябчиковина 52
 рябчиковый 52
 рягнути 81
 рагнжти 81
 рягочь 81
 рагочь 81
 рягь 82
 ряжа 229
 ряжка 229
 ряжуха 229
 ряпушковина 52
 ряпушковый 52
 ряха(и) 229
 ряхий 229
 ряшка 229
- садик 36
 садиться 218
 садовод 31
 садоводец 31
 садоводческий 27, 31
 садок 36
 садятся 212
 сазанина 59
 самоуправление 31
 самоуправленческий 31
 санитар 33
 санитарка 33
 свеженаина 38
 сверкать 68
 светиться 70
 свин 185
 свиначка 33
 свинарь 33, 34
 свиний 185
 свинина 39, 59
 свиной 34, 185
 свинуха 46
 свинушка 46
 свинь 184
 свинье 185
 свиньин 185
 свинья 184—186
 свинь- 185
 свясло 181
- сгрести 109
 севрюга 48
 севрюжий 48
 севрюжина 48
 сѣд-/сид- 212
 сѣдѣти 213
 седок 36
 седой 137
 семейный 185
 семерик 62
 семерицею 61
 семеричный 62
 семнадцатерик 62
 семожный 48
 семужий 48
 семужье мясо 48
 семушки 48
 сёмжина 48
 семья 185
 сенозор 111
 сердце 123
 сердцевина 123
 серуха 46
 сесть 212, 218
 сѣсти 213
 сѣмга 48
 сѣмжина 48, 59
 сѣмужий 48
 сѣмужина 48
 сѣмужка 48
 сѣмужный 48
 сиговина 38, 41, 59
 сиговый 41
 сидение 211
 сиденье 214
 сидеть 208, 211—213, 219—221
 сиять 68
 сковронек 94
 скоголить 94
 скорбь 89
 скорняк 140, 252
 скот 123
 скотина 123
 скрести 175
 скумбриевина 52
 скумбриевый 52
 скунсовина 53
 скунсовый 53

- слогь 109
 случай 223
 смежить 252
 смерть 232
 смысл 181
 собака 48
 собачар 34
 собачий 48
 собачина 37, 43, 48, 59
 собачьна 44
 соболёвина 52
 соболёвый 52
 созреть 68
 соломина 53
 солонина 38
 сом 42, 44, 45, 49
 сомий 42, 49
 сомина 38, 42, 44, 49, 59
 соминый 42
 сомовина 38, 41, 42, 44, 59
 сомовый 41, 42
 сомята 39, 42, 45
 сомятина 38, 40, 42, 45, 59
 соревнование 227
 соха 301
 сохатый 185
 сохнуть 244
 спардек 36
 спица 236
 спрятать 236
 Ставро 85
 Ставровский 84, 85
 Ставрогин 84
 Ставросов 85
 ставры 84
 становиться 212
 старица 86
 старуха 46
 статья 212
 стѣла 234
 стерлядь 49
 стерляжий 49
 стерляжина 49, 59
 стоерос 82—85
 стоеросовая(ое) 83, 85
 стоеросовые 85
 стоеросовый 82, 84, 85
 стол 33, 86, 87, 214
 столик 33
 Столец 86, 87
 столитвенница 84
 столитвенный 84
 столитник 84
 столица 86, 87
 столичный 84
 стольница 87
 стольный 86, 87
 столяр 163, 275
 стоног 84
 сторица 61
 стосил 84
 стоузьельник 84
 стоцвет 84
 стоять 211—213, 217, 220
 страусовина 53
 страусовый 53
 страшный 154
 стрекалка 235
 стрекало 235
 стрѣкало 234
 Стрекалов 235
 стрѣкати 234
 стрекать 235
 стрекаться 235
 стрекач 235
 стре(к)ла(я) 236
 стрекоза 235
 стрекозить 235
 стрекозничать 235
 стрела 229—232, 234—236
 стрѣла 230, 235
 стрелить 235
 стрелки 235
 стреха 230
 стрѣчи 235
 стречка 235
 стречок 235
 стрѣщи 234
 стулица 87
 студен 23
 студен- 25
 студене(и)чный 21, 24
 студенец 20, 21, 22, 24
 студеник 25
 студент 15, 18, 21—23, 25, 27, 33
 студентик 28

- студентка 33
 студентский 19, 22, 28
 студентские 18, 29
 студентский 18, 19, 22, 23, 29
 студентство 21—23
 студенческий 27
 студенцкий 27, 29, 30
 студенцовый 21, 22, 24, 28
 студенцкий 29
 студенство 21, 29
 студены 20
 студеньский 27
 студенческие 28
 студенческий 15, 18—23, 27, 29, 30
 студенчество 15, 21, 22, 28—30
 сугроб 109
 судак 42, 48
 судаковина 38, 41, 42, 60
 судаковый 41, 42
 судачий 42, 48
 судачина 38, 42, 48, 60
 сука 77
 сусликовина 52
 сусликовый 52
 сухотка 244
 сучка 77
 съ(н)- 113
 съдрать 234
 съедать 191
 сълежати 109
 съмръть 234
 сърътла 233
 съръть 232, 233
 сърътение 232
 сърътити 232
 сын человеческий 249
 сынок 93, 239
- тактичный 62
 тарантас 301
 таратайка 301
 тарбаганина 60
 тварь 121
 твиндек 36
 творец 30
 творити 121
 творить 31
 творческий 30, 31
- телега 301
 тело 248
 теля 190
 телятина 39, 40, 60
 теплиться 68
 тереть 15
 тигровина 53
 тигровый 53
 тинг 214, 215
 топорь 300
 тоска 123
 тосковать 123
 третий 62
 третица 62
 третичный 61—63
 трое 62
 троица 62
 троицею 61
 троичный 62
 тройка 301
 турки 242
 турчин 242
 турецкий 26, 27
 търг 302
 тюленина 60
- убой 240
 угревый 41
 угрѣвина 38, 41, 60
 удой 240
 уг 240
 угар 276
 угобзить 74
 угорь 121
 удоловина 52
 удоловый 52
 ужасный 154
 ужать 237, 242
 ужин 236—242
 ужина 237, 238, 241, 242
 јужина 241
 ужинанье 237
 ужинать 236, 237, 241, 242
 ужинник 237
 ужна 237
 ужный 240
 ужъна 242
 узкий 242

- укос 240
 улов 240
 умолот 240
 унижаться 152
 управление 31
 управленческий 31
 упражнение 242—244
 упражнения 244
 упражнять 243
 упражняться 243
 упражнять 243
 упразднить 243
 упразднять 243
 упразднить 243
 уразгильдей 264
 урчать 92
 утка 46
 утиный 41
 утята 41, 46
 утятина 41, 46, 60
 ущерб 89
 оупражнієніє 243
 оупражню 243
 оупразнити 243

 фазанина 60
 фордек 36
 франтик 28
 фордыбака 80
 фордыбачить 80, 81
 форелевина 52
 форелевый 52

 хаживать 12
 хмелёк 36
 ходить 11
 хождение 12
 хорт 301
 хорёвина 52
 хорёвый 52
 хоробрый 89
 хоровод 216
 хорош 88
 хороший 88, 89
 хорь 121
 хохол 151
 хохоро 88

 царап 173, 176
 царапать 175
 царапаться 176
 царапнуть 174
 цветник 55
 целое 248
 церковь 215
 цып-цып 189
 цыпа 47, 189, 190
 цыплёнок 189
 цыплий 48
 цыпля 189, 190
 цыплята 47, 184, 189, 190
 цыплятина 39, 47, 60

 частиковина 52
 частиковый 52
 часть 248
 чахнуть 244
 чахотка 244
 чваниться 151, 152
 чеколдыкнуть 93
 челено 247
 чело 246
 человек 48, 248, 249, 250
 человеческий 48
 человечесина 48, 60
 челядь 246, 248
 черепаха 48
 черепаший 48
 черепашина 48
 чересло 181
 чернух 46
 чернуха 46
 чернушки 46
 чесать 250
 четверик 62
 четверики 62
 четверица 61, 62
 четверичный 62
 четверо 62
 четвертичный 61, 62
 четвертый 62
 чик 92
 чикалка 92
 чикать 92
 чирёнок 46
 чирок 46

- чируха 46
 чирята 46
 чирятина 60
 число 177, 181
 чланак 246
 член 246, 248
 чресла 181
 чука 166
 чукач 166
 чур 252, 253, 254
 чурка 255
- шабарка 91
 шабарчалка 91
 шабарчать 91
 шабарчить 91
 шабарша 91
 шаверзить 93
 шарабан 301
 швейцарец 26
 швейцарский 26
 шебарша 91
 шебаршить 90, 91
 шебаршица 91
 шельтердек 36
 шерстобит 95
 шест 250, 251
 шестерик 62
 шестерицею 61
 шестеричный 62
 шестерня 251
 шестик 250
 шесть 251
 шинкарка 33
 шинкарь 33
 школяр 33, 34
 школярка 33, 34
 шкряб 176
 шкура 140, 252
 шора 301
 шост 250
 шурин 253
 ще-, че-, ше- 93
 шеворонок 94
 шегол 94
 щѣкалка 92
 щеколда 94
 щѣколка 92
- щѣколотка 92
 щѣколтка 92
 шерба 89
 шиколка 92
 шиколотка 92, 94, 95
 шиколотки 93, 95
 шука 48, 253—255
 шур 251—253, 255
 шурёнок 253
 шурий 253
 шурка 255
 шур-чур 254
 шурь 253
 шурята 253
 щучий 48
 щучина 44, 48, 60
- эжин 237
 эротичный 63
 энецкий 26, 27
- юбиляр 33, 34
 юбилярка 33, 34
 юг 236—238, 240, 241
 юноша 88
 юный 88
 юр 133
- ягнятина 39, 40, 60
 ягуаровина 52
 ягуаровый 52
 яд 131
 ядовитый 131
 язёвина 52
 язёвый 52
 якорь 121
 ярка 301
 Ярославль 188
 яроховая 83
 ясли 181
- abhi* *скр.* 204
adsarga *тунгус., эвенк.* 281
adsirga *монг.* 281
adsirgan *манчжур.* 281
ačtar *зэнд.* 230
aiger *тат.* 281
aiger *морд.* 281

- aighur *зап.-тюрк.* 281
 aighur *турск.* 281
 aigyr *казах., кирг., тат.* 124
 aigua *авест.* 124
 akkuna *фин.* 300
 akmuõ *лит.* 233
 akron *греч.* 144
 akropolis *греч.* 144
 ari *др.-инд.* 230
 aries *лат.* 281
 ap, ab *лит.* 204
 ap-/api- *лит.* 205
 api- *лит.* 205
 apibegti *лит.* 205
 apibristi *лит.* 205
 apipinti *лит.* 205
 apiplauti *лит.* 205
 apsesti *лит.* 205, 207
 apstoti *лит.* 205
 apygarda *лит.* 205
 ara *санскр.* 121
 araweiz *др.-в.-нем.* 132
 arcus *лат.* 231
 arhwazna *гот.* 231
 arklas *лит.* 119, 126
 arklys *лит.* 119, 120, 126
 ars *др.-в.-нем.* 132
 aršan- *авест.* 297
 arskus *лит.* 120
 aršus *лит.* 297
 aršžus *лит.* 126
 arti *лит.* 119, 132
 artojas *лит.* 121
 aržiluotis *лит.* 133
 arva *др.-инд.* 124
 arvant- *др.-инд.* 122, 124, 125, 285
 arwaikis *прусск.* 119, 120, 126, 132
 arwaykis *лит.* 126
 aryas *др.-инд.* 124
 aržilas *и.-е.* 133
 aržilas *лит.* 126, 297
 aržus *лит.* 99, 106, 120, 126, 133, 297
 ásana *санскр.* 230, 231
 astá *санскр.* 230
 ástar *перс.* 230
 astra *санскр.* 230
 astrum *лат.* 230
 ašti *др.-иран.* 230
 atyr *якут.* 281
 aurva- *авест.* 124
 aurvant *др.-ир., авест.* 122, 124
 bahoríti *словен.* 95
 bereit *н.-в.-нем.* 36
 beseda *ст.-чеш.* 201
 bhi- 205—207
 białokurawaty *польск.* 134, 137, 139, 149, 141
 białokury *польск.* 139—141
 białoskórnik *польск.* 140
 biegen *нем.* 231
 biesiada *польск.* 201
 bjesada *в.-луж.* 201
 blond *фр.* 139
 Bogen *нем.* 231
 bokka *карел.* 300
 bogovъ *диал.* 100
 burchar-urci *кайтахск.* 283
 burçan urçi *чюркилинск.* 283
 caill *валл.* 108, 297
 celms *лти.* 97
 celo *исп.* 226
 celos *исп.* 226
 chujec *польск.* 99
 com- *галльск.* 113
 con- *др.-ирл.* 113
 cum- *лат.* 113
 cutis *лат.* 252
 čaknqti *прасл.* 244
 čärměslě *кашуб.* 181
 člèn *словен.* 247
 člênek *словен.* 246
 člonk *н.-луж.* 246
 członek *польск.* 246
 dara- *др.-инд.* 261
 dint di cian *фриулск.* 166
 dojarka *польск.* 35
 dojarz *польск.* 35
 drushk *алб.* 257
 dzeru *лти.* 70
 dzeřt *лти.* 70
 earu *англос.* 122, 124
 ebhi- 206, 207

- ech-cullach *ирл.* 297
 egkutī *греч.* 252
 enorkhos *греч.* 109—111, 113
 ere *монг.* 281
 epi- 207
 epi-, opi-, pi- 206
 ert^r *др.-сев.* 132
 ervum *лат.* 132
 erwete *с.-н.-нем.* 132
 erzelis *лти.* 99
 erzilas *лит.* 124, 125
 erzilas *и.-е.* 133
 erzilas *лит.* 99, 101, 106, 126, 132, 285, 286, 297, 298
 erziluotis *и.-е.* 133
 erzus *и.-е.* 120, 133
 eržus *лит.* 297
 ərəzi *авест.* 101, 293

 fārior *лат.* 76
 fastigo *лат.* 77
 faveo *лат.* 71
 fellis *лат.* 71
 flagro *лат.* 68
 flammō *лат.* 68
 formus *лат.* 67, 70

 gabeigs *гот.* 74
 gairuotī *лит.* 67, 69
 gaiss *лти.* 67, 68
 gāisras *лит.* 67, 69
 gałda *польск.* 264
 garaiņi *лти.* 68
 gāras *лит.* 68, 70
 garēti *лит.* 69
 gariti *лит.* 68
 garot *лти.* 68
 gars *лти.* 68
 ɣartō *сербохорв. диал.* 153
 gelti *лит.* 165
 geni *лит.* 70
 gerti *лит.* 70
 gērd *макед. диал.* 153
 gērd *сербохорв. диал.* 153
 gharna *др.-инд.* 67
 gharmah *др.-инд.* 70
 gherdh- *и.-е.* 143
 ghordh- *и.-е.* 144
 ghordhos *и.-е.* 143
 ghṛdhos *и.-е.* 144
 glare *англ.* 68
 gleam *англ.* 68
 gnaibyti *лит.* 73
 gnīdan *англос.* 76
 gnītan *др.-в.-нем.* 76
 gobызiti *сл.* 74
 gor *др.-ирл.* 67
 grandis *лат.* 142
 gr̃d *сербохорв.* 153, 161
 gr̃d(a) *словен.* 153
 gr̃d *и.-е.* 158
 grđiti *словен.* 158
 grđiti se *словен. диал.* 158
 gr̃điti *сл.* 158, 161
 greti *ст.-сл.* 69
 grossus *лат.* 142
 grs *лти.* 70
 гъль *ст.-сл.* 70
 gurdus *лат.* 141, 142
 gušn *новоиранск.* 286
 gwrdd *галльск.* 142
 гъnati *ст.-сл.* 70
 gherdh-/ḡherdh- *и.-е.* 143, 144

 hager *нем.* 244
 haras *др.-инд.* 67
 hāriolōg *лат.* 76
 hasta *лат.* 77
 hasilē *лат.* 77
 havate *др.-инд.* 71
 hāveo=āveo *лат.* 71
 hebo *фин., вепск.* 281
 hepo *фин. диал.* 301
 her 67
 hevonen *фин.* 281
 horinsarə *фин.* 289
 horkhis *греч.* 101
 hors *англос.* 118
 horse *англ.* 118
 Horsholm *шв.* 289
 horz *польск.* 129
 (h)orz *ст.-польск.* 121, 303
 hros *др.-в.-нем.* 118
 hross *др.-в.-нем.* 118
 hross *др.-сканд.* 295
 hross *исл.* 288

- hurtta *фин.* 301
 husliar *слвц.* 163
 huut *герм.* 252

 ignis *лат.* 68
 irči *кайтхск.* 283
 irge *монг.* 281
 irja *чуваш.* 281
 istarža *лит.* 126
 išarža *лит.* 99, 110, 112, 113, 126
 iškunigis *лит.* 110
 ištarža *лит.* 126
 ištaržas *лит.* 126

 jaculum *греч.* 231
 jäärä *фин.* 301
 järvi *фин.* 294
 joki *фин.* 294

 käden *фин.* 294
 kalč'h *брет.* 297
 kalmisto *фин.* 98
 kalmus *др.-пруск.* 97
 kanas *др.-инд.* 101
 kapros *греч.* 111
 karn- *польск.* 103
 käsi *фин.* 294
 kasukka *фин.* 300
 kaūkti *лит.* 77
 kăuti *др.-инд.* 77
 kell *брет.* 108, 297
 kelmas *лит.* 97
 kernoz *словин.* 103
 kerta *лит.* 182
 keuto *пруск.* 252
 kiāutas *лит.* 252
 kiedroz *польск. диал.* 103
 kien *польск.* 107
 kierda *польск.* 100
 kiernos *польск.* 100
 kiernoz *польск.* 100, 103—105, 131
 kiernozić *польск.* 105
 kiernozić się *польск.* 131
 kirpti *лит.* 182
 kirsti *лит.* 182
 kirto *лит.* 182
 kjabor *в.-луж.* 100
 kjandros *н.-луж.* 100
 kjandros *в.-луж.* 103
 kjandroz *н.-луж.* 103, 105, 131
 kjandrozųs *н.-луж.* 105, 131
 klamol *чеш. диал.* 97
 knabny *польск.* 103
 knor *русск.* 115
 knogěзь *чеш.* 100
 knorosъ *русск.*
 knoroz *укр., вост.-сл.* 100, 130
 knorren *нем.* 115
 knorz *кашуб.* 103
 kņour *чеш.* 116, 130
 knourati *чеш.* 115
 knur *польск., блр., кашуб.* 100, 114, 115, 128
 knur *польск., словин.* 116, 130, 131
 knurowaty *польск.* 131
 kņurь *диал.* 100
 kócati *др.-инд.* 77
 kočerín *сербохорв.* 278
 kókas *др.-инд.* 77
 koni *фин., карел., эст.* 300, 301
 кореекка *фин.* 300
 kornaz *слвц.* 103, 104, 116
 kornaz *укр.* 100
 kornos *укр.* 100
 kort`otuc *полаб.* 108
 kotka *польск.* 47
 kotłowy *польск.* 275
 козьль *сл.* 124, 285
 krabny *польск.* 103
 krnabny *польск.* 103
 kunas *лит.* 107
 kunc *в.-луж.* 100, 102
 kundroz *в.-луж.* 100, 103, 105
 kuneraz *ст.-слвц.* 103, 104
 kunhc *в.-луж.* 101
 kunigas *лит.* 110
 kurnaz *слвц.* 100, 102
 kuřns *лти.* 182
 kurnū *польск.* 100
 kurz *польск.* 135
 kūtos *греч.* 252
 къ 206
 къп 206
 къногзь *ст.-сл.* 116
 къгпъ *ст.-сл.* 103
 light *англ.* 68

- luceo *лат.* 69
- märä *фин.* 301
- marc'h-kalc'h *брет.* 297
- marc'h-kallos'h *брет.* 108, 297
- mi-orji *арм.* 111, 113
- (muc-)cullach *ирл.* 108
- naczelnik *польск.* 248
- načelnik *словен.* 248
- perases *словен.* 101
- peresec *словен.* 101
- pergeln *нем.* 99, 101
- perosec *словен.* 101
- perostec *словен.* 101
- por *арм.* 284
- puori *фин.* 284
- putresь *русск.* 100
- obhi- 205, 206, 207
- obī- (объ-) 205
- obscurus *лат.* 251
- ojres *фин.* 285
- onutja *ст.-сл.* 109
- opi- 207
- opotta *фин.* 300
- or- *русск.* 304
- or-, er-, r- 132
- or *арм.* 132
- ora *фин.* 288, 291—294, 296, 297, 304
- oraha *фин.* 281, 282
- orainen *фин.* 288, 294, 295
- oraisa *фин.* 287, 289, 292, 293, 295, 302
- orakka *фин.* 287
- orám 118
- oras *фин.* 281, 287, 293—295, 302
- orasa *фин.* 292—294
- orghi- *и.-е.* 297
- ořh *фин., карел., венгск.* 294, 295
- orhi *фин.* 282, 283, 284, 286—289, 291, 295, 302
- oreh *юж.-венгск.* 291
- ořeh *вост.-карел.* 291
- ori *фин., карел., венгск., эст.* 125, 280—282, 284, 287—294, 296—298, 299, 300—303
- orih *фин., савол., карел., венгск.* 124, 125, 282, 283, 285, 286, 289, 291, 292, 294—297, 301, 302
- oriheboni *карел.* 293, 303
- orihevonen *фин.* 303
- orihhebo *карел.* олон. 293, 303
- orihi *фин.* 281—283
- orihkimaleh *карел.* 293, 303
- orihšälgü *карел., людик.* 294, 303
- orihvarz *карел. людик.* 294, 303
- orii *фин.* 283
- orik *эст.* 291, 293
- orikas *эст.* 283, 289, 291, 296, 302
- orikkas *эст.* 287
- oris *фин.* 284
- Orismala *фин.* 288
- orissalgu *карел. олон.* 294
- Oritjoki *фин.* 288
- Oritniemi *фин.* 288
- Oritsaari *фин.* 288
- Oritselkä *фин.* 288
- Orivesi *фин.* 296, 300
- orh *венгск.* 282
- orhi *фин.* 296
- orih *венгск.* 282
- orik *эст.* 283, 289, 291
- orikka *фин.* 293
- orikkas *фин. диал.* 303
- orikkas *эст.* 293, 296, 302
- oris *Южн. Похьянмаа* 282
- oris *фин.* 280, 283, 286, 291, 295, 296, 302
- Orisberg *фин.* 288
- orissälgü *фин.* 303
- orit *фин.* 291
- Oritjoki *фин.* 288
- orj *арм.* 124, 125, 285, 287, 297, 298
- orji *арм.* 286, 296
- orji-k' *арм.* 101
- ork *ливск.* 287, 291, 293
- orkhos *греч.* 110
- orkko *фин.* 291, 293
- otma *словен.* 119
- orr *др.-исл.* 122, 124
- Orrengrund *шв.* 288
- orries *саамск.* 125, 283, 285, 286

- orrikas фин. 287
 ого фин., савол. 287, 288, 291, 294, 295, 304
 oroi вост.-карел. 291, 294, 295
 oroinen фин. 291, 295
 oroisa фин. 295, 304
 oroñi народн. руны 291, 294
 oroporsas фин. 295
 orroz греч. 132
 ors, ros с.-в.-нем. 118
 orsoi карел. олон. 288
 oruinen фин. 295
 orz 119, 123, 125, 126, 129
 оръ прасл. 125, 132
 оръль ст.-сл. 124, 285
 oř чеш. 117, 118
 oža, ožo марийск. 283—286
 q-, cq-, kq- 109
 qdoľь ст.-сл. 109
- palacz польск. 275
 rappi фин. 300
 rapu фин. 300
 rekuna фин. 301
 Pfäil нем. 232
 Pfeifel нем. 232
 pfeifen нем. 232
 Pfeil нем. 231, 232
 pika лит. 224
 pīlum лат. 231
 piscāri- итал. 223
 piscāri(us/a) лат. 224
 piskog славц. 224
 piskorz польск. 224
 piskog' в.-луж., н.-луж. 224
 piskoř чеш. 224
 piskóg словен. 224
 pliskėti лит. 68
 ponos лат. 153, 161
 ponosan хорв. 153, 158, 161
 ponosen словен. 153, 158, 161
 ponositi se юж.-сл. 161
 porsas и.-е. 301
 požřeti ст.-сл. 70
 poźьгь ст.-сл. 70
 prior лат. 225
 priskus лат. 225
 puply-s лит. 224
- raavas фин. 301
 reede с.-нидерланд., с.-н.-нем. 36
 reide с.-н.-нем. 36
 ringor лат. 81
 -rjika- др.-иранск. 293
 ronchus лат. 82
 rosse фр. 288
 rozza ит. 288
 rotu фин. 300
 runcinus лат. 288
 rusakko фин. 301
- sagitta лат. 231
 sari прусск. 67
 sārts лит. 67
 Scherbe нем. 89
 sedeo лат. 213
 sedus лат. 213
 shine англ. 68
 sídlo чеш. 212
 siėksta лит. 251
 šiekta лит. 251
 skarbs лит. 89
 skauti санкр. 251
 skóra польск. 141
 skoteinōs греч. 251
 skutos лит. 252
 skutum лит. 252
 skutāh санкр. 251
 skuurā лит. 251
 stairnō гот. 230
 star ведич. 230
 stella лат. 230
 Strahl нем. 231, 232
 strael англос. 230
 Strahl нем. 231
 strāla др.-в.-нем. 230—232
 strėla лит. 233
 strėla сл. 232
 strėlā лит. 234
 su др.-в.-нем. 184
 suinus лат. 184
 sula ст.-польск. 77
 sunit лит. 99, 101
 suns лит. 101
 sus лат. 184
 swein гот. 184
 szczubiel польск. 253

- szczupak польск. 253
- tamma фин. 281
 tarrara фин. 300
 t'е/or-u- 262
 torič чеш. 275
 treffen нем. 233
- uče, uča кубачк. 283, 284
 uči, urči варкунск. 283
 ūpasti- др.-инд. 220
 ūг венг. 293
 urāš морд. 287, 293
 urci варкунск., кавк., кайтахск.
 283, 284
 urči чюркилинск. 283
 urho фин. 292
 uris морд. 282
 uris морд. 281
 uro фин. 287, 291, 294, 295, 304
 uroh фин. 282, 287
 uroine ижорск. группа 291, 294, 295
 uroinen фин. 295
 uroisa фин. 292, 295, 304
 urokki фин. 295
 urokse фин. 282
 uros фин. 287
 urosi морд. 292
 urōs фин., морд. 287, 292
 uros-koira фин. 295
 uros-porsas фин. 295
 urottšu фин. 295
 urs тагаурск. 283
 urs осет. 284, 285, 286
 uz коми-зыр., удм. 283, 285, 286
 už фин. 286
 ūru чагатайск. 281
 ūrū фин. 281
 ūrū, ūrū венг. 281
- vaikas лит. 245
 vaks лтш. 223
 valakka фин. 301
 vares фин.-саам. 281
 varjes саам. 281
 varsa фин. 285
 varšan- авест.
 varšni- авест. 284
- varšniš авест. 286
 vasa фин. 124, 285
 veden фин. 294
 věкъ сл. 245
 veros коми 282
 verres лат. 286, 287
 versis лтш. 286, 286, 287
 veřšis лит. 285
 veřšzis лит. 286, 287
 vesi фин. 294
 vioires саамск. 285
 vjāreg саамск. 287
 voka лит. 223
 voř ст.-чеш. 129
 vork зап.-лив. 283
 vorki лив. 281, 283
 vořkki фин. 289
 vōřkki ливск. 293
 vōřkki ливск. 291
 voro карел. 300
 vřša др.-инд. 287
 vřšabhá- ведийск. 286
 vrsan- др.-инд. 124
 vřšan- др.-инд., авест. 284, 285
 vřšan- санскр., ведийск., др.-инд.
 286, 287, 297
 vřšana- др.-инд. 286
 vřšni др.-инд. 286, 298
 vřšni- санскр. 284
 vřšniš др.-инд. 286
 v'ořkki ливск. 291
 vurs осет. 284, 286
 vur' укр. 126, 127
- woř чеш. 118
 wur' укр. 126, 127
 wurs южн. 283
 wurz осет. 285
 wæpen др.-англ. 297
 wæpned др.-англ. 297
- yir чуваш. 281
- zavaiti авест. 71
 zavēt лтш. 71
 zjar алб. 67, 70
 znajq ст.-сл. 70
 znati ст.-сл. 70

- zondek голланд. 35, 36
 zrėti ст.-сл. 70
 zuk сербск., ц.-сл., в.-луж., н.-луж.
 73
 zuknus в.-луж., н.-луж. 73
 žadas лит. 76
 žadejimas лит. 76
 žadėti лит. 76
 žadinỹs лит. 76
 żądło польск. 165, 170
 žaisrus лит. 67, 69
 žarįja лит. 67
 žarijos лит. 67
 žarajos лит. 70
 žaruoti лит. 69
 żędło польск. 165
 ženq ст.-сл. 70
 žeravъ ст.-сл. 70
 žerdž в.-луж. 149
 žerėti лит. 67
 žiburỹs лит. 68
 žnaibyti лит. 73
 žultis лит. 71
 ἄκων др.-греч. 230
 ἀποζέω греч. 250
 ἀρσην др.-греч. 297
 ἀστήρ греч. 230
 ἄστρον греч. 230
 βέλος др.-греч. 231
 βολίς др.-греч. 231
 βολή др.-греч. 231
 βρέτος греч. 142
 δαίωμα греч. 198
 δαρυλλος макед. 257
 дрυс др.-греч. 257
 ζηλος др.-греч. 226
 θερос греч. 68
 θερμος греч. 70
 θεрос др.-греч. 67
 ἵππος греч. 281
 κέλωρ греч. 248
 ξάρρην греч. 286
 ξέω греч. 250
 ξέσμα греч. 250
 ореўс греч. 280
 ὄρχις др.-греч. 298
 ὄρχи-с греч. 286
 прѣдо греч. 76
 σταυρός греч. 84
 σταυρός греч. 84
 та дрυца др.-греч. 257
 χυίει греч. 76
 *белокорый 135, 140
 *белоскорый 140
 *бурскать 91
 *бурхать 91
 *верблюжь 188, 189
 *говядо 49
 *говяжина 58
 *горлолопъ 79
 *горлопъ 79
 *дичий 48
 *знить 76
 *кноръ 130
 *козлий 49
 *козля кожа 49
 *коломысль(о) 177, 178
 *корчегар 276
 *кочегарь 275
 *кълдати 95, 96
 *кънорзъ 130
 *къркъ 279
 *кърмисло 179
 *кърмь(а)о 182
 *кърчиги 279
 *кърчь(а) 279
 *лебедные 187
 *мертвечий 49
 *обвѣдъ 215, 216
 *обечай 223
 *обечь 222
 *обиседа 211
 *обисѣда 207, 208, 214—217, 230
 *объед 191
 *ор- (лит. ар) 205
 *оружъ 130

- *острѣла 230
 *острѣти 230
 *осьминожий 48
- *палтусий 49
 *престолица 87
 *прикорнти 183
- *семожка 48
 *семожный 48
 *семуга/сѣмуга 48
 *семъга 48
 *сѣмжий 48
 *стрекла 235
 *стрѣло 235
 *студенец 23
 *сърѣсти 233
- *хагъь 88
 *хор 89
 *хоробрый 89
 *хорость 88, 89
 *хорощь 88
 *хогъь 88
- *щпылий 190
- *чертвертик 62
 *четвертица 62
- *щеколотька 93
 *щикалка 92
- *юр- 133
- *akmen 233
 *ambhi- 207
- *bьlt- 96
- *cip-cip 189
 *čakati 244
 *čel'adъ 245
 *čelo 245
 *čelověkъ 245
 *čьrmysly 178, 181
 *čьrsti 182
 *čьrt- 253
- *dent=ь_ъ 165
 *der- 259, 261
 *doiti 35
 *dogъ 261
 *dōgu 258
 *dьrati 261
- *ebhi- 205
 *ēd- 194
 *epi- 205
 *er-, or-, r- 131
 *ergh- 126
 *erzilas 131
- *ga- 93
 *gavьriti 93
 *gel- 270
 *geil- 269, 270
 *geldlo 165
 *geul- 269, 270
 *g^(h)ord^(h)-o 143
 *g^(h)rd^(h)-o- 142
 *g^(h)urd^(h)-o- 142
 *g^[h]erd^[h]- 144
 -*gh 131
 *gher 69, 70, 143
 *gher-dh- 143
 *ghordh-/ghord- 145
 *ghordhos 144
 *ghortos 143
 *ghrdhis 144
 *ghrdhos 145
 *gobigъ 74
 *gobьzъ 74
 *gord-/*zord- 143
 *gordъ 143, 274
 *gorditi *макед., сербохорв., словен.*
 161
 *gorditi se *макед., сербохорв., словен.*
 161
- *gqsla 163
 *gqslarъ 162, 163
 *gqslъ 163
 *gověti *слав.* 71
 *greud- 155
 *groud- 155
 *grud- 155
 *grustiti 142

- *grustь 142
 *guhel-/*ghel- 71
 *g^uher 67, 69, 70
 *g^uhou-/*ghou- 71
 *gьld- 96
 *гьръ 142
 *гьрд-/*гьрд-/*gord-/*zord-/*zerd-
 143
 *гьрдити 157
 *гьрдъ 142, 143, 153, 155, 156, 160

 *hnergeln 99, 101

 *ka-/ko- 93
 *kamen- 233
 *kecut- 252
 *kelo 247
 *kenroz 103
 *kes- 250
 *kēsksati 244
 *kēsksnonti 244
 *kēssknonti 244
 *keury 252
 *kienroz 103
 *kjanroz 103
 *kпaръ 101
 *knop 100
 *knorzъ 101
 *koča 277
 *kočer(a/ъ) 277
 *koHk- 244
 *kolm- 97
 *kolma 97
 *kolmъ 97
 *kolmoъ 97
 *kopraz 103
 *kork-o-točъ 108
 *kos- 109
 *kqdeъ 110
 *кицька 77
 *kunroz 103
 *кьld- 96
 *кьlt- 96
 *кьп- 109, 112, 133
 *кьпъ 107
 *кьпoръ 99, 101, 102, 104, 105,
 107, 108, 109, 114, 115, 131,
 133

 *кьпогъ(ь) 131, 133
 *кьпогъ 131
 *кьрма 179
 *кьрmitи 181
 *кьрmysъ 176, 181
 *кьрпoръ 98, 101, 102, 115
 *кьрnosti 182
 *кьрпъ 101, 182
 *кьрčetyкъ 274
 *кьрčъ 273
 *k^oas- 244
 *k^oas-l-i-o 244
 *k^oes- 244
 *kom- 113
 *kūnorghos 114

 *leudh- 249

 *пoръ/*неръ 100

 *ob(ī/ī)- 205
 *obhi 208
 *obhi- 203, 207
 *obi- 205, 207
 *obvьdъ 198
 *obъdo 205
 *or- 130, 131
 *orati 119
 *orgh-, ergh-, rgh- 98, 102, 126,
 131, 132
 *orgh- 113, 120, 126, 130—132
 *Oriinsaari 289
 *oris 125
 *oriz 286
 *oriž, orzi 125
 *otъ 119
 *orsi 125
 *orti 132
 *orz- 106, 128, 133
 *orzъ 101, 102, 105, 106, 116, 126
 *orz(ь) 116
 *oгъ 116, 117, 129, 132, 133
 *ostrēti 230, 231
 *ostгъ 230
 *oтъ 47
 *oтъсь 47
 *oтъкъ 47

- *Pfeifl 232
 *p^(h)erk^(h)u- 257
 *p^hoh(i)- 216
 *ponositi (se) 159, 161
 *porg- 244
 *porz 100

 *sed- 219
 *ske- 93
 *(s)ke-/(s)ko-/(z)ge-/(z)go- 96
 *sker-/*skor- 88
 *skeurbъ 252
 *sko-/*zgo-, *ske-/*zge-, *skō-/*zgō-,
 *skē-/*zgē 93
 *(s)kor-bh- 89
 *(s)kr-ek- 279
 *(s)křk- 271, 272
 *sku-/skou-/skeu- 252
 *skъrb-/*skъrb- 89
 *stergti 234
 *strēkti 234
 *strēla 230
 *suinos 185
 *sus 184, 185
 *svinъ 184, 185
 *съногъ 111

 *śstъ 251
 *t'ahp^hl 197
 *t'e/or- 261, 262
 *t'e/oru- 256, 257, 260—263
 *t'r- 261, 262
 *t're/ou- 256, 257, 260—263

 *voditi 119
 *vodjъ 119
 *vrati 93
 *vriti 93
 *vĕd- 194
 *vurši- 287
 *vъ, къ, съ 206
 *vъn, къn, съn 206
 *vъzstati 217

 *žegati 169
 *žegti 169
 *žęgti 170
 *žengtі 169
 *zerdme 143
 *zordъ 143 274
 *zъrdъ 142

 *δαίς 198

Первые издания публикуемых работ

Финское *ORI* «жеребец» — восточнославянское заимствование? // *Studia Slavica Finlandensia*. Т. IV. Helsinki, 1987. С. 113—142.

Некоторые аспекты реконструкции индоевропейских гуттуральных // Lietuvos TSR auk' stuju mokyklu mokslo darbai. Baltistica = Уч. зап. высш. учеб. заведений Лит. ССР. Балтистика. Vilnius, 1989. № 3. С. 134—146.

Балтийские и славянские продолжения и.-е. **org^h-*. Статья I: лит. *išrza* и прасл. **kьnorzъ* // *Lingistica Baltica*. 1994. № 3. С. 197—206 (Польша).

Доярка под зонтиком // *Русская речь*. 1995. № 1. С. 117—120.

Студенческий этюд // *Русская речь*. 1997. № 1. С. 108—111.

Медвежата, верблюжата, цыплята и свинья : славянские этимологии // *Этимология*. 1994—1996. М., 1997. С. 95—100.

Балтийские и славянские продолжения и.-е. **org^h-*, **erg^h-* лит. *arszùs*, *erszìlas* и прасл. **kьnorъ*, **orъ* // *Acta Baltico-Slavica*. 24. SOW. Warszawa, 1999. С. 19—32.

О вторичности значения 'дерево' в и.-е. праязыке // *Этимология*. 1997—1999 : к 70-летию Олега Николаевича Трубачева. М., 2000. С. 70—76.

Научная и народная этимология 1. «*Студенческий*» и «*немецкий*» // *Материалы по русско-славянскому языкознанию* : межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 25. Воронеж, 2000. С. 124—133.

Научная и народная этимология 2. *Обечайка, обечка, обечье* «обод, обруч» // *Материалы по русско-славянскому языкознанию* : межвуз. сб. науч. трудов. Вып. 25. Воронеж, 2000. С. 133—135.

Славянские этимологии: *жало* и *дятел* // *Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация»*. 2001. № 1. С. 54—58.

К словообразовательной семантике существительных на *-ин(а)* // *Актуальные направления функциональной лингвистики* : материалы Всерос. науч. конф. «Языковая ситуация в России конца XX века» (г. Кемерово, 1—3 декабря 1997 г.). Томск, 2001. С. 84—96.

О синхронии-диахронии в словообразовании : (на примере существительных на *-ина* со значением «мясо животного») // *Гуманитаризация обучения и актуальные проблемы лингвистики* : межвуз. сб. науч. трудов. Воронеж, 2001. С. 21—39.

Рефлексы и.-е. *(s)krk-* в русских диалектах // *Материалы и исследования по русской диалектологии. I (VII)* : к 100-летию со дня рождения Р. И. Аванесова. М., 2002. С. 332—339.

В. И. Даль как этимолог : (на примере интерпретации отнумеративных прилагательных в «Словаре живого великорусского языка») // Владимир Иванович Даль и современные филологические исследования : сб. науч. работ. Киев, 2002. С. 193—197.

«Обед» и «беседа» : славянские этимологии // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2002. № 1. С. 24—43.

О человеке и его «этимологическом остатке» // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности : сб. науч. трудов / ред. Л. И. Гришаева, Т. Г. Струкова. Воронеж, 2002. С. 162—166.

Был ли Садко *гусяром*? // Единицы и категории языка в антропоцентрическом и функционально-коммуникативном освещении : к 75-летию профессора В. В. Шеулина. Липецк, 2003. С. 224—227.

Из славянских этимологий: *ужинать, ужин* // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2003. № 1. С. 68—70.

Этимология глагола *карабкаться* и родственных ему слов // Проблемы изучения живого русского слова на рубеже тысячелетий : материалы II Всероссий. науч.-практ. конф. Ч. I. Воронеж, 2003. С. 31—35.

Откуда и куда летит *стрела*? // Общеславянский лингвистический атлас : материалы и исследования. 1997—2000 : сб. науч. трудов. М., 2003. С. 138—142.

Почему дубина *стоеросовая*? // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2003. № 2. С. 42—44.

Этимологические связи как национальное достояние // Этногерменевтика и антропология / отв. ред. Е. А. Пименов, М. В. Пименова. Landau: Verlag Empirische Paedagogik, 2004. (Серия «Этногерменевтика и антропология». Вып. 10. Издатели серии Х. Бартель, Е. А. Пименов). С. 30—32.

Этимология *хорошего* // Филологические записки : Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 20. Воронеж, 2004. С. 175—177.

Славянские этимологии: *коромысло* {кър=н=Ø=м=й=сл_о} // Вестник ВГУ. Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 2. С. 61—64.

Славянские этимологии: *белокурый* // Филологические записки : Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 24. Воронеж, 2006. С. 177—185.

Славянские этимологии: вост.-слав. *щиколотка* и однокоренные // Ad fontes verborum. Исследования по этимологии и исторической семантике : к 70-летию Жанны Жановны Варбот. М., 2006. С. 169—172.

Гордый: славянская этимология // Этимология. 2006—2008. М., 2009.

Публикации, не вошедшие в монографию

Балто-славянские рефлексы корней **g^{nh}er-* **g^her-* и проблема индоевропейских гуттуральных // Международная конференция балтистов, 9—12 октября 1985 г. : тезисы докладов. Вильнюс, 1985. С. 175.

Поверить гармонией алгебры : (балто-славянские рефлексы и.-е. **orġ^h-* и **erġ^h-*) // VI Международный съезд балтистов, 2—4 октября 1991 г. : тезисы докладов. Vilniaus universiteto leidykla, 1991. С. 12—13.

Suomen *ori-sanan* etymologiasta // Virittaja. 1992. № 1. С. 80—84.

«Время» в лексико-семантических системах литературных языков славян // Материалы III Международного семинара «Славянская культура в современ-

ном мире» / Центр славистики, Киевский государственный лингвистический университет. 1994. С. 165—166.

Хинова и Деремела : (по поводу статьи Г. Ф. Ковалева «Этнонимия “Слова о полку Игореве”») // Вестник ВГУ. Серия 1, Гуманитарные науки. 2000. № 2. С. 20—27.

СКОМОРОХ : к пониманию терминов традиционной культуры // Философские и прикладные аспекты герменевтики : сб. науч. трудов / отв. ред. А. С. Кравец, Е. Н. Ищенко. Воронеж, 2003. С. 180—184.

Прогностические возможности матрицы открытий в лексико-семантической системе // Проблемы лингвистической прогностики : сб. науч. трудов / под ред. А. А. Кретьова. Воронеж, 2004. Вып. 3. С. 108—129.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
I. Принципы этимологического исследования	5
Этимологические связи как национальное достояние	5
Суффиксальный стык: прошлое в настоящем	8
Студенческий этюд	18
Научная и народная этимология	22
Доярка под зонтиком	33
О синхронии-диахронии в словообразовании	37
В. И. Даль как этимолог	60
Некоторые аспекты реконструкции индоевропейских гуттуральных	64
II. Восточнославянские этимологии	79
Этимология существительных <i>горлопан</i> и <i>фордыбака</i>	79
Этимология глагола <i>ругать</i>	81
Почему дубина <i>стоеросовая</i> ?	82
Этимология существительного <i>столица</i>	86
Этимология прилагательного <i>хороший</i>	88
Этимология глагола <i>шебаршить</i> — <i>шебуршать</i>	90
Этимология существительного <i>щиколотка</i> и однокоренные ...	92
III. Славянские этимологии	97
Этимология праславянского <i>*kolmъ</i> , <i>*kolma</i>	97
Этимология праславянских <i>*kъnorzъ</i> , <i>*kъnorъ</i> , <i>*orjъ</i>	98
Этимология прилагательного <i>белокурый</i>	133
Этимология прилагательного <i>гордый</i>	141
Был ли Садко <i>гусяром</i> ?	162
Этимология существительных <i>жало</i> и <i>дятел</i>	165
Этимология глагола <i>карабкаться</i> и родственных ему слов ...	171
Этимология существительного <i>коромысло</i>	176
Этимология существительных <i>медвежата</i> , <i>верблюжата</i> , <i>цыплята</i> , <i>свинья</i>	184
Этимология существительных <i>обед</i> и <i>беседа</i>	190

Этимология существительных <i>обечайка, обечка, обечье</i> 'обод, обруч'	222
Этимология существительного <i>пескарь</i>	223
Этимология прилагательного <i>присный</i>	225
Что значит <i>ревновать?</i>	226
Этимология существительного <i>ряшка</i>	229
Этимология существительного <i>стрела</i>	229
Этимология слов <i>ужинать, ужин</i>	236
Этимология существительного <i>упражнение</i>	242
Этимология глагола <i>чахнуть</i>	244
О слове <i>человек</i> и его «этимологическом остатке»	245
Этимология существительных <i>шест</i> и <i>шестерня</i>	250
Этимология слов <i>щур, щурить, щука</i>	251
IV. Индоевропейские этимологии	256
О вторичности значения 'дерево' в индоевропейском п्रायзыке	256
Рефлексы индоевропейского корня <i>*geul-/goul-/gul-</i> в русских диалектах	264
Рефлексы и.-е. <i>*(s)kr̥k-</i> в русских диалектах	271
V. Varia	280
Финское <i>ori</i> 'жеребец' — восточнославянское заимствование?	280
Послесловие	305
Литература	306
Указатель этимологически интерпретированных слов	326
Первые издания публикуемых работ	358

Н а у ч н о е и з д а н и е

Кретов Алексей Александрович
СЛАВЯНСКИЕ ЭТИМОЛОГИИ

Монография

Редактор *З. С. Фоменко*

Художественный редактор *Е. В. Ткачёва*

Электронная верстка *Л. О. Мещеряковой, К. П. Пенского*

Корректоры *М. С. Исаева, М. Г. Щигрёва*

Подп. в печ. 07.08.2009. Форм. бум. 60×90/16
Бумага офсетная № 1. Офсетная печать
Усл. п. л. 22,75. Уч.-изд. л. 20,5. Тираж 150. Заказ 2383

Издательство Воронежского государственного университета
394000 Воронеж, ул. Ф. Энгельса, 8

Отпечатано с готовых диапозитивов
в типографии ИПЦ Воронежского государственного университета
394000 Воронеж, ул. Пушкинская, 3